

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА # 1

# АНДРЕАС ГРУБЕР

# СКАЗКА О СМЕРТИ

ЭТО ДЕЛО ВЕДУТ САМЫЕ ЛУЧШИЕ СЛЕДОВАТЕЛИ.  
НО УБИЙЦА ПОЧЕМУ-ТО ВСЕГДА НА ШАГ ВПЕРЕДИ...

## Annotation

В Берне обнаружен труп женщины с загадочным символом, который убийца вырезал у нее на груди. Однако это не единственная его жертва. Голландский профайлер Мартен С. Снейдер и комиссар БКА Сабина Немез открывают охоту на преступника, но кажется, что убийца всегда на шаг впереди. Между тем молодой специалист в области психологии Ханна приезжает в «Штайнфельз», тюрьму для преступников с психическими отклонениями. Она должна проводить сеансы групповой терапии. Но ее интересует один-единственный заключенный – Пит ван Лун. Когда-то Снейдер упрятал его за решетку. Так и опытные следователи, и начинающий психолог оказались втянуты в дьявольскую игру, в которой не будет победителя.

---

- [Андреас Грубер](#)
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
  - [Часть вторая](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [Часть третья](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
- [Часть пятая](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)

- [Часть шестая](#)
    - [51](#)
    - [52](#)
    - [53](#)
    - [54](#)
    - [55](#)
  - [Часть седьмая](#)
    - [56](#)
    - [57](#)
    - [58](#)
    - [59](#)
    - [60](#)
  - [Часть восьмая](#)
    - [61](#)
    - [62](#)
    - [63](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарность](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
-

# Андреас Грубер

## Сказка о смерти

*Посвящается  
Хайдемари  
Спасибо за  
последние  
девятнадцать лет.*

*«Наш злейший  
враг – это мы  
сами».*

*Пословица*



# Пролог

## *Пятью годами ранее*

Мартен С. Снейдер стоял на утесе и не отрываясь смотрел на море. Брызги от волн, разбивавшихся о скалы, подлетали так высоко, что он ощущал легкую соленую морось на лице. Утреннее солнце еще пряталось за туманом, но ветер уже начал проделывать первые прорехи в серой массе.

В небе над Снейдером пронзительно кричали чайки. Их что-то напугало. Он посмотрел вниз на маленькую пристань, где также располагалась железнодорожная станция острова-тюрьмы Остхеверзанд. По узкой горной дороге, которую он час назад одолел пешком, как раз поднималась машина. Автозак. В нем везли трех заключенных, но Снейдера интересовал только один из них.

Он щелчком отбросил окурок в скалы. Несколько секунд пахло марихуаной, а потом в воздухе остался лишь привычный запах морских водорослей, птичьего помета и мидий, облепивших скалы и омываемых пенящимися морскими волнами.

Снейдер отошел от скал и спрятался в тени высокого здания, стоящего позади него. В следующий момент подъехал автозак и, хрустя гравием под колесами, остановился у ворот.

Из здания исправительного учреждения вышли два сотрудника в униформе. Без огнестрельного оружия, но с тазерами, газовыми баллончиками и дубинками. По их лицам Снейдер понял, что – если потребуется – они без колебаний жестоко изобьют заключенных. Здесь не было туристов, снимающих видео на мобильные телефоны.

Дверь автозака открылась – сначала из машины вылезли двое мужчин в униформе, следом за ними трое заключенных в серых комбинезонах. На ногах у них были кандалы, двое держали перед собой закованные в наручники руки. Третий также был в наручниках – правда, руки ему сцепили за спиной. Вот из-за этого мужчины Снейдер и приехал сюда. Он должен был убедиться, что того действительно

упрячут – и навсегда – в это специальное заведение: тюрьму строгого режима для преступников с психическими отклонениями.

Снейдер сделал шаг вперед, обратился к сотрудникам и указал на Пита ван Луна:

– Вам стоит посильнее затянуть ему наручники. И проверьте его рот.

– Уже проверили. Мы делаем это не в первый...

– Я тоже! – перебил Снейдер мужчину. – Осмотрите его жевательные зубы! – Он уже сталкивался с самыми невероятными тайниками у заключенных.

– Да, сделаем, – вздохнул мужчина.

Охранники обменялись какими-то документами, затем заключенных провели к воротам, где их встретил персонал тюрьмы.

– Будете говорить, когда вас спросят. И двигаться только по приказу. Поняли? – прорычал один из сотрудников. – А теперь вперед!

Никто из заключенных не кивнул, но двое последовали указаниям. Кроме одного. Пита ван Луна.

«Да входи же!» – подумал Снейдер, но Пит по-прежнему не шевелился. Просто стоял там – повел носом, посмотрел вниз на воду и глубоко вдохнул, словно хотел еще раз насладиться соленым морским воздухом. В этот момент пелена тумана полностью разошлась, и море заблестело на солнце. Ван Лун медленно повернул голову и взглянул на Снейдера. При этом порыв ветра растрепал его светлые волосы, так что пряди упали ему на лоб. Он произнес одно предложение на голландском, которое ветер подхватил и донес до Снейдера.

– Молчать! – прикрикнул один из охранников. Ван Луна схватили за предплечья и подтолкнули вперед.

Тот еще раз обернулся к Снейдеру и едва слышно что-то ему прошептал. Снова по-голландски. Лишь по губам Снейдер понял, что было сказано. В следующий момент Пит ван Лун исчез за воротами.

После того как охранники из автозака вошли в здание тюрьмы и ворота заперли, из машины вылез водитель, размял ноги и подошел к Снейдеру.

– Это вы Мартен Снейдер?

– Мартен С. Снейдер, – исправил тот и вставил в рот очередную сигарету.

Водитель сунул руку в карман куртки и вытащил узкий конверт, который протянул Снейдеру.

– Один из заключенных попросил меня передать вам это.

Белоснежный конверт был аккуратно заклеен. Ни отправителя, ни получателя.

– Который? – спросил Снейдер, хотя уже знал ответ.

– Высокий голландец с широкими плечами.

– Спасибо.

– А откуда он знал, что вы здесь будете?

– Он не знал. – Снейдер, не распечатывая, сунул конверт во внутренний карман пиджака.

– Не хотите открыть?

– Возможно, я никогда его не открою, – ответил Снейдер. – Вы сейчас поедете обратно вниз? На пристани меня ждет катер.

Мужчина кивнул.

– Мне сказали забрать вас. Но в машине запрещено курить.

Снейдер уставился на тлеющий косячок.

– То, что я курю, везде запрещено.

– Я так и подумал. – Водитель приподнял брови. – Что сказал вам мужчина?

Снейдер медленно выпустил дым через ноздри и прищурился.

– «Мы с тобой еще не закончили», – перевел он. – Остальное не важно.

Снейдер выбросил сигарету и забрался в автозак.



**Часть первая**  
**Берн... Сегодня**

*Четверг, 1 октября*

Свинцово-серые воды реки Аре лениво текли через город, закручиваясь вокруг массивных опор старых каменных мостов. Как только солнце поднимется над лесистой горой, на которой стоит замок, река заиграет бирюзой.

Рудольф Хоровитц обожал этот вид. Укутавшись в стеганое одеяло, он сидел перед открытым окном своей квартиры и смотрел на гору. До этого дня осень была скорее теплая. Но скоро все изменится. В новостях сообщили о надвигающемся холодном фронте. Тогда его старые кости снова зануют. Он поднял воротник свитера и наклонился ближе к окну. Хоровитц любил свежий запах раннего утра. Прежде он каждый день выходил на пробежку перед первой чашкой какао, но пять лет назад перестал. Теперь он проводил утренние часы по-другому.

Он сунул руку в бумажный пакет, достал хлебные крошки и бросил воркующим голубям, которые расхаживали по балконному ограждению его соседа этажом ниже. Тот ненавидел его за это, чему Хоровитц радовался. Для того, кто бил свою молодую жену, голубиный помет на балконе – меньшее, чего он заслуживал.

Сотовый телефон Хоровитца зазвонил. Он мельком взглянул на дисплей, но торопиться не стал. Он знал этот номер. Если звонит Бергер, значит, все хреново. Бросив голубям еще одну горсть хлебных крошек, он нажал на кнопку.

– Хоровитц, – буркнул он.

– Доброе утро, – поприветствовал его Бергер. – Полагаю, ты очень занят.

– Как всегда. – Хоровитц высыпал оставшиеся в бумажном пакете крошки из окна. Один любопытный голубь даже запрыгнул на его карниз. Хоровитц прогнал птицу. «Внизу хоть все засри. Но не здесь.

– Можешь подойти к мосту у нижних ворот? – спросил Бергер.

– Я больше не на службе.

– Знаю, но... ты нам нужен.

– Мне потребуется довольно много времени, чтобы туда добраться.

– Машина уже на пути к тебе. Большой удобный вэн. Твои бывшие коллеги тебя заберут.

– Похоже, вам сильно приспичило.

– Когда увидишь, поймешь почему. До скорого.

Хоровитц закрыл окно, затем поехал на своем инвалидном кресле в гостиную и достал из старого пыльного чемодана камеру и диктофон.

Мост у нижних ворот, самый старый каменный мост в Берне, был построен в пятнадцатом веке. Он состоял из трех массивных арок, которые тянулись над рекой Аре и связывали центр города, расположенный на узком длинном полуострове, с другим берегом.

Пожарная служба соорудила рядом с мостом металлическую платформу на опорах, стоящих в реке. Движение по мосту было закрыто, и транспорт направляли в объезд. Территория вдоль берега тоже была перекрыта, чтобы зеваки и любопытствующие не мешали работе уголовной полиции. Но нельзя было запретить людям пялиться из окон или стоять на своих террасах и рассматривать в бинокль мост и возведенную рядом конструкцию. В Интернете наверняка уже появились первые видео.

Хоровитц проехал в инвалидном кресле через открытую сдвижную дверь полицейского минивэна, спустился по рампе и был тут же встречен Бергером. На том был костюм, галстук, черное стеганое пальто, а на висках – с тех пор как Хоровитц видел его пять лет назад – появилась седина.

– По какому поводу такой нарядный? – спросил Хоровитц, который не успел переодеться и так и остался в вязаном свитере и коричневых фланелевых штанах.

Бергер проигнорировал комментарий.

– Доброе утро, Рудольф, – лишь сказал он.

– Боже мой, как ты постарел, – пробормотал Хоровитц. Бергер держал себя в руках.

– Да, я тоже рад тебя видеть. – Вообще-то он мог сказать что угодно, потому что, будучи прокурором кантона Берн, не был обязан

ни перед кем отчитываться. Но похоже, с годами он стал спокойнее.

Вместо того чтобы ввязаться в словесную перепалку с Хоровитцем, Бергер указал на молодого, лет тридцати, полицейского, который стоял рядом с ним и, очевидно, руководил следствием.

– Это начальник комиссариата Рюти из федпола.

Хоровитц прищурился. Федеральная полиция?

– А что с экспертно-криминалистическим отделом кантона Берн?

Бергер помотал головой.

– Не в его компетенции. Я сразу поручил расследование федполу.

Хоровитц кивнул. Уголовное управление федпола расследовало напрямую лишь в тех случаях, когда дела обстояли совсем плохо или когда времени в обрез и прокуратуре необходимо было избежать бюрократических формальностей.

Молодой мужчина с рыжими волосами, веснушками и торчащими ушами был одет в удобные джинсы и ветровку. Он протянул Хоровитцу руку, которую тот, однако, не пожал.

– Приятно с вами познакомиться, рад, что вы нашли время...

– Скажи парню, чтобы перестал лизать мне задницу. Бергер посмотрел на своего молодого коллегу и едва заметно покачал головой.

– Он не любит здороваться за руку.

– Понимаю. – Рюти отвел руку.

Бергер снова обратился к Хоровитцу:

– Даже на пенсии ты остаешься лучшим профайлером и знаешь психологию всех серийных убийц. Поэтому я хотел попросить тебя немного...

– Вы считаете, что действовал серийный убийца?

Бергер взглянул в сторону моста.

– Очень похоже на то. Я много чего повидал, но такого никогда. Пока устанавливали платформу, мы с людьми из федпола обсуждали место преступления и на лодке обследовали каждый уголок. Но так и не поняли.

Хоровитц вопросительно взглянул на него.

– Чего не поняли?

– Чего добивается убийца? Почему здесь? Почему так? Почему сегодня? И почему именно эта жертва?

– Давайте посмотрим, – предложил Хоровитц. Бергер сунул руки в карманы пальто и посмотрел в сторону своего автомобиля на другой

стороне дороги.

– Криминалисты как раз начали работать, – объяснил он. – Я бы с удовольствием сопровождал тебя к месту преступления, но мне нужно на пресс-конференцию.

– По этому поводу?

– Да, по этому. Рюти тебе все покажет. Вы наверняка найдете общий язык.

– Обязательно, – проворчал Хоровитц. – У меня полная свобода действий?

– Да. Я должен идти. – Бергер коротко сжал Хоровитцу плечо. – Спасибо. – Затем бросил Рюти успокаивающий взгляд и поспешил прочь.

Хоровитц смотрел вслед Бергеру – как тот направился к своей машине и, сделав несколько шагов, уже взволнованно заговорил что-то в сотовый телефон.

– Все время в стрессе, – вздохнул Хоровитц. – Хотите знать, скучал ли я по этой работе? Нет, ни одной минуты. – Он с нетерпением посмотрел на Рюти. – Ну?

– Мне отвезти вас туда?

– Нет, черт возьми, принесите мне стаканчик горячего какао. И побольше молока и меда, чтобы ложка стояла. Мне необходим сахар, когда я думаю.

– Я был приветлив с вами лишь потому, что вы легенда и хороший друг прокурора Бергера, но я вам не...

– Побольше молока и меда, – повторил Хоровитц.

Рюти продохнул.

– Я не знаю, где... То есть...

Хоровитц огляделся. Кафе еще не открылись.

– Ладно, забудьте, – пробурчал он. – Пойдемте со мной.

Он развернул инвалидное кресло, несколькими резкими движениями направил его к рампе и с размаху заехал передними колесами на платформу. Под мостом был пришвартован катер речной полиции, и двое сотрудников устанавливали на корме штатив для прожекторов.

Еще один мощный рывок – и кресло-коляска Хоровитца всеми четырьмя колесами оказалось на платформе у первой арки моста. С тех пор как пять лет назад он оставил службу и пересел в инвалидное

кресло, его когда-то мускулистые ноги превратились в тоненькие палочки. С самого начала он намеренно отказался от электропривода, который ему наверняка бы оплатило Федеральное ведомство полиции. Не желал зависеть от аккумулятора или быть обездвиженным из-за короткого замыкания, он хотел сам распоряжаться своей судьбой. За короткое время его руки стали сильнее, а на ладонях образовались грубые мозоли. Так что можно сказать, он был в лучшей физической форме, чем многие семидесятилетние – по крайней мере, выше пояса.

Хоровитц докатил до первой арки из массивного камня и остановил кресло-коляску. Здесь пахло затхлой водой. Несколько ворон сидели на балочном перекрытии под сводом, другие в возбуждении кружили вокруг. Хоровитц проехал по металлическому помосту в тень моста. Мгновенно повеяло прохладой, но настоящее внутреннее оцепенение Хоровитц испытал при виде трупа. От него исходил совсем другой холод, который перехватывал горло.

На месте уже работали фотограф, судмедэксперт и два криминалиста в белых комбинезонах. На мгновение свет прожектора ослепил Хоровитца. Один из мужчин как раз размотал провод с кабельной катушки. Здесь кипела работа и царило оживление, как на центральном вокзале.

– Знаете, что я думаю... – начал Рюти.

– Сколько вы уже в уголовной полиции? – перебил его Хоровитц, не отрывая глаз от трупа.

– Три года и один год в группе по расследованию убийств.

– Вы сможете что-то там себе думать, когда проработаете на этой службе двадцать лет, – отрезал Хоровитц. Сейчас этот чересчур рьяный паренек был нужен ему, как прыщ на заднице.

Хоровитц замороженно смотрел на спину убитой. Как убийца перенес ее сюда? И почему именно на это место?

Ворона пролетела низко над головой Хоровитца, едва не задев его. Хоровитц любил животных, но ненавидел ворон. Этих стервятников. Очевидно, труп висел здесь с ранней ночи, потому что воронье кое-где уже выклевало из него куски мяса.

На вид обнаженной женщине было около пятидесяти. Она висела на собственных длинных волосах, примотанных сверху к перекрытию моста. Одна ворона слетела с плеча трупа, привела его в движение, и



убитая развернулась лицом к Хоровитцу. Глаз у нее уже не было, черты лица обвисли... это лицо! Проклятье!

Он знал эту женщину. Теперь понятно, почему уголовная полиция торопилась и уже собрала пресс-конференцию.

– Твою мать, – вырвалось у него.

– Я хотел бы... – начал было Рюти.

– Не сейчас! – Хоровитц подъехал ближе. Что это на животе убитой? – У вас есть фонарик?

– Да.

– Давайте сюда! – Хоровитц вытянул руку, не отводя взгляда от трупа. Рюти дал ему фонарик, и Хоровитц направил луч света на живот трупа. – Твою мать, – снова прошептал он. От жуткого дежавю по спине пробежала дрожь, которую он ощутил бы и в пальцах ног, если бы по-прежнему чувствовал их. – Скажите своим людям, чтобы они немедленно прекратили работу, – приказал Хоровитц.

Рюти вытаращился на него.

– Чтобы они что сделали?

– О господи! – Хоровитц подъехал к парапетному ограждению платформы. – Эй, вы! Оставьте все и убирайтесь отсюда.

– Что? – крикнул один из мужчин.

– Вы глухой? – закричал Хоровитц. – Все слушайте меня! – Он хлопнул в ладоши. – С этого момента вы прикасаетесь лишь к тому, что принесли. Вы немедленно пакуете свои штативы, лампы и кабельные катушки и возвращаете все в первоначальное состояние. А затем покидаете место преступления, понятно?

– Послушайте, – сказал один из мужчин. – Я судебный медик и отвечаю за то, чтобы труп...

– Мне плевать, кто вы. Хоть президент Швейцарии. Соберите свое барахло и исчезните отсюда.

Мужчины уставились на него.

– А вы кто такой?

– Тот, кто раскроет это дело. Если вас что-то не устраивает, жалуйтесь прокурору. А теперь убирайтесь. – Хоровитц наклонился вперед в своем инвалидном кресле. – И вы из речной полиции тоже, – крикнул он вниз. – Немедленно! – Затем обратился к Рюти: – У вас наверняка есть телефон?

Рюти лишь кивнул. Видимо, он был слишком озадачен вспышкой гнева Хоровитца, чтобы протестовать.

– Бергер ранее сказал, что я лучший. – Хоровитц помотал головой. – Чистая ложь. Есть кое-кто лучше меня. – Он вытащил из портмоне визитную карточку, которую всегда носил с собой. – Забронируйте номер в первом классе отеля в Берне. Позаботьтесь о том, чтобы там не было комнатных растений, и отключите детектор дыма. А потом позвоните по этому номеру.

Рюти взял визитку и взглянул на адрес.

– Это немецкое БКА, Федеральное ведомство уголовной полиции в Висбадене.

– Вижу, вы умеете читать. – Голос Хоровитца сочился сарказмом. – Этот мужчина должен немедленно сюда приехать.

– Мартен Снейдер, – пробормотал Рюти.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Хоровитц.

– А почему никаких комнатных растений?

– Якобы они забирают у него кислород, необходимый для мыслительного процесса.

– А детектор дыма?

– Лучше не спрашивайте. Он нужен нам здесь. И пока он не придет, следите за тем, чтобы никто не находился на месте преступления и ни к чему не прикасался.

– А если он не сможет или не захочет приехать?

Хоровитц посмотрел в сторону трупа.

– Отправьте ему фотографию живота убитой. Тогда он наверняка придет!

*Среда, 23 сентября*

Характерный звук та-тамм, та-тамм идущего по рельсам вагона действовал успокаивающе. На каждом рельсовом стыке чемодан слегка подпрыгивал на багажной полке. В общей сложности поездка продлится всего десять минут – и половина пути уже позади.

Ханна сидела у окна и смотрела наружу. По обе стороны простиралось море. Поверхность воды была гладкая, как зеркало, а горизонт словно прочерчен по линейке. Солнце скрывалось за белыми облаками. Якобы так далеко на севере всегда облачно, особенно в начале осени.

Ханна посмотрела вперед на локомотив. Дамба делала небольшой поворот вправо, в который сейчас входил поезд. Вообще-то поездка немного пугала, потому что дамба была сооружена в 1927 году в самом узком месте шириной всего десять метров и, протянувшись на пять километров прямо над морем, соединяла материк с островом. Прошел уже почти век, а попасть на этот остров по-прежнему можно было только двумя способами: либо на поезде, либо на полицейском катере. Хотя, возможно, в этом и заключалась цель – идеальная безопасность.

Вдалеке показался скалистый остров, и Ханна прижалась лицом к стеклу. Остхеверзанд состоял из одних лишь крутых утесов и зеленого мха. Внизу, где вода билась о скалы, камни были темнее, а выше светлели. Некоторые скалы почти белели в солнечном свете. Затем появились маяк, пристань и маленькая железнодорожная станция.

Ханна поднялась, достала свой чемодан с багажной полки и вышла из купе. Поезд преодолел дамбу и въехал на островную железнодорожную станцию.

– Вам помочь, юная леди? – спросил проводник.

– Спасибо, не нужно. – Ханна открыла дверь. Таких старомодных складных дверей с выдвигающейся подножкой она не видела с детства. Казалось, что поезд, как и рельсовые пути, тоже откуда-то из начала прошлого века.

Ханна спустилась на перрон и через зал ожидания вышла на улицу, где наконец поставила чемодан на землю. Значит, вот как он выглядит, Фленсбургский фьорд, этот узкий залив в Балтийском море между Германией и Данией. На горизонте она даже могла разглядеть побережье Дании.

Чайки элегантно кружились над причалами маленькой пристани и вокруг маяка в красно-белую полоску – еще одного наследия прошлого века. Ханна задавалась вопросом, освещает ли он все еще по ночам морское пространство и если да, то виден ли луч света из ее комнаты. Лодок, во всяком случае, она не заметила.

Ханна посмотрела на часы. Почти восемь. Поезд пришел точно по расписанию. В этот момент по дороге стремительно спустилась машина, на полной скорости преодолела поворот и остановилась перед железнодорожной станцией. Из автомобиля вышел высокий подтянутый мужчина с широкими плечами и светлыми волосами до плеч. Он не заглушил мотор, и автомобиль – старый белый «фольксваген-жук» – продолжал тарыхтеть. Рукава рубашки у мужчины были закатаны, и он засунул большие пальцы за подтяжки. Льняные брюки были коротковаты, так что из-под штанин виднелись носки. В красно-белую полоску, под стать маяку.

Мужчина слегка раскачивался с пятки на носок.

– Вы Ханна Норланд? – крикнул он.

Невероятная догадливость. Все-таки она была единственная женщина, прибывшая на поезде.

– Да.

– Добро пожаловать на Алькатрас. Я отвезу вас в вашу квартиру. – Он целеустремленно направился к ней, но, подойдя, не взял у нее чемодан, а лишь сказал: – Положите ваш багаж на заднее сиденье, а я сейчас вернусь. – И без дальнейших комментариев прошел через зал ожидания к поезду.

Ханна услышала, как он заговорил с проводником. Она подошла к машине, опустила спинку пассажирского кресла и запихнула чемодан в салон. В следующий момент водитель уже вернулся со станции. На плече он нес мешок с почтой, который бросил к ее чемодану на заднее сиденье.

– Поезд курсирует только два раза в день и связывает остров с материком. – Он вытер ладонь о штаны и протянул Ханне: – Я Френк,

не Франк и не Фрэнк, а Френк через «е». Френк Бруно. – Он улыбнулся. – Моя мать меня так назвала. Наверное, хотела отомстить мне таким образом. Я ее потом изнасиловал и проломил череп. Но вам не нужно бояться. Это случилось давно, мне тогда было пятнадцать. С тех пор я изменился. Сейчас мне тридцать.

Ханна уставилась на него. Он что, серьезно? Во всяком случае, не похоже, что он ее разыгрывает. Вероятно, отсидел свой срок в тюрьме для малолетних преступников.

– А что насчет вас? – спросил он.

– Мне двадцать семь, – ответила она.

– Нет, я имею в виду, вы тоже кого-то убили?

– Нет, я никого не убивала, я здесь... по другой причине. – Она разглядывала Френка. «Хорошо» же все начинается.

Френк похлопал по крыше машины.

– Площадь острова два квадратных километра. Здесь всего пять машин. Одна принадлежит смотрителю маяка, остальные четыре – тюрьме. – Он запрыгнул в автомобиль. – Поехали, директор хочет вас видеть.

Ханна села в машину и захлопнула дверь.

Френк наклонился к ней и внимательно оглядел.

– Вы ничего не забыли?

Она вопросительно взглянула на него.

– Чаевые?

Он смотрел на нее с серьезным видом.

– Нет, пристегнуться! Директор придает большое значение безопасности. И взятки мне тоже брать нельзя!

Френк Бруно переключил передачу, развернулся перед станцией и поехал вверх по горной дороге.

Ханна пристегнулась. Этот мужчина срочно нуждался в терапии. А если даже водитель такой – что тогда с заключенными?

После поворота открылся вид на возвышенность прямо перед ними. В самой высокой точке острова располагалась «Штайнфельз» – тюрьма строгого режима для преступников с психическими отклонениями. Рядом находился корпус для сотрудников. Между зданиями тянулась липовая аллея, которая словно служила барьером между тюрьмой и свободным миром. Говорили, что даже в корпусе для сотрудников все окна зарешечены, но с такого расстояния Ханна не

могла этого разглядеть. Хотя зданию наверняка было не меньше семидесяти лет, тюрьму открыли здесь всего пять лет назад. «Штайнфельз» была экспериментальным проектом.

Ханна надеялась, что ее обучение оправдает себя. Все-таки она ждала этого момента пять лет. Теперь она наконец должна найти ответы.



### *Четверг, 1 октября*

Сабина Немез надела солнечные очки и направилась вдоль стеклянного фасада бассейна. Стекла изнутри запотели, а над гладкой поверхностью воды стелилась нежная дымка. В ближайший час начнется тренировка аквалангистов, и этой почти идиллической тишине придет конец.

В соседних аудиториях Сабина на протяжении двух последних лет проходила обучение по специальности «Полицейский аналитик». Эти помещения в висбаденском Гайсберге относились к Академии для особо одаренных молодых кадров – так Федеральное ведомство уголовной полиции БКА заботилось о том, чтобы у него не переводились специалисты. Учитель и наставник Сабины Мартен С. Снейдер, которого по праву боялись все студенты, взял ее на это время под свое крыло. Однако у Сабины было впечатление, что именно к ней и ее коллеге Тине Мартинелли он относился строже, чем ко всем своим студентам.

Сабина с удовольствием вспоминала годы учебы, поэтому всегда завтракала или обедала в столовой академии, когда у нее было время. Как ни странно, все остальные из ее группы сдались: Гомез, Шёнфельд и Майкснер отчислились, и только они с Тиной прошли программу до конца.

Снейдер это предсказывал. Число отчисленных составляло семьдесят процентов. Летом Сабина и Тина выпустились из академии и вот уже два с половиной месяца состояли на службе. Тина занималась случаями похищения людей, а Сабина работала в группе по расследованию убийств. Их направляли на задания по всей Германии, а иногда даже за границу. Недавно Сабине удалось раскрыть сразу два случая, когда она заметила между ними связь. Она попыталась как можно скорее отогнать неприятные воспоминания, потому что завтра начинался ее первый за длительное время и такой

долгожданный отпуск. Наконец-то она поедет домой в Мюнхен и увидится с сестрой и тремя племянницами.

Она вошла в столовую, подняла солнечные очки на волосы и купила в автомате стаканчик кофе. Затем села за свободный столик и посмотрела в окно. Рядом с огражденной шлагбаумом парковкой и кустарниками находилась вертолетная площадка. Много раз за день здесь с треском приземлялся вертолет, но сейчас было тихо.

В этот момент открылась дверь и в столовую вошли несколько новых студентов, которые начали обучение в сентябре. Они не заметили Сабину и расположились за одним из столиков.

– Снейдер пустое трепло, – пробормотал один из студентов.

– Высокомерный говнюк.

– Думаешь, ему нравится нас унижать?

– Конечно. Это сразу видно по его знаменитой презрительной ухмылке. Он натягивает ее, когда придумывает, как еще нас опустить.

Знаменитая презрительная ухмылка Снейдера! Сабина чуть было не прыснула от смеха. За последние годы Сабина частенько слышала такие выражения, а иногда и сама их произносила. Но со временем она поняла: у Снейдера была своя методика. Его философия заключалась в том, чтобы как можно лучше подготовить своих «любимчиков» для работы во внешнем мире. «От вас будут зависеть человеческие жизни, – постоянно подчеркивал он. – И если вы сдадитесь сейчас, то тем более сломаетесь на службе». Не зря на курсе Снейдера был такой высокий процент отчисляемости. Шёнфельд, Гомез и Майкснер оказались не готовы к такой работе – иногда Сабина сомневалась и в собственных способностях.

– Возможно, Мартен Снейдер думает, что...

– Мартен С. Снейдер, – с ноткой цинизма в голосе перебил один из студентов свою коллегу. – Кроме того, Снейдер не думает, он знает.

– Говорят, когда не может заснуть, он считает не овец, а убийц, которых поймал.

Иногда Сабина задавалась вопросом, как сама выдержала эти два года учебы. Возможно, ее преимущество было в том, что она попала в академию достаточно поздно, в двадцать восемь лет. Не прослужила она до этого много лет в мюнхенской полиции, вероятно, тоже сдалась бы под напором нетрадиционных методов преподавания Снейдера. Кроме того, всегда мечтала пройти обучение в БКА. И вот она справилась –

успешное окончание академии стало подарком самой себе на тридцатилетие в июне, – и, честно говоря, Сабина немного гордилась.

– Это же Немез...

Окончание фразы Сабина не разобрала. Она встала, выбросила пластиковый стаканчик в мусорное ведро и вышла из столовой. Путь к выходу вел мимо аудиторий. Одна дверь была приоткрыта, и Сабина услышала голос Снейдера. Его голландский акцент с растянутым «л» невозможно было пропустить, она узнала бы этот голос из тысячи.

– Вы вот постоянно говорите о душе убийцы, – услышала Сабина одного из студентов. – А что есть душа? Вы можете показать мне эту душу при микроскопическом исследовании мозга?

Ух! Студент взял вызывающий тон. Некоторые хотели бросить вызов Снейдеру, но в большинстве случаев ничего не выходило.

Сабина невольно остановилась у двери и через щель заглянула в зал. На первых двух рядах сидели шесть студентов. Сабина не увидела Снейдера: видимо, он стоял за кафедрой, которую скрывала дверь. Слышался лишь его невозмутимый голос.

– Почему вас так интересует результат микроскопического исследования?

Сабина увидела, как студент заулыбался.

– Это жажда истины. Поиск фактов, доказательств и логичных причин.

– А вот это влечение к истине... Что это? – спросил Снейдер. – Нечто физическое и плотское или что-то душевное?

Студент замялся.

– Душевное.

– Угу.

Сабина представила, как Снейдер натянул свою презрительную ухмылку. Услышала, как он сошел с трибуны и направился к первому ряду.

Через щель приоткрытой двери она разглядела его худую фигуру со спины. Ростом чуть выше метра восьмидесяти и, как обычно, в черном дизайнерском костюме. Он сложил руки за спиной и склонил голову набок. Его мертвенно-бледная лысина, казалось, уже много лет не видела солнечного света.

– Одним словом, – сказал Снейдер, – вы ищете душу, не можете ее найти, при этом она сама является предпосылкой для ваших поисков.

Студент молчал.

Снейдер медленно развернулся и уставился на Сабину, словно давно уже догадывался, что кто-то прячется за дверью. И подмигнул ей.

Она с улыбкой кивнула в ответ. «Возьми их как следует в оборот!» Тут зазвонил ее сотовый. Сабина достала телефон из кармана и направилась по коридору к выходу.

– Да?

– Фрау Немез, президент Хесс хочет с вами поговорить. Перед главным зданием – и прямо сейчас!

Это была секретарь президента БКА. Сабина насторожилась.

– Он вряд ли собирается пожелать мне отличного отпуска?

– Нет, боюсь, что нет, – ответила та. – Он сказал, что у него есть для вас новое задание. И очень срочное.

*Среда, 23 сентября*

Окна в корпусе для сотрудников были действительно зарешечены, но вид из них открывался чудесный. Френк Бруно привел Ханну в ее квартирку, и теперь она стояла у окна, держась за решетку, и смотрела на море.

Она слышала шум волн и ощущала мелкие соленые капельки воды на губах. Солнце по-прежнему скрывалось за облаками, а ветер тем временем немного разволновал море. Когда Ханна прижималась к решетке носом, она могла даже разглядеть маяк на одной из выступающих вперед скал.

Решетка, чтобы отсюда никто не вылез? Или, наоборот, не забрался? Вероятно, и то и другое.

Она оставила окно откинутым и зажгла верхний свет – убогий маленький фонарь, который даже не заслуживал права называться «светильником» и отбрасывал больше тени, чем света. Ханна выложила содержимое чемодана в шкаф в спальне и расставила свои туалетные принадлежности на полках в ванной комнате. Площадь квартиры была всего тридцать квадратных метров, но здесь имелась маленькая кухонька, где Ханна могла готовить себе завтрак.

Прежде чем покинуть комнату, Ханна переоделась для встречи с директором Холландером и посмотрела на себя в зеркало. Серая юбка, туфли на плоской подошве и черная блузка, рукав которой она натянула на запястье, чтобы скрыть шрам. Она вынула пирсинг из носа и замазала дырочку тональным кремом. С длинными светлыми волосами, заплетенными в косу, веснушками и ярко-голубыми глазами она выглядела послушной и обворожительной.

Самой Ханне этот очаровательный образ блондинки не нравился, но в жизни она усвоила одно: чтобы преуспеть, нужно выглядеть мило, но действовать умно.

Она взяла свою магнитную карточку и вышла из комнаты.

Ветер нагибал ветви лип, срывал с них листву и гнал навстречу Ханне. Ее немного знобило в тонкой блузке. В конце аллеи находился главный вход в тюрьму: обрамленные увесистыми мраморными плитами и орнаментами деревянные ворота, на которых крепилась медная табличка. На ней были изображены два сцепившихся льва, а под ними шла надпись готическим курсивом.

*«Война с самим собой – тяжелейшая из войн.  
Дата возведения 1933 год»*

Между цветами дикой вьющейся розы, которая проросла в трещинах каменной стены, виднелись многочисленные объективы камер, снимающих все происходящее перед воротами. Камеры на здании казались анахронизмом – как и магнитная карта Ханны, и считывающие устройства на дверных замках.

Ханна заранее ознакомилась с не очень доблестной историей здания: во время нацистской диктатуры в «Штайнфельзе» с помощью гильотины были приведены в исполнение сотни смертных приговоров, а в пятидесятых годах в здании размещался – как тогда говорили – сумасшедший дом, где практиковали электрошоковую терапию, чтобы излечить гомосексуалистов от их «отклонений». Лишь в семидесятых годах заведение превратили в женскую тюрьму, но закрыли в девяностых после сильного пожара во время бунта заключенных. Затем здание много лет пустовало. Позже, получив целевое финансирование, было наконец отремонтировано и перестроено. И вот уже пять лет существовал этот пилотный проект.

Судя по фотографиям, которые Ханна видела в Интернете, машины для перевозки заключенных подъезжали с другой стороны здания. Сразу за площадкой для разворота начинался крутой скалистый обрыв в море.

Ханна позвонила. Френк Бруно сразу же открыл дверь.

– Поздно вы.

– Я быстро переоделась.

Он оглядел Ханну, и на мгновение его взгляд остановился на ее груди.

– Директор уже ждет. Идемте!



Френк повел ее мимо пустой стойки регистрации через огромный зал с высокими колоннами и плиточным полом, на котором гулко отдавались их шаги. По широкой мраморной лестнице они поднялись на второй этаж. Где-то вдали эхом отозвался чей-то выкрик, сменившийся приглушенным смехом.

– Камеры находятся в нижней части здания, – пояснил Френк.

Они остановились на верхней ступени.

– Его кабинет в самом конце коридора, – объяснил ей Френк. – Секретаршу зовут Морла, как древнюю черепаху из «Бесконечной истории». Вы должны доложить ей о себе. Директор Холландер не такой, как прежний директор. Этот целыми днями диктует письма. Я слышал, что он идиот. – Френк пожал плечами.

– С чего вы взяли?

– Только безграмотные будут диктовать. Я...

– Большое спасибо. – Ханне не хотелось продолжать разговор. – Я найду дорогу. – Она быстро прошла по коридору и постучала в дверь. Пока ждала, заметила краем глаза, что Френк Бруно стоит на верхней ступени лестницы и наблюдает за ней.

– Войдите! – раздался женский голос.

Ханна вошла в кабинет. На вид она дала бы секретарше директора Холландера около шестидесяти: морщины и старческие пятна на шее и руках выдавали ее возраст. Стройная, черноволосая, с консервативным каре, густо нанесенной помадой и нитью жемчуга на шее. На кончике носа сидели очки. Пальцами с длинными красными ногтями она стучала по клавиатуре, потом сняла наушники.

– Меня зовут Ханна Норланд. Я подавала заявление на прохождение практики. Сегодня мой первый рабочий день. – Она протянула секретарше руку.

На запястье женщины зазвенел браслет с подвесками.

– Я видела в окно, как вы приехали. Господин директор уже ждет вас.

Ханна посмотрела на письменный стол в поисках таблички с именем, но ничего не нашла.

– Можно вас кое о чем спросить?

Секретарша возилась с наушниками.

– Только быстро.

Ханна застенчиво поморщилась.

– Морла интересное имя. Какого оно происхождения?

Женщина прищурилась так, что глаза превратились в две щелочки. С морщинами на лице она и правда напоминала древнюю черепаху.

– Это Френк вам рассказал? Он идиот. Меня зовут Морена, но для вас я секретарь господина директора Холландера.

Вот черт!

Морена нажала на кнопку, и обитая мягким материалом дверь у нее за спиной с жужжанием открылась. В следующий момент секретарша уже вставила наушники и продолжила печатать.

«Какое удачное начало».

Ханна вошла в кабинет директора. Первым делом она почувствовала терпкий запах табака и аромат свежесваренного кофе – оба казались неотъемлемой частью помещения, как старинная облицовка стен.

Найти в Интернете фотографию директора Холландера ей не удалось. Она знала лишь, как выглядит его подпись – из письма, которым он подтвердил ей прохождение годичной практики. И, увидев его сейчас, Ханна была удивлена. Почему-то она представляла его себе иначе. Старше, солиднее, опытнее – серым кардиналом. Кто-то подобный казался ей наиболее подходящим для должности директора в «Штайнфельзе». Но Холландер выглядел на сорок пять, у него было сухощавое лицо с заостренным подбородком и удлиненные седые, слегка волнистые волосы.

Когда она закрыла за собой дверь и сделала несколько шагов по скрипящему паркету к его письменному столу, Холландер быстро взглянул на нее.

– Секундочку, пожалуйста. – В руке он держал нож, а на столе перед ним стоял поднос с кофе, стаканом томатного сока и свежее испеченными булочками. – Я люблю намазывать масло на горячую выпечку и смотреть, как оно растекается.

– Мне зайти позже?

– Почему? Оставайтесь.

Директор Холландер отложил нож в сторону, сделал глоток томатного сока, вытер рот и пальцы тканевой салфеткой и поднялся из своего хрустящего кожаного кресла. Обошел вокруг массивного стола

красного дерева, на котором стояло несколько фоторамок, но Ханна видела только их оборотную сторону.

– Добро пожаловать в Алькатрас. – С улыбкой он протянул ей руку.

– Эту шутку я сегодня уже слышала.

– Видимо, от Френка. Он повторяет все, что слышит. «И то, что диктуют письма только безграмотные?»

– Он также рассказал мне, что в пятнадцать лет изнасиловал свою мать, а затем проломил ей череп, – сказала Ханна.

– Это неправда. – Холландер был гладко выбрит и благоухал одеколоном после бритья. Он закатал рукава белой рубашки. Его мускулистые руки оказались загорелыми. – Он сначала проломил ей череп, а потом надругался над трупом. И ему было только четырнадцать.

– Ой.

– Да, жуткая история. Он сидел в тюрьме для несовершеннолетних преступников, но в рамках программы ресоциализации окончил специальную коррекционную школу и уже пять лет работает здесь.

– Такая работа для человека с судимостью...

– Что, непривычно? Возможно, но это заведение – пилотный проект, и мы должны подавать пример. Френк отвечает за библиотеку и разносит почту клиентам. Правда, иногда он забывает, что давно уже не в тюрьме, и раздражается, когда ему не разрешают участвовать в сеансах терапии.

Ханна кивнула. Очевидно, *клиентами* Холландер называл заключенных.

– Не хотите присесть? – Холландер указал на угловой диванчик в нише.

– Спасибо. – Ханна села на кожаный стул рядом с приоткрытым окном. Между ламелей жалюзи, постукивающих на сквозняке, открывался вид до самого скалистого берега. Тем временем небо потемнело. Наверное, вечером над морем разразится гроза.

Холландер подсел к ней с кувшином и налил стакан воды.

– Мы разместили вас в квартире вашей предшественницы. Как вам комната? – спросил он.

– На окнах решетки.

– Вам придется к этому привыкнуть – как и к еде в столовой. К сожалению, в обеденный перерыв у вас не получится ездить на материк, поезд ходит лишь два раза в сутки. Утром и вечером.

– Это я уже знаю.

– Но если захотите прогуляться: есть отличный пешеходный маршрут по острову, а у железнодорожной станции находится симпатичное кафе с хорошей кухней. Правда, оно закрывается в восемь вечера. А в последнее воскресенье каждого месяца смотритель маяка готовит барбекю. Это всегда главное событие месяца. – Холландер засмеялся. – Больше никакой роскоши я вам здесь предложить не могу.

– Я ее и не ожидала, когда устраивалась на практику в тюрьму.

Холландер открыл сигарный ящик на столе.

– Гавану?

Она помотала головой.

Он потянулся к спичечному коробку.

– Вы ведь не против?

Ханна терпеть не могла суггестивных вопросов, но в первый рабочий день не хотелось производить плохое впечатление.

– Это ваш кабинет.

– Конечно – мой остров, мои правила. – Он сунул сигару в рот и выдохнул дым в потолок. – Поэтому мы не используем здесь такие понятия как *тюрьма* или *колония*. «Штайнфельз» – лечебно-исправительное заведение строгого режима, но мы называем его просто *заведение*. Мы особое исправительное учреждение тюремного типа. В отличие от других тюрем «Штайнфельз» находится не в земельном, а федеральном ведении. Наши сотрудники – бывшие профессиональные солдаты, которые получили психологическую подготовку и окончили школу пенитенциарной полиции. Здесь содержатся только преступники на грани невменяемости: педофилы, насильники, садисты, психопаты, все, что вашей душе угодно. В обычной тюрьме за такие наклонности их избили бы до полусмерти другие заключенные. Но насилие лишь порождает насилие. Поэтому существует этот проект.

– Звучит неплохо.

– Не все воспринимают это так положительно. У нас много противников. Почему государство должно тратить деньги и ресурсы,

чтобы лечить душевнобольных и презираемых обществом людей? Мы не хотим заново интегрировать их в общество... Да это и невозможно. – Он улыбнулся. – Но мы пытаемся проводить терапию для наших клиентов, чтобы однажды их смогли перевести в нормальную тюрьму со всеми ее преимуществами. Потому что у нас всего несколько одиночных камер, не более часа на просмотр телевизора в день и ограниченные возможности для занятий спортом, но – и этому я придаю большое значение – очень хорошая библиотека.

– «Я всегда воображал рай чем-то наподобие библиотеки», – процитировала она.

– А, Хорхе Луис Борхес. – Холландер ткнул сигарой в ее сторону. – Полностью разделяю его мнение. – Он развел руки в стороны. – На этом острове немного возможностей, и вы, наверное, задавались вопросом: почему нас разместили именно здесь? Остхеверзанд находится не на краю света, но его отсюда уже видно, если вы как-нибудь заберетесь на маяк. – Он улыбнулся.

Очевидно, что Холландер получал удовольствие от звука своего голоса и, вероятно, уже не раз рассказывал эту шутку. Ханна наверняка еще услышит ее от Френка.

– И почему же тогда заведение теперь здесь? – спросила она, ибо директор так и не дал ответа.

– Оглянитесь. Здесь нет рыбацких лодок и туризма. Это уединенное место. Тот, кто захочет сбежать отсюда, должен быть или хорошим ходоком, или олимпийским пловцом.

– А уже были попытки?

Холландер самодовольно помотал головой.

– С тех пор, как я стал директором, нет. Так должно быть и впредь. Потому что этот терапевтический эксперимент – длительное исследование, первые результаты которого будут понятны лишь через несколько лет. Но я считаю, что все усилия не напрасны.

– А можно ли вылечить рецидивистов?

– Ваша задача выяснить это, фрау Норланд. Кроме того, я хотел бы попросить вас использовать политически корректное понятие *клиент* и воспринимать ваших клиентов как таковых, даже если вы прочитаете в их делах, что они насиловали, расчленяли и ели трупы.

– Конечно.

– Кстати, в следующем году запланирован ремонт пустующего корпуса. Я добился разрешения разместить у нас пятнадцать клиенток – равноправие еще никто не отменял, верно?

Ханна кивнула. Опять суггестивный вопрос. Пожилой, более консервативный шеф пришелся бы ей больше по душе. И хотя в груди у нее билось бунтарское сердце, она была невысокого мнения о политической корректности и всей этой гендерной болтовне. В ее глазах простое использование другого слова не решало проблемы.

– Вы меня слушаете? – спросил Холландер.

Ханна вздрогнула.

– Простите?

– У вас голландский акцент, верно?

– Мои родители родом из Амстердама, но я окончила университет в Германии.

– И даже с красным дипломом и в кратчайшие сроки, как я прочитал в ваших документах, приложенных к заявлению. И хотя у вас не так много опыта, вы захотели пройти практику именно здесь? – Он вопросительно взглянул на нее.

– Мой наставник сказал, что нет лучшего места набраться опыта, чем здесь.

Директор одобрительно приподнял брови.

– Ну, здесь у вас и правда будет достаточно возможностей набраться опыта. Тогда, от имени всего коллектива, добро пожаловать к нам в качестве самой юной женщины-психолога, которая когда-либо работала в «Штайнфельзе».

Холландер поднялся, подошел к своему письменному столу и достал из ящика три папки.

– Это досье участников вашей психотерапевтической группы, которая достанется вам от вашей предшественницы. Клиенты под номерами семь, одиннадцать и двадцать три. Если у вас возникнут вопросы, на них вам ответит майор доктор Ингрид Кемпен. Она моя заместительница.

Ханна взяла папки с досье, надеясь, что Холландер не заметил ее учащенного дыхания. К тому же она не решалась взглянуть на обложки с фамилиями.

– Можно мне также почитать уголовные дела?

Холландер улыбнулся.



– Это не обязательно. Я уверен, что мужчины у вас в надежных руках и без этого знания.

Ханна закрыла за собой дверь в приемную, но оттуда все равно доносилось глухое щелканье клавиатуры, по которой без передышки колотила секретарша Холландера.

Она спешно достала досье и посмотрела на фамилии. О первых двух она никогда не слышала. При взгляде на третью фамилию ее сердце забилось быстрее. Невероятно. Клиент номер 23 был Пит ван Лун.

Ханна подняла глаза и посмотрела в конец коридора. Френк Бруно все еще стоял на верхней ступени лестницы и пялился в ее сторону.

*Четверг, 1 октября*

Сабина Немез сунула сотовый в карман, вышла из академии и направилась к зданию БКА. В небе над головой трещал вертолет. Поднявшийся ветер кружил осеннюю листву и трепал длинные каштановые волосы Сабины.

Вертолет пошел на посадку, но Сабина уже не обращала на него внимания. Она торопливо покинула территорию академии, перешла через дорогу и попала на Таерштрассе, маленький переулок с разворотным тупиком. Здесь находился вход в главное здание БКА, где с ней хотел поговорить президент Хесс.

В тот же момент через вращающуюся дверь вышел Хесс и спустился по лестнице в сопровождении двух сотрудников. Обоим – мужчине в черном костюме и женщине в голубой брючной паре – было около сорока лет, каждый нес в руке тяжелый чемодан. Все трое, включая Хесса, разговаривали по телефону.

Сабина подошла к группе.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросила она Хесса.

Коротким жестом он дал понять Сабине, чтобы она следовала за ним. Пока они шли обратно к академии, Хесс прижимал телефон к уху.

– Да, мы немедленно вылетаем в Хоэнлиббург. Нет, конечно нет! Вы вообще знаете, с кем говорите? – прокричал он в трубку. – Мне плевать на разрешение на авиатранзит! Через сорок минут мы будем на месте. – Он нажал на кнопку и завершил звонок.

Сабина легко шагала рядом. Со своим ростом метр шестьдесят три она едва доходила Хессу до плеча, но могла без труда держать его темп.

– Вы хотели со мной поговорить, – повторила она.

– Да, – выдавил Хесс. Для своих шестидесяти двух он был в неплохой форме. На его седых висках лишь выступила легкая испарина. Хесс потеревил узел галстука. – У меня для вас есть задание.

– Я на службе только завтра до обеда, потом у меня отпуск, – возразила она.

– Вы забронировали какой-то тур?

– Нет, я собираюсь навестить свою сестру в...

– Немез, можете забыть об этой поездке.

– Но я...

– Это не обсуждается! Я тоже с удовольствием провел бы выходные в своем загородном доме, но не все всегда складывается так, как мы хотим.

Сабина лишилась дара речи. Никакого тебе «Мне очень жаль» или «Я хотел бы попросить вас перенести отпуск». Но почему она все еще удивлялась? Хесс был беспощадным тираном, недипломатичным и прямолинейным – и он с первого дня возненавидел Сабину, когда Снейдер устроил ее в академию два года назад.

– Можно спросить, почему?

– Можно! Я решил, что с этого момента Снейдер должен работать в команде.

Снейдер в команде? Это, должно быть, шутка! Хесс наверняка выдумал это лишь для того, чтобы поиздеваться над Снейдером.

– Вы же знаете, что Снейдер не терпит коллег и работает в одиночку...

– Мне все равно! – перебил он ее.

– Но у Снейдера нет команды и никогда не было.

– А теперь есть.

– И кто же в его команде?

– Вы! Вы его команда. Поздравляю.

Сабина стиснула зубы.

– Как вы догадываетесь, никто добровольно не вызвался в партнеры Мартену, – сказал Хесс. – Да и кто захочет работать с таким, как он? Но вы хороший специалист, Немез. Недавно в рекордные сроки раскрыли два дела.

Ну, рекордными их вряд ли можно назвать. Сабина на три недели с головой ушла в расследование дела, и удача ей улыбнулась.

– И поэтому я решил, что вы добровольно вызоветесь на это задание. – Хесс вытер пот со лба.

Добровольно! В этом весь Хесс. Между тем они дошли до вертолетной площадки. Дверь кабины вертолета была открыта, и пилот

дал им понять двумя поднятыми пальцами, что они взлетают через две минуты.

Оба сотрудника забрались в кабину. Они продолжали говорить по телефону, и Сабина слышала, как они кричат в свои трубки. По всей видимости, женщина разговаривала с персоналом больницы, а ее коллега с кем-то из экспертно-криминалистического отдела.

– Вы возражаете, Немез?

– Нет, господин президент, – проскрежетала она.

– Хорошо. – Он забрался в вертолет и уже хотел закрыть дверь, но Сабина взялась за ручку и наклонилась в кабину.

– Ваш полет имеет отношение к работе Снейдера?

– Нет.

– Куда вы летите? – прокричала она, потому что по опыту знала, что Хесс очень редко сопровождает своих людей на задание.

Он немного помедлил, но все же решил ответить.

– В Хаген, Рурскую область. Ваша коллега Тина Мартинелли расследовала в замке Хоэнлибург похищение, которое затем переросло в убийство. При этом она получила опасное ранение. Мне очень жаль.

У Сабины сжалось сердце. Оглушенная этим известием, она отступила от вертолета, и Хесс закрыл дверь. Лопасты завращались, набирая скорость, и Сабина, согнувшись и с трудом держась на ногах, отошла к кустарникам, которые гнулись на сильном ветру.

С неприятным ощущением в желудке она смотрела вслед вертолету, который поднялся в небо и полетел в северном направлении.

*Среда, 23 сентября*

После разговора с директором Холландером Френк провел Ханну по заведению.

Зажав под мышкой три досье, она следовала за Френком по разным отделам. Сначала он показал ей прачечную на первом этаже и вход в котельную в подвале. Затем фитнес-центр и комнату отдыха для персонала. Потом они прошли мимо кабинетов администрации на втором этаже и в конце добрались до помещений для проведения сеансов психотерапии на третьем. Ее кабинет был под номером 2.07. Дверь еще заперта, но уже завтра в этой комнате она познакомится с Питом ван Луном и двумя другими ее клиентами.

Проходя мимо столовой и большой кухни, она уловила запах жареного мяса.

– В начале каждой недели вы должны заполнить план питания, – объяснил Френк. – Я принесу вам сегодня список. Можно выбирать из трех меню. Одно из них вегетарианское... но бэ-э-э. – Он сморщился.

– Я уже слышала, что еда в столовой скорее плохая, – сказала она.

– Это правда. Наши повара якобы готовят строго по рецептам – но некоторые кулинарные книги не мешало бы подвергнуть цензуре. – Он улыбнулся.

Видимо, эту шутку он тоже у кого-то перенял.

В заключение Френк отвел ее в библиотеку.

– Мое царство, – с гордостью произнес он. – Вы тоже можете одолжить какую-нибудь книгу, но только до воскресенья, потому что с понедельника я на неделю ухожу в отпуск. И библиотека будет закрыта.

– А в воскресенье вы еще здесь?

Френк удивленно посмотрел на нее.

– Конечно, а как же барбекю-вечеринка у маяка? Вы не пойдете?

– Пойду, наверное. – Она огляделась. – Существуют отдельные библиотеки для заклю... то есть для клиентов и персонала?

– Нет, просто другие часы работы. Клиентам разрешается посещать библиотеку только после сеансов терапии, с трех до полчетвертого. И конечно, исключительно под присмотром охранников. И если кто-то не будет подчиняться... – Он изобразил, как будто достает оружие, и выставил руку вперед. – Бз-з-з-з! Получит электрический разряд тазером. Я как-то раз видел. Адская боль! – Он болезненно сморщился. Потом бросил взгляд на досье. – Это ваши клиенты?

– Нет, это материалы о моих клиентах.

Он с раздражением посмотрел на нее, затем неожиданно улыбнулся.

– Понимаю. Можно взглянуть?

– Нет, нельзя!

– Почему?

– Это конфиденциальная информация. – Она указала на потолок с камерой.

Френк проследил за ее взглядом и наконец кивнул, как будто понял.

Рядом со входом в библиотеку находился коридор с решетчатой дверью, металлодетектором и массивными белыми стальными воротами. Рядом с дверью висело несколько ламп, на потолке и стенах крепились камеры. «Тюрьма строгого режима» было написано на двери красными буквами.

– Это проход к камерам? – спросила Ханна.

– Там находится вся тюремная зона. Я... – Он запнулся. – Лучше я отведу вас сейчас к фрау доктору Кемпен.

Ханна посмотрела на часы. Было четверть одиннадцатого.

– Хорошо.

– Больничное отделение находится в старом корпусе, – объяснил Френк. – Я не люблю там бывать, все выглядит как-то жутко. – Он прошел вперед. – Хотя фрау доктор Кемпен... – Он замолк.

– Что? – Ханна улыбнулась. – Вам нравится эта фрау доктор? – попыталась пошутить она.

– Нет, она еще более зловещая, чем корпус.

– Вот как.

Ее шутка явно не удалась.

Они снова прошли мимо библиотеки, спустились по лестнице на пол-этажа, а затем по темному проходу попали в отдельное крыло здания. По дороге им встретилось всего несколько человек, которых Френк дружелюбно приветствовал, но, как только те отдалялись на достаточное расстояние, каждый раз комментировал:

– Это еще одна врач-терапевт, но я ее не люблю. Она всегда говорит суперотчетливо и чересчур приветливо, как будто я чокнутый... Это повар, который все время хочет нас отравить... Это инженерно-технический работник, но он не в состоянии даже кабельную катушку размотать, не задушившись при этом, – по крайней мере, я такое слышал.

– Френк, – перебила она его, когда техник был вне пределов слышимости. – Вам стоит подумать, не мешает ли вам такое отношение к другим людям.

Он с недоумением посмотрел на нее.

– Каким образом?

Ханна повторила свой совет другими словами.

– Я хотел бы снова участвовать в групповой психотерапии. Такие сеансы увлекательны и поучительны. А я хочу узнавать новое, но директор Холландер считает, что это неудачная идея.

– Значит, так и есть. Он все-таки директор, – ответила она.

– Да, ему лучше знать. Если не ему, то кому? – Френк дошел до стационара. – Вот мы и на месте.

– Спасибо, что проводили, – сказала Ханна. – На этот раз не нужно меня ждать.

– Да все в порядке, библиотека открывается лишь в десять.

– Уже давно одиннадцатый час.

– Правда? – Он задрал рукав рубашки и посмотрел на запястье, на котором ничего не было, кроме татуировки черных наручных часов. Судя по форме, это был массивный «ролекс». – Вот дерьмо! Директор Холландер этого очень не любит. Я не про опоздание, хотя это тоже, потому что он ценит пунктуальность и надежность, но я имел в виду ругательство. Вот дерьмо! – Он прижал ладони к вискам.

– Ладно, ничего страшного, – успокоила она его. – Я никому не скажу.

– И директору тоже?

– Ему тем более.

– Но директор не любит, когда лгут.

– Я и не буду лгать, просто не скажу ему. Договорились?

– Договорились. Пока. – Он побежал прочь, но на бегу еще раз обернулся к ней. – Как-нибудь возьмите у меня напрокат книгу. Там много чего написано. Бесплатно!

«Сумасшедший парень!» Она посмотрела вслед Френку, который вскоре исчез в коридоре. Потом повернулась и постучала в стальную дверь с надписью «Больничное отделение».

– Открываю! – Из переговорного устройства послышался хриплый скрипучий женский голос.

Ханна взялась за ручку. В следующий момент раздалось жужжание и дверь открылась. Ханна вошла в отделение. В нос тотчас ударил запах мазей, спирта и дезинфицирующих средств. Навстречу ей в коридор вышла стройная пожилая женщина с мальчишеской стрижкой на седых волосах и маленьким шрамом на нижней губе. Она даже не нанесла помаду, чтобы немного скрыть шрам. Ханна также обратила внимание на отсутствие каких-либо украшений, у нее даже уши не были проколоты.

– Вы, должно быть, Ханна Норланд. Добро пожаловать. – Женщина протянула ей руку. – Я майор доктор Кемпен.

У нее было сильное рукопожатие. В трекинговых ботинках, свободных джинсах и норвежском пуловере с V-об разным вырезом она все равно выглядела элегантно, несмотря на суровую манеру держаться. К счастью, Кемпен избавила ее от шутки про Алькатрас.

– Пройдемте в мой кабинет.

Кемпен быстрым шагом повела Ханну за собой и в конце коридора повернула направо к двери из матового стекла. Помещение за дверью было раза в два меньше кабинета директора Холландера, и здесь пахло мятным чаем. На письменном столе стояла табличка с гравировкой «Майор д-р Кемпен – заместитель директора».

Так как старый корпус здания был построен на узком скалистом плато, которое выступало в море, из окна можно было смотреть вниз прямо на воду. Сбоку угадывался кусок разворотной площадки с тыльной стороны тюрьмы.

– У вас нет решетки на окне, – заметила Ханна.

– Уступка бывшего директора, которой мне разрешили пользоваться вопреки новому распоряжению директора Холландера.



Ханна с уважением кивнула.

– Респект.

– Я бывший военный врач. Поверьте мне, я уже многое видела и могу оценить риск – к тому же я отвечаю за техническую безопасность заведения. Но чувство, что ты находишься в заключении, сводит меня с ума. По крайней мере, мне нужен беспрепятственный вид на море.

Кемпен не предложила ей сесть. Сама тоже осталась стоять, скрестив руки за спиной.

– Френк вам уже все показал здесь?

– Да.

– Хорошо, я изучила ваше дело.

– Мое... дело? – повторила Ханна.

– Я не люблю сюрпризов. Если начинаю читать какую-то книгу, то сначала заглядываю в конец. Как уже сказано, я отвечаю за безопасность заведения и навела о вас справки. Вам не кажется, что вы слишком молоды для подобной работы?

Сейчас начнется это дерьмо!

– Я закончила психологический факультет университета и уже два года прохожу специализацию в Институте поведенческой терапии и судебной психотерапии в Марбурге.

– Целых два года, я впечатлена. И вы считаете, этого достаточно?

Ханна проигнорировала ироничный тон Кемпен.

– Я прошла теоретическую подготовку и курс самопознания, у меня достаточно часов работы с заключенными, и сейчас я нахожусь на стадии наставничества.

– Почему вы не хотите пройти практику в какой-нибудь психиатрической клинике, чтобы наработать необходимое количество часов?

– Потому что я специализировалась на работе с сексуальными преступниками. Я верю в терапию клиентов, даже если речь идет о преступниках с аномальным поведением, которых общество считает выродками. Они заслужили шанс и...

Кемпен подняла руку.

– Что вы мне тут рассказываете! Хотите попасть в книгу рекордов Гиннеса?

Ханна лишилась дара речи.

– Я...

– Приберегите эту болтовню для директора Холландера. Он юрист, изучал гуманистическую психологию и любит подобную чушь. Я – нет! Он был трижды женат и, по идее, должен понимать, что такое жизнь в неволе, но, к сожалению, не имеет ни малейшего понятия о том, какова система исполнения наказания на практике.

– В отличие от вас, – добавила Ханна.

– Правильно, – быстро ответила Кемпен. Наверняка от нее не укрылся язвительный тон Ханны. – Для меня эти сумасшедшие – просто зэки, которые кого-то изнасиловали и перерезали своим жертвам глотку. Я лишь забочусь о том, чтобы они не отдали концы и дожили до конца своей психотерапии. И мне плевать на то, что произойдет с ними после, главное, чтобы их снова не выпустили в общество.

Ханна прищурилась. Разве полчаса назад она не мечтала о консервативном начальнике? Ну, теперь она такого нашла.

– Моя практика представляет для вас проблему? – Ханна перевела дух.

– Нет.

– Отлично, и для меня нет.

Тут у Кемпен зазвонил сотовый.

Ханна услышала самобытный рингтон – старую мелодию регги, – который у нее не вязался с этой женщиной.

«Who let the dogs out, woof, woof...»<sup>[1]</sup>

Кемпен тут же ответила на звонок. Ханна не слышала, кто был на проводе, видела лишь реакцию Кемпен. Та одобрительно буркнула несколько раз, а потом сказала резким тоном:

– Не работать не получится. Он должен выбрать, где хочет провести следующие две недели, иначе я сама его распределю. У нас есть слесарная мастерская, садовое хозяйство и столярный цех. Если ему это не нравится, будет раскладывать упаковки по коробкам и сортировать мусор... Нет, на кухню он не попадет. Да, я об этом позабочусь. – Кемпен закончила разговор и убрала сотовый. – Кто бы то ни был – извращенец, душевнобольной или абсолютно здоровый, – никому не удастся увильнуть от работы, – пояснила Кемпен. – Дело в том, что, если мы не займем делом заключенных, они доставят нам много хлопот. Вот так просто.

У Кемпен был довольно прагматичный взгляд на этот счет – и Ханна не могла с ней не согласиться.

Врач пересекла кабинет и на секунду остановилась перед окном.

– У вас должна быть какая-то извращенная жилка, раз вы хотите понять психику этих сексуальных преступников. – После того как Ханна не ответила, Кемпен обернулась. – Как терапевт, вы должны будете проникнуть в мир фантазий этих мужчин, но преступники в то же время будут пытаться вторгнуться в ваш мир. – Кемпен смерила ее взглядом. – И если вы придете в этой юбке на сеанс групповой психотерапии, то непременно станете частью фантазий мастурбирующих мужчин.

– Этого я не планировала.

– Хорошо. Если кто-то из заключенных будет к вам приставать, – а это обязательно случится, – не пытайтесь решить проблему самостоятельно. И не рассказывайте об этом охранникам, а сразу идите ко мне.

Ханна кивнула.

– А если кто-то из заключенных будет вам угрожать, тогда...

– Я приду к вам.

Кемпен улыбнулась, потом открыла один из ящиков стола.

– Вот ваше удостоверение. С ним у вас будет бесплатный проезд на материк и кое-какие скидки в магазинах. Всегда носите его с собой. – Она положила на стол пластиковую карточку с фотографией Ханны. – Магнитную карту-ключ от вашей квартиры в корпусе для сотрудников вы уже получили?

– Да.

– Код базовой настройки 9999. Вам следует как можно быстрее изменить комбинацию цифр, чтобы доступ к вашей комнате был только у вас.

– Хорошо, – ответила Ханна, хотя уже сделала это, когда Френк показывал ей, где находится ее квартира. Новый код был 0806, дата рождения ее сестры.

Кемпен достала из ящика тонкую сумку с ноутбуком и положила ее перед Ханной на стол; затем добавила сотовый.

– Ваш служебный телефон и ноутбук. С его помощью у вас будет доступ к нашему внутреннему беспроводному Интернету. Компьютер уже настроен. Дополнительные программы не разрешены. Вот все

пароли. – Она положила сверху конверт. – Завтра утром в кабинете для семинарских занятий 2.01 коллега покажет вам компьютерную программу, с которой вы должны будете работать в рамках терапии. Вместе с вами в Остхеверзанде работают, в общей сложности, семь терапевтов и социальных работников. Сначала вы возьмете только одну группу с тремя участниками, а через три месяца, когда ближе узнаете наши порядки и хорошо себя зарекомендуете, – вторую.

– Лишь через три месяца?

– Чего вы ожидали? У нас не хватает персонала, и поэтому вам придется взять на себя и некоторые другие задачи. У вас очень плотный график работы. После завтрака вы будете помогать социальным работникам и до часу дня следить за тем, чтобы в мастерских соблюдалась структура рабочего дня и...

– При всем уважении, но...

– Я рассчитываю на вашу помощь и компетентность, – перебила ее Кемпен. – Ежедневно после обеда, с двух до трех, у вас сеанс с вашей терапевтической группой.

– Всего один час?

– Этого абсолютно достаточно, а после у вас останется время, чтобы задокументировать и спланировать дальнейший ход терапии. Кроме того, я хотела бы, чтобы вы помогли коллеге с управлением наличными счетами заключенных.

Бухгалтерия!

Теперь Ханна поняла, почему ее так легко взяли на это место. Холландеру и Кемпен была нужна дешевая рабочая сила. И вероятно, заявление рассмотрели лишь потому, что ее предшественница Ирена Эллинг погибла в результате трагического несчастного случая и вакансию нужно было срочно закрыть.

– А чтобы вы знали, куда идти, вот вам еще это. – Кемпен положила на стол цветной флаер, отпечатанный на глянцевого бумаге, и развернула его. – Небольшой путеводитель по зданию. – Она указала на большую зону красного цвета. – Здесь находятся сорок два заключенных, восемнадцать сотрудников тюрьмы, два повара и пять их помощников, четыре сотрудника канцелярии, три уборщицы, две медсестры, два техника, электрик, садовник, столяр, слесарь и компьютерщик – и еще Френк. – Она пожала плечами, давая понять, что ничего не может поделать с этим прискорбным фактом. – Мы

являемся автономным учреждением и, если вдруг окажемся отрезанными от материка, сможем продержаться целый месяц.

Насколько Ханна могла оценить бывшего военного врача, такой сценарий ее бы даже повеселил.

Кемпен снова постучала пальцем по флаеру.

– У вас есть доступ в зеленую и голубую зоны, остальное для вас табу.

Ханна уставилась на план.

– Мне нельзя увидеть камеры?

Доктор Кемпен покачала головой.

– Это зона строгого режима. Вы не увидите ее даже снаружи, разве что совершите какое-то дикое убийство, тогда в следующем году у вас есть хорошие шансы стать членом клуба.

– А как насчет выборочного контроля, пока заключенные находятся на прогулке во дворе или в краткосрочном отпуске?

– Краткосрочный отпуск? Это что, шутка? Да этих парней не отпускают, даже если их мать полетит на Марс.

– А после испытательного месяца я получу доступ к камерам?

– Может, я неясно выражаюсь? – Кемпен сделала паузу. Ее веко дергалось. – Нет, никогда! К тому же никакого испытательного месяца не существует. Вас могут уволить прямо сейчас.

«Вот это да, можно мне еще раз, пожалуйста, послушать речь директора Холландера о политической корректности?»

– Вот ваша магнитная карточка для передвижения по территории. Этот код вы изменить не можете. Ваши права доступа уже активированы. Зеленая и голубая зоны – *да*, красная – *нет!* Просто проведите карточкой через считыватель, и дверь откроется. Если не откроется, то загорится красная лампочка и к вам сразу же подойдет охранник. Если такое случится, мы поговорим с вами в этом кабинете. Вы поняли?

– Вполне. – Ханна положила досье своих клиентов на стол и указала на флаер. – Однако медицинская часть тоже находится в красной зоне, а как вы видите, я здесь...

– Не надо умничать!

«Я и не умничаю», – вертелось у Ханны на языке.

– Я лишь пытаюсь понять указания своей начальницы. Кемпен скрестила пальцы перед губами.

– Я не люблю, когда надо мной смеются, тем более юная девушка-психолог, которая первый день вышла на работу.

– А если я, как юная коллега, которая еще не знает всех здешних порядков, где-нибудь поранюсь и мне срочно потребуется первая медицинская помощь?

– Тогда в каждом коридоре вы найдете аптечку первой помощи.

– В ней вряд ли лежат ножницы, чтобы отрезать бинт, или игла, чтобы зашить рану.

– У вас есть медицинская подготовка?

– Это было частью моего образования.

Кемпен долго ее изучала.

– Давайте сюда! – наконец сказала она, взяла магнитную карту Ханны и подошла к своему компьютеру. – Я активирую вам право на вход в медицинскую часть. Но только в случае крайней необходимости. А так звоните мне заранее, чтобы я или одна из медсестер могла вас встретить.

Когда Кемпен закончила, она вытащила карточку из считывающего устройства и протянула Ханне. Та взяла магнитную карту, флаер и сотовый, сунула ноутбук под мышку и уже потянулась за досье.

Кемпен кивнула на папки.

– Это ваши заключенные?

– Клиенты, да, – исправила ее Ханна.

– Ах да, *клиенты*, – цинично повторила Кемпен, словно речь шла о лучших друзьях Ханны. – Можно взглянуть?

– Конечно. – Ханна указала на стопку.

Кемпен взяла два верхних досье.

– Ага, Освальд Демель, которого все зовут Осси, и Виктор Яковлев. С ними вы повеселитесь. Один педофил, другой садист. А третий кто? – Она вытащила третье досье. В тот же момент брови ее приподнялись. – Холландер определил в вашу группу Пита ван Луна?

– Да, а что с ним?

– Ничего. – Кемпен сложила все три досье вместе.

– Да ладно вам, не нужно быть нобелевским лауреатом по психологии, чтобы прочесть по вашему лицу, что вы не считаете это хорошей идеей.

– Если вы изучали психологию и считаете себя такой умной, то у вас наверняка не будет проблем с Питом ван Луном.

– А почему они должны быть?

– Конечно, почему? – Кемпен непринужденно села на письменный стол и скрестила руки на груди. Казалось, она обдумывает, стоит ли отвечать на вопрос Ханны, но, очевидно, искушение нагнать на нее страху было слишком велико. – Пит не среднестатистический заключенный. Он также получил высшее образование, но изучал не психологию, а театральное искусство. В Копенгагене. Там он студентом поставил спектакль, а в двадцать два года съехал с катушек и совершил пять убийств.

– Он не единственный убийца-интеллектуал в этом заведении.

Кемпен улыбнулась.

– Нет, не единственный. Но только у него было врожденное заболевание иммунной системы. В детстве он страдал гиперфункцией щитовидной железы, но врач поставил неправильный диагноз. И прописал слишком высокую дозировку тиреоидного гормона. Во время исследований выяснилось, что этот уже запрещенный препарат йодтокс оказывает негативное влияние на душевное здоровье, но также повышает уровень интеллекта.

Ханна выжидающе смотрела на Кемпен. Она еще не поняла, куда клонит врач.

– Пит владеет четырьмя языками и в день прочитывает как минимум одну книгу, – продолжила Кемпен. – Он гиперэрудирован. Нет, это даже преуменьшение, у него феноменальный коэффициент интеллекта 158, и я надеюсь, что он вам по зубам.

– Будет видно. Чем больше я о нем узнаю, тем лучше смогу оценить, – ответила Ханна. – В досье я не нашла уголовных дел моих клиентов.

– Материалы уголовных дел недоступны психотерапевтам.

«Что за чушь! Для успешного лечения терапевт должен знать все о своих клиентах».

– А как я должна...

– Так решил директор Холландер, – перебила ее Кемпен. – Кроме того, некоторые дела уголовная полиция держит под замком, чтобы фамилии жертв не попали в прессу.

– Но я...

– Вам придется довольствоваться досье от директора Холландера. Там есть все, что я вам уже рассказала, и многое другое. Достаточно информации, чтобы в рамках практики работать с вашими *клиентами*.

Ханна поняла, что это отговорка – к тому же теперь она знала, где находятся необходимые ей документы. Кемпен невольно взглянула на свой письменный стол.



*Четверг, 1 октября*

Сабина Немез вошла в академию. «Можете забыть о своем отпуске». Неужели Хесс трудно было предупредить ее за несколько дней? Она уже так радовалась встрече с племянницами – но еще больше радовались они. Керстин, Конни и Фиона со своими белокурыми гривами – семи, восьми и десяти лет – могли быть настоящими занудами.

Но еще больше Сабину раздражало то, что Хесс командовал ею и не спрашивал ее мнения. «В команде со Снейдером!» Что из этого получится? Снейдер терпеть не мог никого рядом, потому что ему не хватало воздуха, чтобы дышать, как он это формулировал. Он был почти аутист. К тому же невежливый, точнее, даже грубый. Кроме того, он страдал кластерными головными болями – экстремальным вариантом мигрени – и поэтому постоянно курил травку, что не делало ситуацию проще. Если Снейдер был одержим каким-то делом, то превращался в тикающую бомбу замедленного действия. Иногда он настолько глубоко проникал в сознание убийцы, что переставал отличать свои мысли от мыслей преступника. Но все это ее не смущало. Единственное, что действительно беспокоило, так это его заносчивость по отношению к тем, кто глупее его – то есть ко всему остальному миру.

Через заднюю дверь Сабина вошла в аудиторию, в которой Снейдер вел занятие, и села в последнем ряду. Никто из студентов на первых рядах не заметил ее появления, а сам Снейдер зарегистрировал ее присутствие лишь быстрым безразличным взглядом.

Он выглядел не на свои сорок девять, а много старше. Работа оставила на нем свой отпечаток. Тонко выбритые бакенбарды начинались от ушей и узкой линией спускались к подбородку. Они контрастировали с лысиной и нездоровой бледностью лица, и казалось, что Снейдер – персонаж какого-то жуткого черно-белого фильма.

Занятие продлится еще полчаса, затем она сможет поговорить со Снейдером. По фотографиям, которые проецировались на стену, Сабина догадалась, что он, как обычно, разбирал со студентами нераскрытое убийство. По раскрытым делам они могли бы найти всю информацию в Интернете или архиве, но философия Снейдера заключалась в том, чтобы вырастить из своих студентов самостоятельно думающих людей – способных «генерить» толковые идеи и готовых к новым задачам.

Сабина вполуха слушала рассуждения Снейдера, потому что ее мысли все время крутились вокруг Тины. Почему она получила опасное ранение? В нее стреляли? Или она боролась с убийцей? Возможно, Снейдер знал больше. Теперь, когда они стали «командой», она расспросит его о подробностях. Сабина подперла голову рукой и прислушалась к тому, что говорил Снейдер.

– Письмо нашли в спальне жертвы, – растягивая слова, произнес Снейдер со своим голландским акцентом и нажал на кнопку пульта управления видеопроектором.

На экране появилось напечатанное на машинке сообщение. Сабина пробежала текст глазами.

«Я слежу за домом уже пять месяцев. Мне нужно было знать, кто где спит, чтобы лучше подготовиться. День икс скоро наступит».

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил Снейдер. – Ну же, у меня мало времени, добровольцы есть?

Одна студентка подняла руку.

– Так как в случае жертвы речь идет о судье Йоане Бек, то я думаю, что ее адрес был засекречен.

– Правильно, – подтвердил Снейдер.

Сабина наострила уши. Она слышала об этом деле. Судья была убита два дня назад поздно вечером в спальне своей виллы в Дортмунде, пока ее муж смотрел телевизор этажом ниже. Йоане Бек было около пятидесяти, она была чернокожая, родом из Сенегала, где изучала право и политологию в университете Дакара. Ее муж был адвокатом, родом из Дортмунда. Пресса назвала случай правозащитным убийством. Насколько Сабина знала, Снейдер был хорошо знаком с жертвой. Он поэтому разбирал это дело со своими студентами?

– Значит, убийца уже давно ею интересовался. Он не случайно выбрал свою жертву. Однако в материалах дела не указано, что судья Бек сообщала полиции об этом письме.

– Она и не сообщала, – заявил Снейдер.

– Так как супруг жертвы тоже ничего не знал о письме – а судья Бек рассказала бы по крайней мере ему, – я предполагаю, что убийца оставил письмо в спальне в день убийства.

– Почему?

– Чтобы пустить нас по ложному пути.

– Вы предполагаете правильно, – подтвердил Снейдер. – Теперь продолжайте вы! – Он указал на студента в первом ряду. – Что, по вашему мнению, произошло?

– У меня две теории. Первая: муж Йоаны Бек написал письмо, приставил лестницу к стене дома под окном спальни, убил свою жену, а потом...

– Хорошо, а ваша вторая теория? – резко перебил его Снейдер.

– Убийца забрался через окно спальни около восьми часов вечера, когда уже стемнело, но супруги еще находились внизу. Если бы муж первым поднялся в спальню, киллер убил бы и его.

Снейдер поднял руку.

– И его или только его?

Студент немного помолчал.

– На этот вопрос я не могу ответить. Мне нужно взглянуть на фотографии трупа, чтобы знать, что убийца сделал с жертвой.

– Правильно, – сказал Снейдер. – Первое важное заключение сегодняшнего утра. Фотографии прольют свет на ситуацию.

Он подошел к кафедре и достал стопку досье.

– Теперь я покажу вам, что убийца сделал с Йоаной Бек. В СМИ об этом ничего не говорилось. Мы намеренно скрыли от прессы детали, чтобы не вызвать волну насилия и не спровоцировать еще одно убийство на почве расизма.

Снейдер прошелся по рядам, раздал копии досье, в котором, вероятно, находился отчет судмедэксперта, и спустя минуту включил видеопроектор.

Шелест бумаг в аудитории резко прекратился. Все уставились на экран. Сабина тоже затаила дыхание.

Твою мать! Бесконечным потоком каждые пять секунд появлялась новая ужасная фотография с места преступления. Сабина такого еще никогда не видела. Снейдер нисколько не щадил своих новых студентов. Наверное, уже сегодня вечером некоторые начнут сомневаться, не ошиблись ли они с выбором профессии.

– Добровольцы есть? Что здесь произошло?

Руку подняла маленькая крепкая студентка с растрепанными черными волосами и пирсингом, которая напоминала Сабине Тину.

– Когда Йоана Бек входит в спальню, она не замечает, что в комнате находится убийца. Он прячется в гардеробной. Судья открывает дверь шкафа и оказывается лицом к лицу с убийцей. Тот решает воспользоваться моментом неожиданности и усыпляет ее хлороформом. Затем сажает на стул и связывает руки и ноги кабельными стяжками. После чего перерезает ей горло канцелярским ножом. Глубокий разрез проходит точно посередине гортани. Так как она больше не вдыхает хлороформ, то его действие быстро ослабевает, и Йоана Бек приходит в себя – от боли и выброса адреналина.

– Как реагирует ее убийца?

– Он готов к такому повороту и зажимает ей нос. Она захлебывается собственной кровью. Все это происходит в то время, пока ее муж смотрит вниз в гостиной телевизор.

Снейдер удовлетворенно кивнул.

– Все так и произошло. Что случилось потом?

Сабина, с привкусом горечи во рту, снова уставилась на жуткие фотографии на экране.

– Он выкалывает ей глаза и канцелярским ножом срезает лицо с головы. Только лоб оставляет сначала нетронутым.

– Почему?

– Шизофреники не умеют интерпретировать гримасы и мимику других людей и чувствуют угрозу с их стороны. Поэтому он и вырезал ее лицо...

– В общем правильно, но это не преступление шизофреника. Другие теории? Зачем он уродует ее лицо? Почему не вагину или грудь?

Кто-то поднял руку.

– Повреждение лица или глаз, в отличие от увечий тела, говорит о том, что убийцу с жертвой связывало что-то личное. Возможно, очень

личное чувство ненависти.

– Уже лучше, – сказал Снейдер. – Почему он приклеивает лицо на зеркало над столиком для макияжа? – Он сделал паузу. – И зачем сажает труп на стул перед зеркалом?

– Он отделяет ее душу? – предположил кто-то.

– Нет, в этом случае он отрезал бы и кожу на лбу, где, по расхожему мнению, находится душа.

Наступило молчание.

– Господи боже мой! Напрягите мозги! – выкрикнул Снейдер. – Вы же вроде лучше всех сдали вступительный тест в академию. Так сказать, умнейшие из умнейших... В чем я все равно сомневаюсь, – пробормотал он.

– Он... он хотел продемонстрировать ей ее собственное уродство? – сказал кто-то. – Возможно, поэтому он использовал хлороформ. Вещество обладает канцерогенными свойствами и может вызвать образование опухолей.

– Уточните!

– Он удалил ее лицо с головы, как опухоль.

Снейдер приподнял бровь.

– Интересная мысль. В любом случае это убийство наполнено таким количеством символов, что из-за всевозможных предположений и умозаключений от глаз ускользают действительно важные факты. – Он поднял палец. – Но я думаю, что последняя мысль верна, дамы и господа. «Взгляни на себя! На свое невероятное уродство! Я вывернул тебя наизнанку. Все, что осталось, – лишь пустая оболочка».

Снейдер сделал паузу, чтобы студенты прониклись его словами. Зеркало, на котором на засохшей крови держалось лицо, было освещено, и казалось, что глаза блестят.

– Что насчет послания? – спросил Снейдер.

Сабина разглядывала фотографию. Над лицом, полукругом, убийца кровью вывел на зеркале: «ЯИЧНЫЕ ЖЕЛТКИ ЖИВЫ!»

Вызвался один студент.

– Слово *желтки* напоминает о цыпленке; о вылупляющемся из яйца цыпленке. Возможно, этим поступком он хотел, как вы сказали, вывернуть ее душу наизнанку.

– Так, дальше!

– Может, намек на духовные качества жертвы, которых не было?

– Все, что осталось, – лишь пустая оболочка, – повторил Снейдер. – Да, хорошая теория, – вздохнул он. – Но правда в том... Мы этого не знаем.

Снейдер остановил слайд-шоу и спроецировал на экран фотографию, на которой крупным планом был изображен лоб Йоаны Бек. Сабина вспомнила слова студентки, которая сказала, что убийца сначала оставил нетронутым лоб жертвы. Теперь она увидела, что он затем с ним сделал.

– Перейдем к последнему деянию нашего убийцы. Что произошло?

– Канцелярским ножом он вырезал на лбу символ. Похоже на цифру четыре, но я предполагаю, что речь идет о недорисованной свастике.



– Почему он ее не закончил? – спросил Снейдер.

– Убийцу напугал муж жертвы, который начал подниматься по лестнице, и убийце пришлось спасаться бегством через окно... настолько быстро, что он даже бросил канцелярский нож в спальне. – Студент листал досье. – Насколько я понял, на орудии убийства не было отпечатков пальцев.

Снейдер кивнул.

– Это было уже неплохо. Вы только начали обучение, но в итоге после всех занятий в голове остается лишь то, что можно применить на практике. – Он вытянул шею и посмотрел на самый дальний ряд, где сидела Сабина. – В последние месяцы благодаря счастливой случайности коллеге Немез удалось поймать двух убийц.

Студенты обернулись и взглянули на нее.

Как это понимать? Больше всего ей хотелось встать и выйти из аудитории.

Снейдер поднялся по ступеням к ней наверх.

– Дорогая коллега Немез, – сказал он не без язвительности в голосе. – Вы разделяете наши выводы?

Сабина немного подумала и вызвала в памяти одну фотографию, которую видела до этого.

– Нет, не разделяю.

Снейдер застыл на месте.

– Могу я спросить почему?

– Можете, – ответила Сабина, но продолжала молчать. Пусть Снейдер знает – как аукнется, так и откликнется.

Снейдер сжал губы.

– И почему же? – Одновременно он поднял три пальца – свои знаменитые три пальца. – Можете сформулировать ваши умозаключения тремя короткими и точными предложениями?

За последние два года на занятиях Снейдера она только и делала, что думала короткими точными предложениями.

– Это не убийство на почве расизма. На мой взгляд, речь идет не о свастике и послание было закончено. Это цифра четыре, – начала она.

– Почему вы так думаете?

– Покажите нам, пожалуйста, еще раз фотографию спальни.

Снейдер спроецировал общий план помещения на экран. Жертва сидела на стуле, повернутая к зеркалу, на котором было приклеено ее лицо. Дверь спальни была приоткрыта, как и окно. На комодe рядом с дверью лежал окровавленный канцелярский нож.

– Нож лежит на комодe рядом с дверью, а не на пути от столика для макияжа к окну. Почему убийца, услышав шаги мужа на лестнице, отнес нож к комоду, теряя драгоценное время, и лишь затем скрылся через окно?

По аудитории пробежал ропот.

– Что означает эта четверка? – спросил Снейдер.

– Понятия не имею, возможно, четвертую жертву.

– Но нам ничего не известно о похожих убийствах.

«Пока неизвестно», – подумала Сабина.

– Лично я не разделяю эту теорию, – сказал он.

Ничего другого Сабина от него и не ожидала.

Снейдер выключил видеопроектор.

– Завтра мы займемся анализом праворадикальной среды и рассмотрим все решения, которые судья Йоана Бек приняла за

последние три года. – В завершение он поднял руку. – По какой причине все, что мы здесь обсуждаем, имеет значение?

– Потому что однажды мы можем наткнуться на новые сведения по этому делу, – ответили все в один голос.

Сабина отлично знала это высказывание. Оно уже не раз подтвердилось на практике.

– До завтра, и не забывайте соглашение о конфиденциальности, которое вы подписали, – напомнил Снейдер. – Ни слова об этом деле! Никому!

Студенты кивнули, захлопнули ноутбуки и вышли из аудитории. Сабина поднялась и медленно сошла вниз по ступеням.

Снейдер собрал материалы в стопку.

– Эти молокососы дорого мне обходятся, – произнес он, не поднимая глаз.

Он, как всегда, был белым как бумага. Вероятно, приступ кластерной боли вот-вот начнется, потому что Снейдер оставил листы и принялся массировать болевую точку на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами. Точки были отмечены татуировками, чтобы он мог быстро найти их, когда голова грозила расколоться от боли.

– Настолько плохо? – спросила она.

– Белочка, вы понятия не имеете.

Это прозвище он дал ей во время их первого совместного дела из-за ее каштановых волос и карих миндалевидных глаз. И она никак не могла отучить от него Снейдера.

– Тогда почему вы преподаете?

Он взглянул на нее.

– А кто должен подготовить смену? Однажды я уйду со службы, и нам понадобятся профессионалы, которые смогут погрузиться в эту бездну и не лишиться рассудка.

– Я знаю, что вы были хорошо знакомы с судьей Бек. Очень сожалею по поводу ее смерти.

Снейдер остался равнодушным.

– Избавьте меня от ваших соболезнований. Если хотите знать правду, она без надобности усложняла работу нам, следователям. Ее смерть меня абсолютно не трогает – наоборот. Ее нисколько не жаль. – Теперь он начал массировать виски.



Сабина сглотнула.

– Не бойтесь, что вас будут считать расистом из-за подобных высказываний?

Он посмотрел на нее усталыми глазами.

– Единственное, чего я боюсь, – это совершить ошибку и упустить убийцу.

– Раньше вы разбирали со студентами старые нераскрытые дела, – размышляла вслух Сабина. – Почему теперь это свежее убийство?

– Потому что оно зверское и шокирующее. И на нем я смогу отсеять студентов и, так сказать, отделить зерна от плевел.

Отлично! И это уже на первых неделях обучения.

– Кто занимается этим делом? Уголовная полиция Дортмунда?

Снейдер кивнул.

– С поддержкой БКА. Следствие ведет коллега Тимбольдт. Он человек бывалый и знает, что делает.

– Тина Мартинелли была тяжело ранена, – сказала Сабина.

– Я слышал, но подробностей не знаю. Вы поэтому пришли?

Она помотала головой.

– Президент Хесс сообщил мне, что с этого момента у вас должна быть команда. Я вызываюсь работать с вами.

Снейдер улыбнулся; это выглядело жутко.

– Не лгите. Хесс вынудил меня работать с партнером. Я предложил вашу кандидатуру.

– Я польщена, – сказала она.

– И у вас есть на то полное основание. Не каждый получает возможность работать вместе со мной.

Сабина удержалась от комментария.

– В настоящий момент у нас нет никакого горящего дела. Вообще-то ничто не мешает мне провести выходные в Мюнхене.

– Подождите, – сказал Снейдер, и в тот же момент зазвонил его сотовый.

Он вытащил его из кармана пиджака и ответил на звонок. Минуту слушал, поглядывал на часы, сказал пару раз *да* и *нет* и в конце *Verdomme!*<sup>[2]</sup> Затем положил трубку.

– Вы ошибаетесь, Немез, – заявил он. – Это была секретарша Хесса. Федеральное ведомство полиции Швейцарии просит моей поддержки.

– И это означает?

– У нас есть дело. Добро пожаловать в мою команду из одного человека. У вас пятнадцать минут. Пакуйте свою зубную щетку, мы летим в Берн.

*Четверг, 24 сентября*

Кабинет для сеансов психотерапии под номером 2.07 был квадратным, каждая стена около пяти метров длиной. Ханна стояла у одного из трех зарешеченных окон. Ее взгляд падал на липовую аллею сбоку, в конце которой находился корпус для сотрудников. Она также видела маяк и улицу, ведущую к железнодорожной станции. Но под самым окном простирался один лишь скалистый склон.

Ханна смотрела на белые, рассеченные расщелинами скалы, крутые острые формы, за тысячи лет образованные эрозией. Кое-где по утесу бродили чайки и клевали рачков. «Какой здесь крутой склон!» Она представила, каково было бы сорваться вниз. «Что за абсурдная мысль. Видимо, я все-таки немного нервничаю».

Качая головой, Ханна отошла от окна и направилась к своему стулу, на котором лежала ее папка. Остальные три стула, стоящие полукругом напротив, были еще пусты. Судя по часам, через несколько минут придут ее клиенты. И тогда она наконец встретится с Питом ван Луном.

Вчера вечером она попыталась через программу на своем ноутбуке открыть протоколы сеансов Ирены Эллинг, но у нее оказалось недостаточно прав. Видимо, директор Холландер и доктор Кемпен еще не доверяли новой практикантке.

Сердце Ханны забило быстрее, когда она услышала шаги и побрякивание цепей в коридоре. Цепи? Дверь открылась, и в кабинет вошел сотрудник тюрьмы в голубой униформе. На поясе у него висели большая связка ключей, наручники, газовый баллончик, дубинка и тазер.

Мужчина кивнул Ханне.

– Ваши клиенты здесь. Не подходите к ним ближе, чем на два метра, ничего не давайте клиентам, ничего не принимайте от клиентов. Вы поняли?

Ханна кивнула.

– Хорошо. – Он отошел в сторону, освобождая проход. В комнату друг за другом вошли трое мужчин. Сначала высокий лысый здоровенный парень с бычьей шеей, за ним маленький неказистый. На обоих была одинаковая тюремная одежда: кроссовки без шнурков, серые штаны и бордовые толстовки. Третьим и последним был светловолосый привлекательный мужчина лет тридцати. На его груди был номер 23. Пит ван Лун.

Их руки не были связаны, но цепь на лодыжках позволяла делать лишь маленькие шаги, не давая передвигаться быстро. Мужчины выстроились перед Ханной. Очевидно, их предварительно проинструктировали. Ханна подождала немного, так как надеялась, что охранники снимут с заключенных цепи, но ничего подобного не произошло.

Обычно Ханна протянула бы мужчинам руку, но внутренние правила запрещали любой телесный контакт между терапевтами и клиентами. К тому же она должна была соблюдать предписанную безопасную дистанцию.

– Меня зовут Ханна Норланд. – Она старалась говорить твердым голосом. – Мне очень жаль, что ваша предыдущая терапевт погибла. Я постараюсь...

Мужчины обменялись многозначительными взглядами, которые Ханна проигнорировала.

– Я постараюсь заменить ее в меру своих сил и надеюсь на продуктивную совместную работу, – закончила она предложение.

Ханна вытерла вспотевшие ладони за спиной о брюки и надеялась, что никто из мужчин не почувствовал ее волнения. В одежде она отказалась от красного, желтого и оранжевого цветов и надела черные джинсы и серый пуловер. «Ты сможешь! Групповая терапия не так опасна, как индивидуальная, – пыталась она успокоить себя. Ее взгляд скользил по лицам Осси, Виктора и Пита. В любой группе всегда есть фанат, который считает, что должен приглядывать за терапевтом. Кто будет у меня – педофил, садист или психопат?»

Между тем в комнату вошел второй охранник, тоже с дубинкой, газовым баллончиком и тазером. Он закрыл дверь и встал рядом со своим коллегой. Оба без интереса смотрели перед собой, и казалось, что они видят сквозь кирпичную стену до самого горизонта.

Ханна с раздражением наблюдала за обоими мужчинами.

– Вы останетесь здесь?

– Такова инструкция.

– Все время?

Один кивнул.

– Каждую чертову минуту, всю неделю, весь год.

В описании проекта об этом не было речи. Ханна пыталась не выдать своего негодования. Она надеялась, что сможет беседовать с заключенными наедине. Иначе как ей добиться непринужденной и доверительной атмосферы?

– Такие правила ввели два года назад, – пояснил самый щедушный из трех заключенных.

Из досье Ханна знала, что это Осси. На плече у него сидела белая крыса с красными глазами, которая как раз подняла голову и с любопытством принюхивалась. Пятидесятилетний лысеющий мужчина выглядел невзрачно. Бывший детский педагог был якобы счастлив в браке, имел двоих взрослых детей, дом с садом – но каждый раз, когда его жена осенью уезжала в отпуск, он похищал пятилетних мальчиков, насиловал, а затем убивал и ночью зарывал в цветочной клумбе.

– Спасибо. Это ваш питомец? – спросила Ханна.

Осси кивнул.

– Терапевты сказали, это полезно для меня и моего социального поведения. Я должен учиться брать на себя ответственность. Вы против?

– Против крысы или того, чтобы вы работали над своим социальным поведением?

Осси зафиксировал ее взглядом.

– Очень смешно! Вы имеете что-то против моей крысы, да?

Веселенькое начало! Правда, из досье Осси Ханна знала, что он не только педофил, но и параноик.

– Нет. Крыса может участвовать в групповой терапии. – Она оглядела клиентов. – Пожалуйста, выберите себе стул и садитесь.

Осси приблизился к ней на опасное расстояние, и, хотя первая инстинктивная реакция была отпрянуть, Ханна не отступила ни на шаг. Напротив – она подняла голову и уверенно посмотрела ему в глаза.

– Вы невзлюбили мою крысу, – заявил Осси. – Поэтому мы с Трики решили: нам нравится этот стул.

«О’кей, он хочет затеять игру». В группе всегда есть тот, кто закидывает удочку, чтобы посмотреть, как далеко он может зайти.

– Сожалею, но это мой стул, и я не хочу, чтобы у меня сидели на коленях. Вы можете выбрать из трех других.

– Но мы хотим этот!

– Как вы видите, на нем уже лежит моя папка.

Осси сделал еще полшага в сторону Ханна.

– Если нам с Трики нельзя сидеть на этом стуле, мы не будем участвовать в сеансе терапии, вот так.

Краем глаза Ханна заметила, как один из охранников нетерпеливо барабанил по рукоятке дубинки, но легким движением руки дала понять ему, что не нужно вмешиваться. Некоторые вещи она должна уладить сама.

– Садитесь. Немедленно. Или вылетите из группы. Вам решать! Но если вы пропустите первый сеанс, то сможете присоединиться к моей второй группе лишь через несколько месяцев.

Их взгляды встретились. Это напоминало игру, в которую она до изнеможения играла в детстве с сестрой. Кто первый моргнет, тот проиграл. Она никогда не проигрывала. И сейчас не проиграет. Тем более такому, как Осси.

Она спокойно дышала и фиксировала взглядом зрачки Осси, которые становились все уже. Спустя полминуты Осси наконец улыбнулся. Отвернулся и кратко сказал:

– Ладно, стул ваш.

– Хорошо. – Она выдохнула и надеялась, что этого никто не заметил. – Еще кто-нибудь хочет устроить подобное шоу?

Никогда не используй резких слов – гласило одно из правил психотерапии. Но с этими заключенными она должна была повернуть ситуацию в свою пользу. По крайней мере, на первом сеансе.

Здоровенный Виктор молчал, а Пит ван Лун стоял у окна и смотрел на море, словно его все это не касалось.

– Тогда я прошу вас сесть, и давайте начнем со знакомства.

Пит ван Лун не отводил взгляда от горизонта.

– Знакомство, как оригинально, – пробурчал он. У него был голландский акцент, и голос показался Ханне – если уж быть честной с

собой – интересным; резким, но интересным.

Теперь к ней развернулся и лысый великан. Виктору было чуть больше пятидесяти.

– Меня эти рассказы не интересуют, я лучше постою. – Его выговор с русским акцентом звучал жестко. – И я еще подумаю, буду ли вообще что-нибудь говорить. – Он также сделал шаг в сторону Ханна, и она почувствовала его свежее дыхание и запах одеколona.

Несмотря на грубое телосложение, его ногти были чистые, лысина отполирована, а лицо свежесвыбрито. Но взгляд! Эти глаза не обещали ничего хорошего.

Из досье Виктора Ханна знала, что он крайне умен. Вырос в России, изучал архитектуру в Берлине, там же руководил собственным бюро с тремя сотрудниками и даже получил несколько наград за проекты жилых домов – и тем не менее он был прожженным садистом, который жестоко издевался над людьми и животными.

Виктор выдержал ее взгляд.

«Вот это да, у тебя отлично получилось», – подумала Ханна. Если она сейчас уступит и проявит слабость, то уже никогда не завоеует уважение заключенных. Рисковать второй раз и блефовать, как с Осси, ей не хотелось. К тому же не похоже, чтобы Пита и Виктора впечатлили угрозы молодого психотерапевта.

Она взяла папку со стула, села и положила ногу на ногу.

– Итак, на моих сеансах терапии знакомство выглядит следующим образом, – начала она. – Никто не говорит о себе, а каждый представляет своего соседа и может рассказать о нем все, что захочет.

Осси и Виктор удивленно подняли глаза и уставились на нее. Даже Пит повернул голову и взглянул в ее сторону.

*«Я знала, что это вас заинтересует».*

– Однако... – Она подняла палец, потому что было важно определить границы. – Мы будем относиться друг к другу с уважением. Это означает, что мы слушаем и не перебиваем, что бы другие ни говорили.

– Звучит интересно. – Осси первым сел на стул слева от Ханна. Он снял крысу с плеча, посадил ее себе на колени и начал гладить. – Я расскажу вам о Викторе. Он...

– Стоп! – перебила его Ханна. – Я сказала, каждый рассказывает о своем соседе. А у вас его еще нет.

Осси посмотрел на Виктора.

– Эй, садись давай, будет весело.

Виктор остался стоять.

– Мне интересно, что веселого можно обо мне рассказать.

– Садитесь, тогда узнаете, – предложила ему Ханна. Он нехотя придвинул к себе стул, перевернул его и сел перед Ханной, положив руки на спинку.

Спинка стула служила своего рода барьером между Виктором и ею, словно он хотел изменить правила игры в соответствии со своими представлениями. Но как бы то ни было – он сидел, и это было важно. Теперь один Пит ван Лун стоял у окна и наблюдал за волнами. Он наверняка не упустил ни одного слова из того, что они обсуждали.

– Валяй, маленькая крыса! – Виктор улыбнулся, показав два ряда белоснежных зубов.

– Я даже не знаю, с чего начать, – заулыбался Осси. – Виктор абсолютно больной извращенец, его психика представляет собой жалкое зрелище. Его учеба на архитектора ничего не дала. Никакая учеба ничего не дает. Если кто-то с рождения психически болен, даже самая лучшая школа не поможет. К тому же он ненавидит животных. Он должен их ненавидеть, иначе не стал бы запирает их у себя в подвале, истязать и творить с ними неизвестно что. И на Трики он все время косо смотрит, как будто хочет откусить ему голову... – Осси сделал паузу и нежно погладил свою крысу по мордочке и спинке. – А потом он все то же самое делал и с людьми.

Виктор все это время не поднимал глаз, и Ханна видела, как он борется с собой, чтобы сохранять спокойствие. В его досье стояло, что он не только истязал других, но и страдал манией величия.

– Люди, которые издеваются над животными, последние твари, – продолжал Осси. – Но он не любит ни цветы, ни людей. У него никогда не было семьи. А ведь так прекрасно иметь большую семью с детьми, которая дает тебе чувство надежности. И чтобы компенсировать отсутствие любви, которой ему не хватает, он постоянно жрет, поэтому такой жирный.

Тут Виктор обернулся.

– Пит, ты считаешь, что я поправился?

Пит по-прежнему смотрел в окно.

– Нет, просто комната стала меньше.



– Ха, слышал?

– Эй, сейчас моя очередь! – резко перебил его Осси. – Я спросил Виктора, был ли он когда-то женат. Знаете, что он ответил? Брак как ловушка для куниц – те, кто еще на воле, всеми силами хотят в нее попасть, а те, которые уже попали, – выбраться. – Он посмотрел на Ханну. – Я ответил на ваш вопрос о нем?

– Спасибо, это было очень хорошо. Теперь вы, Виктор.

На протяжении последней минуты Виктор качал ногой и двигал челюстью, словно лихорадочно обдумывал, как отомстить Осси.

Он подвинулся вместе со стулом вперед.

– Осси насильник детей, хлюпик, трус, стоящий на самой низшей ступени эволюции. Да, он сам подвергся насилию в детстве, но я не верю в это психологическое дерьмо. «Психика человека не выдерживает испытания быть всю жизнь жертвой», – передразнил он чей-то женский голос. Вероятно, предшественницы Ханны. – Чувство наслаждения связывается с насилием, и много лет спустя ему снова хочется пережить те события, только на этот раз преступником становится он сам. Херня! От него, как и от его крысы, несет потом и мочой. Его тонкие волосы выпадают, они повсюду. Это отвратительно. Они оба выродки, он и крыса, как результат неудачного имбридинга. И наверняка его жена, эта шлюха, постоянно ему изменяла, как делают все женщины.

Ханне показалось, что в комнате стало холодно. Ее пробирал озноб. Осси был абсолютно спокоен – видимо, ему уже не в первый раз приходилось все это выслушивать.

– Женщины говорят, что хотят иметь заботливого мужа, понимающего друга, который придержит им дверь, всегда гладко выбрит и опрятно одет, – продолжал Виктор. – А на самом деле мечтают о грубом, потном и бородатом мужике, который силой возьмет их на кухонном столе. Разве не так? – Он взглянул на Ханну, но та никак не отреагировала. – Вот такой и была жена Осси. Повесила ему на шею двоих детей неизвестно от кого, потому что его самого женщины не интересуют. Семья, дети, цветы, сад – все показное. На самом деле он предпочитает кое-что другое, но слышать этого не хочет. Представление закончено. – Виктор сжал губы и замолчал.

– Очень хорошо, спасибо за откровенные слова. – Ханна заметила, что Осси хочет возразить, но знаком дала ему понять, что сейчас не его

очередь. – А теперь вы, Пит. Не хотите ли присесть и высказать свое мнение об одном из ваших коллег?

Пит отвернулся от окна. Он был высокий и стройный, с мускулистыми плечами и красивыми глазами. Ханна надеялась, что в ходе терапии сможет выяснить, почему парень с подобной внешностью убивал женщин таким зверским способом.

Пит медленно подошел к одному из стульев и сел. Ханна на это не рассчитывала. Его психологическому портрету и уровню интеллекта больше соответствовал бы отказ от участия. Но когда Пит открыл рот, она поняла, что не ошиблась в нем.

– По вашему взгляду я вижу, что вы удивлены, – сказал Пит. – А так как я могу прочесть многое по вашим жестам, то расскажу кое-что о моей соседке. То есть о вас.

Этого стоило ожидать.

– Но мы говорим здесь не обо мне.

– Вот еще! Это ваши правила!

– Но мы...

– Вас не учили в университете, что нельзя перебивать клиента?

«Ладно», – подумала Ханна. Она сформулировала правила подобным образом, а он повернул условия в свою пользу и перехитрил ее. Она пойдет на это.

– Пожалуйста, мне очень любопытно. – Ханна улыбнулась.

– Вы изучали психологию, потому что у вас самой – как и у большинства тех, кто интересуется этой наукой, – есть серьезная психическая проблема. Уже подростком вы догадывались, что не такая, как другие девушки. Комплексы, фобии, депрессии, психологические травмы... широкий спектр. Жизнь была сурова к вам – впрочем, как и вы сами. – Он указал на ее запястье. – Старый шрам. Подростковый возраст?

Ханна не сглотнула, не начала дышать быстрее и уж тем более не попыталась оттянуть рукав, чтобы спрятать шрам. Она лишь внимательно слушала.

– Но вы слишком умны, чтобы отгородиться от проблем, поэтому начали разбираться в себе, – продолжал Пит. – Ваша непохожесть заставила вас выбрать поведенческую терапию – вероятно, судебно-медицинскую психологию, потому что большинство заключенных в «Штайнфельзе» сексуальные преступники. В противном случае вы бы

сюда не приехали. Но почему, спрашиваю я себя? Чисто из интереса к большой одержимости? Вы сексуально закомплексованы? Или подверглись насилию? Вероятно, всего понемногу. Прежде чем помогать другим, вы должны сначала излечиться сами. Вам буквально не терпелось пройти курс самопознания. Что же с вами произошло? Вы не носите ни обручального, ни помолвочного кольца. Видимо, друга у вас тоже нет, иначе вы бы не переехали сюда на целый год. Ваш взгляд подтверждает мне, что я прав. Разве нет?

– Да, Пит, задай ей! – выкрикнул Осси.

– Заткнись! – тихо сказал Пит, не отрывая взгляда от Ханны. – Судя по акценту, вы родом из Нидерландов. Но учились в Германии, иначе вас никогда бы не взяли на эту работу. Ваша учеба в Германии была своего рода побегом? Побегом с родины? Нет, для этого у вас слишком выраженный акцент. Побегом от семьи? Скорее это! Но куда бы вы ни сбежали – даже в такую современную тюрьму, как эта, – свободу вы обретете лишь тогда, когда взглянете своим страхам в глаза. Так что же это за страхи, Ханна?

Она не ответила, но старалась не глотать и выдержать пронзительный взгляд Пита.

– Я вижу, как вы сжимаете челюсти, – продолжил он. – Как ускоряется ваш пульс, как ваши щеки краснеют от ярости. Похоже, я задел за живое. При этом вы считали себя ужасно хитрой. Вы смогли применить на нас свои ничтожные, прилежно заученные из учебников теории и натравить Осси и Виктора друг на друга. И чувствовали себя невероятно умной, потому что вам удалось усадить нас на эти три стула. На самом деле мы всего лишь средство для достижения цели – а именно попытки излечить вашу больную душу.

– Нам вмешаться? – спросил один охранник, по-прежнему неподвижно стоящий у двери.

– Нет, спасибо, все в порядке, – отказалась Ханна. Ее пульс действительно ускорился, ладони вспотели, и она заметила, что голос охрип. Теперь ей пришлось сглотнуть, и она бы много отдала за стакан воды.

Пит откинулся назад.

– Я уже закончил.

Она кивнула.

– Вы отлично справились. Спасибо за ваши мысли и откровенность.

– Было понятно, что вы это скажете, – возразил Пит. – Вы должны ответить что-то подобное. В конце концов, этому учат в университете, верно?

– Точно. – Она улыбнулась.

– Ваша надменность всего лишь средство самозащиты, чтобы не подпустить никого из нас слишком близко.

В самую точку! Ханна пыталась не глотать.

– Вы закончили? – спросила она.

– Да.

– Хорошо, потому что сейчас я открою вам смысл этого упражнения. – Она опустила ногу, которая была перекинута на другую, и подвинулась со стулом к мужчинам. – На самом деле каждый из вас – и вы тоже, Пит – подсознательно говорили исключительно о себе и своих убеждениях. Вспомните свои слова и подумайте о том, что сказали.

Осси и Виктор смотрели на нее, открыв рот. Даже Пит мгновение выглядел удивленным. Ей показалось, что на его лице отразилось что-то вроде уважения. И она заметила еще кое-что. Все это время он держал руки сжатыми в кулаки – обычно верный признак напряжения. Но Пит ни секунды не выглядел напряженным. Наоборот. Он казался спокойным, сконцентрированным и говорил обдуманно – просто со сжатыми кулаками.

– Я отпускаю вас раньше запланированного. Мы познакомились и начали приглядываться друг к другу. Не стоит перебарщивать. Используйте это дополнительное время себе на пользу. Завтра продолжим. – Она взяла папку.

Осси погладил свою крысу.

– А чем мы завтра займемся?

– Я хотела бы поговорить с вами о ваших страхах.

Осси поднялся и посадил Трики себе на плечо.

– Единственный страх, который есть у меня... – пробормотал он и покосился на охранников, но не закончил предложение.

Ханна дождалась, пока Виктор и Пит поднялись, и проводила всех троих взглядом – они вышли из комнаты в коридор, где их ждали еще

двое охранников. И гуськом, маленькими бряцающими шагами направились в сторону блока строгого режима.

Завтра ей предстояло очередное испытание, потому что из-за присутствия охранников никто не будет говорить с ней по душам. Она непременно должна обсудить это с директором Холландером.

Ханна вышла в коридор и увидела, как Пит ван Лун в сопровождении двух охранников направился в другой проход.

– Куда его ведут? – спросила она сотрудника, который запирает кабинет для сеансов терапии.

– В библиотеку, он якобы хочет взять книгу.

*Четверг, 1 октября*

Сабина и Снейдер приземлились в четырнадцать часов в Берне, где их встретил полицейский фэдпола на черном минивэне.

– Расследование ведет фэдпол? – Единственное, что спросил Снейдер у водителя, который кивнул и положил их багаж в машину.

Сабина взяла лишь дорожную сумку с ноутбуком и одеждой на неделю. Снейдер же путешествовал с огромным чемоданом на колесиках, который он обвязал старым кожаным ремнем. Похоже, у него с собой был целый мобильный кабинет.

В машине работал кондиционер, но это было не обязательно, так как над горами сгущались темные тучи и становилось прохладно. Поездка до центра Берна длилась полчаса. Сабина написала сестре короткое эсэмэс, что отпуск пришлось отложить и она позвонит, когда появится удобная возможность.

Тем временем Снейдер разговаривал по телефону и отправил несколько сообщений. Сабина лишь уловила, что он отменил свои лекции в академии и теперь его должны были замещать коллеги. За два года учебы Сабина не раз с этим сталкивалась. На одном семестре Снейдер отсутствовал целый месяц. И каждый раз, когда он возвращался после успешно раскрытого дела, с его лица исчезала нездоровая бледность. Погоня за преступником действовала на него, как волшебный эликсир. И судя по его теперешнему виду – ввалившиеся глаза и напряженные от кластерной головной боли виски, – пришло время поймать очередного убийцу.

Какое-то время они ехали вдоль реки Аре и наконец добрались до участка, оцепленного полицейскими машинами. Слева полуостровом простирался «старый город», справа каменный мост с тремя арками вел на другую сторону города. Их водитель остановился перед мостом.

Сабина и Снейдер вышли из машины. В лицо им тут же ударил на удивление холодный ветер. Неподалеку на берегу стояли две пожарные

машины и большой строительный кран. Пожарные возвели рядом с мостом конструкцию, похожую на временную армейскую платформу.

– Сейчас вы познакомитесь с Рудольфом Хоровитцем, – сказал Снейдер. Это прозвучало как угроза. – Он немного... взбалмошный. Реагируйте на его настроение спокойно.

– Взбалмошнее, чем вы? – спросила Сабина. Это, должно быть, шутка. – Вы родственники?

Снейдер посмотрел на нее без каких-либо эмоций.

– Сделайте мне одолжение и постарайтесь в моем присутствии...

– Больше никогда не шутить, – закончила предложение Сабина.

Снейдер молча отвернулся.

Им навстречу в инвалидном кресле катил мужчина лет семидесяти, с седыми редящими волосами.

– Это он? Снейдер кивнул.

– Он же...

– Парализован ниже пояса, – объяснил Снейдер. – Пять лет назад пуля попала ему в позвоночник, раздробила четвертый поясничный позвонок, застряла в кости и полностью разрушила спинной мозг.

– Нет, я не об этом. Он... старый.

Снейдер коротко взглянул на нее.

– Я бы назвал это *опытный*.

Они прошли мимо нескольких патрульных автомобилей, полицейских, следователей и пожарных, которых Снейдер демонстративно проигнорировал. Сабина буквально чувствовала ожидающие и любопытные взгляды, направленные им в спину.

В следующий момент Хоровитц подъехал к ним. Он протянул Снейдеру руку, и тот крепко ее пожал.

– Мы не виделись больше трех с половиной лет. Твои визиты прекратились, – сказал Хоровитц.

– Было много дел.

– А ты, друг, пострашнел.

Снейдер ничего не ответил, что было на него не похоже. Очевидно, Хоровитца ничуть не смущали особенности Снейдера, так как он сам был своенравным чудачком, а Снейдер такое уважал.

Хоровитц посерьезнел.

– Я слышал, твой партнер умер. Соболезную.

– Уже давно. Иммунодефицит. Я справился с горем. – Снейдер взглянул на Хоровитца. – Но особо не надейся. Ты для меня слишком стар.

Хоровитц улыбнулся.

– А ты не изменился. Может, представишь мне свою молодую спутницу?

– Немез – Хоровитц, Хоровитц – Немез, – сказал Снейдер. – Труп под мостом? – Он ступил на металлическую платформу.

Хоровитц коротко кивнул Сабине.

– Да. Его обнаружили сегодня около семи утра.

Снейдер направился к первой арке, а Хоровитц развернулся в своем кресле.

– Не обижайтесь на этого старика, – прошептал он. – Иногда он бывает взбалмошным. Рудольф Хоровитц. – Он протянул Сабине руку.

– Сабина Немез, – ответила она. Его рукопожатие было крепким, кожа на ладони шершавой от управления инвалидным креслом.

– Я не знал, что у него есть партнерша.

– С сегодняшнего дня. Президент БКА Хесс решил, что он должен работать в команде.

– Снейдер и... в команде? – Хоровитц рассмеялся. – Видимо, старый добрый Хесс решил поиздеваться над ним?

Сабина кивнула. Видимо, о напряженных отношениях обоих мужчин знали даже за пределами страны. Насколько Сабине было известно, четыре года назад Снейдер спас жизнь жене Хесса, когда тот позорно облажался как начальник службы безопасности на одной конференции. Снейдер обвинил своего руководителя в некомпетентности, за что Хесс по сей день держал на него обиду. В свою очередь Снейдер ждал от Хесса банального «спасибо» – которого, разумеется, так и не последовало. К счастью, с тех пор Снейдер находился под личной защитой жены Хесса Дианы, иначе тот давно бы отстранил Снейдера от работы за его эскапады.

– Пойдемте, я покажу вам место преступления. – Хоровитц ухватился за колеса своего инвалидного кресла и покатил по металлическому помосту.

Сабина последовала за ним. Когда они добрались до первой арки моста, Сабина невольно затаила дыхание. Под темным сводом на одних лишь собственных волосах болталась обнаженная женщина. Ее



лицо было повернуто в сторону, но Сабина дала бы ей на вид лет пятьдесят. Черные длинные волосы крепились где-то под перекрытием арки моста. Две вороны, которых не пугало присутствие Снейдера, сидели на плечах убитой и клевали ее плоть.

Любой другой следователь, которого знала Сабина, тут же разогнал бы ворон, но Снейдер неподвижно стоял и наблюдал за этой сценой.

– Кто-то уже был на месте преступления? – прошептал Снейдер, чтобы не спугнуть ворон.

– Да, несколько людей из криминалистического отдела, – ответил Хоровитц, – но я отослал их обратно.

Снейдер едва заметно кивнул.

– У тебя есть фонарик?

Хоровитц подъехал ближе и протянул ему маленький карманный фонарик, которым Снейдер осветил опоры и нижнюю часть моста. Он вытянул свободную руку, растопырил пальцы, словно хотел почувствовать ветер, и шумно вдохнул коктейль из всевозможных запахов, скопившихся под мостом.

Каждое место обнаружения трупа имеет собственную уникальную атмосферу – так всегда утверждал Снейдер. Оно как раненое существо в предсмертной агонии, чье дыхание с каждой минутой ослабевает, то и дело пропадает, пока не исчезнет безвозвратно. Снейдеру было необходимо остаться наедине с местом преступления, пока коллеги не прошлись по нему в своих бахилах и не разрушили хрупкую атмосферу.

– Как убийце удалось таким образом прикрепить труп? – спросила Сабина.

Снейдер коротко обратился к Хоровитцу:

– Сверху на мосту предусмотрена шахта с доступом к электропроводке для освещения?

– Нет, – ответил Хоровитц, – но есть своего рода колодец для отвода дождевой воды.

– Тогда наш убийца поднял крышку люка, привязал к волосам трупа веревку и спустил на ней тело через колодец. – Снейдер сделал паузу. – Но вопрос не в этом, Немез! – Снейдер присел на корточки и оглядел берега реки. – Вопрос заключается в том, почему он сделал все именно так, а не иначе? Он мог бы повесить труп на дереве в лесу и не

рисковать, что его увидят. – Снейдер продолжал сидеть на корточках. – Полагаю, это место не попадает в поле видимости камер на мосту?

Хоровитц мотнул головой.

– Мертвый угол.

– Уличное освещение на мосту отключают ночью?

– Между двумя и пятью часами.

– Предполагаю, что он притащил сюда убитую ровно в два часа ночи. После отключения освещения одну-две минуты стоит особенная темнота, пока глаза возможных свидетелей привыкают к сумеркам.

– Слишком притянута за уши, – заметила Сабина.

– Нет, несколько. – Снейдер помотал головой. – Я бы сделал именно так, а если убийца хоть немного соображает – а он соображает, – он бы действовал точно так же. – Снейдер огляделся. – Вероятно, он перевозил труп в небольшом фургоне или грузовике. Если проанализируете записи с камер видеонаблюдения и проверите все машины, которые за это время проехали по мосту, то почти наверняка выясните, что среди них был украденный автомобиль.

– Мы его уже нашли. Небольшой грузовик черного цвета. Стоял недалеко от Центрального вокзала.

– Дай угадаю: криминалисты ничего не обнаружили.

Хоровитц кивнул:

– Только следы жертвы.

– Когда и где был украден автомобиль?

– Вчера, также на Центральном вокзале.

Снейдер задумчиво посмотрел на труп.

– Почему он вернул грузовик?

– Возможно, убийца не из Берна, – предположил Хоровитц. – Он приехал на поезде и скрылся тем же способом.

– Не-ет. – Снейдер прозвучал не очень убедительно. – Он не хотел, чтобы об угоне заявили в полицию. Однако это ему не удалось. Первая ошибка. На вокзале есть камеры видеонаблюдения?

– На этой парковке нет.

Снейдер снова посмотрел вниз по реке.

– Что отсылает нас к первоначальному вопросу. Почему он рискует и размещает труп именно так? – Он, кряхтя, поднялся. – Когда восход солнца?

– В семь двадцать девять.

– Когда именно обнаружили труп?

– В семь десять.

Снейдер сунул в рот самокрутку. Через несколько секунд под мостом распространился сладковатый запах марихуаны.

– Полагаю, женщина весит шестьдесят килограммов, смерть наступила максимум двадцать четыре часа назад. Гниение началось недавно, так что корни волос еще не ослабли и волосы не вырываются. Иначе труп упал бы в воду и поплыл по течению. Но он хотел, чтобы мы нашли ее именно вот так. Поэтому подвесил ее здесь, а не где-то в лесу.

Сабина напряженно прислушивалась и видела, что Хоровитц тоже внимательно слушает.

– Почему он хотел, чтобы ее нашли висящей? Выставленной на обозрение всем жителям Берна, как только взойдет солнце? – Снейдер обернулся к Сабине: – Вот вопрос, на который мы должны ответить. – Затем посмотрел на Хоровитца: – Меня беспокоит еще кое-что: почему ты меня вызвал? Я вряд ли смогу сказать тебе больше, чем ты и сам знаешь.

В следующий момент сильный порыв ветра под мостом качнул и развернул труп. Сабина затаила дыхание. Лицо убитой обвисло, глаз и губ уже не было. А на ее животе, между пупком и лобковыми волосами, был вырезан знак бесконечности.



Сабина невольно подумала об убитой судье из Дортмунда Йоане Бек и о символе у нее на лбу.

Снейдер тоже замороженно рассматривал труп. Он вытащил косячок изо рта и полез в карман пиджака за диктофоном.

– Я знал, что тебя это заинтересует, – сказал Хоровитц.

– Да. – Снейдер подошел ближе к трупу, поднес диктофон ко рту и стал говорить в микрофон: – Я знаю, чей это почерк, но это невозможно... – Он затаился, закрыл глаза, и его голос внезапно изменился – стал деловым, отстраненным и холодным. – Подозреваемый под номером ноль. Я полагаю, вы находитесь

неподалеку и в этот момент наблюдаете за нами. Что вы чувствуете, видя нас стоящими рядом с трупом?

Снейдер был в своей стихии – теперь ему лучше не мешать.

Похоже, Хоровитца посетила та же мысль, и он подал Сабине знак следовать за ним. Они удалились от места преступления на несколько метров по настилу в сторону берега. Сабина снова взглянула на мужчин и женщин, которые ждали на берегу, когда Хоровитц наконец разрешит им продолжить работу. Один рыжеволосый мужчина в черной ветровке особенно нервничал. К счастью, он не знал, что теоретически Снейдер мог провести рядом с трупом несколько часов.

Хоровитц кивнул в сторону берега.

– Это Рюти из федпола. Он руководит следствием. Молокосос, который всего три года на службе. Не обращайтесь на него внимания.

– Я тоже окончила академию этим летом, – объяснила Сабина.

– Надеюсь, это не прозвучит нетактично, но вы выглядите намного старше.

– Мне тридцать, и раньше я служила в уголовной полиции Мюнхена.

– Крутая карьера, – заметил Хоровитц, и Сабина не знала, иронизирует он или нет, но склонялась к первому варианту. – Но если вы партнерша Снейдера, значит, мозги у вас на месте, – продолжил Хоровитц, – потому что желторотых юнцов Снейдер рядом с собой не потерпит.

– Вы можете заткнуться? – прокричал Снейдер. В следующий момент он снова отвернулся к трупу.

– Пойдемте, – прошептал Хоровитц и покатил в своем инвалидном кресле к берегу. – Не будем мешать мастеру.

– Почему вы вызвали Снейдера в качестве консультанта?

– Это больше, чем просто консультирование, – поправил ее Хоровитц. – Всесторонняя поддержка по взаимному обмену информацией – международная помощь, если хотите.

– А почему?

– Ну, он знаком с жертвой. Так же, как и я. Это Никола Висс. Она является – или, скорее, являлась – директором федпола. Руководила федеральным ведомством полиции. К тому же была членом рабочей группы по безопасности, которая консультирует комитет безопасности бундесрата.

Сабина посмотрела в сторону берега.

– Поэтому все так нервничают.

– Нервничают – не то слово. – Хоровитц попытался улыбнуться. – Взгляните на людей там. Они боятся. И знаете почему? У них есть знания и технологии, но нет опыта в их применении. – Хоровитц посмотрел на Сабину: – Почему вы улыбаетесь?

– Да так, ничего особенного. – Она помотала головой. Почему Хоровитц не должен быть с ней откровенным? – Снейдер сказал мне, что вы с ним очень похожи.

– И что вы думаете?

– В определенном смысле он прав, но у меня сложилось впечатление, что вы более расслаблены.

– Внешне, наверное. В конце концов, мне уже семьдесят, и у меня просто нет сил волноваться по нескольку раз в день.

Сабина засмеялась, но потом снова посерьезнела.

– Снейдер хорошо знал жертву?

– Да, можно и так сказать. – Хоровитц сжал губы. – Пять лет назад она хотела открыть дисциплинарное дело в отношении Снейдера.

Сабина пожала плечами.

– Она не первая, кто пытался это сделать. – Потом задумалась. – Но из-за границы?

– Висс подала начальнику Снейдера жалобу на его действия и инициировала дисциплинарное судопроизводство. Дело чуть не дошло до конки.

– «Конка»? – удивленно повторила Сабина.

Хоровитц поморщился.

– Вы действительно еще не так долго на службе. Это означает: конец карьеры, – объяснил он. – Тогда Висс чуть не разрушила его карьеру. БКА провело ревизию и ведомственное расследование. В итоге к делу подключилась прокуратура Висбадена, которая, – после того как я дважды дал показания, – решила не заводить уголовного дела.

Хоровитц замолчал, но Сабина не стала расспрашивать. Если он захочет рассказать что-то еще, он это сделает.

Они достигли берега и перебрались с платформы на мост. Сабина застегнула молнию куртки, сунула руки в карманы и села на каменный

парапет. Хоровитц смотрел на реку вниз по течению. У них за спиной полицейский направлял транспорт в объезд.

– Пять лет назад мы со Снейдером работали над одним международным делом, – заговорил Хоровитц. – Вместе составили психологический портрет убийцы и шли за ним по следу до самой Швейцарии. Снейдер прилетел в Берн. Мы догадывались о планах преступника и действительно сумели предотвратить еще одно убийство.

– Вы его схватили?

– Да, схватили, но... – Хоровитц сделал паузу. – Называйте это сопутствующими потерями. Мы очень рисковали, но в итоге победили. Преступнику я обязан тем, что сижу сейчас в инвалидном кресле, а Снейдеру – жизнью.

*Четверг, 24 сентября*

– Вы хотите со мной поговорить? – спросил директор Холландер. Ханна сложила руки за спиной.

– Да, и я признательна, что вы так быстро смогли найти для меня время.

– Пять минут, затем у меня телефонная конференция.

– Конечно. – Ханна была уверена, что Морене было велено выставить ее из кабинета через пять минут.

– Присаживайтесь.

– Спасибо, я постою.

Директор Холландер остался сидеть за своим массивным письменным столом.

– Как прошла ваша первая встреча? – Он взглянул на монитор своего компьютера и принялся кликать мышкой. – Я не нашел вашего отчета в программе терапии.

– Наш сеанс недавно закончился, и у меня еще не было времени вписать результаты.

– Ах вот как? – Холландер удивленно посмотрел на нее. – Эта программа – ключевой элемент нашей терапии. Ключевой элемент этой клиники, если хотите. Я очень ценю сотрудничество и дисциплину – потому что лишь так мы добьемся успеха.

– Именно об этом и речь, – сказала Ханна. – Я могу добиться успеха лишь в том случае, если клиенты будут доверять мне, а основа доверия – благоприятная атмосфера, располагающая к непринужденным разговорам.

– Я слышу нотки сарказма в вашем голосе?

– Нет, я никогда бы себе этого не позволила, – быстро возразила она. – Но если я не могу предложить своим клиентам такую атмосферу, то терапия просто абсурдна.

– Ну, для этого вы и учились. Вы, конечно, молоды и не очень опытни, но придумайте что-нибудь.

– Это невозможно. Клиенты приходят в кандалах. Это же средневековые методы.

– Да, вы верно заметили, у нас очень строгие меры безопасности. Клиенты покидают свои камеры только в кандалах. Это и в ваших интересах. Кроме того, я не могу подвергать своих сотрудниц риску.

– Как хотите, – ответила Ханна. – Но есть еще один пункт. В присутствии охранников клиенты никогда не расскажут мне о своих настоящих фантазиях или скрытых причинах своих поступков. Они будут опасаться, что один из сотрудников передаст информацию в отдел психиатрической экспертизы лиц, совершивших насильственные и сексуальные преступления.

– Хотите сказать, что мой персонал разглашает конфиденциальную информацию?

– Нет, я вообще ничего не хочу сказать. Но клиенты могут такое допускать. Поэтому будут вести себя так, как мы этого от них ожидаем.

Холландер жалостливо вздохнул.

– Не люблю повторяться, но вы сами захотели пройти у нас практику – и, несмотря на ваш юный возраст, я дал вам такой шанс. Вы чувствуете, что не справляетесь?

– Ни в коем случае. Я просто хотела сказать, что не смогу выстроить доверительных отношений с клиентами, пока на сеансах терапии будут присутствовать вооруженные охранники.

Холландер подался вперед.

– Что вы предлагаете? Оставить вас одну в комнате с тремя мужчинами?

Ханна сделала глубокий вдох и выдох.

– Да.

– С педофилом, садистом и психопатом?

– Я думала, все трое клиенты? – едко заметила она.

– Так и есть, но ваше предложение связано с огромным риском. Если я оставлю ваших клиентов в кабинете для терапии без надзора, тогда мне придется связать им руки и ноги и приковать всех троих к стульям. Вам так больше понравится?

– Нет.

– Вот видите! То есть вы хотите проводить сеансы психотерапии наедине со своими подопечными, в то время как они могут свободно



перемещаться по помещению?

– Я беру на себя всю ответственность.

– Всю ответственность, – со смехом повторил он. – Сколько вам лет? Сколько раз вы уже бывали в похожих ситуациях? – Это был риторический вопрос, потому что он был очень хорошо знаком с ее личным делом. – Не думаю, что вы понимаете, на что идете.

– Я получила образование, чтобы контролировать такие ситуации, – возразила она. – Скрытая камера видеонаблюдения в комнате и охрана за дверью – этого достаточно.

– Вы так думаете? – Он достал из ящика письменного стола папку. – Подойдите сюда! Я вам кое-что покажу.

Ханна подошла ближе.

Он открыл папку и вытащил фотографию.

– Так ваша предшественница Ирена Эллинг выглядела сразу после смерти.

Ханна взяла снимок. Цветная фотография на глянцевой бумаге. Рядом с головой трупа располагалась линейка, видимо, принадлежавшая криминалистам.

– Вот еще снимки. – Холландер выложил на стол несколько фотографий.

На скалах лежало распростертое безжизненное тело Ирены Эллинг с открытыми переломами рук и ног.

Ханна сглотнула.

– Я думала, моя предшественница погибла в результате несчастного случая.

– Она выбросилась из окна кабинета 2.07.

– Самоубийство?

– После своего последнего сеанса она осталась в помещении. Охранники подтвердили, что она была одна. Тогда на окнах еще не было решеток. Мы хотели создать благоприятную атмосферу. – Слова Холландера прозвучали язвительно. – Затем она бросилась вниз на скалы. – Он протянул Ханне еще одну фотографию. На этот раз судебно-медицинский снимок.

Левая половина лица Эллинг была полностью вдавлена. Ханна отвела взгляд.

– Да, это сделали с ней ваши клиенты, – сказал Холландер.

– Мои клиенты? – повторила Ханна. – Вы же сказали...

– А как вы думаете, почему она покончила с собой? На человека можно оказать психическое давление и довести до самоубийства. – Холландер поднялся и прошелся по кабинету. – В этом заведении я несу ответственность, и, чтобы подобных происшествий больше не было, во время сеансов психотерапии в комнате и дальше будут присутствовать двое охранников, которые смогут тут же вмешаться, если обстановка накалится.

Ханна сжала за спиной кулаки. Про Ирену Эллинг он должен был рассказать ей намного раньше, но, очевидно, Холландер предпочитал обходить некоторые вещи молчанием, чтобы не запятнать репутацию своего проекта.

Ханна покосилась на фотографии. Теперь ей стало ясно, почему она так легко получила эту работу. Очевидно, слухи о смерти Эллинг распространились в профессиональных кругах, и директор Холландер не мог найти другого психотерапевта для этой группы. Да и кто захочет работать с Питом ван Луном?

– Я разделяю ваши опасения, – снова начала Ханна. – Но я... – Она чуть было не сказала требую. – Но я прошу вас, чтобы во время сеансов терапии охранники хотя бы надевали наушники и беседы становились более или менее личными.

– По какой причине вы так упорно на этом настаиваете?

– Я тщеславна не меньше вас, что касается успеха проекта, – а для этого мне необходимо завоевать доверие группы.

Директор Холландер пристально посмотрел на нее.

– Нет.

На этот раз она тоже уставилась на него.

– Полагаю, на мое место было не так много желающих. Хотите потерять меня?

– Вы хотите уволиться?

– Существуют и другие пенитенциарные учреждения с местами для практикантов.

Для Холландера этот блеф прозвучал как неприкрытая угроза. Но когда ты пять лет живешь в университетском общежитии, регулярно играешь с сокурсниками в стрип-покер и не хочешь постоянно раздеваться до нижнего белья, то научишься обманывать других. К тому же Ханна изучала психологию.

Она не отпрянула, не моргнула. Тут зазвонил телефон Холландера, и ему пришлось отвести взгляд.

Он нажал на кнопку на переговорном устройстве.

– Да?

Это была Морена.

– Граф Эрих фон Кесслер на второй линии.

– Пусть минуту подождет, – рявкнул он и отпустил кнопку.

– Так что же? – не сдавалась Ханна.

Холландер взглянул на нее.

– Ладно.

– Если в комнате есть зеркало-шпион, его нужно убрать.

– Такого у нас нет.

– И если в помещении висят камеры, на которые вы записываете сеансы, их тоже нужно снять.

– Как вы себе это представляете? Их нельзя демонтировать.

– Тогда хотя бы отключите их.

Он заскрипел зубами. Но в конце концов кивнул:

– Ладно.

Ханна с облегчением вздохнула. Посмотрим, что Пит расскажет ей в следующий раз... если вообще откроет рот.

*Четверг, 1 октября*

Дверь открылась, и Сабина вышла из лифта. Хоровитц катился за ней в инвалидном кресле. На последнем этаже жилого дома пахло чистящими средствами. Здесь располагалось только две квартиры. Сабина перегнулась через перила и посмотрела вниз в лестничный пролет. Снейдер пешком поднимался по ступеням. Он все еще что-то бурчал в свой диктофон, но Сабина не могла разобрать ни слова.

Лишь достигнув последнего этажа, он выключил прибор и спрятал его в карман пальто.

– Это серийный убийца, – констатировал он.

Хоровитц кивнул, соглашаясь.

– Хотя до сих пор он совершил всего одно преступление? – скептически спросила Сабина.

– Мы не можем сказать этого с полной уверенностью.

– Думаете, этот случай и убийство в Дортмунде как-то?..

– Нет, я так не думаю, – перебил ее Снейдер. – Но я знаю, что он обязательно продолжит. Это только начало.

– Почему вы так уверены?

– Посмотрите на место преступления под мостом, – сказал Снейдер. – Убийца хотел унижить жертву и выставить напоказ. У этого поступка однозначно психологический мотив.

– Каков будет его следующий шаг?

– Если бы мы знали, – вздохнул Хоровитц. – В любом случае он продолжит воплощать в реальность свои идеи и фантазии. Мы должны подождать, что еще он нам покажет, чтобы мы смогли его лучше изучить. – Он передохнул. – А что произошло в Дортмунде?

– Ничего. – Снейдер скривил рот. – Хватить болтовни. Сконцентрируемся на этом деле. – Он указал на дверь квартиры, на которой не было таблички с фамилией. – Это ее квартира?

– Да. – Хоровитц подкатился к двери и постучал. Дверь открыл рыжеволосый мужчина, которого Сабине до этого представили как

комиссара Рюти. Он выехал сюда чуть раньше, чтобы точнее проинструктировать команду криминалистов, работавших здесь уже несколько часов. На Рюти были латексные перчатки и бахилы, такую же экипировку получили от него Сабина и Снейдер.

Хоровитц первым въехал в квартиру, за ним последовал Снейдер. Он ненадолго остановился в дверях и провел пальцами в перчатке по замку. Сабина заглянула ему через плечо. Никаких следов взлома!

Затем в квартиру вошла Сабина. Значит, вот где жила директор федпола. Очевидно, Никола Висс не имела пристрастия к безделушкам. Во всей двадцатиметровой квартире с крышей-террасой не было ни одной полки с фарфоровыми фигурами, никаких календарей, декоративных салфеток, чего-либо связанного или рукодельного.

Квартира была стерильной и функционально оборудованной. Зона отдыха с кожаным диваном кремового цвета и плоским телевизором, мини-кухня с барным стулом, большие мансардные окна и широкий застекленный фасад, за которым начиналась терраса с навесом. Даже на ней не было горшков с цветами. Повсюду хромированные поверхности и неоновые лампы в футуристическом стиле. Никола Висс производила на Сабину впечатление не самой домовитой хозяйки.

По пути в спальню Сабина прошла мимо стены, увешанной свидетельствами, дипломами и грамотами, и внимательно ее изучила. В этом отношении Снейдер был совсем другим. В его кабинете висела одна-единственная фотография – голландской королевской семьи, – в рамке и с персональной подписью. Похоже, больше Снейдер ничем не дорожил.

В конце стены Сабина наткнулась на фотографию Висс – в парадной полицейской форме во время церемонии награждения. Кто-то пожимал ей руку и вручал скульптуру. У Висс было узкое лицо, резкие черты, и, даже несмотря на торжественный повод, улыбалась она как-то ожесточенно. Сабина заметила, что Висс не носила обручального кольца. На трупе она его тоже не видела.

Сабина снова подумала об убитой судье из Дортмунда. Две женщины-карьеристки на высоких должностях – с одним лишь отличием, что одну убили в спальне собственного дома, а другую повесили под мостом в Берне.

Дверь спальни была приоткрыта, но Сабина не вошла в комнату, потому что криминалисты как раз снимали там отпечатки пальцев с мебели.

Сабина лишь увидела, что простыня и одеяло не были смяты. Простая односпальная кровать. Возможно, прошлой ночью Никола Висс даже не входила сюда, а была похищена уже перед домом, в подземном гараже или на лестничной площадке перед квартирой. Сабина вернулась в гостиную.

Снейдер стоял перед домашним баром рядом со стационарным телефоном и нетерпеливо барабанил пальцами по стойке.

– Вы скоро закончите? – спросил он молодого криминалиста, который с помощью кисточки и магнитного порошка выявлял на кнопках аппарата отпечатки пальцев и снимал их на желатиновую пленку.

– Да, вы можете уже пройти сюда. – Мужчина сделал шаг назад и непроизвольно задел локтем бутылку в баре, которая опрокинулась и затанцевала по стойке.

Снейдер быстрым движением поймал бутылку и поставил на место.

– У вас реакция, как у железнодорожного шлагбаума.

– Извините, я думал, что за мной...

– Вы к тому же хотите втянуть меня в разговор? – напустился на него Снейдер.

Мужчина без комментариев развернулся и исчез. Сабина ненавидела, когда Снейдер приходил в ярость из-за большого количества людей вокруг. В таких случаях от него лучше было держаться подальше.

Она молча встала рядом и смотрела, как он нажал на кнопку автоответчика. Из динамика раздался отстраненно-холодный женский голос со швейцарским диалектом.

«В настоящий момент нас нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение. Мы перезвоним». Затем следовал гудок.

Хоровитц тоже подъехал к домашнему бару.

– Сообщения на автоответчике есть?

Снейдер помотал головой и еще раз прослушал текст. Сабина отчетливо слышала, как на заднем плане лаяла собака.

– Я полагаю, директор Висс была не замужем, и спутника у нее тоже не было, – заключила Сабина.

Хоровитц кивнул:

– Она жила одна.

– Почему тогда в приветствии для автоответчика она говорит «мы»?

– Небольшой психологический трюк. У такой женщины, как Висс, была служебная квартира с засекреченным адресом и телефонным номером. Но на случай, если кто-то выяснит, где она живет, это «мы» должно было отпугнуть возможных грабителей.

– А где собака, которую слышно на автоответчике? – спросила Сабина. – Тоже трюк?

Хоровитц кивнул.

– Когда она наговаривала текст для автоответчика, на заднем плане включили запись с собачьим лаем. Лай должен был отпугнуть сталкеров. В свое время была моя идея. Ее взяли на вооружение многие полицейские.

– Правда, это не особо помогло. – Снейдер повернулся к Рюти и щелкнул пальцами: – Эй, вы! У вас найдется три минуты?

Рюти подошел к ним.

– И даже больше, если нужно. – Он приветливо улыбался.

– Нет, не нужно. Что вы думаете насчет раны на животе трупа?

– Хм, не хотите дождаться заключения судмедэксперта?

– Именно его я ждать не хочу!

– Хорошо. Значит, главврач говорит, что...

– Не позволяйте другим думать за вас, – перебил мужчину Снейдер. – Что вы об этом думаете?

– Ну, я думаю...

Снейдер поднял руку и показал три пальца.

– Если получится – в трех кратких и четких предложениях!

Сабина отвернулась. Ей лучше уйти, иначе Снейдер взбесится. Он не проявлял никакого уважения, даже как приглашенный за границу консультант. Снейдер разделял мнение, что у убийства, не расследованного в течение двух дней, плохие шансы быть раскрытым. Разве что он им займется! Но это обстоятельство не оправдывало хамства и стремления унижить всех и вся вокруг, что было не из Голландии.

– Куда вы направляетесь, Немез? – крикнул Снейдер ей вслед.

– На свежий воздух, от такого количества тестостерона у меня начинает болеть голова. – Она открыла дверь на террасу и вышла наружу.

Квартира директрисы находилась на восьмом этаже. Фасад старинного здания был украшен лепниной, а балконы ниже были далеко не такими современными, как у Николы Висс. Видимо, террасу на крыше достроили во время ремонта дома.

Сабина оперлась на перила и застегнула молнию куртки. С запада через Берн дул холодный ветер. Отсюда открывался чудесный вид на реку Аре, которая змейкой вилась по городу, и расположенные за ней горы. Некоторые вершины даже были белыми. Через месяц или два снег будет лежать и на крышах домов. Никола Висс уже никогда не насладится этим видом, а тот, кто въедет в эту служебную квартиру, унаследует вид на Аре и мост у нижних ворот, под которым висел труп бывшей хозяйки. Наверное, это – как и все детали убийства – также носило символический характер.

Сабина вытащила сотовый телефон и позвонила в центральный офис БКА в Висбадене, попросила, чтобы ее соединили с больницей в Хагене. Спустя минуту ожидания она услышала, как трубку передали дальше.

– Это БКА, – прошептала женщина. – Поговоришь с ними?

Наконец-то на связи была медсестра из реанимации.

– Алло?

– Добрый день, меня зовут Сабина Немез, я коллега Тины Мартинелли. Я знаю, что вы не даете по телефону никаких справок о пациентах, но я по службе нахожусь за границей и хотела только...

– Все в порядке, – перебила ее женщина. – Фрау Мартинелли предупредила меня, что вы позвоните.

Сердце Сабины подпрыгнуло.

– Она в сознании? Как она себя чувствует?

– Ну, вы сами говорите про невозможность предоставления информации по телефону, – пробормотала медсестра. – Фрау Мартинелли назвала мне ваше прозвище, которое преподаватель дал вам...

– Белочка, – тут же ответила Сабина. Это прозвучало как код в плохом фильме про агентов.



– Хорошо. – Было слышно, что женщина заулыбалась, но потом продолжила серьезным тоном: – Стиллет серьезно повредил ее легкое и едва не задел другие внутренние органы. Операция продолжалась пять часов. Ночь была достаточно критичной, но сейчас фрау Мартинелли вне опасности. В настоящий момент она спит.

У Сабины все сжалось в груди. Стиллет? Легкое? Внутренние органы?

– Спасибо, – выдавила она. – Когда она сможет покинуть больницу?

– В реанимации она останется еще как минимум на два дня, а потом будет видно.

– Спасибо. Когда она проснется, передайте ей, пожалуйста, что я звонила и желаю ей скорейшего выздоровления.

– Конечно.

Сабина положила трубку. «Вот что за проклятье! Всего пару месяцев на службе – и уже такое! Тина, во что ты там вляпалась?»

Она подняла голову, посмотрела на затянутое облаками небо и почувствовала, как ветер сушит слезы, наворачнувшиеся ей на глаза. Затем она убрала сотовый и вернулась в квартиру.

Снейдер, Хоровитц и Рюти по-прежнему стояли у домашнего бара и беседовали о знаке бесконечности. Очевидно, Снейдер не всегда придерживался своего правила трех предложений.

Снейдер повернул голову.

– Вы закончили свой приватный разговор? – резко спросил он. Его настроение еще больше ухудшилось.

– Как видите, да, – ответила она.

– Тогда, возможно, хотите внести свой вклад в расследование этого дела.

Сабина подошла к мужчинам.

– Нам срочно необходимо заключение судмедэксперта о резаной ране на животе убитой, чтобы сравнить ее со следами разрезов в деле об убийстве Йоаны Бек в Дортмунде. Возможно, речь идет о похожем канцелярском ноже.

Хоровитц поднял глаза.

– Судья Бек мертва?

*Четверг, 24 сентября*

Ветер шуршал листвой деревьев и гнал опавшие листья по липовой аллее. Этот вид напоминал Ханне о детстве. Как раньше, когда маленькой девочкой гуляла вечерами с отцом по осеннему Амстердаму, она бежала сейчас, пиная кроссовками листву.

На Ханне были тренировочные штаны и ветровка. Маршрут ее пробежки проходил мимо маяка и вокруг острова. Теперь она вернулась на плато и как раз достигла конца аллеи. За спиной находился корпус для сотрудников, а впереди главный вход в тюрьму. Багровое солнце опускалось за облака на горизонте. Ханна могла бы поужинать в ресторанчике рядом с железнодорожной станцией. Но она не хотела есть – к тому же на сегодняшний вечер у нее были другие планы.

Она прошла мимо главного входа и свернула на узкую заасфальтированную дорожку, которая вела вокруг тюрьмы к тыльной стороне здания. Рядом с высокой кирпичной стеной росли тощие кустарники и стояли заросшие плющом мраморные скамьи. Липовая аллея и этот участок казались единственными приветливыми местами на плато скалистого острова. Ханне казалось, что повсюду за их пределами уже много десятилетий назад поселились ненависть, страх и безумие.

Она обошла старую кирпичную стену. С другой стороны была площадка для разворота и большие решетчатые ворота, за которыми начиналась зона заключенных. За высокими стенами с камерами и колючей проволокой находился внутренний тюремный двор, как она знала из флаера. Где-то в шестиэтажном кирпичном здании должны быть три этажа камер для сорока двух заключенных. С этой стороны здания решетки на окнах были массивнее, чем на фасаде. Заключенным открывался вид на внутренний двор и, через колючую проволоку, на море. Наверняка в тюрьме найдется еще место для как минимум ста заключенных, но их переведут сюда лишь после

успешного завершения пилотного проекта – а это может затянуться на много лет. Как психотерапевт, она хотела внести свой небольшой вклад. Правда, находилась здесь совсем по другой причине. Но об этом никто не должен был узнать.

Ханна дошла до конца разворотной площадки и посмотрела на другую боковую сторону тюрьмы. Вдоль нее можно было бы вернуться на липовую аллею. Теоретически. Тогда она обошла бы здание вокруг. Но это было невозможно, потому что старый корпус, в котором находилась медицинская часть доктора Кемпен с бывшим изолятором, выдавался наружу. Этот корпус располагался на узком мысе, с обеих сторон окруженном скалами, что делало его практически непреодолимым – разве что кто-то был готов рискнуть и совершить смертельно опасный переход по узкой гравиевой дорожке и крутым обрывистым скалам.

Ханна сосчитала окна на втором этаже. Третье справа – должно быть, кабинет доктора Кемпен. Когда Ханна находилась у нее, она видела из окна часть разворотной площадки. К тому же это было единственное окно без решетки. В комнате горел свет, но больше она ничего не разглядела.

Ханна присела на камни и вытащила из кармана куртки телефон. Ветер трепал ее волосы и охлаждал вспотевший затылок. Она нажала на кнопку быстрого набора «Дом».

После третьего гудка кто-то снял трубку.

– *Hoi, met Emma. Met wie spreek ik?*<sup>[3]</sup>

Эмма была ее младшая сестра. Скоро ей исполнялось девятнадцать, а она все еще жила в маленьком отеле их родителей.

Ханна тут же мысленно переключилась на родной язык.

– Как у тебя дела, малышка? – спросила она по-голландски.

– Спасибо, хорошо, – ответила Эмма. – Ты уже?..

– Да, я приехала сюда вчера утром. Все получилось.

Эмма молчала.

– Все не так плохо.

– Ты просто говоришь так.

– Нет, честно, все люди здесь невероятно милые, – лгала Ханна.

– Ты уже спросила, когда у тебя будет отпуск?

Ханна рассмеялась:

– Нет, но через два месяца я возьму несколько отпускных дней и приеду на выходные в Амстердам.

– Папа обрадуется. Ты знаешь, какой он... перед Рождеством.

– Да, знаю, – вздохнула она. Их отец хотел, чтобы вся семья была рядом. Она наверняка найдет время, чтобы заранее съездить на материк и купить каких-нибудь безделушек. Ханна уже знала, что привезет: копченого угря и модель парусного корабля в бутылке для отца, любекский марципан для мамы и снежный шар с маяком для сестры.

– Ты нам что-нибудь привезешь? – спросила Эмма, словно прочитав ее мысли.

– Разве я когда-либо приезжала домой без подарков? Как дела у папы?

– Как всегда в стрессе, но сезон отпусков скоро закончится. Ему тебя не хватает.

«Ему не хватает меня? Или моей помощи с готовкой и уборкой комнат в отеле?»

– Передавай привет маме и папе.

– Лучше не буду, сама знаешь, как папа относится к тому, что ты работаешь в этой тюрьме.

Сейчас она опять заведет свою шарманку. Ханне надоело спорить на эту тему.

– Ты знаешь, что я должна через это пройти.

– Да, ты уже много раз мне это объясняла, – продолжила Эмма, – но я не понимаю. Единственное, через что мы все должны пройти, – это смерть.

«Логика моей сестры!» Ханна вздохнула. Было бессмысленно продолжать эту тему.

– Просто поверь мне, – сказала Ханна. – Так будет лучше всего.

– Будь осторожна.

Ханна откинула волосы назад. Морские волны бились о скалы внизу, ветер подхватывал мельчайшие брызги и поднимал на несколько метров вверх, орошая ее лицо.

– Я и так осторожна.

– Пообещай мне.

– Обещаю.

– Я не хочу потерять еще и тебя.

Ханна увидела, как свет в окне кабинета Кемпен погас. Весь корпус находился в темноте. Солнце тоже полностью скрылось, оставив на горизонте лишь темно-фиолетовую полосу. Ханне было холодно.

– Я должна закончить разговор, – быстро заявила она. – Завтра позвоню тебе снова.

Она нажала на кнопку, сунула телефон в карман и направилась к зданию тюрьмы.

Ханна провела магнитной картой через считывающее устройство на двери больничного отделения. Затаив дыхание, она ждала, чтобы лампочка на стальной двери загорелась зеленым светом.

Ничего не происходило. Черт! Считыватель мигал, и Ханна в панике уже хотела развернуться и уйти, как наконец-то вспыхнула зеленая лампочка и дверь открылась.

С грехом пополам! Ханна проскользнула в отделение и закрыла за собой дверь. Перед ней протянулся темный коридор. Когда она сделала шаг вперед, датчик движения автоматически включил потолочное освещение.

Ханна прислушалась, но в этой части здания было тихо. Она прошла по коридору, повернула направо и остановилась перед кабинетом доктора Кемпен. За матовой стеклянной дверью было темно. Ханна нажала на ручку. Заперто. Чего и следовало ожидать.

К счастью, это был старый замок. Она достала из кармана отмычку, согнула два конца проволоки и просунула их в замочную скважину, мимо пазов для бородки ключа. За время учебы в университете она потеряла сноровку. А в детстве регулярно тренировалась открывать двери гостиничных номеров – что ей прекрасно удавалось, – и вместе с Эммой они тайно проникали в комнаты, где играли в «богатую семью на отдыхе».

На этот раз потребовалось несколько попыток, прежде чем получилось сдвинуть задвижку, и дверь наконец открылась. Она оставила отмычку в замке, чтобы суметь быстро запереть дверь, если понадобится.

Ханна вошла в кабинет и прикрыла за собой дверь. Было безумием так спешить уже на второй день, но зачем ждать? На карьеру ей все равно было наплевать, потому что она не собиралась заниматься

этим всю жизнь. «Давай же! Ты ждала этого пять лет. Ты должна найти ответ!»

Она быстро пересекла комнату и включила лампу на письменном столе. Никто не заметит свет в кабинете доктора Кемпен – разве что она сама окажется на разворотной площадке и посмотрит на старое здание, как Ханна двадцать минут назад. На всякий случай она опустила жалюзи.

Затем села в кожаное кресло доктора Кемпен и выдвинула ящики обеих массивных тумбочек из алюминия, которые стояли слева и справа под письменным столом. Врач даже не потрудились запереть их. Слава богу, потому что, будучи ответственной за безопасность этого учреждения, она наверняка хранила где-то здесь уголовные дела всех клиентов – она ведь покосилась на свой письменный стол, когда Ханна спросила ее об этом.

В одном из ящичков Ханна наткнулась на деревянную шкатулку с ключами. Увесистые, с брелоками, пронумерованными от I-01 до I-10. Неужели это ключи от старых камер в изоляторе? Если да, то они остались еще с тех времен, когда «Штайнфельз» был психиатрической больницей и не имел магнитных замков на дверях.

Ханна задвинула ящик и открыла один из подвесных алюминиевых шкафчиков. Там действительно находились дела – на обложках папок стояли номера от одного до сорока двух. Ханна наугад открыла одно досье и увидела фотографии изуродованных молодых мужчин. Это и есть уголовные дела! Она быстро захлопнула папку. Быстро нашла номер 23, вытащила и положила перед собой на стол.

На первой же странице она увидела лицо Пита ван Луна. На пять лет моложе, но уже тогда в его глазах читались безумие и расчетливый ум. За фотографией лежал диск в прозрачном файле. На нем черным фломастером было написано – резервная копия, ниже – дата. 1 августа этого года. День, когда ее предшественница выбросилась из окна на скалы.

Ханна прикинула, не лучше ли будет стащить всю папку и спокойно изучить ее у себя в комнате. Но если доктору Кемпен понадобится заглянуть в документы, она тут же заметит пропажу. К тому же неизвестно, повезет ли Ханне еще раз, когда она захочет вернуть папку. Лучше прочитать все здесь и затем исчезнуть из кабинета.

Она пролиستала дальше и добралась до полицейских протоколов и заключений судмедэксперта. Многие пассажи были вымараны. Очевидно, доктором Кемпен и, вероятно, по причине конфиденциальности. Фотографии жертв и мест совершения преступлений полностью отсутствовали, как и показания очевидцев или признание Пита ван Луна. Ханна надеялась на большее. Разочарованная, она читала те немногие оставшиеся пассажи, которые не сообщали ей ничего нового о Пите ван Луне.

Пять лет назад за пару месяцев он жестоким способом убил нескольких женщин. На теле своих жертв он всегда вырезал какую-то букву. И за это СМИ прозвали его Неучем. Но Ханна не нашла никакой информации, что это были за буквы. Если бы журналисты догадывались, что у Пита ван Луна IQ 158, то придумали бы для него другое прозвище. Возможно, Библиотекарь. Ханна листала дальше. Удивительно, но она не нашла никаких свидетельств о том, что Пит подвергал своих жертв сексуальному насилию, как писали все газеты.

К одному из протоколов была приложена копия газетной статьи пятилетней давности, в которой говорилось, что Пит ван Лун был схвачен полицейским аналитиком, специалистом по случаям похищения людей и судебным психологом-криминалистом Мартеном С. Снейдером, который предотвратил очередное убийство молодой женщины. Снейдер лично наблюдал за этапированием Пита ван Луна в тюрьму строгого режима «Штайнфельз». И эта газета тоже писала: «насилник Пит ван Лун».

Почему они так решили? Ни в полицейском протоколе, ни в судебно-медицинском отчете Ханна не нашла ни одного доказательства.

В конце она наткнулась на заключение судебного психолога, которая много занималась психическим состоянием Пита ван Луна. В этом отчете она все-таки нашла фотографии первых двух жертв, которых обнаружила полиция. Женщинам было около двадцати, с длинными светлыми волосами и очень красивыми чертами лица.

На фотографиях с места преступления было хорошо видно, что на груди у одного трупа каким-то острым предметом была вырезана буква N, а у другого трупа – D. Никакой крови. Видимо, это произошло уже после смерти.

Наверное, судебный психолог использовала обе фотографии в качестве наглядного материала, чтобы подкрепить свою теорию, что Пита ван Луна необходимо направить в тюрьму для психически больных преступников.

Правда, в этом отчете Ханна не встретила ни одной из жутких деталей, характерных для серийных убийц. Здесь не было ни слова об ужасном детстве, поджогах, ночном энурезе, издевательствах над животными или о том, что ребенком Пит на протяжении многих лет подвергался сексуальному насилию со стороны кого-то из родственников. Ничего такого не было. Вообще-то из Пита мог получиться образцовый отец семейства. За исключением того, что родители развелись, когда Питу было пять лет, Ханна не нашла ни одного намека на неблагополучное детство. Какая же сложная штука человеческая психика – и что могло спровоцировать аномальное поведение? Судебный психолог видела причины не в детстве, воспитании или влиянии общества, а исключительно в необыкновенно высоком уровне интеллекта Пита – отчасти унаследованном, отчасти проявившемся как побочный эффект медикаментов, о которых уже упоминала доктор Кемпен. А Пит ван Лун не научился правильно им распоряжаться. Этот стресс годами накапливался и компримировался, как в камере высокого давления, и в результате привел к агрессии, которая нашла единственную отдушину – жестоко убивать и калечить людей.

«Какая чушь, – подумала Ханна. – Это означает, что все вундеркинды и нобелевские лауреаты латентные серийные убийцы. И кстати: что это заключение делает в полицейском отчете?»

Она пробежала глазами текст до конца, но и здесь не встретила ни одного свидетельства о том, что Пит ван Лун изнасиловал своих жертв, прежде чем раздробить их тела молотком и вырезать на коже буквы.

Напоследок Ханна нашла фотографию самой первой жертвы Пита ван Луна, с которой все началось, но которую обнаружили последней: его тогдашняя подруга Сара. Убийство произошло в Роттердаме, чуть больше пяти лет назад, восьмого июня. Сара была привлекательной молодой женщиной – и Пит убил несчастную в день ее рождения. Ханна задумчиво провела пальцами по фотографии. Какой же красивой была Сара!



Тихое пицание заставило ее встрепенуться. Это был звук магнитного считывателя на входе в больничное отделение. Тело Ханны словно одеревенело. Послышалось щелканье замка.

*Твою мать!*

Она быстро пролистала в начало, инстинктивно вытащила из файла диск, сунула его в карман куртки и поставила папку в подвесной шкафчик. *Надеюсь, она стояла на этом месте.* Но сейчас Ханну беспокоило другое. Она должна была как можно скорее покинуть кабинет доктора Кемпен.

Через матовое стекло двери она увидела, как в коридоре зажегся автоматический свет. Слышала голоса, но не могла понять, кто говорит. Тут зазвонил телефон, и Ханна вздрогнула. Рингтон доносился из коридора.

*Who let the dogs out, woof, woof...*

Сотовый доктора Кемпен!

Врач ответила на звонок, но произнесла одно лишь предложение, которое Ханна с трудом разобрала.

– Подойду позже... я сейчас в больничном отделении. – Кемпен закончила телефонный разговор и продолжила прерванную беседу.

Теперь Ханна расслышала, что врач разговаривает с молодым мужчиной. Они направлялись к кабинету. Может, спрятаться в кабинете? Нет, какая идиотская идея! Кемпен обнаружит ее, а директор Холландер немедленно уволит. Она должна придумать, по какой причине находится здесь.

Недолго думая, она положила указательный палец левой руки на металлический край открытого ящика. А затем со всей силы задвинула ящик. Звук был глухой, но ноготь прищемило так сильно, что Ханна чуть не вскрикнула от боли. Она стиснула зубы, высвободила руку из ящика, закрыла его и побежала к двери. От боли на глаза навернулись слезы. Она быстро выключила свет и вышла в коридор.

За углом уже были слышны шаги доктора Кемпен. Ханна закрыла дверь и, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в указательном пальце, обеими руками ухватилась за отмычку. Черт! Ламели! Она забыла поднять жалюзи. Но сейчас было уже поздно. Кроме того, никак не получалось запереть чертов замок. Ее ладони вспотели, и отмычка едва не выскользнула из пальцев.

*«Ну же, дрянь, закрывайся!»*

Она попыталась сморгнуть пелену слез, чтобы лучше видеть. Проклятье!

В любой момент доктор Кемпен появится из-за угла, увидит ее, отчитает как школьницу и, вероятно, пригрозит сообщить в полицию. Но пока что она разговаривала с мужчиной с высоким голосом, которого Ханна не знала.

– Я люблю готовить с красным вином, – сказал он.

– И иногда проливаешь его в пищу? – поддела Кемпен.

– Я...

– Послушай, я не буду накладывать тебе на рану ни мазь, ни порошок. Лучше всего помогает холодная вода. Затем ты получишь обезболивающее и стерильную повязку. Ночью рана немного намокнет. Ты прививался от столбняка?

– Да.

– Хорошо, я...

Наконец-то задвижка в замке щелкнула. Только Ханна вытащила отмычку из замочной скважины, как из-за угла появилась доктор Кемпен. Она замерла на месте и с недоверием уставилась на Ханну. Рядом с врачом стоял молодой мужчина в кухонном фартуке. Тыльная сторона его правой руки и запястье были багровые, словно он обжегся на кухне кипящим маслом.

– Хорошо, что я вас встретила, – выпалила Ханна. – Я уже решила, что вы уехали с острова вечерним поездом, потому что ваш кабинет заперт.

– Что вам здесь нужно?

Ханна показала ей палец. Тот пульсировал как сумасшедший. За это время палец успел опухнуть, а ноготь посинел. Можно было и полегче задвинуть ящик. Но в той спешке!

– Вы сломали ноготь? – спросила Кемпен.

Ханна сохраняла спокойствие.

– Если бы. Я прищемила палец дверью шкафа у себя в комнате. У вас не найдется аспирина и пузыря со льдом?

Кемпен недоверчиво оглядела Ханну. Затем ее взгляд упал на другую руку Ханны, которую та сжимала в кулак – в нем все еще была спрятана отмычка. Только бы Кемпен и молодой повар не решили поприветствовать ее за руку.

– Похоже, сегодня не лучший день для новичков, – произнесла Кемпен. – Пойдемте в процедурную.

Час спустя Ханна лежала в своей кровати. У нее оказался ушиб кости. На пальце была повязка с раствором арники, и Кемпен заверила ее, что через день-два ноготь отпадет. Пока что Ханна подложила под палец с повязкой полотенце, а сверху пузырь со льдом.

Таблетки, которые дала ей Кемпен, постепенно начинали действовать, и пульсирующая боль утихала. И ради чего все это?

На коленях у Ханны лежал ноутбук, CD-проигрыватель жужжал. На диске, которой она стащила, был сохранен один-единственный видеофайл продолжительностью около часа. Очевидно, запись последнего сеанса Ирены Эллинг с ее тремя клиентами, Осси, Виктором и Питом, прежде чем она выбросилась из окна. Если это резервная копия, значит, где-то должен быть и оригинал. И на вопрос, почему запись находилась именно в папке Пита ван Луна, могла ответить, наверное, одна доктор Кемпен.

Судя по углу обзора камеры, штатив должен был располагаться напротив входной двери – очевидно, автоматическую систему наблюдения установили в помещениях для сеансов психотерапии лишь после несчастного случая с Иреной Эллинг. На записи было видно, что окна в кабинете 2.07 еще не зарешечены, как Холландер и объяснял Ханне. Однако от присутствия охранника с дубинкой и тазером уже тогда не отказывались.

Звук на видео был отвратительным. Ханна понимала лишь половину, но улавливала суть и была в ужасе. Речь шла об электрошоковой терапии и оглушении – методах, которые применялись в психиатрических клиниках пятьдесят лет назад.

Ханну также раздражал тот факт, что ее предшественница была на «ты» со своими клиентами. Сначала Ханна решила, что ослышалась, но потом уже не сомневалась. Осси произнес «Ирена» и «ты». И Ирену Эллинг это несколько не смущало, хотя в профессиональной среде такая фамильярность под абсолютным запретом – тем более между психотерапевтами и заключенными.

Когда сеанс был окончен и клиенты засеменяли в кандалах к двери, изображение внезапно стало темным. Кто-то подошел к камере. Картинка дернулась. Ханна услышала, как нажали на кнопку

видеокамеры, после чего запись оборвалась. Несколько секунд экран мерцал, затем изображение вернулось, хотя и со слегка смещенным углом обзора. На протяжении десяти секунд была видна только пустая комната. Ветер раскачивал занавеску, на полу лежали осколки, оконный переплет вместе со стеклом был выломан из рамы. В конце на заднем плане раздался звук захлопнувшейся двери. На этом видео закончилось.

*Четверг, 1 октября*

Сабина и Снейдер следовали за Хоровитцем по пешеходной улице Берна, пока тот не остановил свое инвалидное кресло перед отелем «Альпенблик».

– Ничего себе! – удивилась Сабина. – Нас поселили сюда?

Хоровитц улыбнулся.

– Чтобы вы видели, на что тратятся деньги наших налогоплательщиков. – Затем обратился к Снейдеру: – Если Рюти сделал все правильно, то на ваше имя забронированы два номера. Мне нужно кое-что уладить. Встретимся позже в фойе. – Он развернул свое инвалидное кресло.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Сабина.

Он бросил на нее быстрый взгляд через плечо:

– Кормить голубей, – и покатился по булыжной мостовой прочь.

Сабина посмотрела на Снейдера.

– Он это серьезно?

– Боюсь, что да.

Гостиничный номер был высшего класса. Гардеробная, ванна джакузи, впечатляющий мини-бар с мягкой подсветкой и плоский телевизор размером с футбольное поле. Вообще-то бесполезные в ее случае удобства, потому что у Сабины вряд ли будет возможность воспользоваться всем этим. Но она рассматривала такие излишества как компенсацию за то, что не проведет выходные с сестрой. О господи, ей же нужно еще позвонить.

После горячего душа она вышла в банном халате и гостиничных тапочках на балкон. Холодный воздух освежал. У Сабины было еще сорок пять минут до встречи со Снейдером, Хоровитцем, Рюти и прокурором Бергером в фойе гостиницы.

На комодке рядом с балконной дверью она подключила переносной принтер с ресепшен к своему ноутбуку. До этого через Wi-Fi отеля она

вошла в архив висбаденского БКА. Связь была не очень, но спустя какое-то время Сабина получила доступ к материалам убийства в Хагене. Пока принтер с треском печатал страницу за страницей, она оперлась на балюстраду и смотрела на старый город.

В какой-то момент она подумала о крыше-террасе убитой Николы Висс. Отсюда тоже открывался неплохой вид. Номер Сабины находился на четвертом этаже, но она могла видеть пешеходную улицу до самой реки Аре и моста у нижних ворот. Внизу под балконом проходили местные жители и туристы. На одном лишь этом участке улицы стояло пять отелей с развевающимися на ветру швейцарскими флагами. «Белый крест на мертвом фоне», – подумала она. Черт! Сабина невольно рассмеялась. Она сейчас правда подумала «мертвом»?

Откуда-то донесся звон церковных колоколов, и голуби вспорхнули в небо. Солнце скрылось за крышами домов. Быстро похолодало, Сабина зябла. Но все равно осталась стоять на балконе. Она вытащила сотовый из кармана халата и набрала номер своей сестры в Мюнхене.

– Тетя Бина! – закричал детский голос в трубке после первого же гудка.

– Фиона, ты еще не спишь? – с наигранным возмущением спросила Сабина.

– Мне десять!

– Да, и уже така-а-ая большая! Твоя мама поблизости?

– У нее ночная смена. Длинная ночь музеев. За нами присматривает дедушка.

– Ну, тогда вам повезло. – Сестра Сабины воспитывала детей одна, но их отец был уже на пенсии и после смерти матери специально переехал в Мюнхен, чтобы помогать дочери справляться с тремя бандитками.

– Конни тоже рядом, подожди, я включу громкую связь, – прошептала Фиона.

Сабина услышала щелчок.

– Привет, тетя Бина! – закричала Конни.

– Тише! – прошипела Фиона.

– Дай, дай мне.

– Почему вы разговариваете шепотом? И где Керстин? – спросила Сабина.

– Она уже спит. У нее температура. Лежит в кровати с бабушкой.

Семилетняя Керстин была самая младшая из трех племянниц Сабины. Видимо, бабушка читал ей перед сном и сам заснул.

– А вы чем там занимаетесь? – спросила Сабина.

– Смотрим телевизор. Бэтмена.

– Правда? А вы еще не слишком малы для этого?

– Тетя Бина! К тому же это «Лего Бэтмен», так что нет причин для паники.

– Прости, пожалуйста, моя взрослая. – Сабина рассмеялась. – Бабушка читал вам перед сном?

– Да, сказку. Скукотища. Твои истории намного лучше, – заныла Фиона. – Когда ты снова расскажешь нам о своих заданиях с приборами ночного видения и пуленепробиваемыми жилетами?

Пока принтер в комнате трещал и продолжал выплевывать страницы с цветными фотографиями, Сабина понизила голос.

– Слышите? – Она протянула руку с телефоном в комнату и немного подождала.

– Да, – прошептали обе девочки. Судя по звуку, они прижались щека к щеке к телефону.

– Это вертолет. Я только что прилетела на нем в Берн. Меня запросила сама президент Швейцарии. Сложный случай, который могу раскрыть только я.

– Ого, круто! Тебе нужна наша помощь?

– Возможно. Поэтому я и звоню. Я уже поговорила со своим шефом, что мне необходима поддержка команды. Мы подготовили для вас новехонькую экипировку. Три рации с гарнитурой, тепловизоры и спасательный гидротеплокостюм.

– Ого, круто! – снова закричали они. – И собаки-ищейки тоже будут?

– Лучшие баварские горные гончие! – Сабина улыбнулась. Такими историями – к огромному возмущению сестры – она начала развлекать своих племянниц уже много лет назад, когда еще расследовала небольшие правонарушения в Мюнхене. Керстин, Конни и Фиона обожали ее рассказы.

Сабина поболтала с ними еще немного, потом перешла на серьезный тон.

– К сожалению, я должна сообщить вам кое-что грустное.

– Президент Швейцарии была ранена?

– Нет, к счастью, нет.

Хихиканье на другом конце прекратилось.

– В эти выходные я не смогу взять отпуск и приехать к вам.

– О, из-за этого случая? – разочарованно спросили девочки.

– Да, – вздохнула Сабина. Она подумала о президенте Хессе, который тоже не смог отправиться в заслуженный отпуск в своем загородном доме. А то, что распространяется на него, тем более распространяется на его сотрудников, с горечью подумала она. – Но завтра я вам снова позвоню, обещаю! Желаю Керстин скорейшего выздоровления, и поцелуйте ее от меня завтра утром.

– Дедушку и маму тоже?

– Маму да, а дедушку не надо, он это не очень любит.

– Неправда, очень даже любит!

Сабина заулыбалась.

– Хорошо, тогда и деда тоже.

Она положила трубку. Тем временем принтер замолчал. На балконе уже стало слишком холодно. Сабина вернулась в номер, закрыла дверь и забрала стопку листов из принтера. Села за письменный стол, включила торшер и разложила распечатки перед собой.

На протяжении двух лет в академии они с коллегами под руководством Снейдера разбирали нераскрытые дела. Некоторые им даже удалось расследовать. Это убийство они должны раскрыть!

Случаем занималась Тина Мартинелли. Два дня назад судебный психолог доктор Ашенбах бесследно исчезла по дороге домой после вечернего брифинга в Хагенской тюрьме. Незадолго до этого она разговаривала по телефону со своим мужем, но, когда в одиннадцать вечера она так и не появилась дома, муж подумал о похищении. Поэтому тут же подключили БКА. Тина полетела в Хаген и начала расследование вместе с местными коллегами-криминалистами. Многие следы оказались бесполезными, но один вел к замку Хоэнлибург. Сабина знала этот замок – старую крепость с музеем и ходом по внутренней стороне крепостной стены, – здание



располагалось на возвышенности с великолепным видом на гору и городской район Хоэнлиμβург. Иногда в Музее холодной прокатки проходили экскурсии или в старинном рыцарском зале – вечеринки-расследования. Однако в ночь на среду, 30 сентября, там произошло настоящее убийство.

Преступник заткнул похищенной женщине рот кляпом, а затем в два часа ночи, еще живой, отрубил топором ноги по бедра. Согласно медицинскому заключению, жертва потеряла сознание после первых ударов и несколько минут спустя истекла кровью. Ноги до сих пор не нашли. Туловище трупа было насажено на один из двух деревянных брусьев во внутреннем дворе замка. Обычно эти брусья соединялись поперечной балкой, с которой в крепостной колодец спускали ведра. Сабина предположила, что ноги убитой лежат на дне колодца, но и там их не обнаружили. Видимо, преступник забрал их с собой в качестве трофея.

Какой извращенец!

Описание преступления звучало жутко. Фотографии были еще ужаснее. Сабина открыла бутылку минеральной воды из мини-бара и принялась изучать снимки. Место преступления напоминало о средневековых казнях. Под блузкой жертвы криминалисты нашли еще следы. На снимках спины крупным планом Сабина увидела, что лопатки женщины были окрашены в красный и синий цвет. Между ними на шейном отделе позвоночника была выжжена, вероятно сигаретой, буква S.



S как Schloss Hohenlimburg?<sup>[4]</sup> Или S как Schlampe?<sup>[5]</sup>

И что означают эти цвета? Красный – синий. Существовали сотни вариантов. Подозрения в убийстве падали, в первую очередь, на несколько десятков преступников, которым доктор Ашенбах на протяжении своей карьеры составила психологическое заключение и которые уже успели выйти на свободу.

Судя по материалам уголовного дела, Тина Мартинелли хорошо поработала. Хотя она и не смогла предотвратить убийство, но схватила преступника в ту же ночь на месте после совершения преступления. Это и оказалось ее злым роком. Теперь она лежала в реанимации.

Сабина сложила листы и набрала номер Хагенской больницы. Вообще-то она хотела лишь справиться о состоянии здоровья Тины, но та же медсестра, с которой Сабина разговаривала два часа над, сказала ей, что Тина как раз проснулась.

– У нее есть телефон в палате? – спросила Сабина.

– Нет, ей необходим абсолютный покой, но я... Знаете, что? Я дам вам номер своего сотового, – предложила медсестра. – Позвоните мне через минуту. Я буду в палате фрау Мартинелли. И вы сможете с ней поговорить, но только одну минуту, согласны?

Сабина не привыкла, чтобы персонал больницы вот так шел навстречу. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются сентиментальные слезы. «Боже мой, соберись, нюня!»

– Спасибо, – выдавила она.

Через минуту Тина была на связи.

– Что за поклонник хочет поговорить со мной? – прошептала в трубку Тина. Ее голос звучал слабо, но вела она себя дерзко, как всегда.

– Ты должна быть осторожнее, – упрекнула ее Сабина.

– Сабина! – выдавила Тина. – Днем здесь был Хесс собственной персоной, а теперь ты звонишь. Какой сюрприз!

– Как у тебя дела?

– Не волнуйся, через месяц я буду как новенькая.

Медсестра что-то пробормотала на заднем плане.

– Надеюсь, – сказала Сабина.

– А ты-то где?

– Со Снейдером в Берне.

– О, мне уже жаль бедных швейцарцев, – простонала Тина.

Сабина засмеялась.

– Да, ты права. Он в своей лучшей форме. – Затем посерьезнела. – Я читала твои материалы.

– Ты так просто не успокоишься, да? Будь осторожна! Этот тип не обычный убийца.

– Вам лучше закончить разговор, – услышала Сабина голос медсестры.

– Я еще не закончила! – решительно ответила Тина. – Сабина, я видела его со спины и слегка ранила в ногу. В бедро. Пуля попала в крепостную стену. Но он все равно не убежал. Любой другой спасся бы бегством, а этот нет. Он спрятался во внутреннем дворе замка. – Тина сделала паузу. – Я еще не закончила, – снова шикнула она, тяжело дыша. – Он подкрался ко мне сбоку. Я не смогла разглядеть его лицо. Знаю только, что он был высоким и крепким. Он вонзил мне длинный острый стилет между ребер. И разорвал одно легкое. Я едва не захлебнулась собственной кровью. – Она закашлялась.

Тина выросла на Сицилии в окружении множества братьев. Она владела приемами джиу-джитсу и, дополнительно к занятиям самозащиты в академии, давала Сабине уроки по технике падений. Тот, кто сумел побороть эту женщину, должен быть матерым головорезом!

– Почему он пошел на риск и напал на тебя?

– Это я могу тебе сказать... Когда я без сознания лежала на земле, он выковырял пулю из стены.

– Твою пулю?

– Да, он даже обрызгал спреем землю на том месте, где я его ранила. – Тина снова закашляла. – Аммониак. Есть только одно объяснение. Он не хотел, чтобы мы заполучили пригодный образец его крови.

«Это означает, что его ДНК сохранена в какой-то базе данных», – заключила Сабина.

– Откуда у него аммониак?

– То же самое спросил и Хесс. Я могу объяснить это только так: мерзавец был подготовлен на все случаи жизни. Но Хесс в это не верит.

– Теперь все! – перебила ее сестра.

– Еще пару слов, иначе вам не поздоровится, сестра!

В этом вся Тина! Ее не сломить!

– Нам и правда лучше закончить, ты должна беречь себя, – сказала Сабина.

– Только ты не начинай, – пробурчала Тина. – Прежде чем ночью поехать в замок, я установила связь между Ашенбах и БКА, но не смогла отработать след.

– Какой след?

– Он...

Очевидно, медсестре наконец удалось вырвать у Тины телефон, потому что Сабина услышала только, как Тина запротестовала, потом связь оборвалась. Наверняка медсестра уже пожалела о своем добром поступке, и Сабина могла забыть о повторном звонке. Она уставилась на распечатки материалов. Затем подошла к ноутбуку и снова подключилась к Интернету. Она загуглила фамилию жертвы в паре с «БКА» и нажала на картинки. Доктор Ашенбах была привлекательной женщиной лет пятидесяти. В Интернете было несколько ее фотографий, в блейзере и очках. «Очевидно, умная и безукоризненная женщина», – тут же промелькнуло в голове у Сабины. Иначе и невозможно, с такой-то работой.

Было еще много статей о ней. Сабина открыла одновременно несколько в разных окнах.

В этот момент зазвонил гостиничный телефон рядом с кроватью. Сабина взглянула на настенные часы. Черт! Она забыла о времени. Наверняка это звонок из фойе отеля. А ей нужно еще одеться.

В халате Сабина побежала к телефону.

Это был Снейдер.

– Где вас носит? Мы в зале-гостиной и уже начали.

– Сейчас спущусь.

Она положила трубку, схватила одежду и подошла к комоду, на котором стоял ноутбук.

Господи, газетные статьи загружались с трудом. Медленный Интернет делал ее намного агрессивнее, чем некоторые компьютерные игры-стрелялки.

Натягивая брюки, она читала заголовки первых статей.

«Судебный психолог разоблачает методы известного аналитика-криминалиста».

Ниже фотография Мартена С. Снейдера. Тут снова зазвонил телефон.

«Да боже ты мой!»

Сабина пробежала глазами строчки. Несколько лет назад доктор Ашенбах составила негативное заключение о Снейдере, которое едва не погубило его карьеру.

Сабина посмотрела на фотографии Ашенбах.

Теперь она была мертва.

*Пятница, 25 сентября*

После завтрака Ханна сняла повязку с опухшего пальца. Он болел, лишь когда ей приходилось сжимать пальцы в кулак – и она старалась этого избегать.

Между тем ноготь посинел, как и сам палец. Поэтому она покрыла другие ногти черным лаком, чтобы раненый палец не так сильно бросался в глаза и не давал заключенным повода для спекуляций.

Первую половину дня Ханна сопровождала социального работника по мастерским и познакомилась с большинством заключенных. В отличие от других тюрем с опасными преступниками заключенные в «Штайнфельзе» были не татуированные накачанные парни, которые играли в баскетбол во внутреннем дворе или выжимали вес. Этих людей опасными делала нездоровая психика. Если контакт с этими психическими больными мужчинами будет даваться ей тяжело, тогда – поклялась себе Ханна – она просто будет представлять себе, что общается с проблемными гостями в отеле своего отца. Это казалось таким простым – по крайней мере, в теории.

Теперь она стояла перед окном в кабинете 2.07. Но глядела не на море, а рассматривала оконный переплет. В отличие от других окон, этот был новым, из более темного дерева. Еще одно напоминание, что именно отсюда Ирена Эллинг бросилась вниз. Якобы сама. На тот момент ей было пятьдесят четыре года – опытная психотерапевт, которая прежде работала во многих тюрьмах и составляла психологические портреты для уголовной полиции. Почему такая женщина покончила с собой? К тому же настолько ужасным способом? Ханна не разделяла теорию директора Холландера, что до самоубийства Ирену Эллинг довели заключенные. Только не человека с ее опытом! Для этого она была слишком хорошо образованна и подготовлена. И кроме того – кто выключил видеозапись перед смертью Эллинг, а потом снова включил и закрыл дверь в комнату?

Возможно, через несколько минут Ханне удастся выяснить больше, когда ее клиенты войдут в кабинет для сеансов терапии и она сможет поговорить с ними об их страхах. В этот момент, ровно в четырнадцать часов, дверь открылась.

Виктор Яковлев, Пит ван Лун и Осси Демель со своей крысой в руке вошли в помещение. Молча кивнув, они остановились у стульев.

Ханна отошла от окна.

– Добрый день. – Она надеялась, что обстановка на втором сеансе будет расслабленнее, но ошиблась. – Пожалуйста, садитесь.

Мужчины остались стоять. Атмосфера явно была напряженной.

«Сейчас опять начнется. Два шага вперед, один назад!» Оба охранника закрыли дверь, встали рядом и надели наушники. Очень приглушенно до Ханна доносилась музыка, которую они слушали. Разговоры в комнате были им теперь не слышны, но тем внимательнее охранники наблюдали за всем происходящим.

– А почему нам нельзя слушать музыку? – пожаловался Осси.

– Хочу напомнить вам, что вы здесь не для того, чтобы слушать музыку, – сказала Ханна. – К тому же я договорилась, что мы сможем беседовать без лишних ушей и включенных видеокамер. Не все должны знать, о чем мы будем сегодня говорить.

– О чем же? – спросил Виктор.

– Присаживайтесь, тогда узнаете.

Пит ван Лун уважительно поднял бровь.

– Респект, – пробормотал он. – Видимо, вы произвели впечатление на директора Холландера.

– Скажем так: я вступилась за вас, – ответила она.

– Не оставили ему выбора, – предположил Осси.

– Непреклонная девочка. – Виктор улыбнулся. – Добро пожаловать в нашу компанию. – Он первым опустился на стул.

Затем сдался Осси, и последним сел Пит ван Лун. Ханна старалась не показать своего облегчения и надела на лицо бесстрастную маску, но Пит ван Лун изучал ее, словно своим взглядом мог измерить частоту ее дыхания и пульса.

В конце концов Ханна тоже села.

– Сегодня я хотела бы поговорить с вами о ваших страхах – и если вы тоже готовы придерживаться уговора, то я вам обещаю, что этот разговор останется между нами.

Никто из мужчин не кивнул.

– Согласны? – спросила Ханна.

– Я ничего не боюсь, – ответил Осси.

Виктор смерил его презрительным взглядом.

– Вообще-то ты, мерзкий извращенец, должен бояться, что тебя самого изнасилуют в твоей камере.

Осси спокойно гладил свою крысу.

– Да что со мной здесь случится?

– Твое счастье, что ты здесь, – добавил Пит.

Ханна внимательно слушала. Так как отбывающие наказание в «Штайнфельзе» в большинстве своем были сексуальные преступники, садисты, психопаты и убийцы детей и женщин, среди заключенных не существовало обычных для других тюрем репрессий в отношении таких преступников. Везде они считались изгоями – но не здесь.

– Понимаю, – вмешалась она, пока разговор не вышел из-под контроля. – Ворон ворону глаз не выклюет, верно?

– Вы должны радоваться, что это так, – сказал Пит. – Иначе данная терапевтическая программа была бы не нужна, и у вас не было бы работы.

– По крайней мере, этой работы, – парировала Ханна и снова обратилась к Осси: – Значит, у вас нет никаких страхов. А как насчет ночных кошмаров?

– Иногда мне снится, что я снова совершаю преступление.

– Это вас пугает?

Осси кивнул.

– Что вы при этом чувствуете?

– Как только я вижу мальчика, начинаю трястись, а мои ладони потеют. Я знаю, это отклонение. Я хочу держать его под контролем, но чем больше я с этим борюсь, тем хуже становится.

– Спасибо. – Ханна сделала паузу. – У меня был клиент, трижды судимый, он чувствовал себя так же, – рассказала она. – По ночам он не мог спать в своей камере, потому что в голове у него крутилось много разных мыслей. Но он должен был спать, чтобы на следующее утро предстать перед судом с ясной головой. Вам наверняка это знакомо. Чем сильнее заставляешь себя заснуть, тем хуже это работает. Так что я посоветовала ему не спать. Любой ценой, до самого утра.



– И тогда он, конечно, заснул, – цинично прокомментировал Осси. – И как мне это поможет?

– Что вы могли бы сказать себе, когда представляете встречу с мальчиком? – спросила она.

Осси без энтузиазма посмотрел на нее.

– Я должен трястись, я должен потеть, мой пульс должен ускориться?

– Например. Попробуйте заставить себя, и увидите, что у вас ничего не получится.

– Да это эзотерическое психологическое дерьмо! – вмешался в разговор Виктор.

Ханна осталась спокойной.

– Конечно. Но оно работает!

– Гениальная идея – усилить влечение насильника, – цинично заметил Пит. – И главное, совсем не опасное! Может, еще посоветуете ему изнасиловать первого же попавшегося мальчика?

– В данном случае речь идет о совсем другом: так он должен справиться со своими страхами.

– Это никогда не сработает.

– Сработает, вот увидите. – Она повернулась к Виктору: – А что насчет вас?

– Мальчики меня не привлекают, но все равно спасибо. Ханна закрыла глаза.

– Я имею в виду ночные кошмары, – терпеливо сказала она.

– Меня преследует один и тот же ночной кошмар.

– Вы об этом уже говорили с... – начала Ханна, но осеклась. Она чуть было не произнесла «с Иреной Эллинг», но не хотела упоминать сеансы психотерапии своей предшественницы, чтобы не провоцировать сравнений. – С кем-нибудь об этом говорили?

Виктор помотал головой.

– Можно узнать, что это за кошмар?

Он пожал плечами.

– Я ночью иду домой. Темно, я один. И вдруг передо мной ограда зоопарка. – Виктор уперся локтями в колени и уставился на пол. – И тут появляется маленький бурый медвежонок, вот такого размера. – Он отвел свою огромную ладонь в сторону на уровне колена. – Совсем еще малыш, с большими лапами и мягкой шерстью, которая блестит в

лунном свете. Он грустно смотрит на меня крупными глазами-пуговицами.

Ханна не ослышалась? Грустно? Для садиста и мучителя животных непривычно испытывать жалость к другому живому существу.

– И я подхожу к решетке и говорю ему, что не могу вытащить его оттуда. Но он ужасно скулит. И в конце концов протискивается под решеткой. С трудом выбирается наружу и карабкается по мне. Прижимается к груди, но я не могу взять его с собой. Поэтому хватаю его и мордочкой вперед засовываю обратно за ограду. При этом я, видимо, распорол его мягкий живот о какой-то острый угол, потому что, оказавшись за оградой, медвежонок лежит на спине...

Виктор замолчал на несколько секунд. Осси, Пит и Ханна тоже не говорили ни слова. Только приглушенные шумы доносились из наушников охранников.

Голос Виктора дрожал.

– На животе у него длинный разрез. Он истекает кровью... кровь повсюду. И он так ужасно скулит. Я знаю, что он умрет. Но не могу ему помочь... – Виктор умолк.

– Вы хотите ему помочь? – спросила Ханна.

Глаза Виктора увлажнились. Он не смог бы так сыграть.

– Я не знаю. Я... я не могу до него дотянуться. И телефона у меня с собой нет, я не могу позвонить и попросить помощи. Рядом никого, а медведь ерзает на спине и теряет еще больше крови. Его шерсть уже слиплась, а глаза-пуговицы смотрят на меня. Я хочу согнуть ограду, чтобы вытащить его. Я должен зажать ему рану, но они застукают меня и подумают... – Он вытер глаза рукой.

Никто ничего не говорил. У Ханны похолодели ладони. Она видела, что у Виктора трясутся руки.

– Это первый раз, когда вы испытали жалость? – спросила Ханна, уверенная, что в реальности Виктору это чувство незнакомо.

– Это не жалость! – набросился он на нее.

– Что же тогда? Опишите эту эмоцию. Как вы ее ощущаете?

– Это неизвестное чувство.

– Вы его боитесь?

– Я ничего не боюсь.

Конечно! Вот она, его мания величия.

Крыса Осси пискнула.

– Черт, – выругался он, когда заметил, что слишком сильно сжал зверька.

Шум снял напряжение в группе.

Виктор взглянул на Осси.

– Если расскажешь кому-нибудь об этом, ты труп.

– Спасибо, – хриплым голосом сказала Ханна. – И пожалуйста, без угроз. – Она перевела дыхание. – А вы, Пит?

Пит ван Лун казался погруженным в свои мысли.

– Мне ничего не снится, – наконец сказал он.

– «Мне ничего не снится», – передразнил его Виктор. – Иногда по ночам из твоей камеры доносятся звуки.

– И чем он занимается? – ухмыльнулся Осси. – Развлекается с собой?

– Нет. Через вентиляцию я слышу, как он разговаривает во сне. Умоляет о признании свое...

Пит резко повернул голову, и Виктор замолчал. От взгляда Пита, который за доли секунды переключился в режим нападения, у любого волосы встали бы дыбом.

– Если он не хочет говорить об этом, то не надо. Мы никого не можем заставить, – заявила Ханна.

– Но так нечестно, – возмутился Осси. – Мы говорим, а он рта не раскрывает.

– Воспринимайте это как кредит доверия, который он получил от вас с Виктором. Однажды Пит расскажет нам что-нибудь о себе. – Она внимательно посмотрела на Пита. – Верно?

Его взгляд оставался холодным и расчетливым.

– Если вы хотите, чтобы этот день настал, то я сделаю вам такое одолжение.

Это прозвучало как обещание, от которого Ханну бросило в холодный пот.

– Мы сегодня опять закончим пораньше? – спросил Осси.

Ханна посмотрела на часы.

– У нас осталось немного времени. В заключение я хотела бы сделать с вами небольшое упражнение на дыхание.

После расслабляющего упражнения, во время которого мужчины закрыли глаза, а Ханна мягким голосом делала им позитивные внушения, все трое мелкими шажками направились к двери.

Пита и Виктора снаружи встретили другие охранники и повели к их камерам.

Осси не торопился покидать комнату и долго усаживал крысу себе на плечо.

– У вас какой-то вопрос? – спросила Ханна.

– О чем мы будем говорить завтра?

– Об агрессиях.

– М-м-м. Разговор о страхах мне понравился, – признался Осси. – Правда, вы ничего не рассказали о своих страхах.

«Тебе бы, конечно, хотелось о них узнать». Посвящать клиентов в свою личную жизнь, даже самую малость, было абсолютным табу.

– Но я и не прохожу терапию, – ответила она.

– Вы чего-нибудь боитесь?

– Почему вы хотите это знать? – поинтересовалась Ханна.

– А стоило бы.

Краем глаза Ханна заметила, что охранник, который еще стоял у двери, собирался снять наушники. Но Ханна жестом остановила его.

– Вы угрожаете мне? – спросила она.

– Что? Я? – возмутился Осси. Потом понизил голос: – Я просто подумал так из-за смерти вашей предшественницы. – Он повернулся спиной к охраннику, чтобы тот не сумел прочесть ни слова по его губам. – Возможно, это было никакое не самоубийство.

– Что вы имеете в виду?

– Возможно, ее толкнули.

Ханна посмотрела на Осси. На угрозу не похоже. Его голос звучал для этого слишком неуверенно. Скорее, предостережение.

– Кто? – спросила она.

– Возможно, она раскрыла какую-то тайну. Но если я расскажу вам больше, то и вашей жизни будет угрожать опасность.

Все это звучало абсолютно нереально. Ханна едва не рассмеялась, но серьезный взгляд Осси заставил ее промолчать. Его крыса так напряженно нюхала воздух, что усы вибрировали.

– Подумайте об этом. – Он развернулся и вышел из комнаты.

*Четверг, 1 октября*

Сабина вошла в зал отеля, оформленный в деревенском стиле. На стенах висели рога и акварели с горными вершинами, даже люстры под деревянными балками на потолке состояли из рогов. На одном комодe стояло чучело сурка, который держал в лапе швейцарский флаг. Интересно, при жизни этот сурок и правда был патриотом?

В помещении пахло старой древесиной. Сабина задавалась вопросом, почему швейцарская уголовная полиция выбрала именно это место для разговора. Вероятно, чтобы Снейдеру не нужно было куда-то ехать.

Она нашла мужчин сидящими в нише, перед ними на столе было разложено множество бумаг. Больше в зале никого не было. Когда Сабина закрыла за собой дверь, все повернули голову в ее сторону.

Хоровитц даже поприветствовал ее и представил ей прокурора Бергера, седого приятного мужчину в сшитом на заказ костюме, узел его галстука был уже заметно расслаблен. Во время беседы Снейдер поднялся и теперь разговаривал по телефону в другом конце зала. Одну ногу он поставил на деревянную скамью. Уперся локтем в колено, смотрел в окно и тихо говорил в свой мобильник. Сабина не понимала ни слова, но заметила, что Снейдер нервничал.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил Бергер. – Хотите что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. – Сабина села.

В тот же момент Снейдер вернулся к столу, телефон был спрятан, а на лице читалось облегчение.

Бергер обратился к Сабине:

– Итак, мы уже обсудили, что...

– Это сейчас не важно, – перебил Снейдер прокурора – вежливо, но решительно. – У нас мало времени, а Немез достаточно взрослая, чтобы уметь определять время по часам.

«Ты, чертов...» – Сабина не додумала мысль до конца. Хоровитц и Рюти ничего не сказали, только Бергер проигнорировал слова Снейдера и кивнул Сабине.

– Что за документы вы принесли?

Сабина развернула бумаги, которые распечатала у себя в номере.

– Одна из моих коллег работала над этим делом. Речь идет об убийстве в Хагене, где...

– Немез! Пожалуйста! – Снейдер поднял руки. – Сделайте мне одолжение. Давайте сконцентрируемся на этом преступлении. Если у меня останется время, я выслушаю ваши вопросы.

– У меня нет вопросов, – холодно произнесла Сабина.

Она разложила на столе фотографии трупа. Веко Снейдера задергалось, когда на одном из снимков он узнал лицо посаженной на кол психолога. Однако ничего не сказал о личности жертвы.

– Немез, этот случай нас не касается. Им занимается президент Хесс.

– Очень даже касается, – возразила Сабина. – Взгляните! – Она проигнорировала Снейдера и протянула Хоровитцу фотографию спины трупа. – На коже между лопатками сигаретой была выжжена буква S.

Хоровитц посмотрел на снимок и протянул его Бергеру, который затем передал Рюти.

– И где связь? – спросил Бергер.

По его тону Сабина поняла, что он уже знает ответ, просто хочет услышать его от нее.

– Два дня назад в Дортмунде была убита судья Йоана Бек. Убийца оставил надпись «Яичные желтки живы» и канцелярским ножом вырезал жертве на лбу незаконченную свастику или же, возможно, цифру четыре. В ночь с позавчера на вчера в Хагене была убита судебный психолог Ашенбах. Вот это убийца оставил у нее на спине. – Сабина ткнула пальцем на фотографию.

– Вы считаете, в обоих случаях действовал один и тот же преступник? – предположил Бергер. – И он же совершил убийство директора Николы Висс в Берне?

Она кивнула.

– Это невозможно! – запротестовал Снейдер. – Вы серьезно думаете, что мы не отработали такую возможность? Во-первых, это не

вписывается в диаграмму соотношения пути и времени, потому что судья Бек была убита в десять часов вечера в Дортмунде, а Ашенбах похитили в одиннадцать вечера в Хагене.

Сабина достала свой мобильник из кармана и активировала дисплей.

– А во-вторых, – продолжал Снейдер, – во всех трех убийствах речь идет о трех различных «модусах операнди». Что, черт возьми, вы печатаете в своем сотовом?

Сабина сохраняла спокойствие.

– Согласно планировщику маршрута, от Дортмунда до Хагена всего двадцать пять минут езды. Это маловероятно, но не исключено! И потом, что касается «модуса операнди», у меня другое мнение.

Снейдер прищурился. Затем поднял руку и показал три пальца.

– Ладно, говорите! Три предложения, не больше.

– Я считаю, что в случае свастики речь идет о четверке, знак бесконечности – это восьмерка, а S – это пятерка. То есть не буквы или символы, а цифры: четыре, пять, восемь.

Снейдер помотал головой.

– Речь также может идти о буквах. S, а знак бесконечности – это В.

– А предполагаемая свастика? – спросила Сабина.

– Незаконченная буква Н.

– Вы знаете мою теорию. Это законченное послание. Я считаю, что это цифра четыре. К тому же... что должна означать аббревиатура HSB?

– Это может быть Hochschule Bremen<sup>[6]</sup>, международный идентификатор какого-то западнославянского языка или другое сокращение, – перечислял Снейдер.

– Есть немецкая хеви-метал-группа под названием Heaven Shall Burn, – вставил Рюти.

Сабина, открыв рот, уставилась на Рюти. Услышать такое именно от него она никак не ожидала.

– Видите, существует много вариантов, – отмахнулся от ее теории Снейдер.

– Я...

– Нет! Нам нужно работать дальше, – торопил он.

– Я не сказала еще свое третье предложение, – перебила его Сабина.

Снейдер замолчал, закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Пожалуйста.

Было видно, что он взбешен. Видимо, испытывал сильное эмоциональное давление. Но она была не виновата, что президент Хесс ни с того ни с сего решил, что Снейдер должен работать в команде. В любом случае она не позволит Снейдеру затыкать себе рот. К тому же он сам учил в академии, что нужно всегда быть открытым новым идеям. Но Снейдер был бы не Снейдер, если не нарушал бы собственные правила игры.

Сабина старалась говорить спокойно, потому что следующий пункт Снейдеру тем более не понравится.

– Существует еще одно сходство – на этот раз между жертвами.

– БКА и это уже проверило, – холодно прокомментировал Снейдер.

– И связь с вами тоже? – спросила Сабина. На мгновение в зале воцарилась тишина.

– Вы сами сказали – и извините, что я вас цитирую, – продолжила Сабина, – что судью Йоану Бек не жалко. Судебная психолог Ашенбах оклеветала ваши методы и хотела разрушить вашу карьеру, а директор федпола Висс пыталась завести против вас дисциплинарное дело.

Снейдер нацепил свою презрительную улыбочку, и на этот раз она выглядела еще более угрожающей, чем обычно.

– Предлагаете меня в качестве преступника?

– Я лишь констатирую, что жертвы вас либо ненавидели и презирали, либо хотели вам как-то навредить.

– Немез, вам еще многому предстоит научиться. В профессиональном кругу сотрудник полиции без дисциплинарного взыскания считается сомнительной личностью. Так что я не стал бы этого переоценивать.

– Однако эти дамы хотели разрушить вашу карьеру! – не отступалась Сабина.

– Возможно, кто-то хочет повесить на вас эти убийства, – размышлял Бергер.

– Это нелепо. – Снейдер помотал головой. – К тому же отвратительно инсценировано, потому что как минимум в двух



случаях у меня есть алиби.

– Может, за тобой следит какой-то сумасшедший сталкер? – предположил Хоровитц.

– И убивает людей, которых я терпеть не могу? – спросил Снейдер. – Тогда у него дел по горло.

– В любом случае это выглядит так, словно убийца хочет привлечь к себе ваше внимание, – сказал Рюти. – И это ему уже удалось. Коллега Хоровитц запросил вас в качестве консультанта, и вот вы здесь.

Снейдер хотел что-то сказать, но Хоровитц остановил его жестом. И в тот же момент обратился к Сабине:

– Со всем моим уважением к вашей теории, но на свете существуют тысячи людей, – Мартен, не хочу тебя обидеть, – которые ненавидят Снейдера. Возможно, их даже больше. Вообще-то почти все, с кем он когда-либо имел дело. Поэтому речь может идти о простом совпадении, и, на мой взгляд, такая вероятность очень даже высока.

– Спасибо, хорошо сказано, – отозвался Снейдер. – Теперь мы можем продолжить?

– Еще нет, – перебил его прокурор Бергер. – Давайте немного углубимся в эту теорию. Если она верна, чего может добиваться убийца, фрау Немез?

Сабина удивилась, что хотя бы Бергер был готов ее слушать – хотя, возможно, он просто один из тех многих, кто терпеть не мог Снейдера.

– Исходя из того, что киллер убивает людей, которых знал Снейдер, мы имеем дело не с обычным серийным убийцей, который действует на почве сексуальной одержимости или озлобленности, а с кем-то другим. – Она на мгновение закрыла глаза и вызвала в памяти фотографии жертв. Со срезанным лицом, посаженную на деревянный кол и подвешенную на собственных волосах.

– Месть Снейдеру? – наконец пробормотала она, но тут же помотала головой. – Нет, потому что преступник убивает не родственников или друзей Снейдера, а его врагов. Вообще-то, это противоположность мести. Настоящее преклонение, восхищение... – Сабина подняла глаза. – Или любовь!

Судя по реакции Снейдера, она больно его задела. Лицо у него стало белым, как стена за спиной. Сабина буквально видела, как с

каждой секундой его приступ кластерной головной боли усиливался. В любой момент он вытащит свои акупунктурные иглы.

Тут зазвонил его сотовый, и Снейдер вздрогнул.

– Извините.

Он поднес телефон к уху и отошел в другой конец помещения.

Остальные молча сидели за столом. Вероятно, обдумывали слова Сабины или прислушивались к разговору Снейдера. Но он говорил немного, только «да», «нет» и иногда *Verdomme!* Затем посмотрел на часы.

Вскоре он закончил разговор и вернулся к столу. К бледности теперь добавилась легкая испарина на лбу.

– Это БКА. Немез, пакуйте чемодан! Мы выезжаем из отеля, – сказал он тоном не терпящим возражений. – Переночуем не в Берне. – Затем обратился к остальным: – Господа, мне жаль, но мы должны вас покинуть. Можете организовать нам вертолет?

Бергер вопросительно посмотрел на Рюти. Тот выглядел удивленным, но кивнул:

– Это возможно.

Снейдер снова взглянул на свои наручные часы, *Swatch*, с циферблатом расцветки голландского флага: красно-бело-голубой. – Нам необходимо разрешение для ночных перелетов. О разрешении на посадку я позабочусь во время полета.

– Куда мы летим? – спросила Сабина.

– В Регенсбург. Там только что обнаружили еще один труп.

– Еще одна ваша подружка? – спросила Сабина, наверное, излишне циничным тоном, но она просто не смогла удержаться от комментария.

– К сожалению, должен вас разочаровать. На этот раз убитый – мужчина.

Сабина уже достаточно хорошо знала взгляд Снейдера, чтобы понять, что это не простое убийство. Иначе Снейдера ни за что не отозвали бы с актуального задания.

– Какую цифру увековечили на коже? – спросила она.

– Тут вы ошибаетесь. – Он бросил презрительный взгляд на фотографии с места преступления, лежавшие на столе. – Речь идет не о цифрах, сейчас это знак зодиака Близнецы.

*Пятница, 25 сентября*

В любом заведении, если кто и в курсе всего происходящего, так это управляющий, портье, уборщица или бармен. По крайней мере, так утверждал отец Ханна – а ему ли, хозяину гостиницы, не знать. Поэтому Ханна направилась к тому, кто более или менее совмещал в себе все эти функции в «Штайнфельзе».

Ханна подошла к библиотеке, но осталась стоять в дверях и постучала в открытую стеклянную дверь.

– Добрый день! Библиотека открыта? – крикнула она. Френк Бруно вышел из-за книжных стеллажей. Как и несколько дней назад, на нем были подтяжки поверх рубашки.

– О, посетитель! Какое счастье. Я уже думал, что зря открыл сегодня библиотеку. Заходите!

Ханна вошла. В библиотеке не было окон, прихожую освещали несколько неоновых ламп. На письменном столе стоял старый компьютер с монитором, который, однако, был выключен. Неудивительно, что директор Холландер направил работать сюда умственно отсталого бывшего зэка. Настоящий библиотекарь ни за что не согласился бы на это место.

Ханна прошла дальше и огляделась. В помещении пахло деревом и бумагой. Старый паркетный пол скрипел при каждом шаге. В кабинете ее отца в маленьком отеле в Амстердаме тоже был такой пол. Девочкой Ханна часто на нем играла, но не с куклами, как ее сестра, а с машинками. Ее отец всегда говорил гостям, что его дочь станет автогонщицей.

– Какую книгу вы хотите взять? Камасутры у нас, к сожалению, нет, но я могу вам сам показать, если вы...

– Вы ко мне клеитесь? – серьезно спросила она. Френк покраснел.

– Нет, это была шутка... – Он замолчал.

Уже в университете она поняла, что лучше не хотеть понравиться всем и каждому, – как ее сестра, – и вполне в этом преуспела.

Френк прочистил горло.

– Так что вы хотите взять?

– Ничего, спасибо. После университета у меня уже во-о-от такая голова от всех этих книг. – Она подняла руки. – Думаю, мне целый год ничего не потребуется.

– Жаль. – Френк разочарованно опустил плечи и указал на табличку, висевшую на стене над столом при входе: «Нет такой книги, в которой не найдется ничего полезного».

– Это правда, – согласилась она. – Но вы могли помочь мне с другим. Меня интересует, какие книги берет Пит ван Лун.

– Никаких романов, только научно-популярные издания. – Френк сунул руки в карманы брюк и принялся раскачиваться на носках, давая понять, что вопрос исчерпан.

– Я думала, вы могли бы распечатать мне список с названиями всех книг, которые Пит брал за последние два года.

– Мне разрешено выдавать только книги, никаких списков, в этом отношении директор очень строгий.

– Понимаю. – Ханна кивнула. – И он, разумеется, прав. – Ее взгляд упал на стол. На сложенной в несколько раз карточке фломастером было написано «Библиотекарь Френк Бруно». Наверняка Френк сам это смастерил. Рядом Ханна увидела открытую банку пепси, миску с арахисом и несколько читательских формуляров заключенных. Из-под стола выглядывал край изношенной черной спортивной сумки.

– Библиотекарь пишется с двумя *и*, – сказала Ханна. Френк понизил голос:

– Я знаю, но Пит велел написать так, чтобы никто не догадался, какой я на самом деле умный.

– А вы такой умный?

Он зажал кончик языка между губами и кивнул. Потом еще тише сказал:

– Пит иногда помогает мне с компьютером, показывает, как выйти в Интернет, и объясняет разные вещи.

– Когда же вы с ним разговариваете?

– В библиотеке, когда он приходит за книгами.

– Понятно. А охранники при этом не присутствуют?

– А как же. Всегда двое. Один для Пита и один для меня.

– Для вас?

Он кивнул.

– Я могу сбежать отсюда. Но не буду.

Сбежать? Ханна подумала о словах директора Холландера. Иногда Френк забывает, что давно уже не в тюрьме, и раздражается, когда ему не разрешают участвовать в сеансах терапии. Очевидно, из-за своей работы Френк слишком сильно идентифицировал себя с заключенными.

– А у Пита тоже есть читательский формуляр?

– Даже несколько. Он невероятно много читает.

– Можно взглянуть?

– Конечно, но отдать вам его читательский формуляр я не могу. – Он развернулся и исчез между стеллажами. Вскоре послышался звук открываемого ящика.

Ханна рассматривала книги и не заметила ни одной новой. Только старые, истрепанные тома в кожаных переплетах и помятые дешевые издания в бумажных обложках. Наверное, с блошинных рынков или списанные из других тюрем. Хотя директор Холландер и хвалился, что придает большое значение библиотеке, но, похоже, не вкладывал ни цента в развитие своих заключенных.

Пока Ханна задумчиво листала книгу по психотерапии и думала о своих студенческих годах, по коридору мимо библиотеки не спеша прошли два охранника.

– Я не понимаю. Как молодой человек может иметь такое влияние на других?

– А ты смотрел ему в глаза? У него такой взгляд, словно он точно знает, что ты думаешь в этот момент.

Ханна оторвалась от книги и прислушалась. Мужчины удалялись по коридору, но несколько предложений она еще расслышала.

– Кроме того, он не глуп. Никогда не совершай ошибки и не недооценивай его. У Пита есть талант влиять на других.

– Если бы он применил свои психологические штучки к себе, тогда...

Мужчины были вне зоны слышимости.

– Эй!

Ханна резко обернулась, едва не выронив книгу.

Френк стоял рядом с ней и махал пачкой желтых карточек.

– Вот они. – Он веером разложил читательские формуляры на столе.

Ханна просмотрела названия книг. Пит интересовался медициной, анатомией, языком тела, поведением животных, психологией и различными формами терапии. Если он действительно все это прочитал и в его голове отложилась хотя бы половина, то он оставил Ханну с ее университетским образованием далеко позади. Но одних лишь знаний недостаточно. Практика тоже важна. С другой стороны, у Ирены Эллинг был многолетний опыт, а она все равно мертва.

Ханна взглянула на другие карточки. Пит был феноменом. Он интересовался географией – в первую очередь, Германией, Австрией и Швейцарией, но также Африкой, особенно Кенией, – равно как и мифами, и историческими темами. Кроме всего прочего, он прочитал биографии Гитлера, Сталина, Наполеона, Цезаря и Александра Великого. Все мужчины, которые страдали манией величия.

– Пит очень умный, – заметил Френк. Это прозвучало почти гордо, словно Пит был его лучшим другом.

– Вы о нем высокого мнения, не так ли?

Френк улыбнулся.

– Если вопрос заканчивается словами «не так ли», то это суггестивный вопрос. На него можно не отвечать, сказал Пит.

Умный парень.

– Правильно. И я скажу вам еще кое-что. – Ханна понизила голос: – Вы вообще не обязаны отвечать ни на какие вопросы, если не хотите.

– Не обязан?

– Вы свободный человек. Никто не может вас заставить.

– Пит это тоже говорил.

– Он действительно умный.

– Да.

Обычно заключенные автоматически выбирают самого слабого – и в тюрьме над таким, как Френк Бруно, издевались бы каждый день. Если она правильно оценила Френка, здесь у него был единственный друг – Пит ван Лун. Возможно, именно по этой причине другие заключенные оставили Френка в покое и не смеялись над ним, как она узнала в мастерских.

– Знаете, что Пит сделал у себя в камере? – спросил Френк.

– Нет.

– Он соскреб первую букву надписи на водопроводном кране, – заговорщическим тоном прошептал он.

– Серьезно? Как оригинально. – Ханна постаралась, чтобы голос звучал удивленно и в то же время заинтересованно.

– Да, правда. И kalt<sup>[7]</sup> превратилось в alt<sup>[8]</sup>. На английском получается то же самое, сказал Пит. Cold – old.

Ханна растерянно посмотрела на Френка.

– Все-таки Пит очень умный, не так ли?

Ханна не ответила.

– А! – воскликнул Френк. – Суггестивный вопрос, и вы не ответили. Думаю, вы такая же умная, как он.

– Спасибо за читательские формуляры.

Френк собрал их в стопку.

– А почему вы интересуетесь только Питом?

Ханна ждала этого вопроса. Ее девиз звучал так: «Вызови любопытство и подожди. Остальное произойдет само собой».

– Я также интересуюсь Иреной Эллинг... – Краем глаза она наблюдала за реакцией Френка, но ничего не увидела. Очевидно, он мало контактировал с ней.

Френк пожал плечами:

– О ней я ничего не знаю. Она мне до лампочки.

– Да так и лучше. Я все равно должна спросить разрешения у директора Холландера, могу ли я рассказывать вам о Ирене Эллинг.

Френк поднял голову.

– Почему? Что она сделала?

«Если хочешь поймать рыбу, она должна раскрыть рот», – всегда говорил ей отец.

– А, не так важно. – Ханна отвернулась.

– Я... э-э...

Она повернулась к Френку.

– Да?

Он смотрел в пол.

– Мне не разрешают участвовать в сеансах терапии, и многие относятся ко мне как к идиоту.

– Что вы хотите этим сказать?

– Никто не дает мне шанса...

Она подошла ближе и понизила голос:

– Хорошо, я думаю, что могу вам доверять. Возможно, Ирена Эллинг вовсе не покончила с собой, а ее толкнули. – Она подождала, чтобы слова дошли до Френка.

Он прищурился.

– Кто?

– Один из заключенных, – предположила она.

– Или кто-то из персонала... – прошептал Френк.

История приобретала новый поворот. «Кто-то из персонала». Что стояло за этим утверждением? Если ее клиент Осси прав, то предшественница Ханны выяснила какую-то тайну. Возможно, грозила раскрыть ее. «Но если я расскажу вам больше, то и вашей жизни будет угрожать опасность». Это была просто попытка вселить в нее неуверенность? Однако вряд ли Осси и Френк могли сговориться, чтобы внушить ей такую нелепую мысль.

Френк выжидающе смотрел на нее.

Она подумала о диске с записью последнего сеанса Ирены Эллинг и ее беседы с клиентами.

– Что вы знаете об электрошоковой терапии?

Он закусил губу. Его глаза забегали, потом он бросил взгляд на дверь.

– Об этом...

– Да?

– Я ничего не могу сказать.

Если бы он сказал: «Об этом я ничего не знаю». Теперь нужно поступить хитро. Чем она могла подкупить Френка? Симпатией, признанием, дружбой и доверием – как это работает с другими людьми – точно нет. Эту нишу уже занял Пит ван Лун. Но была еще другая страсть, которую Пит не мог удовлетворить.

– Вы знаете, что психотерапевт обязан хранить в тайне все, что обсуждается в ходе сеанса?

Он кивнул:

– Конечно. – Это прозвучало так, словно он хотел сказать: «Я же не идиот». – Но мне нельзя проходить терапию.

– Я могла бы попросить разрешения проводить для вас индивидуальные сеансы.

– Это возможно?



– Индивидуальная терапия даже интереснее и успешнее, чем групповая.

– А после вы дадите мне, как и всем другим, положительное заключение?

– Зависит от вашего взаимодействия.

Френк немного подумал.

– Хорошо, и с чего мы начнем?

– Обычно я начинаю терапию с того, что мы обсуждаем фантазии, страхи и желания.

– Согласен, когда мы начнем?

Ханна подавила улыбку.

– Не так быстро. Сначала я должна быть уверена, что вы мне доверяете. Все-таки мне нужно убедить директора Холландера, что психотерапия с вами оправдывает себя.

– Я вам доверяю.

– Хорошо. Так что вы знаете об электрошоковой терапии?

Он снова закусил губу.

«Ну же, давай!»

Он подошел ближе к Ханне, так что она почувствовала его арахисовое дыхание.

– В старом жутком корпусе, там, куда я отводил вас к фрау доктору Кемпен, есть больничное отделение. – Он понизил голос, и Ханна с трудом разбирала его слова. – За ним расположены камеры изолятора... за последние два года... было три случая, когда заключенных... лечили особым способом. – Френк замолчал и отступил назад.

Он разыгрывает ее?

– То есть доктор Кемпен истязает там заключенных? – прошептала она.

Френк не ответил. Лишь поднял брови.

– Кто были эти трое?

Френк сжал губы.

– Френк?

– Я скажу больше, когда вы напишете мне положительное заключение.

– Френк, я поговорю с директором Холландером об индивидуальной терапии для вас, только если вы назовете мне имена

этих трех заключенных, – тихо настаивала она.

В этот момент Ханна услышала, как кто-то вошел в библиотеку. Испуганный взгляд Френка не обещал ничего хорошего. Она обернулась и встретила взглядом с секретаршей директора Холландера. Ханна тут же вспомнила прозвище, которое ей дал Френк. Морла! На секретарше было черное глухое платье, которое идеально подходило к ее черному каре.

«Все шло так гладко, надо было этой тупой овце появиться именно сейчас!»

Морена подняла подбородок и посмотрела на Ханну немного свысока.

– Все в порядке?

– Да, спасибо. Я просто хотела взять книгу.

«Твою мать! Она ведь не слышала мои последние слова?» – промелькнуло у Ханны в голове. Но она прошептала их так тихо, что Морена должна была обладать исключительным слухом.

– Френк, мне нужна твоя помощь. – Морена поправила рюши на рукаве. – Ты должен отвезти мусорный контейнер на станцию. Поезд уходит сегодня на час раньше.

– Да. – Френк втянул голову в плечи. Потом виновато посмотрел на Ханну: – Книга Кена Кизи уже выдана, но сегодня ее вернут. Приходите завтра, и вы ее получите.

Затем Френк еще раз взглянул на Ханну – и она поняла по его глазам: их уговор в силе!

### *Пятью годами ранее – Кёльн*

Снейдер вошел в квартиру. Господи, какая ужасная вонь! Неужели никто не мог обнаружить труп раньше? При летней жаре физиологические жидкости жертвы должны были уже протечь через деревянный пол на нижний этаж.

– Кто убитая? – спросил Снейдер сотрудника кёльнской уголовной полиции.

– Эвелин Кесслер, владелица квартиры. Двадцать один год, стюардесса. Родом из Вены, уже два года живет в Кёльне.

– Как такая молодая женщина может позволить себе такую квартиру?

– Богатые родители. Дело в том... – Полицейский вдруг замолчал. Моментаально вытянулся и стал сантиметров на пять выше. – О, господин президент, я не знал, что вы тоже...

Следом за Снейдером в старинную квартиру в центре Кёльна вошел Хесс и огляделся.

– Не обращайтесь на меня внимания. Как будто меня здесь нет. Отвечайте только на вопросы Снейдера.

Снейдер поднял три пальца.

– Да, конечно. Предположительно три дня назад женщина была тяжело ранена ножом, а затем забита молотком. Жильцы других квартир находятся в отпуске. Никаких свидетелей.

– Вы опросили их? Может, они раньше видели, слышали или замечали что-то необычное?

– Нет, я же говорю, они...

Снейдер указал на настенный календарь, висящий в коридоре над обувным комодом. Высказывание за девятое июля звучало «Смеяться так полезно для здоровья...»

Дальше Снейдер читать не стал.

– Согласно этому календарю, она мертва не три, а как минимум пять дней. Но я полагаю, что в действительности еще дольше. Чтобы ввести следствие в заблуждение, убийца просто вырвал дополнительно несколько календарных листков.

– Но...

– Шестого июля жители дома были уже в отпуске?

– Нет, лишь...

– Именно! Вызовите их из отпуска и опросите.

– Всех?

– Нет, только детей – конечно, всех, идиот! Полицейский вытащил мобильник из кармана и исчез в соседней комнате. Снейдер слышал, как он говорил там по телефону.

Хесс подошел к Снейдеру и понизил голос:

– Мартен, прекрати так грубо обращаться с людьми. Некоторые из этих полицейских на службе уже более десяти лет.

– Можно и десять лет плохо выполнять свою работу.

Хесс вздохнул.

– Немного уважения они все-таки заслужили, даже от такого говнюка, как ты.

– Хочешь отдать это дело другому профайлеру?

– Нет.

– Хорошо, тогда позволь мне выполнять мою работу, и спасибо за говнюка. Я расцениваю это как комплимент. – Снейдер вошел в спальню, где лежал труп.

Криминалисты и судебные медики еще ни к чему не притрагивались в этом помещении.

Хесс последовал за ним, но запах разложения заставил его отшатнуться. Хесс отвернул голову, вытащил из кармана брюк баночку с ментоловой мазью и нанес ее себе над верхней губой.

– Хочешь тоже?

Снейдер помотал головой, не отрывая взгляда от трупа. Как он должен раскрыть убийство, если уничтожит все чувственные впечатления?

Труп выглядел точно так же, как тело редактора газеты, которое они обнаружили в Ганновере две недели назад. Тоже девушка, чуть за двадцать, обнаженная, на кровати, руки и ноги раскинуты в стороны, тяжелые ранения ножом, несколько ударов молотком, а над грудиной на коже вырезан символ.

Снейдер внимательно рассмотрел знак.

Все, как сказал сотрудник уголовной полиции. Снова буква. Уже второй труп. Можно говорить о начавшейся серии убийств, потому что они гарантированно продолжатся – до тех пор, пока послание не будет завершено. Они имели дело с серийным преступником, который, видимо, гастролировал по стране. Ганновер, Кёльн. Какой город будет следующим?

– Опять буква, – прошептал Хесс. – Это плохо.

На этот раз буква D. У убитой в Ганновере была N. Они смогут разгадать послание не раньше, чем обнаружат третий труп. На этот счет они не переживали – он обязательно появится. Если уже не дожидается их где-то, потому что комбинация N-D не имела смысла.

Снейдер услышал за спиной шаги.

В комнату вошел сотрудник уголовной полиции.

– Мы нашли два последних календарных листа в мусорном ведре.

– Вот видите, ваша многолетняя учеба себя полностью оправдала, – пробурчал Снейдер. – Другие оторванные листы тоже нашли?

– Да, в ящике с макулатурой.

– Это означает, что убийца оторвал два листа и выбросил их в другое место. То есть убийство произошло двумя днями ранее – и убийца не очень хорошо знал привычки своей жертвы.

Полицейский, открыв рот, уставился на Снейдера.

– Я вас умоляю. Не стоит благодарности, – сказал тот. – Мне нужны отпечатки пальцев с двух последних листов календаря. И знаете, как?

Мужчина вопросительно посмотрел на него.

– Нет. Как?

– Быстро. – Снейдер закрыл глаза и помассировал виски.

«Сначала Ганновер, потом Кёльн. Куда ты отправишься теперь?»

Полицейский исчез. К счастью, Хесс со своей ментоловой мазью тоже вышел из комнаты и закрыл дверь.

Снейдер сел рядом с убитой на край кровати и достал диктофон.

«Я получил твое послание. Что ты хочешь мне этим сказать?..»

Через час Снейдер покинул комнату. С удивлением он вдохнул свежий воздух в гостиную. Наверняка запах смерти проник в каждую пору его кожи, впитался в каждую ниточку одежды.

Хесс и сотрудники уголовной полиции замерли и в изумлении уставились на него. Снейдер оглядел себя и только сейчас заметил акупунктурные иглы, которые он – очевидно, неосознанно – воткнул себе в кисти с тыльной стороны, чтобы облегчить головную боль.

– Что-нибудь новое? – спросил он хриплым голосом.

– Мы действительно обнаружили отпечатки пальцев на обоих календарных листках. И они не принадлежат убитой, – ответил полицейский.

– Отлично, и кто же наш убийца?

– К сожалению, у нас есть только фрагменты. Я никогда такого не видел. Рваный отпечаток, предположительно большого пальца сбоку.

– Рваный? – повторил Снейдер.

– Как будто убийца варварски удалил часть подушечки пальца.

**Часть вторая**  
**Регенсбург**

*Четверг, 1 октября*

Через наушники Сабина слышала треск лопастей швейцарского армейского вертолета. Для связи со Снейдером и пилотами у нее была гарнитура.

Полет длился уже тридцать минут, и через час они совершат посадку на вертолетной площадке университетской клиники Регенсбурга. В кабине было жутко холодно, и все вибрировало и дребезжало. Сабина до самой груди натянула спасательное термоодеяло, которое ей дал пилот, спрятала под ним руки и смотрела в темноту за окном. Понять, где они находились, было невозможно.

– Я могу спросить, почему этому полету присвоен наивысший приоритет? – услышала Сабина голос одного из пилотов.

– Можете, – ответил Снейдер через гарнитуру.

Сабина уже испугалась, что на пилота обрушится шквал циничных комментариев – она знала, что Снейдер не любил летать и поэтому часто затевал скандалы в воздухе. Но на этот раз он остался на удивление спокойным. Да, он даже отвечал нормально.

– Несколько часов назад прохожие обнаружили труп в «Баварском лесу».

– И почему такая спешка?

– Если преступление не раскрыть в первые сорок восемь часов, то поймать преступника становится в разы труднее, – объяснил он. – Это многолетний опыт. Следы стираются, свидетели забывают, подозреваемые успевают договориться между собой.

– Тогда у нас не так много времени.

– Как и всегда, – успокоил его Снейдер.

– Мы постараемся доставить вас в Регенсбург как можно быстрее.

– Спасибо. – Снейдер скептически наблюдал за Сабиной со стороны. Он переключился на другой канал, на котором только она могла его слышать. – Почему вы делаете такое лицо?

«Если бы я умела делать лица, то у вас с Хессом давно бы уже были новые» – вертелось у нее на языке, но она не хотела становиться такой же язвительной и несдержанной, как Снейдер. Потому ответила лишь:

– Почему вы так одержимы этими убийствами? Вам стоит подумать о своем здоровье.

Снейдер долго смотрел на нее, затем уставился на точку-татуировку на тыльной стороне ладони.

– Ницше сказал: «Тот, кто задает вопрос „почему?“, может справиться почти со всяким „как?“». Охота за преступниками придает моей жизни смысл, а этот смысл сильнее любой боли – внутренней и внешней.

– А почему столько жестокости?

– На это есть личные причины.

– Я знаю, что ваш отец покончил с собой, потому что его книжный магазин разорился, и мне очень жаль, но...

– Я о другом. Возможно, однажды вы это выясните. – Он прервал связь, вытащил из кармана сотовый и принялся отвечать на эсэмэс, которые получил за прошедшее время. Вероятно, запросы по другим делам.

Сабина натянула одеяло до подбородка, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Сабина очнулась от своего беспокойного сна, когда вертолет начал снижаться и готовиться к посадке. Одеяло лежало у нее на плечах. Видимо, оно упало, и Снейдер накрыл им Сабину. Не похоже, чтобы он тоже спал. Его глаза были воспалены, а лицо выглядело еще более нездоровым, чем обычно.

– Вы не устали? – спросила она.

– Меня утомляет только работа, которую я оставляю незаконченной, но не та, которую я делаю.

– Но хотя бы несколько минут сна?

– Зачем? Бездеятельное время для меня как смерть.

Она откинула одеяло.

– Да вы сами уже становитесь похожим на нее.

Он взглянул на Сабину сбоку.

– Кто бы говорил! «Обаятелен, как всегда!»



Рядом с вертолетной площадкой клиники их уже ждала гражданская машина баварской полиции. Снейдер обменялся парой слов с водителем, затем они положили багаж в «ренджровер», сели в салон и тут же стартовали. Поездка длилась минут сорок пять. Они промчались по шоссе А3 в восточном направлении, переехали через Дунай и у городка Вёрт свернули на северо-восток к природному парку «Баварский лес». Дороги становились все уже, и вскоре они уже тряслись по тропе, обозначенной на указателе как «Озерный путь», пока не добрались до лесного участка. Въезд был заблокирован двумя патрульными машинами с мигалками, ярко озарявшими ночной лес.

Их водитель высунулся в окно и сказал:

– Снейдер из БКА прибыл.

Желтую оградительную ленту тут же свернули, и машина проехала дальше. Еще десять минут по ухабистой лесной дорожке – пока фары не выхватили из темноты небольшую поляну, – затем показался берег какого-то озера. Там стоял только один патрульный автомобиль баварской полиции, все остальные машины были гражданские. «Земельное управление уголовной полиции», – предположила Сабина.

Их водитель оставил боковое стекло опущенным, и Сабина ощутила, насколько влажно было снаружи.

– Можете оставить чемоданы в машине, – сказал водитель. – Если хотите, я отвезу вас позже в отель.

Хрустя затекшими суставами, Снейдер выбрался из машины.

– Похоже, нам придется провести здесь всю ночь.

Сабина заметила, как он стиснул зубы. Видимо, спина у него тоже болела. Едва он выпрямился, как тут же сунул в зубы самокрутку.

Сабина уловила запах травки. Марихуана, если она не ошибалась, потому что этот аромат был знаком ей уже очень хорошо. Сабина указала на тлеющую сигарету.

– Мы посреди леса.

– Почва такая влажная, как будто медведь, страдающий циститом, здесь все обоссал.

– Спасибо за образное сравнение.

– Не стоит благодарности. – Снейдер глубоко затыкнулся с закрытыми глазами.

Хорошо хоть, в машине он не курил. Сабина посмотрела в сторону берега. Лунный свет отражался в воде, и по обширной поверхности можно было догадаться, какое огромное это озеро. В ста метрах справа прожекторы на штативах освещали место, где был обнаружен труп. Немного света падало на озеро. Камыши гнулись на ветру, и до Сабины доносилось кряканье утки. Но кроме легкого тумана над водой она ничего не видела.

К ним подошел седой мужчина, худой и высокий, в очках и с папкой под мышкой. Кивнул в знак приветствия.

– Снейдер.

Снейдер взглянул на него безо всяких эмоций.

– Тимбольдт.

Мужчина был ростом со Снейдера, только значительно крепче; в джинсах, трекинговых ботинках и серой водолазке. Он протянул Сабине руку.

– Тимбольдт, БКА Висбадена.

Сабина подняла брови.

– О, коллега. Вы же работали над убийством Йоаны Бек в Дортмунде. Почему расследованием здесь занимаетесь вы, а не баварская уголовная полиция?

– За это дело взялись мы. Позже я покажу вам почему. – Затем Тимбольдт обратился к Снейдеру: – Я подумал, ты должен это увидеть.

– Где именно мы находимся? – спросил Снейдер.

– На озере Хельхорн. Поблизости только крепость и паломническая церковь. Убогая местность. – Следователь БКА указал на левый берег. – Там есть отель с видом на озеро, но с конца сентября он закрыт.

– То есть со вчерашнего дня, – пробормотал Снейдер.

– Да, можно и так сказать. Но они закрылись уже несколько дней назад.

– Сколько номеров?

– Ну, отель – сильно сказано. Там всего десять номеров. И в двух километрах, чуть дальше вдоль берега, находится кемпинг и прокат катамаранов.

– Тоже закрыты?

– Прокат катамаранов – да, кемпинг – нет. Пара фанатов отдыха на природе приезжают в любую погоду. Больше здесь ничего нет. Только пешеходные тропы и лес. Пожилая супружеская пара обнаружила ранним вечером труп мужчины, который до сих пор не идентифицирован.

– Их уже допросили?

– Коротко. – Тимбольдт указал на диктофон, висевший у него на поясе. – С ними работает психолог.

– Все так плохо? – спросила Сабина.

Мужчина вздохнул.

– Пойдемте со мной.

Место обнаружения трупа освещалось пятью лампами дневного света. Сотрудники баварской криминалистической службы с самого захода солнца прочесывали местность. Мобильник Сабины показывал 22:25, а они все еще не закончили.

Сабина проследовала за Снейдером по специально размеченной тропинке к месту находки. Уже через несколько метров она почувствовала запах обуглившегося дерева.

Снейдер и Тимбольдт сбавили шаг и расступились. Между ними Сабина увидела остатки полуметрового пня. Очевидно, он был полым, потому что из него торчал человек – по крайней мере, то, что оставило от него пламя; а это было не много.

– Никто не заметил огня? – спросил Снейдер. – Здесь же дымило, как в аду.

– Как я уже сказал, отель закрыт, а кучка туристов находится в двух километрах отсюда. Гореть должно было около трех часов дня. Никто ничего не видел, это уединенное место. Супруги почувствовали запах гари, а затем наткнулись на труп.

– У тебя есть ручка? – спросил Снейдер.

– Блокнот тоже нужен?

– Нет, иначе я бы попросил.

Тимбольдт бросил взгляд на Сабину, но она лишь пожала плечами с виноватым видом. Следователь передал Снейдеру ручку, с которой тот подошел к пню.

– Судебный медик это уже видел? – спросил Снейдер.

– В это время? Ты шутишь? Мы в самой глубинке Нижней Баварии.

– Если я захочу пошутить, ты это поймешь. Предлагаю вытащить его из постели и доставить сюда.

– Я могу попробовать, но обычно он осматривает трупы только в институте судебной медицины.

– Но этот случай необычный. Я думал, ты вызвал меня сюда именно по этой причине.

Тимбольдт вздохнул.

– В том числе.

– Нам срочно нужно первичное заключение. Причина и время наступления смерти. Также необходимо мнение специалиста пожарной службы. – Снейдер тронул ручкой лицо убитого, которое застывшей маской сидело на съезжившейся шее. – Я считаю, мужчине заткнули рот пластиковым шариком и кожаным ремнем. – Снейдер отступил в сторону. – А руки предварительно связали за спиной. Видишь обломанную древесину?

Тимбольдт подошел ближе.

Снейдер показал ручкой на пень.

– Уже объятый пламенем, мужчина был жив, но не мог освободиться.

Снейдер встал рядом с трупом и заглянул внутрь полого пня.

– Фонарик! – Он щелкнул пальцами, и Тимбольдт протянул ему карманный фонарь.

Снейдер осветил внутрь пня.

– Полный до самой земли. Предполагаю, жертве сломали ноги или, по крайней мере, раздробили коленные чашечки, чтобы он не смог освободиться. – Снейдер выключил фонарик, обернулся и посмотрел на коллегу. – И все это среди бела дня.

Сабина невольно подумала об убийстве в Берне, где преступник тоже сильно рисковал, что его могут увидеть.

– Я... – начал было Снейдер, но замолчал. Быстро включил фонарик и снова осветил внутрь пня. Несколько раз поменял угол падения света. – Там внизу блестит какой-то серебряный предмет. Как только судебный медик достанет труп, я хочу знать, что это.

Сабина обратилась к следователю:

– По телефону вы упомянули знак Близнецов.

– Да, верно. – Мужчина подошел к Снейдеру и указал на голову убитого. – Поэтому я и вызвал тебя сюда. Коллеги из

криминалистической службы обнаружили в нескольких метрах отсюда волосы, предположительно жертвы. Убийца обрил ему часть головы и затем вырезал на коже этот знак. Потом нанес мужчине глубокие раны на груди, заполнил разрезы горючей пастой и поджег.

– Оригинально, – вырвалось у Снейдера. – Такого у нас еще не было.

– После того как загорелась грудь, огонь распространился на одежду и все тело и в конце добрался до пня.

Сабина посмотрела вниз.

– Земля вокруг вскопана.

– Вероятно, чтобы предотвратить лесной пожар, но для этого почва и так слишком влажная.

Снейдер рассматривал голову трупа.

– Разрезы на голове видны лучше, чем на груди. Почти не повреждены. В них не было зажигательной смеси?

Тимбольдт помотал головой.

– Наоборот. Убийца вдавил в рану губку. Скорее всего, влажную. Как будто хотел, чтобы мы увидели знак. Как глубина и ширина разрезов, так и символ очень напоминают убийство судьи Бек.

– Насколько это точно? – проворчал Снейдер.

Тимбольдт достал сотовый и показал Снейдеру фотографию.

– Этот снимок мы обработали на компьютере и реконструировали первоначальные разрезы.

Сабина подошла ближе, чтобы тоже взглянуть на дисплей. На нем был изображен обуглившийся затылок.

– Если ты спросишь меня, – сказал Тимбольдт, – то разрезы напоминают знак зодиака Близнецы.



– Или цифру одиннадцать, или римскую цифру два, – добавила Сабина.

Снейдер проигнорировал ее.

– У тебя есть волосы убитого. И его челюсть. Мы должны как можно быстрее установить личность мужчины.

*Суббота, 26 сентября*

Ханна сидела в кабинете для сеансов терапии напротив трех своих клиентов. На этот раз Осси, Виктор и Пит без препирательств заняли места и смотрели на нее – отчасти ожидающе, отчасти с вызовом.

– Сегодня я хотела бы поговорить с вами о причинах вашего агрессивного поведения, – начала она. – Но прежде еще раз напомним вам, что камера видеонаблюдения отключена, а охранники в наушниках.

Осси погладил свою крысу.

– И вы считаете, что этого достаточно, чтобы мы рассказали вам все о себе?

– Чего вы боитесь? – спокойно спросила Ханна.

– Я не боюсь.

– Тогда мы можем говорить обо всем открыто.

– Зачем мне это?

– Во-первых, это часть терапии, а во-вторых, все, что вы мне расскажете, является врачебной тайной.

– Вы же не думаете всерьез, что мы на это поведемся? – подключился Виктор.

– Я не судья, который выносит приговор, и не прокурор, который вас обвиняет. Я всего лишь психотерапевт, который хочет понять вас и помочь.

– Тогда вы и начните, расскажите нам что-нибудь о себе, – предложил Пит. В отличие от предыдущих сеансов на этот раз он выглядел заметно расслабленнее.

Ханна с недоверием посмотрела на него.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Но я расскажу вам не о себе, а просто одну историю.

Пит ван Лун скрестил перед собой руки и откинулся назад.

– Один мудрец сидел перед воротами своего города, – начала Ханна. – Все люди, входившие в город, шли мимо него.

– О, сказка, как мило, – язвительно вставил Осси.

Ханна проигнорировала его.

– Один незнакомец остановился и заговорил с ним: «Ты наверняка можешь сказать мне, что за люди в этом городе?» Мудрец приветливо посмотрел на него и спросил: «А какие они там, откуда ты пришел?» Незнакомец ответил: «Дружелюбные, щедрые и готовые помочь». Мудрец улыбнулся: «Здесь люди точно такие же». Позже мимо него прошел другой незнакомец. «Скажи мне, что за люди в этом городе?» Мудрец задал ему тот же вопрос, что и предыдущему прохожему, и мужчина ответил: «Ужасные, злые и надменные!» Мудрец улыбнулся: «Боюсь, в этом городе они такие же!» – Ханна положила руки на колени и замолчала.

– Ага, – спустя какое-то время сказал Осси. – Отличная история, я ее знаю. Слышал, когда учился на детского педагога.

– Тогда вы можете объяснить нам смысл этой истории, – предложила Ханна.

– Мы воспринимаем мир таким, какие мы сами. Добрый видит добро, а злой – зло.

– То же самое касается и агрессий. Они сидят в каждом из нас. Если мы не обуздаем их, то наткнемся на агрессивный мир. – Ханна смотрела только на Осси, потому что считала его самым разговорчивым из трех собеседников. – Где находится ваша агрессия?

Он наморщил лоб.

– Я не понимаю вопрос.

– Где она живет? Где засела? В вашей голове? В вашем сердце? Или в руках?

Осси подумал немного, потом опустил голову.

– Там внизу. – Он указал между ног, где сидела его крыса.

– Хорошо, спасибо. – Ханна перевела взгляд на Виктора: – А где сидит ваша агрессия?

Виктор сжал кулаки.

– Вот здесь. Хотите попробовать? Ими я могу разорвать любого, кто...

– Большое спасибо. – Она посмотрела на Пита: – А у вас?

Он наклонил голову.



– Я не агрессивный.

Ханна чуть было не рассмеялась. Мужчина, который убил пять женщин!

– Это нечестно! – запротестовал Осси.

Виктор повернул мощную голову к Питу.

– Я тоже так считаю. С тебя еще история за прошлый раз, ты тогда молчал в тряпочку.

– Да, Пит! Твоя очередь! – добавил Осси.

Ханна подняла брови. Преимущество групповой терапии в том, что если дело пошло, то уже сложно избежать давления группы.

– Итак, Пит, – снова обратилась к нему Ханна, – где сидит ваша агрессия?

– Я уже сказал, что я не агрессивный!

– Еще какой агрессивный! – провоцировала она его. – Постоянно! Я вас другим и не знаю.

– Это глупая болтовня. Я держу свои эмоции под контролем.

– Вовсе нет. – Ханна наклонилась вперед к Питу. – Вы несдержанны и не контролируете ни свою ненависть, ни задиристость... как маленький ребенок.

– Почему я обязан выслушивать эту чепуху от какой-то практикантки!

Ханна заговорила громче:

– На самом деле вы слабый и подчинены своим эмоциям!

– Я – и слабый? – эхом отозвался он. – Вы понятия не имеете!

– Вы не терпите возражений и задаетесь, что говорит о крайнем чувстве неполноценности. И...

– Я спрашиваю себя, кто из нас двоих чувствует себя неполноценным? – Пит начал привставать. – Вы со своим тщеславием и желанием проявить себя...

– Или вы, потому что чертовски боитесь признаться перед коллегами в позорном поражении.

– Вы чертова су... – Он не закончил предложение.

Краем глаза Ханна заметила, что один из охранников собирался снять наушники, но жестом дала ему понять, что все в порядке.

– Очень хорошо, – мягко сказала она. – Большое спасибо, что вы показали мне свою агрессивную сторону. Что вы чувствуете в данный момент? Где находится злоба?

Пит опустил на свой стул. Съежился и уставился в пол.

– Здесь... – пробормотал он и схватился за горло. Ханна вспомнила о его врожденном заболевании иммунной системы и гиперфункции щитовидной железы.

– В горле?

– Понятия не имею, – пробормотал Пит. Слова прозвучали неуверенно. Потом его рука переместилась вниз к груди.

«Значит, в грудной клетке!»

– Я знаю, что вы сейчас чувствуете, – мягко произнесла она. – Я захватила вас врасплох, и вы повелись на это. Мне очень жаль.

Пит не ответил.

Ей нельзя было потерять эмоциональную связь с ним.

– О'кей, вы меня сейчас ненавидите. Это хорошо, – продолжила она. – Теперь мы знаем, где сидит эта ненависть. Глубоко в груди. Как она выглядит? Опишите ее.

Пит закрыл глаза. Вены на висках вздулись.

– Как выглядит эта ненависть? Персонифицируйте ее!

– Это маленький черный человечек, который хочет забить вас молотком. Сначала раздробить лучезапястные и коленные суставы, потом тазобедренные суставы, ребра, гортань и череп...

Ханна сглотнула.

– Хорошо! – Она сделала паузу. Теперь начиналась самая сложная часть. Она подвинулась ближе и изменила голос, который стал еще мягче и обращался напрямую к Питу. – Черный человечек, что бы ты хотел сделать со мной?

– Разрубить тебя на части, – последовал быстрый ответ.

– А потом?

– Смотреть, как ты дергаешься, как из тебя вытекает кровь и ты медленно умираешь...

– Как ты себя при этом чувствуешь, черный человечек?

– Свободным.

– От чего?

– От давления, которое тяготит меня.

Она продолжила:

– Что давит на тебя, черный человечек?

– Я не хочу об этом говорить.

– Почему?

– Потому что тебя это не касается.  
– То есть ты не даешь мне увидеть, что творится внутри Пита?  
– Это касается только его и меня.  
– Но я психотерапевт Пита, мы должны об этом поговорить.  
Пит все еще сидел с закрытыми глазами, наклонившись вперед.  
– Почему мы должны это делать?  
– Потому что я хочу помочь Питу.  
– Но я не хочу ему помогать.  
– Ты чувствуешь, что тобой пренебрегают? Пит уделяет тебе слишком мало внимания?  
– Нет, мне не нужно признание.  
– Возможно, не Питом – а кем-то другим?  
Черный человечек молчал.  
– Кто пренебрегает тобой, черный человечек?  
Голос Пита стал ледяным.  
– Я есть гнев и ненависть. Мне никто не нужен.  
Черт! Она совершила ошибку. Быстро попыталась ее исправить, пока не потеряла связь с бессознательными чувствами Пита.  
– Не ты, а Пит чувствует недостаток внимания, я права? И это вызывает в тебе ярость.  
– Пит сильный.  
– Мы оба знаем, что это не так.  
– Ему не нужно признание.  
– Возможно, не со стороны других заключенных, – предположила Ханна, – но есть тот, кто мог бы уделять ему больше внимания. Это вызывает в тебе ярость?  
– Ты понятия не имеешь.  
– О чем?  
– Каково это – быть оставленным.  
– Мать Пита была всегда рядом.  
– Но отец бросил его. Он просто ушел. – Руки Пита сжались в кулаки.

Ханна взглянула на Осси и Виктора. Они затаили дыхание и не произносили ни звука. Очевидно, они еще никогда не видели Пита в таком состоянии.

Из личного дела Пита Ханна знала, что у него было расстройство психики.

– Ты чувствуешь давление, черный человечек? Угрозу? – Она знала, что это уникальный шанс узнать больше о Пите и его настоящих мотивах. «Давай же! Скажи что-нибудь!»

– Там это чудовище.

– Как оно выглядит?

– Оно черное.

– Что оно делает?

– Оно хочет меня проглотить, утащить в свою черную дыру.

– Кто или что есть это чудовище? Попытайся дать ему имя или описать какое-то качество.

– Оно... тоскливое, пессимистичное, несчастливое и...

– Депрессивное?

– Да.

За давлением скрывалась тяжелая депрессия, при этом мужская депрессия находила выражение в агрессии. Ханна подумала о досье Пита. Внезапно все встало на свои места. Но кое-что ставило ее в тупик. Все сходилось... слишком гладко.

– Хорошо, – сказала она.

Пит разжал кулаки.

– Ничего не хорошо! – В тот же момент он открыл глаза, вскочил и пнул ногой стул, так что кандалы забренчали, а стул разлетелся на части от удара об оконный переплет.

Охранники сняли наушники и схватились за свои тазеры. Один подошел к Питу.

Ханна тоже поднялась и сделала предупреждающий знак рукой.

– Все в порядке. Спасибо... Пит.

Она пододвинула Питу собственный стул.

– Можете сесть на этот.

Пит поднял голову и посмотрел на нее сверкающими глазами.

– Спасибо, что я смогла поговорить с черным человечком в вашей груди, – сказала она.

Осси расслабленно опустил плечи.

– Аллилуйя.

Пит ничего не говорил. Лишь враждебно смотрел на нее. На мгновение Ханна испугалась, что все это просто шоу, что Пит обвел ее вокруг пальца и сейчас громко рассмеется. Но ничего такого не произошло.

Когда человек хочет показаться взбешенным, существует много способов изобразить эту ярость. Можно махать руками, топтать ногами, громко кричать, ругаться или делать свирепое лицо. Но одно нельзя симитировать: узкие губы. Когда кто-то приходит в ярость, его губы становятся тонкими. Это как-то связано с капиллярным эффектом и сокращением мышц. И это невозможно симулировать.

Губы Пита стали тонкими – настолько, что превратились в белую ниточку. В этот момент он ненавидел ее, как никого на свете. И со всей прямотой описал, что сделал бы с ней. Но не упомянул, что изнасиловал бы. В полицейских отчетах она тоже не нашла ни слова о том, что его жертвы были подвергнуты сексуальному насилию. По какой причине СМИ все равно об этом сообщили? Несмотря на сегодняшний примечательный сеанс, она была в самом начале пути и должна была еще много выяснить о нем и его мотивах.

– Эй? Все в порядке?

Ханна подняла глаза. К ней подошел охранник.

– Да, спасибо, все хорошо.

Осси и Виктора уже вывели в коридор. Пит покидал комнату последним. Когда он был уже в дверях, Ханне показалось, что он ухмыляется.

– Пит? – шепотом позвала она.

Он обернулся, улыбнулся ей и прошептал:

– Вам понравился черный человечек?

*Четверг, 1 октября*

Сабина по-прежнему не могла отвести взгляда от обугленного трупа. Связанный, торчащий из полого пня, обмазанный горючей пастой и сгоревший заживо. Неужели можно было радоваться мукам другого человека?

– Все в порядке, Белочка? – спросил Снейдер.

– Нет, не в порядке, – ответила она хриплым голосом. – Насколько человеку должен быть чужд Бог, чтобы совершить такое!

– Ну, я в Бога не верю, – ответил Снейдер. – Видимо, как и наш убийца.

– Возможно, он интересуется астрологией, – предположил Тимбольдт.

Сабина медленно, но уверенно помотала головой.

– Я считаю, что в данном случае речь идет о цифре одиннадцать. Еще одна жертва серии убийств.

Снейдер закатил глаза.

– Вы просто заикнулись на этой идее. Я больше не собираюсь с вами спорить.

– Потому что вам надоело? – спросила Сабина.

– Нет. – Он провел рукой по лысине. – Потому что вы, возможно, правы... Я не знаю. – Он колебался.

Сабина удивленно взглянула на него. И это из уст Снейдера!

– Я дождусь судебного медика и буду занят здесь как минимум еще час, – сказал Снейдер. – Хотите пока вздремнуть в машине?

– Я спала в вертолете. – Она обернулась к Тимбольдту: – Я хотела бы послушать показания пожилой пары.

– Без проблем. – Мужчина снял диктофон с пояса и передал Сабине.

– Спасибо. – Она кивнула в сторону озера. – Можно я немного здесь осмотрюсь?

– Конечно, эта дорожка ведет вокруг озера. Но будьте осторожны и не упадите в воду. В некоторых местах берег очень скользкий.

– Хорошо, спасибо.

Сабина уже направилась к озеру, но Снейдер остановил ее:

– Вы собираетесь далеко уйти?

– Не волнуйтесь, я не сбегу.

– У тебя есть запасное оружие? – спросил Снейдер коллегу.

Тимбольдт взялся за поясную кобуру и достал малокалиберный пистолет «вальтер», который протянул Сабине.

– Полагаю, вы умеете с ним обращаться. Инстинктивно она дотронулась до места, где обычно носила кобуру со служебным оружием. Но и то и другое осталось в оружейном шкафу БКА в Висбадене. Они со Снейдером прилетели напрямую из Швейцарии, а брать оружие за границу им запрещалось.

– Да, я умею с ним обращаться, но разве это необходимо? Тимбольдт и Снейдер переглянулись.

– На всякий случай, – сказал Снейдер. – И будьте осторожны, смотрите, чтобы с вами ничего не случилось.

Как он вдруг заволновался. Сабина взяла пистолет, проверила магазин и заткнула оружие за пояс за спиной. Потом оставила группу.

Вскоре бормотание мужчин и женщин стихло. Свет ламп и вспышки камер поблекли. Осталась одна лишь тропа впереди.

Спустя тридцать секунд ее глаза привыкли к темноте. Луна освещала корни растений перед ней, а некоторые деревья отбрасывали на тропу длинные тени. Рядом на ветру шуршал камыш. Волны плескались о берег, и вдалеке слышался зов кукушки.

Она с удовольствием поспала бы сейчас в машине, но как сформулировал это Снейдер? «Если нужно снять корабль с мели, лучше часок поработать, чем вздремнуть». Когда Сабина добралась до места, где кроны деревьев образовывали просвет и белый лунный свет падал на землю, она решила, что самое время погрузиться в эмоциональное состояние убийцы, жертвы и свидетелей. И включила диктофон.

Жестяной голос Тимбольдта назвал дату, место, а также фамилию и адрес обоих свидетелей. После нескольких вопросов пожилой мужчина дрожащим голосом рассказал, что случилось.

*«Время от времени мы ходим на озеро. Вечерами там обычно никого. Сегодня на берегу было особенно влажно, к тому же настолько густой туман, что у меня снова заломило кости. Я хотел уже вернуться, но моя жена хотела сделать круг до самого отеля, где на парковке стояла наша машина. Так мы и вышли на это место».*

Кукушка снова прокуковала. Нет, на этот раз звук доносился из диктофона. Сабина поднесла аппарат ближе к уху и направилась дальше. Она подошла очень близко к воде и чувствовала, как почва под ногами становится глинистой и вязкой. Но если зрение ее не обманывало, то в лунном свете она видела, как тропа уходила в сторону от воды и снова вела в лес. Под ногами на влажной почве буйно разрослись грибы.

*«Сначала мы почувствовали запах. Гриль на древесном угле, подумал я. Видимо, парочка туристов развела посреди леса костер, чтобы... не знаю... поджарить рыбу. Иногда такое бывает, но на этот раз пахло как-то иначе. Чем-то жженым... очень жженым! Жиром и волосами. Мы пошли дальше. И я заметил, как к небу поднимается тонкая струйка дыма. Был восьмой час, солнце как раз садилось, и я хотел взглянуть на это».*

Сабина услышала, как в лесу хрустнула ветка. Она автоматически потянулась к «вальтеру», чтобы проверить, на месте ли оружие. Потом достала сотовый, включила фонарик и посветила в сторону леса. Деревья, кустарники и высокие папоротники стояли плотной стеной и отбрасывали странные тени.

Она следовала по тропе, которая теперь сильно отклонилась от воды и уводила в глубь леса. Лучше бы она взяла фонарь вместо пистолета! Но ведь дорожка идет вокруг озера. Так что заблудиться она никак не могла.

Ветка ударила ей по лицу. Черт! Похоже, все-таки лучше вернуться, пока она не заблудилась.

*«А потом я увидел этот пень. Сначала подумал, что из него торчит черное пугало, но потом разглядел растопыренные пальцы за спиной. Запах стоял невыносимый! Это был человек, полностью обугленный. Моя жена тут же начала истерично кричать».*

Снова послышался хруст ветки и шуршание в листве. Вероятно, какая-то птица или еж. Сабина посветила телефоном в лес. Ничего.



Перед ней дорожку пересекала узкая протоптанная тропинка. Налево она вела к воде, направо – в лес.

Свидетельские показания закончились. Она отмотала пленку назад и прослушала одно место еще раз.

*«...Торчит черное пугало, но потом разглядел растопыренные пальцы за спиной...»*

Несмотря на покинутую местность, туман и послеобеденную влажность, убийца должен был опасаться, что его могут застать туристы. Где он припарковал свой автомобиль? Сколько тащил жертву через лес к этому пню? И уже заранее присмотрел этот пень? Если так, возможно, убийца провел в отеле последние дни перед закрытием?

Сабина инстинктивно выбрала узкую тропинку к воде. «Там на берегу что-то есть!» Она посветила телефоном, но это было не нужно. В лунном свете четко вырисовалась конструкция из веток и сучьев. На ней висели полотенца и купальные трусы. К дереву была прислонена удочка, на земле лежали крючки и рыбья голова. В лесу снова хрустнуло! Сабина резко обернулась.

*«Моя жена тут же начала истерично кричать...»*

Сабина выключила диктофон. У берега в лунном свете сверкали крошечные лужи. Это были следы босых ног! Не так давно кто-то ходил здесь купаться. В это время года! Температура воды в озере наверняка не больше десяти градусов.

Она пошла обратно в лес и, когда темнота вокруг снова сгустилась, осветила тропу фонариком на телефоне. Рыболовная оснастка и купальные вещи должны были кому-то принадлежать. Возможно, она наткнулась на еще одного свидетеля, который что-то видел? Или на убийцу! Она застыла на мгновение. «Прекрати, не сходи с ума!» В нескольких метрах перед ней что-то блеснуло в свете фонарика. Отблеск, словно от стекла. Сабина раздвинула ветви, которые свисали над узкой тропинкой, и пошла в том направлении.

Через несколько шагов она наткнулась на небольшую поляну, посреди которой, освещенный луной, стоял автокемпер. Сабина узнала типичный желтый номерной знак Нидерландов. Над входной дверью крепился козырек от солнца. Под ним стояли стол и складные стулья, а к самому трейлеру был прислонен велосипед. На лужайке в землю были воткнуты две лампы на солнечных батарейках, которые скудно

освещали пространство. В лунном свете блестел черный лакированный гриль. Рядом стоял мешок с древесным углем.

Сабина набрала номер Снейдера, который тут же ответил.

– Где вы? – рявкнул он в телефон.

– Я шла вдоль берега и обнаружила на поляне автокемпер, – прошептала она. – Возможно, я нашла еще одного свидетеля.

– Или убийцу. Ждите меня, не сходите с места. Я сейчас подойду к вам с Тимбольдтом и двумя полицейскими. – Он повесил трубку.

У Сабины по коже побежали мурашки. «Или убийцу!» Возможно, в трейлере находился еще кто-то – лежал связанный на полу, истекал кровью и нуждался в ее помощи.

Она сунула мобильник и диктофон в карман, вытащила пистолет и, пригнувшись, пошла через поляну к трейлеру. Лужайка была влажная. Под ногами хлюпали раздавленные грибы и листья. Она увидела столик, на котором стояли термос, тарелки и стаканчики. Пахло горелыми отбивными. Сабина дошла до трейлера и заглянула через окно внутрь. Но не смогла ничего разглядеть. Внутри было темно, и занавеска мешала. Тогда Сабина подняла пистолет, прижалась к стене и постучала в дверь.

Никакого ответа.

– Эй, есть кто-нибудь?! – крикнула она.

Ничего.

Сабина осторожно взялась за ручку и почувствовала, как дверь подалась и открылась наружу. Она подумала о Тине Мартинелли, которая получила стилетом в легкое. Но быстро отогнала от себя эту мысль. Дверь стояла нараспашку. Внутри было темно. Неожиданно ее ослепил яркий свет. Сабина обернулась, дозарядила в движении пистолет и выставила его перед собой на уровне головы – но ничего не произошло. Под козырьком зажглась лампа. Датчик движения! Открывшаяся дверь активировала его. Сабина с облегчением выдохнула.

– Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена! – крикнула она. – Я захожу. – Она вошла в трейлер. На внутренней стороне рядом с дверной рамой нащупала на стене выключатель и нажала на него.

Зажглись две лампочки, и Сабина смогла рассмотреть достаточно просторное помещение. Но ни на полу, ни на кровати никто не лежал.

Внутри вообще не было ни души. Сабина все равно прислушалась. Ничего! Она переступила через разбросанные на полу полотенца, тарелки и пластиковые стаканчики. Дверь за ней автоматически закрылась. Сабина дошла до маленькой ванной комнаты и уставилась на метровый настенный шкаф рядом с дверью в туалет. По искусственной поверхности на уровне головы тянулся красный след. Кровь или вишневое варенье? В настоящий момент это было сложно установить.

Сабина постучала в дверь туалета.

– Есть кто-нибудь?

Она сама себе казалась глупой, но, возможно, в душевой кабине висел труп или на унитазе сидела связанная женщина. Сабина вытащила из кармана куртки латексные перчатки, надела их и открыла дверь. Свет из комнаты упал в ванную. Душевая кабина, унитаз с крышкой, шкафчик и лицо женщины.

Сабина вскинула пистолет. Но потом узнала собственное отражение в зеркале шкафчика. «Черт! Соберись!» Она поставила «вальтер» на предохранитель и сунула за пояс. Кто жил в этом автодоме?

Сабина снова перешагнула через мусор на полу, прошла к кабине водителя и перерыла бардачок. Чего там только не лежало – ручки, носовые платки, презервативы, жвачка, наличные, солнечные очки и карта дорог. Но ни водительских прав, ни удостоверения личности или документов на транспортное средство она не нашла. За солнцезащитным козырьком тоже ничего не было. Но ключ торчал в замке зажигания. Значит, водитель где-то поблизости. Но почему он оставил ключ, а документы забрал с собой? Все просто! Почти наверняка она находилась в трейлере убитого, обгоревшие останки которого торчали в пне, – и это убийца прихватил с собой документы, чтобы осложнить идентификацию трупа. Хотя для этого ему следовало также снять с машины номерной знак и утопить его в озере. Но он этого не сделал!

Сабина выключила свет в трейлере, села на узкую скамью рядом с мини-кухней, сняла перчатки и уставилась в темноту. Вероятно, водитель трейлера пошел после обеда к озеру, чтобы окунуться в холодную воду или проверить удочки. Затем обтерся насухо, повесил

полотенце на сук и снял купальные трусы. Потом переоделся в сухую одежду.

Время около трех. Небо покрыто облаками. С озера ползет туман. Поблизости никого. Он босиком возвращается к трейлеру.

Сабина повернула голову. Рядом с ней в темноте кто-то стоял. Высокий мужчина с широкими плечами. Она видела только его силуэт в лунном свете, который падал через окно. Убийца!

Он не видит ее, просто стоит, прижавшись к стене. Ждет водителя трейлера. В руке он держит тяжелый домкрат, прячется за дверь и заглядывает в окно. Когда он поворачивает голову, луна освещает его лицо.

– Сколько вы уже здесь стоите? – тихо спрашивает его Сабина, чтобы не мешать ему концентрироваться.

Убийца лишь недовольно поморщился.

– Полчаса.

– Но вы уже давно следите за своей жертвой.

– Несколько дней.

– Вы дождались, чтобы отель закрылся, а отдыхающие уехали?

– Тихо, он идет!

Послышался шорох шагов по лужайке. Жертва подходит ближе, открывает дверь и заходит внутрь. В тот же момент убийца бьет его домкратом в висок. Мужчина качается, вскидывает руку и пытается оказать сопротивление. Начинается борьба. Мужчины дерутся в трейлере. Со стола летят тарелки и полотенца, один из мужчин со всей силы ударяется затылком о навесной шкаф. По дверце шкафа тянется кровавый след.

Убийца одолевает свою жертву, связывает руки и затыкает рот кляпом. Затем выталкивает мужчину наружу и ведет через туман по лесной тропе к пню, где ломает ему ноги.

Сабина подняла глаза и вернулась в реальность. Видение перед глазами медленно рассеивалось. Теперь она и правда услышала шаги снаружи. Она поднялась и затаила дыхание. Кто-то стоял за дверью. Свет автоматически зажегся – сработал датчик движения. Она увидела тень перед окном.

Дверь распахнулась. В тот же момент она выхватила пистолет из-за пояса. Но сразу опустила руку. Перед ней стоял Мартен Снейдер и

заглядывал в трейлер.

– Я же сказал вам не сходить с места!

– Я и не сходила.

Снейдер строго посмотрел на нее.

– Уберите оружие! Вы к чему-нибудь прикасались?

– Только к выключателю и дверной ручке трейлера, затем я надела перчатки.

Снейдер включил свет, вошел внутрь и огляделся.

– Полагаю, это трейлер убитого, – сказала она.

– Почему вы так считаете?

Сама того не желая, Сабина применила визионарный метод Снейдера – правда, марихуана ей для этого не потребовалась.

– Интуиция, – ответила она. – Там, позади, на большом навесном шкафу следы крови. Мы должны срочно сделать запрос о владельце по номерному знаку трейлера, чтобы идентифицировать труп. Потому что, если это действительно серийное убийство номер одиннадцать, меня крайне интересует, были ли вы знакомы и с этой жертвой.

– Вполне возможно, – пробормотал Снейдер. – По крайней мере, у трейлера голландские номера.

– Все в порядке? – спросил Тимбольдт снаружи.

– Да, иначе я бы уже позвал тебя. – Снейдер прошел в другой конец трейлера, мыском ботинка открыл дверь в туалет и бросил взгляд внутрь. Затем изучил красный след на шкафу, ручкой поддел дверцу и открыл ее. Долго смотрел внутрь.

– Нашли что-то интересное? – спросила Сабина.

– Вы должны взглянуть на это, – сказал Снейдер. – Я считаю, что мы в трейлере убийцы.

Сабина поднялась и подошла к навесному шкафу. В обоих отделениях лежали две – отрубленные по бедра и завернутые в пленку – женские ноги в туфлях на каблуках, к которым пристала земля.

*Суббота, 26 сентября*

Ханна проводила взглядом трех своих клиентов, которых охранники повели к блоку с камерами.

Она надеялась, что происшествие не повлечет за собой никаких последствий для Пита ван Луна, который в конце сеанса разломал стул. В любом случае она замолвит за него словечко перед директором Холландером, тем более что сама спровоцировала вспышку ярости. Но даже если Холландер откажется от дисциплинарного наказания, она не была уверена, захочет ли Пит вообще участвовать в следующем сеансе психотерапии.

Ханна закрыла за собой дверь кабинета терапии и направилась в библиотеку. Вчера Френк настоятельно рекомендовал ей взять определенную книгу, и сейчас Ханна за ней сходит.

Она вошла в библиотеку, и Френк, увидев ее, тут же отложил стопку книг, которую нес, в сторону, подошел к своему письменному столу и достал из ящика затрепанную книгу в мягкой обложке.

– Я хотела бы взять что-нибудь Кена Кизи, – сказала она для проформы.

– Очень удачно, ее сегодня как раз сдали обратно. – Он крепко держал книгу. Между страницами был всунут сложенный листок бумаги.

Ханна потянулась за книгой, но Френк отвел руку назад.

– Вы уже поговорили с директором Холландером о моей индивидуальной терапии?

– Думаю, он не будет против.

– Отлично. – Френк заулыбался. – Вы сказали, что хотите начать с моих фантазий, страхов и желаний. Я уже подготовился. – Он вытащил из книги листок и развернул его. – Записал свои страхи и желания.

– Спасибо, я посмотрю сегодня вечером.

Он разочарованно опустил плечи.

– Я думал, мы это сразу обсудим. У вас ведь есть время? Ханна взглянула на настенные часы. Десять минут четвертого. Конечно, у нее было время.

– Хорошо, – вздохнула она. – Прочитайте мне ваши страхи.

– Я... я забыл сегодня утром очки в квартире.

– Вы носите очки?

Френк кивнул.

– Только чтобы читать мелкий шрифт. А так я обхожусь и без них, вдаль у меня зрение, как у лисицы.

Как у ястреба, видимо, хотел сказать он, но это было не важно.

Френк протянул ей листок.

– Не могли бы вы...

Ханна посмотрела на книгу у него в руке. Наверняка он не отдаст ее, пока Ханна не уделит ему хотя бы несколько минут.

– Да, конечно.

Ханна взяла листок и обратила внимание на мелкий аккуратный четкий почерк.

– «Секс для меня одна из самых важных вещей», – прочитала она вслух.

Френк сунул руку в карман брюк и, казалось, принялся тереть свой член.

– «Я думаю об этом почти каждую свободную минуту. По вечерам я удовлетворяю себя сам и при этом думаю о вас...» – Ханна сглотнула.

Она не решалась поднять взгляд от листка, но была уверена, что Френк жадно внимал каждому ее слову.

– «Я представляю, как насилую вас, – продолжила она. – На вас смирительная рубашка, и я беру вас сзади. Вам нравится. Но я все равно боюсь, что вы можете мне отказать.

Почему вы не спросите меня сейчас, не хочу ли я...» – последние слова она не произнесла вслух.

«...трахнуть вас в задницу».

Ханна сложила листок и посмотрела на Френка. Он выпятил нижнюю губу и сощурился, так что глаза превратились в узкие щелочки. Она была готова поспорить, что он не нуждался ни в каких очках. Словно какой-то неопытный новичок, она угодила в его

ловушку. Чем глупее люди, тем они хитрее. Ханна все равно пыталась оставаться спокойной.

– Зачем вы пытаетесь играть со мной в эти игры?

– Вы же сказали, чтобы я... – Он замолчал, наткнувшись на ее серьезный взгляд.

– Что вы сейчас чувствуете? – спросила она. – Сексуальное возбуждение?

Он молчал.

– Спасибо. – Она протянула ему листок. – Можно мне теперь получить книгу?

Френк отдал ей книгу.

– Не забудьте, что книга выдается на три недели.

Ханна с книгой покинула библиотеку. Идя по коридору, она взглянула на название книги. *«Пролетая над гнездом кукушки»*.

Похоже, Френк снова издевался над ней. Книга была сильно истрепана. На первой странице стоял штамп библиотеки «Штайнфельза», а на второй была приклеена желтая учетная карточка, которая выглядела довольно новой. Даже запах клея еще не выветрился. Хотя книга казалась такой зачитанной, на карточке стояло всего три имени. Два она знала по столярной мастерской, а третье имя было Пит ван Лун.

Неужели это была подсказка Френка?

Если да, то он считал, что доктор Кемпен подвергала этих троих мужчин особому лечению в изоляторе.

Десять минут спустя Ханна постучала в стальную дверь больничного отделения. Со своей магнитной картой она могла и так войти в эту часть здания, но один раз доктор Кемпен ее уже застучала – и Ханна не хотела лишний раз вызывать подозрение.

Она улыбнулась в камеру, вскоре послышалось жужжание, и дверь открылась. Ханна тут же окунулась в запахи каких-то мазей и дезинфицирующих средств и напрямик направилась в кабинет доктора Кемпен.

Женщина сидела за письменным столом и печатала на компьютере.

– Как ваш палец? – спросила она не поднимая взгляда.



– Спасибо, хорошо. А вы как?

– Бессмысленно пытаться смягчить меня подобными разговорчиками. Избавьте нас обоих от этого. – Кемпен продолжала печатать на клавиатуре. – Что вам нужно?

– Я хотела бы взглянуть на результаты последнего медицинского обследования некоторых клиентов.

– Зачем?

– Зачем? – повторила Ханна. – Я получаю опыт и практику, необходимые для моего образования. И некоторые мужчины представляют собой интересные случаи, которые могут помочь в терапии моих клиентов. – Она назвала Кемпен десять имен, в том числе Пита ван Луна и двух других, которых Френк указал в учетной карточке.

– Интересно. Почему именно эти? – спросила Кемпен.

– Когда я помогала социальному работнику и дежурила в мастерских, я поговорила с некоторыми мужчинами. Я бы хотела получить информацию об их клинической картине, и, если они проходят лечение, какие медикаменты принимают.

– Это все ваши клиенты?

Что за глупый вопрос!

– Конечно нет, в настоящий момент у меня только трое, но...

– Тогда вам не положено.

Чего и следовало ожидать. Ханна немного подумала.

– Стороннему человеку может показаться, что вы вставляете мне палки в колеса с моей практикой.

Кемпен прекратила печатать, отодвинула клавиатуру в сторону и взглянула на Ханну.

– Кому, например?

– Всей экзаменационной комиссии.

– Заучка! – Кемпен внимательно на нее посмотрела. – Если вы ищете параллели в картинах болезней, последние результаты обследования мало чем помогут. Вам нужно изучить медицинские карты целиком.

Ханна подняла брови.

– Я и прошу вас об этом.

– Тогда приятного чтения, – вздохнула Кемпен. – У вас есть один день, завтра я хочу видеть документы у себя в кабинете. – Она

поднялась и открыла подвесной металлический шкафчик.

Ханна с удивлением наблюдала, как Кемпен вытащила десять папок. Врач запомнила все десять имен. Через минуту на столе возвышалась стопа высотой двадцать сантиметров. Некоторые папки, из которых торчали рентгеновские снимки, были толщиной с книгу, которую Ханна все еще держала в руке. Она положила ее сверху и собиралась уже подхватить всю стопку.

– Что вы там читаете?

– «Пролетая над гнездом кукушки».

– Вы что, серьезно? – Кемпен снисходительно улыбнулась. – Я думала, что за свою карьеру повидала уже достаточно странного персонала, однако до сих пор не перестаю удивляться. – Она протянула руку. – Мне нужна ваша магнитная карта.

Ханна подошла к столу и дала ей карточку. Кемпен открыла на компьютере программу и отметила, какие папки были выданы Ханне. Затем Кемпен провела ее магнитной карточкой через считывающее устройство.

– Один день, – повторила она.

Ханна подняла стопку.

– Конечно.

Прежде чем Кемпен закрыла программу, Ханна успела прочитать в таблице на мониторе, кто последним брал медицинские карты.

Это была Ирена Эллинг.

За три дня до самоубийства.

Правда, она брала карты лишь тех трех клиентов, чьи имена Френк указал в книге.

*Пятница, 2 октября*

Снейдер и Сабина больше ни к чему не прикасались, тут же покинули автокемпер и вызвали криминалистическую службу.

Они молча вернулись по тропе к обугленному пню. Там криминалисты уже собирали и упаковывали свое оборудование, чтобы направиться к трейлеру.

«Эта ночь никогда не закончится!»

Снейдер поставил одну ногу на ветхую деревянную скамью, оперся локтем о колено и посмотрел на озеро.

– Вы правы, убийства связаны между собой, – пробормотал он. – Предположительно, это ноги убитой в Хагене судебного психолога. Убийца отрубил ей топором ноги, спрятал их в своем автокемпере и поехал на нем в Баварию.

– А по дороге побывал в Берне, – закончила Сабина. Снейдер пожал плечами:

– Возможно.

Тимбольдт подошел к ним и протянул Сабине кофе.

– Хорошая работа.

Она благодарно приняла стаканчик и погрела о него руки. Аромат поджаренных зерен вдохнул в нее жизнь. Сделав несколько глотков, она передала Тимбольдту пистолет.

– Спасибо.

– Больше никаких ознакомительных прогулок?

– Лучше я немного посижу в машине.

– Мы можем отвезти вас в отель.

– Спасибо, не нужно.

Следователь проводил ее к машине. Снейдер остался на берегу один. Оглянувшись через плечо, Сабина увидела, что он разговаривает по телефону. Его голос был напряженным. Если ему не было ночью покоя, то он не станет считаться и с другими – не важно, с кем он разговаривает и в какое время. До Сабины донеслись слова «проба

крови» и «сравнение ДНК», потом она была уже за пределами слышимости.

– Устраивайтесь поудобнее в машине, – сказал коллега. – В багажнике лежит плед.

– Спасибо. – Она села на переднее пассажирское сиденье внедорожника, вставила стаканчик с кофе в держатель для напитков и повернулась к своей дорожной сумке на заднем сиденье. Сверху лежал ее ноутбук.

Пока компьютер у нее на коленях загружался, она немного отодвинула сиденье назад. Было не так удобно, как в ее кабинете, но сойдет. Часы ноутбука показывали несколько минут второго ночи. Сабина сделала глоток кофе, подсоединила интернет-модем и подключилась к архиву БКА.

Пока печатала на клавиатуре, заметила, как запотели стекла.

– Хорошо, – пробормотала она. – Четыре, пять, восемь и одиннадцать. – Если она права и речь идет о серии убийств по определенной числовой комбинации – где трупы с остальными цифрами на теле? Или, может быть, цифры соответствуют буквам алфавита? Тогда они означают D, E, H и K. Буквы D и H – инициалы Дитриха Хесса<sup>[9]</sup>, но что означают E и K? Это тоже ни к чему не ведет.

Она сделала запрос в архиве БКА о недавно обнаруженных в Германии изуродованных трупах, на теле которых были вырезаны или выжжены цифры или символы. Но программа не выдала ни одного совпадения.

– Черт. – Она откинулась на спинку сиденья. Все не так просто, как она надеялась. Сабина расширила запрос и включила в поиск несколько соседних стран – Нидерланды, Бельгию, Швейцарию, Данию и Австрию. На этот раз компьютер думал значительно дольше.

Опять ничего!

Только пара быстро раскрытых убийств, которые все равно не укладывались в схему.

Она сделала еще глоток кофе. Это могло означать только то, что трупы – если таковые вообще имелись – просто еще не нашли. Или они были обнаружены очень давно.

Следующий запрос охватывал последние пять лет. Она нажала клавишу «Ввод» и уставилась на монитор. Интернет был довольно медленный. Ей пришлось ждать целых пять минут, прежде чем на

мониторе наконец-то появился длинный список убийств. Сабина отфильтровала те, которые, по ее мнению, были недостаточно извращенными, а просто «нормальными» убийствами в состоянии аффекта. Остальные стала изучать в обратном хронологическом порядке.

Она хотела уже сдать, как наткнулась на серию убийств, произошедших пять лет назад. В Голландии и Германии пять молодых женщин были сначала жестоко покалечены, а потом забиты молотком. Каждой из жертв убийца вырезал на коже в районе грудной клетки какую-то произвольную букву, за что пресса дала ему прозвище Неуч. Однако, прежде чем он успел совершить шестое убийство, его схватили в Швейцарии. Она не ошиблась? В Берне?

У Сабины сжался желудок. Она открыла дело и просмотрела документ. Убийца был пойман Мартеном Снейдером и Рудольфом Хоровитцем.

– Этого не может быть! – вырвалось у нее. словно в замедленной киносъемке перед глазами сменялись сцены, свидетелем которых она была несколько часов назад в Берне. Рассказ Хоровитца, как во время задания пять лет назад он получил серьезное ранение в позвоночник, обвинение, выдвинутое против Снейдера директором фэдпола Николой Висс... а потом подвешенный за волосы под мостом труп с вырезанным на животе символом бесконечности.

«Я знал, что тебя это заинтересует», – сказал Хоровитц Снейдеру. Но не только потому, что Снейдер был знаком с жертвой, а потому, что разрезы на коже напомнили ему о предыдущей серии убийств.

Вот мерзавец! Какого черта Снейдер не посвятил ее? Хотя бы Хоровитц мог рассказать ей больше. Или она должна была додумать их вопросами. Сама виновата!

С комком в горле она дочитала до конца, где сообщалось, что Снейдер поймал убийцу, а прокурор упек его за решетку. Уже пять лет убийца отбывал свой срок на острове Остхеверзанд, в тюрьме для преступников с психическими отклонениями. Вместе с другими психопатами.

Он родился в Амстердаме, и ему было двадцать семь лет. Сабина невольно вспомнила голландские номера автокемпера. Она уставилась на имя убийцы. Пит ван Лун. И пока Сабина разглядывала фотографию в ноутбуке, по спине у нее пробежал холодок.

«Почему, черт побери, я ничего об этом не знаю?» Ее челюсти заходили ходуном. Она по-другому представляла себе работу в команде со Снейдером. Или, наверное, все-таки нет.

Она с негодованием убрала ноутбук, вылезла из машины, со всей силы захлопнула дверь и направилась к месту преступления.

– Где Снейдер? – спросила она одного из полицейских. Тот коротко взглянул на нее.

– На месте обнаружения трупа. Только что приехал судебный медик и...

– Спасибо. – Она зашагала к обугленному пню.

Криминалисты ушли, и теперь лес освещала одна лишь лампа на штативе. Перед трупом стояли Снейдер и мужчина средних лет и ожесточенно спорили друг с другом.

Сабина подошла к обоим мужчинам.

– Здравствуйте, – коротко поздоровалась она и тут же обратилась к Снейдеру: – Нам нужно поговорить!

– Не сейчас, – нервно ответил он.

– Немедленно! И один на один!

Снейдер перевел взгляд на медика.

– Это недолго. – Он направился к берегу, Сабина последовала за ним. – Что у вас такого важного, что не может ждать?

– Проверка номерных знаков что-нибудь дала?

– Нет. Автокемпер принадлежит одной голландской фирме по прокату автомобилей. Нам придется дожидаться утра, лишь тогда мы сможем выяснить в офисе, кто арендовал этот трейлер.

– А блестящий предмет на дне пня?

– Серебряная монета. Деталей мы пока не знаем. – Глаза Снейдера блеснули в темноте. – Вы поэтому хотели со мной поговорить?

Сабина сделала глубокий вдох и выдох.

– Пит ван Лун, – сказала она.

Снейдер подождал немного.

– Что с ним?

– Что с ним? – напустилась она на Снейдера. – Я ужасно зла на вас! Вы скрыли от меня, что он жутким образом убил пятерых женщин, а вы с Хоровитцем схватили его в Берне, и Никола Висс хотела вас за это засадить... А теперь она мертва.

Он посмотрел на нее.

– И что?

– И что? – Сабина повысила голос. – Это была бы важная информация, потому что она, возможно, связана с этими преступлениями.

Снейдер примирительно поднял руку.

– Хорошо, я понимаю, что вы злитесь. У вас сложилось впечатление, что я не воспринимаю вас всерьез, утаиваю информацию и не обращаюсь с вами, как с равноправным партнером, потому что вы молоды, неопытны и недостойны меня.

– Да, именно так я себя и чувствую!

– Немез, я вам кое-что скажу. – Снейдер подошел ближе, так что она почувствовала запах марихуаны. Он понизил голос: – Я не хочу нагружать вас информацией, которая не имеет никакого отношения к этим убийствам, чтобы вы могли сконцентрироваться на актуальных фактах!

– А кто сказал, что прошлое не имеет никакого отношения к актуальным убийствам?

– Я! – прикрикнул на нее Снейдер. Теперь он тоже рассердился. – Вы должны научиться отличать важное от второстепенного, иначе запутаете сами себя! Сфокусируйтесь на основном! Господи, это ведь не так сложно. Я просто хочу избавить вас от ненужного, чтобы вы могли делать свою работу!

Пульс у Сабины участился. Больше всего она ненавидела, когда с ней обращались как с ребенком.

– Вы вообще осознаете, – сказала она как можно более спокойным тоном, – что мы сейчас спорим не для того, чтобы найти правду, а чтобы ее скрыть?

Снейдер долго смотрел на нее и, казалось, боролся сам с собой, прежде чем принял решение.

– Простите. Вы правы, вам нужно знать правду.

Она ослышалась? Снейдер действительно только что перед ней извинился? Чертовски хорошая причина отметить этот день в календаре красным восклицательным знаком.

– Почерк, картина убийства, планирование и выбор места, где был найден труп в Берне, очень похожи на стиль Пита ван Луна, – начал он. – Но Пит ван Лун сидит в «Штайнфельзе» на острове

Остхеверзанд. Поэтому, когда мы были в Берне, я позвонил директору тюрьмы. Я должен был удостовериться, что Пит ван Лун все еще там, и на всякий случай распорядился взять у него пробу крови для идентификации. Час назад я позвонил еще раз, чтобы ускорить процесс. Но потребуется какое-то время, потому что для этого нам необходимо разрешение суда.

– Сравнение ДНК? – повторила она, когда наконец поняла, куда клонит Снейдер. – Вы хотите перестраховаться. Но отпечатки пальцев тоже могут помочь.

– Не в случае с Питом ван Луном, – сказал Снейдер. – Пять лет назад он выжег себе подушечки пальцев кислотой.



*Суббота, 26 сентября*

Ханна сидела на своей кровати и смотрела в темноту. Окно было открыто, в спальню проникал прохладный морской бриз, и каждые двадцать секунд свет маяка отражался от оконной рамы.

Уже четверть часа в голове у нее вертелась одна и та же мысль. «Смотреть медицинские карты или нет?»

Потому что спустя несколько дней после того, как Ирена Эллинг взяла те же самые три медицинские карты, она выпрыгнула из окна... или ее вытолкнули.

Теперь Ханна находилась в той же комнате, где до этого жила Эллинг. Что должна была чувствовать эта женщина? Вероятно, то же самое, что и Ханна; ночью, одна в комнате, перед разложенными медицинскими картами. С комком в горле и камнем на сердце.

Вообще-то Ханна приехала в «Штайнфельз», чтобы выяснить кое-что другое. В какой-то момент она хотела просто собрать все бумаги в стопу и больше не думать об этом. «Тебя это не касается, Ирена Эллинг начала эти поиски – и закончила жизнь на скалах острова. Проклятье!»

Ханна встала. Рука затекла, и она потрясла ею. Маленький светильник на потолке был таким тусклым, что Ханне пришлось дополнительно зажечь напольный торшер, чтобы суметь прочитать медицинские карты.

Она быстро вытащила из десяти папок три с именами мужчин, которые ей написал Френк.

Начала с первого заключенного. Убийца детей, как Осси, только его жертвы были еще моложе. Даже значительно моложе! Некоторым было всего несколько месяцев. Она быстро пробежала глазами лист с основными данными и перешла к результатам медицинского исследования. Полчаса с трудом продиралась через медицинскую тарабарщину. Интереснее всего ей показался тот факт, что полгода назад Кемпен лечила ему ожог яичек. Ханна рассмотрела фотографии,

которые Кемпен приложила в качестве документальных доказательств, и прочитала отчет.

Убийца детей также имел ожоги больших пальцев на обеих ногах. На фотографии ступни крупным планом были четко видны зубчатые отпечатки, словно к пальцу прижали раскаленные щипцы. В голову Ханне пришло понятие «электрошоковая терапия».

Конечно! Ожоги появились в тех местах, где ток из старого электрогенератора пятидесятых годов через электроды входил и выходил из тела. Она знала, что такое было возможно только при трех амперах, когда через тело проходит ток напряжением примерно шестьсот вольт. Электрический ток пробегает от одной ступни до бедра, затем по нижней части живота и выходит через другую ступню. При этой схеме ток не проходит через сердце, поэтому мужчина не получил никаких опасных для жизни травм.

Ханна изучала отчет и рассматривала приложенные фотографии ожогов бедра. На снимке УЗИ были отчетливо заметны внутренние повреждения мочевого пузыря – там, где в организме находится больше всего воды.

Кто с ним такое сделал? В одном из примечаний она наткнулась на объяснение, что над мужчиной издевались другие заключенные. Но откуда у них мог взяться электрогенератор?

Ханна закрыла папку и взяла вторую медицинскую карту. Этот семидесятидвухлетний заключенный был некрофилом и каннибалом!

– О господи! – вырвалось у Ханны. В случае педофила и детского насильника ей, несмотря на ее образование, было тяжело разглядеть за монстром человека. Но этот тип был просто болен и достоин сожаления.

Среди документов она нашла отчет обследования, который указывал на то, что год назад у мужчины произошло необратимое нарушение слуха. Однако фотографии и отчет доктора Кемпен доказывали, что травма была получена не в результате ударов в область головы – что могло быть следствием вполне возможной драки между заключенными, – а в результате... Она не ошиблась? В результате оглушения?

Как писала Кемпен, причиной мог стать только громкий хлопок у самого уха. Например, выстрел из крупнокалиберного револьвера. Иначе внутреннее ухо вряд ли было бы повреждено.

Медицинские тесты подтверждали, что мужчина почти ничего не слышит этим ухом и воспринимает лишь некоторые звуки через кости черепа. Согласно протоколу, ответственность за это также лежала на заключенных. Однако возникали сомнения, что они не нашли бы другого применения револьверу, иначе как прострелить барабанную перепонку старику.

К тому же Ханна узнала от Осси, что в среде заключенных почти нет насилия. «Ворон ворону глаз не выклюет». Все это не сходилось.

В заключение она взяла медицинскую карту Пита ван Луна. Пробежала глазами по листу с основными данными, с заключением врача-психиатра и убедилась, что первые три года заключения он получал медикаментозное лечение, но затем неожиданно отказался от приема каких-либо психотропных средств. Как и в других случаях, у него тоже была любопытная травма. Не электрошок, не оглушение... вместо этого Ханна увидела снимки его раздавленных посиневших яичек. Кожа была разорвана, рана воспалена и гноилась.

Полгода назад кто-то клещами раздавил Питу ван Луну оба яичка. Ханну затошнило при мысли об этом. Такой способ кастрации должен быть невыносимо болезненным. Пита лечили антибиотиками. Хотя вина также возлагалась на других заключенных, до жалобы или расследования дело так и не дошло. Ни в одном из трех случаев.

Ханна вспомнила о встречах с Питом в кабинете психотерапии. Она не заметила никаких признаков такой травмы. Да и не могла. Так как половое созревание и физическое развитие были уже завершены в подростковом возрасте, никаких внешних проявлений – как, например, высокий голос – не наблюдалось. Пит был мужчиной, как любой другой – за исключением того, что его сделали импотентом. Вопрос: почему?

Ханна отложила папки, закрыла глаза и попыталась представить себе мысли Ирены Эллинг. Видимо, Эллинг выяснила, что над этими заключенными издевались – но кто? Другие заключенные? Вряд ли. Доктор Кемпен? У нее наверняка была такая возможность – но причина? Однако прежде, чем у Эллинг появилась возможность поднять шум по поводу своего открытия, кто-то вытолкнул ее из окна и представил все произошедшее самоубийством. И парочки заключенных для этого недостаточно. Как бы Ханне не верилось в эту теорию заговора.

Между тем был первый час ночи. Ханна продрогла. Она поднялась с кровати и закрыла окно, потому что в комнате стало чертовски холодно. Луч маяка все так же без устали скользил по морю и скалам. Зачем, если рядом с Остхеверзандом все равно не было гражданского судоходства? Не важно. У нее уже слипались глаза. Ханна устало задернула шторы.

Тут она почувствовала запах дыма в комнате. Кто-то курил в соседней квартире? Нет, запах шел не снаружи, а изнутри. Она резко развернулась. Кроме того, пахло не табаком, а жженой бумагой.

Ханна бросилась в соседнюю комнату к мини-кухне и огляделась, но плита была выключена. Так что она вернулась в спальню. Запах становился сильнее, пахло однозначно паленой бумагой. В этой комнате. Черт возьми, где? Она взглянула на потолок. Там!

Из потолочного светильника тянулась тонкая струйка дыма. Маленький плафон в виде чаши был из матового стекла, сразу под ним находилась лампочка. И дым шел из щели между потолком и краем плафона. Кабель горит?

Вероятно, светильник нельзя включать дольше, чем на четыре часа. Однако пахло не пластиком или перегоревшей проводкой, а одной лишь паленой бумагой.

Ханна быстро выключила верхний свет. В такой час ей не хотелось никого поднимать из постели. Возможно, ей на помощь даже пришлют Френка, которого она теперь абсолютно точно не хотела видеть в своей квартире.

В свете торшера она пододвинула стул, забралась на него и внимательнее рассмотрела потолочный светильник. В стеклянной чаше лежало что-то, походившее на лист бумаги.

Ханна послунявила пальцы и покрутила горячие шурупы креплений. Ослабив два из них, она смогла вытащить плафон. Теперь из потолка торчала голая лампочка в патроне. К счастью, никакого обгоревшего кабеля! Но в плафоне лежала тонкая стопка бумаги с подпаленными краями, которые еще дымились.

Ханна слезла со стула и снова включила верхний свет. Теперь стало значительно светлее, чем прежде. Она смахнула пепел с бумаг в стеклянную чашу и разложила пожелтевшие листы на кровати.

Это были выписки со счетов, детализации телефонных соединений и распечатанные имейлы. Данные с осени прошлого года.

Эллинг выяснила что-то, чего не должна была знать, и спрятала эти документы перед смертью в своей комнате?

Насколько Ханна поняла, кому-то заплатили за то, чтобы он обработал некоего ПВЛ. Пита ван Луна? Но зачем? Из мести? В любом случае Осси не преувеличивал. Существовала какая-то чудовищная тайна – тайна, которая, возможно, стоила Ирене Эллинг жизни.

### *Пятью годами ранее – Франкфурт*

После Ганновера и Кёльна это случилось во Франкфурте. В середине августа. Снейдер полетел один, без Хесса, и машина отвезла его из аэропорта в окраинный район с виллами.

Снейдер провел весь день в пути – он уже и забыл все эти невыговариваемые названия мест, – а кроме утренней чашки ванильного чая во рту у него не было ни крошки. Сейчас уже шесть часов вечера. В аэропорту по пути к выходу он купил в автомате три батончика мюсли, два из которых съел, пока ехал в машине.

– Мы на месте, – наконец сказал водитель.

Снейдер убрал мобильный и вылез из машины. У садовых ворот его уже ожидал полицейский в гражданской одежде. Снейдер не подал мужчине руку, вместо этого откусил от последнего батончика.

– Президент Хесс уже сообщил нам, что вы приедете, чтобы взглянуть на труп, – затараторил мужчина. Он попытался сделать приветливое лицо. – Что это за шоколадка?

– Моя, – ответил Снейдер. – Если хотите быть полезным, принесите из машины мой чемодан. Он тяжелый, а у меня проблемы с межпозвоночными дисками.

Это была наглая ложь, но Снейдер не хотел вести никаких светских бесед, и уж тем более с этим парнем. К тому же он ненавидел Франкфурт – вероятно, из-за того, что здесь находился офис сети книжных магазинов «Гаитал».

– Если чемодан настолько тяжелый, вы можете распаковать его и перенести вещи по частям, в два или три захода, – предложил полицейский.

– Отличная идея, но у меня нет столько времени. У вас все получится. – Снейдер направился к садовым воротам.

Пока полицейский недовольно поднимал его чемодан с заднего сиденья, Снейдер прошел на участок. Район нуворишей! Вымощенная терракотовыми камнями дорожка вела мимо малахитовых туй, деревянного павильона с орхидеями и нескольких греческих скульптур без рук и заканчивалась у бассейна. Изогнутая алюминиевая чаша, до краев наполненная кристально чистой голубой водой. Рядом с бассейном находились лежаки, зонт от солнца и сушилка с полотенцами.

Позади стояла вилла. Одноэтажная, коричневого цвета пуэбло, с большим количеством стеклянных фасадов, плоской крышей и опущенными маркизами.

– Кто здесь живет? – спросил Снейдер.

Полицейский назвал какую-то испанскую фамилию.

– Отец вице-директор банка, мать занимается благотворительностью: беженцы, СПИД и тому подобное. Оба уже неделю как в отпуске. Канарские острова. Дочь осталась дома одна.

– Около двадцати одного года, привлекательная? – предположил Снейдер.

– Двадцать три – и да, она была моделью.

Киллер не изменял своей схеме.

– Где лежит труп?

– В гостиной.

Снейдер ступил на террасу, надел бахилы и латексные перчатки и вошел через террасную дверь в дом. В гостиной разговаривали двое полицейских.

– А такой знаешь? Голубой приходит на заправку и вставляет себе заправочный пистолет в задницу. Тут мимо проходит старушенция и говорит: *«Это не может быть нормальным»*. А голубой отвечает: *«Нет, это Супер»*.

Полицейские заржали.

*«Как оригинально»*, – подумал Снейдер.

– Я тоже один знаю, – сказал другой полицейский. – Как узнать голубого снеговика?

– По морковке в заднице, – сказал Снейдер и громко захлопал в ладоши. – Так, повеселились. А теперь вон отсюда!

Оба полицейских замерли и уставились на Снейдера.

– Я неясно говорю? – повысил он голос. – Вон! И возьмите с собой это. – Он сунул одному из балагуров в руку пустую упаковку от батончика мюсли.

– А вы вообще кто? – спросил полицейский.

– Снимите отпечатки пальцев с упаковки, тогда узнаете... а сейчас убирайтесь! Ваша тупая болтовня и так уже отняла у меня достаточно времени!

– Немедленно предъявите ваше удостоверение и сообщите, что вам здесь нужно, или это вы вылетите отсюда, – прорычал один из мужчин.

– Это Мартен Снейдер из БКА, – шепнул другой своему коллеге.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Снейдер.

– Оставь, пойдём! – Полицейский потянул своего коллегу к двери. – Он опять перекурил травки.

Наконец-по полицейские убрались прочь. Снейдер прошелся по гостиной. Рядом с дизайнерской мебелью висели огромные абстрактные картины, в каждом углу находилась стеклянная витрина, а на полке стоял телевизор Ultra HD с диагональю семьдесят дюймов, который предположительно стоил, как маленький автомобиль. Пол был плиточный, все блестело стерильностью... за исключением центра гостиной.

Там стоял овальный стол с массивной стеклянной столешницей, на которой лежал труп. В бикини, лицом вниз. Склеившиеся длинные светлые волосы доходили до самого пола. Слева и справа свисали руки, а ноги выступали за край стекла.

Как и других жертв, убийца забил ее молотком и, предположительно, раздробил почти все кости в теле. Стекланный стол был темно-красного цвета, как и лужа на полу. Кровь уже свернулась и частично почернела. Если поднять труп, скорее всего, послышится мерзкий хруст и треск.

Снейдер удивился, что стол не разбился от ударов молотка. На стеклянной столешнице не было ни трещин, ни мелких сколов. Видимо, убийца бил прицельно по лопаткам, локтям, позвоночнику и суставам.

Снейдер повернулся к двери, за которой на террасе стоял следователь и заглядывал в комнату.

– Принесите мне зеркало. В ванной комнате наверняка лежит какое-нибудь.

Мужчина прошел по дому и принес Снейдеру зеркало с ручкой. Снейдер присел на корточки рядом со стеклянным столом и подsunул зеркало под стол. Между животом жертвы и стеклом крови не было. Только в области горла.

– Что вы видите? – спросил мужчина.

– Убийца сначала перерезал молодой женщине горло, а затем положил на стол, где она истекла кровью. Пока она была в агонии, он раздробил ей кости.

– Тогда она должна была сопротивляться.

– Но она не сопротивлялась. – Снейдер наклонил голову. – Вероятно, первый же удар в шейный отдел позвоночника парализовал ее.

Снейдер продолжал сидеть на корточках рядом с трупом.

– Мне срочно нужно заключение криминалистов. Я должен знать, как мужчина проник в дом. А потом протоколы допроса всех соседей.

Однако Снейдер был уверен, что никто из соседей ничего не видел. Убийца не случайно выбрал этот дом. Наверняка он следил за ним с тех пор, как родители уехали в отпуск, и изучал свою жертву. Скорее всего, он совершил нападение ранним утром – об этом говорили засохшая кровь, помутневшие зрачки и цвет кожи, – еще до того, как жертва успела позавтракать или поплавать в бассейне. Снейдер закрыл глаза и увидел перед собой восходящее утреннее солнце...

...которое еще не полностью появилось из-за горизонта, когда молодая женщина открывает дверь террасы и собирается идти к бассейну. Его поверхность гладкая, как зеркало. Ни одно, даже легкое, дуновение ветерка не тревожит кристально чистую воду. На лужайке блестит утренняя роса, вдалеке щебечут птицы.

Тут женщина видит сбоку от себя тень. Молоток бьет ей прямо в лицо, и она, шатаясь, пятится в дом. Она приходит в себя, уже лежа на стеклянном столе лицом вниз. Мужчина хватает ее за волосы и оттягивает голову назад. Затем она ощущает острый холодный металл лезвия на горле.

– ...Что-нибудь?



Снейдер поднял глаза.

– Извините?

– Вам нужно еще что-нибудь?

– На террасе есть брызги крови?

– Немного. На двери тоже.

– Вы обнаружили на кухне следы завтрака?

– Нет.

– Предположительно, убийство произошло перед самым восходом солнца, около шести. Когда будете опрашивать соседей, узнайте, не заметили они чего-нибудь необычного накануне вечером. Возможно, убийца провел на участке всю ночь.

Полицейский кивнул.

– Это все! – Снейдер посмотрел на него. – Можете заняться своей работой.

Когда мужчина покинул гостиную, Снейдер еще раз подсунул зеркало под стол. На уровне грудины к стеклу прилипла запекшаяся кровь. Четыре разреза. Которые напоминали букву E.

Теперь у них уже есть цепочка букв N-D-E.

Какая-то бессмыслица.

Хотя возможно, что они еще не в курсе первого убийства в этой серии. Что бы это могло означать? Ende?<sup>[10]</sup>

Пришло время внимательно изучить все заявления о пропаже людей без вести, чтобы найти первую жертву.

# **Часть третья**

## **Мюнхен**

*Пятница, 2 октября*

Несмотря на слишком короткую ночь, утром все равно пришлось рано вставать. Сабина и Снейдер переночевали в отеле недалеко от озера Хельхорн. В полседьмого они уже ехали в машине баварской полиции к мюнхенскому аэропорту. Тимбольдт, коллега из БКА купил им билеты во Франкфурт, откуда они вернутся в Висбаден – а там их ждала куча работы. Все-таки четыре нераскрытых убийства в Дортмунде, Хагене, Берне, в «Баварском лесу», и Сабина должна будет связать их между собой.

Рация водителя щелкнула, и он коротко сообщил, что они в Эрдинге. Там он съехал на шоссе, ведущее к аэропорту. На дисплее над дорогой значилось: «Аэропорт Мюнхена 9 километров». Сабина хорошо знала этот отрезок пути, как и пробку, в которой они как раз ехали. Ее отец, сестра и племянницы жили недалеко отсюда. Будь у нее пара свободных часов, она могла бы их навестить, как и планировала в эти выходные. Ненадолго сбежать от рабочих будней, сходить с племянницами в бассейн, затем поесть картошку фри и в кино. Или снова посетить мюнхенский зоопарк, чтобы взглянуть на дикобраза Волли, над которым Сабина взяла шефство. Керстин, Конни и Фиона обожали зоопарк Хеллабрунн, где втайне кормили ежей в загоне свежей травой и бамбуком, который те с удовольствием грызли.

Сабина улыбнулась. Потом взглянула на Снейдера, который тоже расположился на заднем сиденье и без эмоций смотрел в окно. Его лицо было пепельного цвета, словно он всю ночь не сомкнул глаз. Задумчиво он массировал болевую точку на кисти.

– Плохо спали? – спросила Сабина.

– Совсем не спал, – пробурчал он.

«Это заметно!»

– Расскажите мне о Пите ван Луне.

Очевидно, Снейдер воспринял вопрос как приятное разнообразие, потому что даже не огрызнулся, как обычно.

– Я и не знаю, с чего начать... – пробормотал он.

У Сабины на коленях лежал открытый ноутбук. Она поерзала и положила руку на спинку сиденья.

– С чего хотите. У нас есть время.

– Я посвятил свою жизнь одному делу – борьбе с преступностью. После учебы пятнадцать лет занимался анализом правонарушений, затем прошел отбор на курс оперативного криминалистического анализа, отучился пять лет на полицейского аналитика и изучал психопатов. Таких в Германии не много.

– Психопатов?

Он посмотрел на нее.

– Перестаньте шутить.

– Хорошо, не буду.

– Я не переоцениваю себя, когда утверждаю, что могу проникнуть в любое, даже самое больное и извращенное сознание. С разработанным мною методом я до сих пор превосходил любого убийцу, каким бы гениальным тот ни был. – Он сделал паузу. – Кроме одного. – Помолчав, Снейдер продолжил: – Пит ван Лун был пока единственным, кто уходил от меня. Я уступал ему.

Сабина выпрямилась.

– Сейчас ему двадцать семь лет. Когда он совершил убийства, ему было двадцать два.

– Возраст имеет значение?

– Развитый не по возрасту гений. Но вы с Хоровитцем все же поймали его.

Снейдер пожал плечами.

– Лишь благодаря счастливому совпадению. Пит собирался убить свою шестую жертву, но мы успели спасти женщину. До этого момента он всегда был на шаг впереди нас, он просто... превосходил нас интеллектом. Такого я еще никогда не встречал.

– Что отличает его от других убийц?

– Хм, что? – Снейдер уставился в окно. – Он невероятно внимательно изучает мир вокруг себя и людей, с которыми общается. Это жутко. Он проникает в их чувства, знает, что они думают, и может ими манипулировать.

– Все то же самое делаете и вы.

– Да, но я на «правильной» стороне.

Сабина вывела ноутбук из спящего режима.

– Я почитала дело Пита ван Луна. Там написано, что он изучал театральное искусство. Это интересно, но не похоже на вид деятельности гения.

– Он вырос в Голландии, затем какое-то время жил в Германии и позже учился в Копенгагене. Для него это не проблема, потому что он говорит на нескольких языках. Студентом он поставил в Копенгагене смелый спектакль с пугающими декорациями. У него обширные знания, и он всем интересуется. Его интеллект ненасытен, ум никогда не отдыхает. Вероятно, это его проклятие.

– У него надежная охрана в «Штайнфельзе»?

– Надеюсь. – Это прозвучало завершающе. Очевидно, для Снейдера разговор был окончен.

Сабина еще раз пробежала глазами дело Пита, потом захлопнула ноутбук. Пробка медленно рассасывалась, еще несколько километров до аэропорта, а затем в Висбадене начнется аналитическая часть работы. Поиск по базам данных, анализ и сравнение следов, диаграммы соотношений пути и времени – обычная рутина. Но Сабине все равно нравилась работа в БКА. Как и Тине Мартинелли – правда, оборотная сторона медали такова, что иногда ты оказываешься в реанимации и борешься за жизнь.

Мобильный Сабины зазвонил. Когда она увидела номер – городской телефон своей сестры, – сразу же вернулась к реальности. Ответила на звонок.

– Привет, тетя Бина! – закричала Керстин, самая младшая племянница.

– Доброе утро. – Сабина попыталась изобразить возмущение. – Ты все еще не в детском саду?

– Тетя, ну что ты! Мне семь! – нравоучительным тоном ответила Керстин. – Во-первых, я уже хожу во второй класс, а во-вторых, школа начинается лишь в восемь. Дедушка меня отвезет. Мама еще спит, вчера у нее была ночная смена.

– Знаю, я просто пошутила, – сказала Сабина. Она всегда удивлялась своей младшей племяннице, которая относилась к тем немногим детям, кто с удовольствием ходит в школу. – У тебя все еще температура?

– Нет, все уже прошло. Откуда ты знаешь?

– Я работаю в уголовной полиции. Мы знаем все. – Сабина засмеялась.

– Ого, – удивилась Керстин.

– Нет, вчера вечером я разговаривала с твоими сестрами, а ты уже спала.

– А-а-а. Хотя я не спала – а вот дедушка храпел, как морж. Он читал мне про принцесс и замки, такая скукота, и сам заснул. Я просила рассказать мне какую-нибудь крутую историю, как ты раньше, про секретные миссии и спецзадания... – Она вздохнула, как взрослая. – Но о таком он понятия не имеет.

Сабина рассмеялась.

– Ну, не у каждого такая крутая работа, как у меня.

– Конни и Фиона рассказали мне, что ты не сможешь приехать к нам в выходные. Это правда или они меня надули?

– Нет, к сожалению, это правда. – Сабина уже видела здание мюнхенского аэропорта. – Я совсем рядом, но должна срочно вылететь из Мюнхена к себе на работу.

Керстин понизила голос:

– Твой противный наставник тоже там?

– Да. – Сабина бросила на Снейдера короткий взгляд. – Мы теперь команда.

– Вот это да! Над чем вы сейчас работаете?

– У нас несколько дел. – «Опять!»

– Серьезно? – прошептала Керстин. – Расскажи!

– Подожди секунду... мне нужно переключиться на безопасную связь. – Она отняла телефон от уха и поскребла ногтем по микрофону.

Снейдер странно посмотрел на нее, но она подняла руку в успокаивающем жесте.

– Сейчас можно, – прошептала она. – Ты еще там?

– Да-аааа.

– Итак, у нас есть женщина без одежды.

– Голая?

– Да, и она висела под мостом, где ее все могли видеть.

– Ого, это как в сказке про голого короля, там тоже был голый король, и все его министры это видели. Правда, он не был мертвым и...

Снейдер бросил Сабине предупреждающий взгляд.

Она ненадолго отняла телефон от уха, прикрыла рукой микрофон и прошептала:

– Моя племянница обожает такие истории. – Потом снова прижала мобильник к уху. – Потом у нас есть труп в пне и женщина, с которой сделали всякие ужасные вещи. Убийца даже оставил нам сообщение.

– Какое? – прошептала Керстин.

Снейдер косо посмотрел на нее. Она знала, как строго он относится к обязательству о неразглашении информации. Но она не рассказала ничего такого, что Керстин не могла бы прочитать в газете или увидеть в новостях, если мать оставит ее без присмотра.

– Кое-что об яичных желтках, больше я рассказать не могу. Снейдер нахмурился. И провел ребром ладони по горлу.

Сабина должна закончить разговор, пока с ним не случился припадок бешенства.

– Это как в той сказке. Яичные желтки ожили...

– Послушай, нам нужно заканчивать, – перебила ее Сабина, но вдруг осеклась. – Что ты только что сказала?

– Яичные желтки ожили.

У Сабины по спине пробежал холодок.

– Где ты это слышала?

– Это из одной сказки, которую читал мне дедушка. – Керстин повторила предложение.

– Из какой именно?

– Из «Гадкого утенка». Он так безобразно выглядел, что другие клевали, толкали и дразнили его, и он замерз во льду и лежал там, как мертвый.

Сабину бросило в пот.

– В этой сказке есть какой-нибудь пень или серебряная монета?

Керстин немного подумала.

– Нет, в этой нет, но есть в «Огниве». Там солдат должен был достать для ведьмы огниво из дупла старого дерева.

– И все эти сказки дедушка тебе читал?

– Да, много раз... у дедушки только эта книга.

– Как она называется?

– Не знаю. «Сборник сказок» или как-то так.

– Что на обложке?

- Ее уже нет.
- Спасибо, ты настоящее сокровище! Я должна положить трубку.
- Ты вышла на новый след?
- Да, ты бесподобна, – констатировала Сабина.
- Не стоит благодарности, – по-взрослому ответила Керстин. –

Всегда к твоим услугам.

– Спасибо, целую! – Сабина положила трубку и открыла новый документ Word на своем ноутбуке.

– Мне кажется, мы должны серьезно поговорить! – начал Снейдер.

Сабина быстро подняла руку, даже не взглянув на него.

– Не... сейчас!

– У вашей племянницы начнутся ночные кошмары, если вы и дальше будете рассказывать ей подобные истории.

Сабина проигнорировала его комментарий и продолжала вносить в файл всю информацию по четырем убийствам, которая приходила ей в голову. Убитая чернокожая судья, которой убийца срезал лицо и приклеил его на зеркало: это могла быть – пусть и сильно притянутая за уши – сцена из *«Гадкого утенка»*. Голая, подвешенная за волосы и выставленная напоказ в Берне директорша фэдпола могла изображать сцену из сказки про голого короля. А сожженный вместе с пнем неизвестный мужчина на озере – сцена из *«Огнива»*. Сабина печатала как одержимая. Но что с...

– Вы пишете свои мемуары?

Сабина коротко подняла глаза.

– Не сейчас!

Но что с безногой женщиной, которую посадили на кол в замке Хоэнлибург? Что могла символизировать она? Сабина мысленно прошла по всем сказкам, какие могла вспомнить, – «Принцесса на горошине», «Гензель и Гретель», «Белоснежка», «Бременские музыканты» и «Девочка со спичками» – но не нашла ни одной подходящей ассоциации. Существовали сотни возможностей. Это был притянутый за уши след, но первая более или менее приемлемая связь, которая неожиданно придавала убийствам смысл: определенные сцены из старых народных сказок.

– Приехали! – крикнул им водитель.



Сабина закончила печатать, сохранила документ и подняла глаза. Машина остановилась перед залом вылета.

– Мы уже...

– Да, сейчас! – перебил Снейдер водителя. – Вы мне наконец скажете, что это за вздор со сказками?

– Помните убийство Йоаны Бек, которое вы разбирали со студентами? – начала Сабина. – Вы сказали, что шизофреники не умеют интерпретировать гримасы и мимику других людей и чувствуют угрозу с их стороны. И возможно, поэтому убийца вырезал у Бек лицо.

– Да, и что?

– Но это не обязательно так. Может, он просто хотел обезобразить ее.

Снейдер долго смотрел на Сабину, не говоря ни слова.

– О чем была театральная постановка Пита ван Луна? – спросила она.

Снейдеру не пришлось долго думать.

– О сказках.

*Воскресенье, 27 сентября*

Ханна спала ужасно – сначала полночи она не могла заснуть, а потом ее мучил один и тот же кошмар. Наконец в три часа ночи она встала и, вся в поту, шатаясь, подошла к окну. В темноте ударилась коленом о край кровати. С комом в горле и паническими приливами жара, она сдвинула занавеску в сторону, распахнула окно и встала перед решеткой. Шторм и морской бриз охладили ее тело, а маяк освещал комнату на каждый пятый или шестой вдох.

Для того, кто стоял ночью на скалах и смотрел на здание, это должно было выглядеть странно. Полуголая женщина, которая посреди ночи, замерев в окне, купалась в лучах маяка.

Затем шторм внезапно усилился. Порыв ветра ворвался в квартиру, подхватил лежавшие на столе листы бумаги из плафона, погнал их по комнате и прижал к оконной решетке. Некоторые листки проскользнули между прутьями. «Черт возьми, нет!» Ханна попыталась их схватить, но тут решетка сдвинулась с места. Прутья с треском вырвались из креплений. Оконная рама доходила Ханне до коленей. Она потеряла равновесие, замахала руками, ища, за что схватиться, но уцепилась только за занавеску.

Кольцо за кольцом, ткань оборвалась со штанги. Ханна не удержалась и выпала из окна. Она ощущала холод и легкие уколы морозящего дождя на своей коже, слышала свист ветра, шум морского прибоя, а потом упала на скалы. Треск костей, брызги крови на камнях, которая была тут же смыта морской водой. А ветер над головой уносил листы бумаги в море...

Ханна проснулась и, вся в холодном поту, резко села в кровати. Черт! Опять этот сон. Ее сердце колотилось. Она посмотрела на окно. Занавеска была чуть отодвинута в сторону. Конечно, окно не доходило ей до колен. И решетка была надежной, она не выломается из стены, если к ней прислониться.

Она поднялась с ощущением, что ее переехала машина, приняла таблетку от головной боли, встала под душ и включила горячую воду. Напряжение в затылке медленно уходило, а горячая вода вымывала пот из пор. Спустя несколько минут она потянулась к крану и включила холодную воду.

«Добро пожаловать, – подумала она. – Новый день в аду».

После совместного обхода с социальным работником у Ханны по плану было два часа офисной работы. Она сидела с папкой, полной чеков, перед компьютером, и сверяла счета заключенных. Затем она должна будет следить за арестантами, занятыми в садовом хозяйстве. Но до этого не дошло. Телефонный звонок Морены прервал ее работу. Директор Холландер немедленно хотел видеть ее в своем кабинете.

Путь был недлинным – вниз по коридору, через комнату Морены, и вот она уже стояла в кабинете Холландера. Директор сидел за своим письменным столом, в пепельнице дымилась сигара. Рядом с ним стояла майор доктор Ингрид Кемпен – выпрямившись и сложив руки за спиной. Ханна невольно подумала о диске, который так и не положила обратно.

Что все это значило? Не хватало только, чтобы они вызвали в кабинет Морену. «Они предстали пред судом»<sup>[11]</sup>, – вспомнилась Ханне строчка из Шиллера.

– Вы хотели со мной поговорить.

– Мы заметили, – начал Холландер, подавшись вперед и вальяжно положив руки на стол, – что вы очень интересуетесь документами, которыми уже интересовалась ваша предшественница.

Сердце Ханны забило сильнее. Значит, вот в чем дело.

– Чем же она интересовалась?

– Вы и сами знаете, – заметил Холландер. – Избавьте нас от лишней болтовни.

Конечно, Ханна знала, о чем речь, но, возможно, все это был блеф – а блефовать она могла не хуже.

– Мне очень жаль, но я не понимаю, куда вы клоните.

– Ну хорошо, – вздохнул он. – Я говорю о Пите ван Луне.

– Вы сами определили его в мою терапевтическую группу.

– Ваш интерес к нему выходит за рамки вашей профессиональной компетенции.

Ханна сделала вдох.

– С одной стороны, вы упрекаете меня в молодости и неопытности, а с другой – недовольны моей увлеченностью и инициативностью. Сложно найти золотую середину, чтобы удовлетворить вас. – Сама того не желая, она заговорила более жестким тоном, чем собиралась.

Но Холландер оставался спокоен.

– Это все, что вы хотите сказать?

Ханна кивнула.

– Ну, я очень хорошо знаю, о чем вы говорите со своими клиентами во время терапии.

Она прищурилась.

– Откуда? Охранники надевают наушники.

Холландер снисходительно заулыбался.

– Вы действительно верите, что я не прослушиваю кабинеты психотерапии? Особенно после случая суицида в моем заведении.

«Черта с два это был суицид!»

Ханна сжала за спиной руку в кулак. Сейчас ей больше всего хотелось швырнуть сигару вместе с пепельницей Холландеру в лицо.

– То есть ваше согласие на интимную обстановку во время сеансов – это был просто фарс, чтобы задобрить меня.

– Не фарс, – спокойно возразил он. – А маленькая вынужденная ложь. И не зря, как выяснилось. В последний раз спрашиваю: почему вас так интересует Пит ван Лун?

– Он один из моих клиентов.

– Чушь! – напустился он на Ханну. – Вы даже Френка Бруно о нем расспрашивали.

«Значит, это Френк пожаловался». Но еще интереснее Ханне показалось то, что и Холландер, оказывается, мог потерять самообладание.

Директор бросил взгляд на Кемпен.

– Я еще раз внимательно проверила ваши данные, а при этом у меня достаточно других, более важных дел, – начала Кемпен. – Мы знаем, что вы родом из Голландии, фрау Норланд. Но, прежде чем приехать в Германию, чтобы изучать психологию, вы... – Кемпен вопросительно посмотрела на Ханну.

– Что я?

– Поменяли фамилию.

У Ханны перехватило дыхание.

– Это преступление?

Кемпен не отреагировала на ее вопрос.

– Изначально ваша фамилия была ван Лёвен, как у родителей.

Отель «Ван-Лёвен» в Амстердаме существует и по сей день, не правда ли?

– Да, это так – а я взяла девичью фамилию матери, – солгала она.

– Мы задаемся вопросом, почему, – сказала Кемпен.

– У меня были свои причины.

– И какие же?

– Это личные причины, и я не думаю, что они вас касаются.

– Еще как касаются. Дело в том, что вы также изменили имя. На самом деле вас зовут Анна.

Черт! Теперь все открылось.

– Вы были знакомы с Питом ван Луном раньше? – в лоб спросила Кемпен.

Ханна выдержала ее взгляд.

– Нет.

Тут в разговор снова вмешался Холландер.

– Ваша первая ошибка заключалась в том, что вы стали работать с тем, с кем были знакомы раньше.

Ханна тут же запротестовала:

– Я не была...

– Или! – Холландер поднял руку. – Или с тем, кто, по каким-то личным причинам, вызывает у вас эмоции. Вы должны были проинформировать меня об этом, тогда я отклонил бы вашу кандидатуру – а если нет, тогда вы сами должны были отказаться от этого клиента. Я несу ответственность за успех проекта, и, пока я директор, не потерплю никаких злоупотреблений, и буду следить, чтобы все было корректно.

– Корректно! – фыркнула Ханна.

– Что это значит?

Ханна чувствовала себя как загнанная в угол, раненая куница. Она перешла в нападение.

– То, что заключенных в вашем заведении... – «истязают», – подумала она, но вовремя замолчала.

– Что?

– ...прослушивают – это тоже, видимо, корректно? – с трудом вырулила она.

Холландер поднял бровь и бросил взгляд на Кемпен. Затем снова посмотрел на Ханну.

– Изучая медицинские карты, вы наверняка заметили, что у некоторых клиентов были тяжелые травмы.

Ханна молчала.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Тяжелые травмы – это мягко сказано.

– Да?

– Скорее, похоже на то, что их систематически истязали, – выдавила она из себя.

– Действительно? По какой причине такое могло произойти?

«Черт, ты просто идиотка», – стучало у нее в голове. Следовало промолчать, но было уже поздно.

– Я не знаю, – пробурчала она. – Но очевидно, происшествия были заматы, чтобы не ставить под угрозу программу психотерапии.

– Какое нелепое предположение. – Холландер строго посмотрел на нее.

Что он хотел от нее услышать? О ее открытии, что кто-то платил за издевательства над заключенными? И тут ей стало ясно, почему Холландер взял на место Ирены Эллинг молодого неопытного терапевта: он не хотел рисковать и надеялся избежать новых разоблачений. Потому что не только доктор Кемпен, но и директор Холландер был замешан в этом. Вот и объяснение! Ее неожиданно бросило в жар. Вероятно, все они получали деньги – маленькая сплоченная команда: Холландер, Кемпен и пара охранников. Она невольно подумала о предостережении Осси и о том, что выяснила уже слишком много.

Ханна была в крайнем возбуждении и ярости, но ей удалось взять себя в руки и не сказать больше ничего. За деньги многое можно устроить. Ее родители работали в гостиничном бизнесе, где Ханна уже повидала много коррупции. Когда она слышала, что какой-то человек неподкупен, то задавалась вопросом – возможно, ему просто мало предложили?

– Интересно, как вы своими упреками пытаетесь все перевернуть, – сказал Холландер, успокоившись. – Но не мы здесь обвиняемые, а вы.

– И в чем, простите, меня обвиняют? В том, что я родом из Амстердама, могла случайно пересечься с Питом ван Луном и изменила фамилию?

– Не только в этом. – Холландер бросил на свою заместительницу требовательный взгляд.

Врач сделала шаг из-за стола.

– Несколько дней назад я заметила, что жалюзи в моем кабинете опущены.

Ханну бросило в жар. «Так и знала».

– А именно после того, как я встретила вас вечером в больничном отделении и оказала помощь.

Ханна молчала. Она знала, что сейчас последует. Вопрос был лишь в том, что именно выяснила Кемпен.

– Я проверила все документы в бюро и заметила, что из папки Пита ван Луна пропал диск. Я готова поспорить, что мы найдем его в вашей комнате.

Ханна все еще молчала. Диск был в ее ноутбуке, который лежал на письменном столе в ее квартире. А в ящике стола находились подпаленные бумаги Ирены Эллинг.

– Я хочу получить этот диск обратно, – сказала Кемпен.

Директор Холландер прочистил горло.

– У вас есть полчаса, чтобы вернуть украденный диск, а также десять медицинских карт в кабинет доктора Кемпен. До конца дня вы освобождены от работы. А я до вечера подумаю, как разрешить нашу маленькую проблему.

*Пятница, 2 октября*

«О сказках...» – эхом отзывались слова Снейдера в голове у Сабины.

Таша за собой дорожную сумку на колесиках, она вошла за Снейдером в зал вылета мюнхенского аэропорта. При этом Снейдер даже не придержал ей дверь, и та едва не ударила ее по носу. «Галантный кавалер, ничего не скажешь!»

Сабина подошла к стойке «Люфтганзы», но она оказалась еще закрытой.

Снейдер взглянул на свои часы.

– Они должны открыться через полчаса. Нас уже зарегистрировали, нужно только забрать посадочные. Ваша сумка наверняка пройдет как ручная кладь – в отличие от моего чемодана.

Сабина сейчас думала совсем о другом.

– Мне срочно нужен сборник сказок.

На этот раз Снейдер не стал заводить свою старую песню про идею фикс! Все-таки ее интуиция помогла им продвинуться за последние двадцать четыре часа.

Он устало оглядел зал аэропорта.

– Вон там впереди как раз открывается филиал «Гаитала».

Сабина знала, что эта книжная сеть была для Снейдера как красная тряпка для быка, потому что она разорила книжный магазин его отца.

– Вам не обязательно меня сопровождать! – предупредила она его. – Я не хочу, чтобы вы снова украли книгу.

– Ничего другого они не заслужили.

– Что бы вы ни делали – постарайтесь, если возможно, не придушить директора филиала.

– Застрелить тоже нельзя?

О боже, Снейдер посмотрел на нее таким доверчивым взглядом – ничего подобного она за ним раньше не замечала.



– Не сегодня, – ответила Сабина и наклонилась к Снейдеру. – Выпейте пока чашку ванильного чая – он скрывает запах марихуаны. Увидимся через полчаса у стойки, – сказала она и направилась со своей сумкой к книжному магазинчику.

Через пятнадцать минут она сидела в зоне отдыха книжного магазина, положив ноги на сумку, и держала в руке стаканчик горячего капучино, который купила в автомате.

Другой рукой листала толстую – в тысячу четыреста страниц – книгу с произведениями Ганса Христиана Андерсена. Три сказки, которые ей назвала Керстин, тоже здесь были. Проклятье! Чтобы осилить все это, ей понадобится целая неделя.

Сначала она прочитала предисловие и краткую биографию Андерсена. Он родился в 1805 году на датском острове Фюнэн и умер в 1875 в Копенгагене. Это подходило Питу ван Луну, который учился в Копенгагене и поставил там свой спектакль. Похоже, сцены убийств не имели отношения к сказкам братьев Гримм или Гауфа.

Затем она пролистала содержание и изучила названия более ста пятидесяти сказок, которые написал Андерсен. Некоторые заголовки вызвали гнетущие детские воспоминания. Внезапно в памяти всплыло, что в школе она сама играла в одной сказке. Это было рождественское представление для родителей. «Девочка со спичками». Сабина изображала покрытое снегом дерево и должна была десять минут шевелить руками. Господи, казалось, это было сто лет назад.

Неожиданно Сабина услышала знакомый голос с голландским акцентом и подняла глаза. Снейдер просто не мог упустить такую возможность. Он последовал за ней в книжный магазин и сейчас приставал с разговором к продавцу.

– Я ищу книгу Карла Фридриха Вайцеккера.

– Вы не смогли найти? – спросил продавец.

– Стал бы я иначе продолжать поиски?

– А стал бы я иначе спрашивать, если бы знал ответ? Сабина невольно улыбнулась. Продавец оплатил Снейдеру той же монетой.

Парень подошел к стеллажу и вытащил книгу.

– Давайте ее сюда, – пробурчал Снейдер, – или вы хотите бросить мне ее оттуда?

Боже правый! Сабина не стала вслушиваться в диалог и снова погрузилась в книгу. Она пробежала глазами тексты трех сказок, которые ей назвала Керстин – и у нее волосы на голове зашевелились. Она села прямо. Все сходится! Три убийства в Дортмунде, Берне и Баварии были однозначными аллюзиями на «Гадкого утенка», «Новое платье короля» и «Огниво».

Она быстро пролистала другие самые известные сказки и пробежала их по диагонали, но не нашла никаких сходств с четвертым убийством в Хагене. Возможно, оно не вписывалось в схему. Хотя было достаточно жутким и гротескным. Сабина закрыла книгу и уставилась на обложку. Внезапно кто-то подошел к ней, и она подпрыгнула от неожиданности.

– Все успели?

Она взглянула на Снейдера.

– Да.

– Хорошо. Персонал здесь некомпетентный и неприветливый. Я готов, можем идти.

– Я лучше промолчу, – сказала Сабина и подумала о бедном продавце. – А то это прозвучит саркастично.

– Выкладывайте, – потребовал он.

Она закатила глаза.

– Вы могли бы для разнообразия быть приветливым с людьми. Вы от этого сразу не умрете, – вежливо сформулировала она.

– Верно, но зачем мне рисковать?

Было бессмысленно дискутировать с ним на эту тему. Она увидела, что Снейдер, как обычно, «препарировал» книгу Вайцеккера и сунул ее под мышку. Углы некоторых страниц были загнуты, корешок переломлен, а переплет погнут. Наверняка он сделал ручкой какие-нибудь пометки в книге и прилепил на первую страницу одну из своих наклеек с экслибрисом, которые всегда носил с собой. Если на выходе его остановит охранник, Снейдер просто заявит, что это его собственная книга. С помощью этой хитрости он уже много лет пытался навредить книжной сети.

– Какой у вас уже номер экслибриса? – спросила Сабина.

– Семьсот пятьдесят.

Ничего себе! Она охнула. Снейдер был сумасшедшим. Семьсот пятьдесят украденных книг! Урон исчислялся уже тысячами евро.

Однажды она навестит Снейдера в тюрьме.

Он указал на книгу у нее в руках.

– Ну как, вы что-нибудь выяснили? Посмотрите-ка! Теперь его вдруг заинтересовали ее идеи. С другой стороны, поблизости не было никого, перед кем Снейдер мог бы ее унижить, – поэтому он позволил себе быть слегка дружелюбным, не теряя при этом лица.

– Ну же, не мучайте меня! – поторопил он ее.

Сабина допила капучино и выбросила стаканчик в мусорное ведро.

– Убийства могут изображать сцены из отдельных сказок Ганса Христиана Андерсена. «Огниво», «Новое платье короля» и «Гадкий утенок».

– А четвертое убийство?

– Пока не знаю. Разгадка может скрываться в театральной постановке Пита ван Луна. О каких сказках там шла речь?

– О скандинавских сказках Андерсена.

– Ну надо же! – Сабина откинула волосы со лба. – Возможно, кто-то взял спектакль ван Луна за образец или хочет продолжить ту серию убийств?

– Продолжить? – Снейдер помотал головой. – Газеты очень немного писали об этом, к тому же судебный процесс был закрытым. Значит, этот кто-то должен был получить доступ к материалам уголовного дела.

– А если так и есть?

– Даже в таком случае – раньше это были буквы, а сейчас, предположительно, цифры.

– Я знаю, но пока цифры 4, 5, 8 и 11 не имеют никакого смысла, мы не понимаем взаимосвязи. Можно где-то почитать сценарий к спектаклю Пита?

– У меня его нет. А сейчас нам пора к стойке.

Она встала, расплатилась на кассе за сборник сказок и вместе со Снейдером вышла из книжного магазина. Когда они уже стояли снаружи и книга Вайцеккера была засунута в боковое отделение чемодана, Снейдеру пришлось эсэмэс.

– Это от службы безопасности магазина, – пошутила Сабина.

– Вряд ли. – Снейдер отставил чемодан в сторону и прочитал сообщение.

В зале аэропорта значительно прибавилось народу. Сабина встала на цыпочки и посмотрела на их стойку – и правда уже открылась. Скорее бы уже сесть в самолет, чтобы затем провести все выходные у себя в кабинете, печатая отчеты.

– У меня хорошая и плохая новость, – сообщил Снейдер, прочитав эсэмэс.

– Сначала хорошую.

– Порядок я определю сам. – Он поднял глаза. – Наши пути здесь разойдутся.

Она внимательно на него посмотрела.

– Это хорошая новость?

– Очень смешно, Немез! – Снейдер помассировал виски. – Сегодня утром я сделал международный запрос через БКА, чтобы найти похожие убийства, когда жертвам на теле выжигали или вырезали цифры.

– Я уже искала в базах данных вчера вечером.

– Это было вчера. А сегодня утром появилось кое-что новое, и это хорошая новость. Есть еще одно убийство, которое вписывается в схему, – в Вене.

– Еще одно убийство вы называете хорошей новостью?

– Я рассматриваю это как свежий след с новыми подсказками. Если мы объединим все факты, то, возможно, прольем свет на это преступление.

– То есть вы летите в Вену, а я возвращаюсь в Висбаден? – предположила она.

– Неправильно, Белочка! Висбаден больше не приоритетен. Они там и без нас справятся. – Он говорил и одновременно печатал сообщение. – Я поменяю свой билет и полечу в Вену, а на вас у меня другие планы.

– А именно?

– Если вы правы и убийца копирует, продолжает или совершенствует работу Пита ван Луна, то для самых жутких преступлений перед ним открыты все двери мистического мира Андерсена. Но единственный, кто действительно знает детали постановки Пита ван Луна, – это сам Пит ван Лун. И возможно, эти детали существуют только в его голове.

– Но, может, актеры знают...

Снейдер прервал ее жестом, и Сабина затаила дыхание.

– Я сообщу в офис, чтобы и вам поменяли билет. Вы полетите в Гамбург. Оттуда на арендованной машине отправитесь к Балтийскому морю. По дороге договоритесь о пароме, который доставит вас к тюрьме на острове Остхеверзанд. А я проинформирую директора Холландера о вашем визите. Но предупреждаю: он скользкий как угорь. Не дайте обвести себя вокруг пальца!

– И что я там буду делать?

– Вы нанесете визит Питу ван Луну.

– Я должна буду допросить Пита ван Луна?

– Вы сомневаетесь в своих силах?

– Я... я не знаю.

– Ваше преимущество в том, что вы уже кое-что о нем знаете, а он о вас ничего. – Снейдер посмотрел на часы. – Я должен идти. Еще кое-что: ни в коем случае не упоминайте Питу ван Луну, что вы знакомы со мной или что мы вместе работаем.

Как будто она кому-то об этом добровольно рассказывает!

*Воскресенье, 27 сентября*

Над островом пеленой нависли черные облака. Только луч маяка монотонно нарезал круги в темноте.

В окно тихонько барабанил дождик, и Ханне даже казалось, что до нее доносится легкий запах углей и барбекю. Но ей не хотелось идти на вечеринку у маяка. Даже если бы вечер был безоблачный и погожий. Вместо этого она сидела у себя в квартире при свете торшера, смотрела на бумаги Ирены Эллинг, разложенные на письменном столе, и размышляла. Сразу после разговора с директором Холландером и доктором Кемпен она скопировала некоторые листы из медицинских карт, а затем вернула документы вместе с диском. Погруженная в мысли, она постукивала по крышке своего ноутбука, в котором осталась копия видеофайла с диска Кемпен.

Все части пазла лежали перед ней. Она просто не могла их правильно сложить: пресса обвиняла Пита ван Луна в изнасиловании своих жертв. Вероятно, несправедливо, потому что, за исключением газетных статей, ничто на это не указывало. Видимо, родители одной из жертв заплатили за то, чтобы ему раздавили яички. Но эти деньги были направлены не заключенным, как Ханна предполагала сначала, а напрямую дирекции заведения. А когда она думала об электрошоковой терапии и оглушении, то Пит вряд ли был единственным заключенным, который подвергался таким методам.

Звонок служебного телефона прервал ее мрачные мысли. На дисплее высветилось «Секретариат». С недобрый предчувствием она ответила:

– Алло?

– Ханна Норланд? – Голос Морены звучал холодно. – Я хочу уведомить вас, что директор Холландер только что принял решение расторгнуть с вами рабочий договор. Он очень сожалеет о вашем увольнении, но...

– Можете не продолжать, – перебила ее Ханна. Она этого опасалась. Хотя лучше быть уволенной, чем выброшенной из окна.

– Вы получите зарплату за весь месяц, но от работы освобождаетесь немедленно, – равнодушно продолжала Морена. – Вы должны собрать вещи и покинуть квартиру завтра утром. Магнитную карточку, ключ от квартиры, служебный телефон и ноутбук сдадите мне завтра. Необходимо соблюсти все формальности. Затем вы покинете остров утренним поездом.

Так быстро! У Ханны ускорился пульс. В трубке щелкнуло. Морена отключилась.

У нее оставалась всего одна ночь. Отец предостерегал ее от этой поездки, как и сестра. Но если она сейчас не выяснит то, ради чего приехала сюда, то последние пять лет ее жизни прошли даром.

Ханна вскочила, взяла свою магнитную карточку и натянула дождевик. Она уже хотела выйти из комнаты, как чувство тревоги заставило ее ненадолго остановиться. «Что, если тебя застукают?» Она быстро огляделась. И, прежде чем покинуть квартиру, на всякий случай прихватила книгу Кена Кизи.

Вспышка молнии осветила площадку перед корпусом для сотрудников. Ветер усилился, мелкий дождь колотил Ханне щеки. Она спрятала книгу под дождевиком, застегнула замок до самой шеи и побежала по аллее.

Еще две молнии осветили ночное небо. Ветер гнал листву перед ней, ветви деревьев гнулись и отбрасывали длинные тени. До Ханны то и дело долетал запах гриля на древесном угле. Рядом с маяком колыхались огни факелов, которые были воткнуты в траву лужайки, а на ветру трепыхался шатер, издавая хлесткие звуки. Если погода не улучшится, гостей просто зальет дождем.

Промокшая насквозь, Ханна добралась до главного входа в тюрьму. Приложив магнитную карту, проскользнула через ворота. Так как доступа к блоку с камерами у нее не было, первым делом она направилась в библиотеку, к Френку Бруно. Не самый ее любимый кандидат, но она решила попытаться счастья сначала с ним, если он еще на месте.

На лестнице на второй этаж она столкнулась с Мореной. С зонтом, перекинутым через руку плащом и щедро нанесенным

макияжем. О нет! Заметив Ханну, она резко остановилась.

– Я думала, мы все обсудили по телефону. Что вам здесь нужно так поздно?

– Я в библиотеку, – задыхаясь, произнесла Ханна. Морена хмыкнула.

– Серьезно? В воскресенье, в такое время? Все на празднике. Офисное здание словно вымерло. Кого вы надеетесь там застать?

Ханна вытащила из-под мышки книгу.

– Я взяла это почитать. И должна вернуть.

– Сейчас? Это не терпит до завтрашнего утра?

– Френк уходит на неделю в отпуск, и библиотека будет закрыта, – ответила Ханна. – Необходимо соблюсти все формальности, – процитировала она Морену.

Морена сверкнула на нее глазами, потом взглянула на книгу. Наверное, искала на переплете штамп библиотеки. Затем протянула руку.

– Я сама отнесу ее завтра в библиотеку.

– Не утруждайтесь, я поднимусь наверх.

– Сомневаюсь, что Френк еще там.

– Снаружи я видела свет в коридоре, – солгала Ханна. – Но, если Френка уже нет, я просуну книгу в щель для почты.

Морена смерила ее мрачным взглядом.

– Увидимся с вами завтра утром, – холодно произнесла она и прошагала мимо Ханны.

Ханна поспешила вверх по лестнице и добралась до коридора. Перед библиотекой и правда еще горел свет. Она постучала в дверь и вошла. С облегчением обнаружила, что Френк еще не на вечеринке, а сидит за письменным столом с включенной настольной лампой. Ханна едва не запнулась о его черную спортивную сумку, которая лежала у двери.

Френк вскочил с места.

«Секс для меня одна из самых важных вещей...»

Не свой ли голос она только что услышала?

Руки Френка в панике дернулись к сотовому телефону. Он быстро нажал на кнопки на дисплее. Электронный голос замолчал.

Ханна уставилась на мобильник Френка. «Вот гаденыш! Когда я читала вслух твой листок, ты не член теребил, а записывал мой голос!»



– Я могу вам помочь? – спросил он.

Ханна попыталась забыть то, чему стала свидетельницей, и положила книгу на стол.

– Возвращаю.

– Вы могли оставить ее у себя дольше.

– Спасибо, уже не нужно... и да, вы можете мне помочь, – быстро ответила она. – С завтрашнего дня меня здесь не будет и...

– Меня тоже, – перебил он. – Я поеду навестить сестру в Крефельде.

– Знаю, поэтому и торопилась поговорить с вами. Хотите сделать мне одолжение?

Френк стыдливо опустил руку под стол.

– Да.

– Вы меня снова записываете? – спросила она.

– Нет.

– Хорошо. Мне необходимо поговорить с Питом ван Луном. Желательно, сегодня вечером. Вы можете как-то передать ему, чтобы... я не знаю... чтобы он мне позвонил, или, если это невозможно, написал письмо?

Френк удивленно посмотрел на нее.

– Это важно!

– Вы еще не знаете? – тихо спросил он.

– Чего?

– Он разбуянился в своей камере, и когда охранники хотели вывести его оттуда, то напал на двоих из них. – По выражению лица Френка было все понятно.

– Что? – воскликнула она. – Он мертв?

– Почти. Они ударили его дубинками, но он не успокоился, пока его не избili до полусмерти.

– Этого не может быть!

– Якобы он бился головой о стену в камере.

«Ну конечно!»

– Где он сейчас?

– В больничном отделении. Доктор Кемпен провела седацию.

– Когда?

Френк пожал плечами.

– Минут... – он взглянул на голое запястье с татуировкой в виде часов, – десять назад.

– Точно?

– Да.

– Какую седацию она сделала?

Френк снова пожал плечами.

– Откуда мне знать?

– Внутривенную?

– Я что, изучал медицину? – спросил он. – Наверное, медикаментозную.

– Спасибо. – Мысли скакали у Ханны в голове. – Забудьте, что я вам сейчас сказала. Не нужно ничего передавать Питу.

– Но я с удовольствием это сделаю. Возможно, я увижу его завтра утром, прежде чем сяду в поезд.

– Не нужно, – пробормотала она.

Ее магнитная карточка еще работала. Значит, у Ханны был доступ и к больничному отделению.

– Он лежит в одной из камер изолятора?

– Наверное, – ответил Френк. – Я бы не позволил такому проблемному парню, как Пит ван Лун, разгуливать по отделению.

Ханна оглядела письменный стол Френка.

– Не подарите мне две канцелярские скрепки?

– Конечно, и даже больше, но зачем они вам?

– Спасибо.

Она схватила скрепки, развернулась и направилась к двери. Прежде чем покинуть библиотеку, она еще раз обернулась. Все-таки Френк недавно на нее пожаловался.

– Если не хотите, чтобы я рассказала директору Холландеру о тайной записи на вашем телефоне, лучше не сообщайте ему, о чем мы с вами говорили. Я была здесь только для того, чтобы вернуть книгу, понятно?

Френк смотрел на нее большими глазами.

– Понятно.

*Пятью годами ранее – Штутгарт*

Хесс первым распахнул дверь каюты и вышел по скрипящей деревянной лестнице наружу.

– Проклятое дерьмо! – выругался он.

Снейдер услышал его кашель и рвотные позывы. Они стояли на палубе жилой лодки и смотрели на реку. Некар изумрудной лентой тянулся между лугами и прибрежными ивами. Как в одном стихотворении Гёльдерлина, которое недавно прочитал Снейдер и где так метко описывалась река Некар. Насколько же тесно сосуществовали красота и ужас. Разделенные одной лишь деревянной стенкой.

Криминалисты ждали рядом с входом в каюту.

– Можно? – спросил один из них.

– Да, вы можете войти, – ответил Снейдер. – Но приготовьтесь.

После редактора газеты, убитой в спальне своей квартиры стюардессы с листками календаря и забитой молотком на стеклянном столе дочери банкира это была уже четвертая жертва. Но в этот раз убийца не только раздробил тело, но и разбросал по камбузу его части и череп. К тому же убийство произошло как минимум пять дней назад.

Хесс был прав. Настоящее дерьмо! После Ганновера, Кёльна и Франкфурта – еще одно убийство. Теперь в Штутгарте. Снова молодая красивая женщина – да еще и политик от партии зеленых. Тем самым убийца подвергал их массивному давлению. «Привет, лохи! Теперь я натравлю на вас политиков, генеральную прокуратуру, СМИ и общественность. Да к тому же всех одновременно!»

Все-таки они такого не заслужили. До сих пор они вели себя сдержанно и не позволяли СМИ смаковать подробности предыдущих убийств. Скучная информация для прессы и засекреченные расследования без привлечения общественности. Обычно все получалось, и убийства раскрывались в течение недели. Но не в этот раз.

Разыскные работы длились уже слишком долго, а единственная достоверная информация, которая у них была, – это то, что след вел с севера на юг. Все остальные следы, которые отработали к данному моменту, – а под руководством БКА расследованием этих убийств занимались более шестидесяти пяти мужчин и женщин в разных федеральных землях, – оказались бесполезными. Они либо не имели отношения к делу, либо были подстроены киллером, чтобы запутать

следствие. За это время были проанализированы представители различных профессий, которые выезжали в командировки по стране, проверены тысячи менеджеров, торговых агентов и сервисных техников, а их маршруты сопоставлены с диаграммой соотношения пути и времени убийцы. И ничего!

Этот мерзавец был очень умен! Его работа, методы и мотивы не вписывались ни в один психологический портрет. Он был как привидение. И теперь, видимо, воспринял их законспирированную работу как провокацию по отношению к себе. Слишком мало внимания! Значит, он хотел шумихи в СМИ. Он гордился своими деяниями и хотел быть в центре общественного интереса. Вот что он пытался им сообщить. Иначе и быть не могло. Поэтому и женщина-политик. Снейдер не верил в совпадения.

Пока Снейдер, сунув в рот сигарету и поставив ногу на ограждение, разглядывал набережную реки с кафе, скамейками и детскими площадками, Хесс прошел на корму лодки, чтобы поговорить по телефону. Сейчас он стоял там на фоне оранжевого рассвета, прижав сотовый к уху. И Снейдер догадывался, с кем он разговаривал.

После того как Снейдер выбросил окурок в реку, к берегу подъехал автомобиль с мигалкой и остановился рядом с другими полицейскими машинами на парковке. Настоящая массовая мобилизация! К счастью, полиция перекрыла берег и прилегающую улицу, чтобы избежать нашествия зевак, которые могли заснять весь этот цирк и выложить видео в Интернет.

Из автомобиля вышла молодая женщина с длинными светлыми волосами и металлическим чемоданом.

«Вот эта вполне соответствует вкусу убийцы!»

Снейдер наблюдал, как она поднялась по качающемуся деревянному мостику на борт и ухватилась за перила, прерывисто дыша.

– Морская болезнь? – спросил Снейдер.

– Только на лодках.

Он улыбнулся. Впервые за много недель этой женщине удалось рассмешить его одной-единственной фразой.

– Вы судебный медик? – спросил он.

– Нет, уборщица. Пришла вымыть пол. Труп внизу?  
Снейдер кивнул на вход в каюты.

– Там полно народу. К тому же чертовски тесно. Скорее всего, они вас прогонят.

– Тогда даже пытаться не стоит?

– Стоит! Мне срочно необходим ответ на вопрос, какую букву убийца вырезал на коже трупа, в районе грудной клетки.

– Вы не знаете алфавит? – спросила она с серьезным лицом.

– Не целиком, – ухмыльнулся Снейдер, но потом посерьезнел. – Там внизу все в крови, сложно разглядеть. Мне нужна буква, – настойчиво повторил он. – Как можно быстрее.

– Я постараюсь. – Она неуверенно зашагала по раскачивающейся лодке, коротко воскликнула «*О боже!*» и спустилась по лестнице под палубу.

«Надеюсь, она там все не заблует».

Тем временем Хесс закончил разговаривать по телефону и подошел к Снейдеру. Его лицо было бледным.

– Ты говорил с министром внутренних дел? – спросил Снейдер.

Хесс помотал головой.

– Его я приберегу напоследок. Сейчас я вполне обойдусь и без взбучки.

– Тогда что за важный звонок?

– Я проинформировал прессу.

Снейдер скептически посмотрел на Хесса, но ничего не сказал.

– Я не хочу больше скрывать информацию про буквы – сам видишь, к чему это привело, – объяснил Хесс.

– Тысяча чертей! – выругался Снейдер и опустил ногу с ограждения.

– Успокойся! Я сообщил прессе про буквы, и уже сегодня вечером во всех газетах появится статья, что Неуч совершил новое убийство.

– Неуч? – воскликнул Снейдер. – Ты в своем уме? Мы собирались держать это в секрете, чтобы отсеять преступников-подражателей.

– Да, но у нас нет никаких подражателей! – так же раздраженно закричал Хесс. – Мы не можем больше скрывать это.

– Может, ты рассказал прессе и то, что у нас нет никакого актуального следа и мы блуждаем в потемках?

– Ты меня дураком считаешь?

- Круглым. Хесс засопел.
- Я все еще твой начальник!
- Да, к сожалению.
- К тому же я сообщил СМИ ложную информацию. Снейдер прищурился, у него перехватило дыхание.
- Не согласовав со мной?
- Я посчитал это хорошей идеей. Я сказал прессе, что убийца изнасиловал свои жертвы.
- Снейдер буквально чувствовал, как на висках напряглись и выступили вены.
- Это шутка?
- Нет! Ты сам сказал, что нам нужно что-то, чтобы отсеять ложные следы и продвинуться с расследованием. А таким способом мы спровоцируем убийцу. Он выйдет из себя, когда прочитает это сегодня вечером.
- Нам не стоит его излишне провоцировать.
- А я считаю наоборот! Уверен, он совершит ошибку. Или свяжется с прессой. Так или иначе. И тогда мы его поймем.
- Или он так разозлится, что за одну ночь распишет весь алфавит до конца! – закричал Снейдер. – Тогда у тебя будет монстр, которого уже не усмирить.
- Мы должны выманить его.
- Снейдер помотал головой.
- Ты только что запустил медийную кампанию, которую невозможно контролировать. Это чертовски плохо кончится.

**Часть четвертая**  
**Остхеверзанд**

*Пятница, 2 октября*

Солнце уже перешло зенит, когда катер береговой охраны пристал к пристани Остхеверзанда. Левым бортом судно прижало к деревянному мостику разъединенную соленой водой покрывку, и та мерзко закрипела.

Сабина вышла из каюты. Судно качалось, и она держалась рукой за козырек над каютой. Сабина долетела из Мюнхена до Гамбурга, но к Балтийскому морю поехала на такси, а не на машине, как предложил Снейдер. Так получилось быстрее, и она воспользовалась временем в пути, чтобы полистать сказки Андерсена. И действительно кое-что нашла.

А именно в сказке «Стойкий оловянный солдатик». У оловянного солдатика, в отличие от его товарищей, была только одна деревянная нога – что отдаленно напоминало судебного психолога, которой отрубили ноги и посадили на деревянный кол в замке Хоэнлибург. Тут Сабина впервые запнулась. У солдата была красно-синяя униформа – и вот это оказалось решающей подсказкой! Потому что спина жертвы была раскрашена в те же цвета. Все сходилось. Таким образом, четвертое убийство было очередной инсценировкой сказки Андерсена. Весь оставшийся путь Сабина задумчиво смотрела в окно.

Морские брызги попадали на палубу, а свежий ветер заставлял Сабину ежиться.

– Вы можете сойти на берег! – крикнул штурман.

– Спасибо. – Сабина подхватила свою дорожную сумку и пошла к перилам.

Тем временем второй сотрудник береговой охраны откинул узкий трап, который служил своего рода мостиком к причалу. Он помог Сабине перейти на берег и затем передал ей сумку.

– Сколько вы здесь пробудете?

Сабина огляделась. На парковке перед маяком стояла одинокая машина. Черная легковушка. Рядом мужчина в темном костюме –



одной рукой он опирался о машину, в другой держал сигарету. Очевидно, он дожидался Сабину. Она перевела взгляд на скалы, на которых возвышалась тюрьма.

– Примерно час, – сказала она.

Боцман посмотрел на наручные часы.

– Мы заберем вас в два часа.

Сабина кивнула, и он подтянул трап наверх. Тут же взревел мотор, и, вспенивая воду, катер отплыл от причала.

Сабина посмотрела вслед судну, а потом обвела взглядом маленький остров. «Господи, как же здесь уныло». Она крепче взялась за ручку сумки и направилась к мужчине на парковке.

Лишь теперь она разглядела, что он курил не сигарету, а сигару. В последний момент, прежде чем подать ей руку, он бросил окурок на землю.

– Мартен Снейдер уже сообщил о вашем приезде. Директор Холландер.

«Надо же, господин директор собственной персоной». Сабина пожалала ему руку.

– Сабина Немез. Я не ожидала, что вы встретите меня лично.

– Наш завхоз в отпуске с начала недели, а мне полезно иногда размять ноги. – Он улыбнулся.

Сабина улыбнулась в ответ. Она была готова поспорить на месячный оклад, что Холландер встретил бы ее сам, даже будь завхоз на месте.

Пока Сабина укладывала сумку на заднее сиденье, Холландер запустил мотор. Только она села в машину и пристегнулась, как они тронулись с места и директор начал ее расспрашивать.

– Почему Снейдер и БКА интересуются Питом ван Луном?

На взгляд Сабины, он был чересчур любопытным, к тому же произносил фамилию Снейдера с нескрываемым пренебрежением, словно обоих связывало общее, не обязательно приятное прошлое.

– Мы хотим закрыть кое-какие старые дела и решили, что Пит ван Лун может помочь нам. – Сабина посчитала, что будет умнее не посвящать директора во все детали. Чисто интуитивно! Особенно в тюрьме слухи распространяются очень быстро, что могло навредить актуальному расследованию.

Холландер кивнул.

– Но Пит ван Лун не будет вам помогать.

Сабина повернулась к Холландеру, но тот и глазом не моргнул.

– Почему?

– Он еще ни разу не сотрудничал ни с одним следователем.

– Будет лучше, если я представлюсь журналисткой, которая пишет о нем статью?

Холландер бросил на нее короткий взгляд.

– Вряд ли. Он тут же поймет, что вы понятия не имеете о журналистике, верно?

Сабина проигнорировала пренебрежительный тон.

– Тогда как бы вы его разговорили?

– Я? Никак. – Холландер помотал головой. – Пит ван Лун проникнет в вашу голову быстрее, чем вы успеете опомниться. К тому же его психологический портрет не поддается ни одному анализу.

– Разве в тюрьме ему не назначили психотерапию, как и всем другим заключенным?

Холландер снисходительно улыбнулся.

– Вы должны знать следующее. Мы называем данный институт заведением, а заключенных клиентами. Даже если людям из БКА это дается тяжело, я прошу вас соблюдать наши правила.

«Хорошо, говнюк!»

Сабина спокойно смотрела в окно.

– А я прошу вас отвечать на мои вопросы. Он получает лечение?

– Да, – коротко ответил Холландер.

– Тогда я хотела бы поговорить с психотерапевтом Пита. Он на месте?

– Если бы вы подготовились лучше, то знали бы, что психотерапевтами у нас работают исключительно женщины.

Сабина вздохнула.

– Тогда я хотела бы поговорить с ней. Прежде чем вы приведете Пита в комнату на допрос.

– Это вряд ли возможно.

Сабина подождала, но Холландер молчал.

– Что вряд ли возможно? Поговорить с его психотерапевтом или привести Пита на допрос?

– И то, и другое.

Сабине это начинало надоедать.

– Почему? Потому что терапевт у вас называется консультантом, а комната для допроса переговорной?

Холландер смотрел прямо перед собой.

– Ваш тон мне не нравится.

– Я здесь не для того, чтобы вам нравиться. Я приехала, потому что БКА ведет расследование, и вы, как директор данного заведения, обязаны оказать поддержку БКА всеми находящимися в вашем распоряжении ресурсами. Если вас что-то не устраивает, мы можем пойти по официальному пути и подключить генеральную прокуратуру. Но вы должны понимать следующее: с каждой минутой, которую мы теряем из-за вашего поведения, расследование откатывается назад. Ваше решение!

Впервые в жизни она сожалела, что рядом нет Снейдера. Он не был бы таким терпеливым с директором.

– С каждой минутой... – цинично повторил Холландер. – Я думал, речь идет о старых делах.

– У убийства нет срока давности. А теперь давайте прекратим это пустословие и тактику затягивания, потому что я очень устала. Почему я не могу поговорить с психотерапевтом Пита?

– Нам пришлось расстаться с ней в начале недели.

«Наверное, бедняжку тоже тошнило от твоего самодовольства».

– И дальше?

– К тому же моя заместительница и главный врач заведения доктор Кемпен должна сначала проверить, в каком состоянии находится Пит ван Лун и сможет ли он выдержать допрос.

После звонка Снейдера у них было для этого достаточно времени.

– Он простыл? – раздраженно спросила Сабина. Манера директора выводила ее из себя.

– Нет, он буянил, и охранники с трудом смогли его успокоить.

– Что это значит, говоря простым языком?

– Он четыре дня лежал в реанимации нашего больничного отделения.

Когда они вошли в массивное кирпичное здание с мрачными залами, широкими мраморными лестницами и унылым окружением, которое состояло из одних лишь скал, моря, холодного ветра и кричащих чаек, у Сабины усилилось впечатление, что депрессии на

этом острове не избежать. Что заставило юриста Холландера согласиться на работу здесь? Но вообще-то Сабина не горела желанием это знать. Она просто хотела поговорить с Питом ван Луном, а потом успеть на катер береговой охраны. О последнем Холландер наверняка позаботится.

Сабина надеялась, что еще один звонок от Снейдера ускорит дело, но Холландеру было глубоко наплевать на его вмешательство. По реакции Холландера она поняла, что они со Снейдером действительно терпеть друг друга не могут. Это было столкновение двух эгоцентриков – а она оказалась между ними.

Но при всей ярости, которую у нее иногда вызывало поведение Снейдера, – она должна была признать за ним следующее: он никогда не отлынивал от работы и старался быть эффективным. А судя по поведению директора Холландера, это был самодовольный бюрократ, который привык пользоваться связями и не прилагать особых усилий.

Сабина ждала уже пятнадцать минут в комнате для допроса. По крайней мере, она могла ответить на сообщение от Снейдера.

«Он уже там?»

«Еще нет».

«Холландер все еще водит вас за нос?»

«Да, пусть радуется, что я без оружия».

«Не горячитесь! Если у кого и есть право вывести Холландера из эксплуатации, то у меня!»

Сабина невольно улыбнулась.

«Как дела в Вене?» напечатала она, но уже не успела дожждаться ответа.

Дверь в маленькую комнату по другую сторону стеклянной стены открылась. Внутри вошел высокий мужчина в кроссовках, серых штанах и бордовой толстовке с закатанными до локтей рукавами. Его тень падала на белую стену позади. Через громкоговоритель Сабина слышала тяжелое дыхание Пита. Он поднял голову и посмотрел через стекло прямо ей в глаза.

– Твою мать, – не сдержалась Сабина, когда увидела опухшее лицо Пита ван Луна, которое отливало всеми красками.

*Воскресенье, 27 сентября*

По дороге в больничное отделение Ханна прошла мимо столовой. «Медикаментозная седация», вспомнила она. По крайней мере, так утверждал Френк Бруно.

Она открыла дверь в столовую, подошла к ближайшему столу и спрятала солонку в кармане брюк. Затем побежала в старый корпус. Перед дверью, за которой находилось больничное отделение, она ненадолго остановилась. Пока что ей не встретился ни один человек. Похоже, все действительно были на барбекю-вечеринке у смотрителя маяка.

Ханна вытащила из кармана магнитную карточку, сделала глубокий вдох и провела ею через считыватель. Несколько секунд волнительного ожидания. Если доктор Кемпен уже лишила ее прав доступа, то о плане можно забыть. Оставалось только втянуть голову и обратиться отсюда. Но если повезет, то Кемпен была сегодня в стрессе и не подумала об этом. Она ведь утверждала, что у нее есть и более важные дела, чем Ханна. Тут лампочка загорелась зеленым светом, и замок с тихим жужжанием открылся.

Ханна с облегчением отворила дверь и проскользнула в коридор. Датчик движения тут же активировал верхнее освещение. Ханна уже хотела закрыть за собой дверь, как услышала голос:

– Эй, подождите!

Ханна обернулась. За ней стоял Френк Бруно, который просунул ногу в проем, не давая двери закрыться, и тоже хотел пройти в больничное отделение. Руки у Френка были заняты – он неуклюже балансировал с башней из медицинских подкладных суден и стопкой бинтов и полотенец.

– Вы не могли бы придержать для меня дверь?

Ханна колебалась.

– А вам вообще сюда можно? – прошептала она.

Черт возьми! Как назло, этот извращенец появился именно сейчас.

– Магнитная карта у меня в кармане брюк. Мне ее не вытащить, но вы можете проверить. – Он улыбнулся.

– Спасибо, – отказалась Ханна. – И куда вы с этим направляетесь?

– Доктор Кемпен попросила отнести это в отделение, прежде чем я пойду на барбекю-вечеринку.

– А вы смотрели в окно? – спросила она. – Похоже, вечеринка не состоится.

– Мы уже часто жарили барбекю в дождь. На севере это обычное дело. А теперь, пожалуйста, придержите дверь?

Френк хотел протиснуться мимо нее в больничное отделение. Она пропустила его. Придурок специально придумал причину, чтобы последовать за ней. Ханна была готова поспорить, что доктору Кемпен не требовались никакие полотенца и судна. Уж точно не сегодня вечером!

– А вы что здесь делаете? – поинтересовался Френк. Как будто он не знал! Для алиби она подняла свой придавленный и все еще синий палец.

– Мне нужны обезболивающие таблетки, – громко сказала она, на случай если в отделении находился еще кто-то и слышал их разговор.

– Их вы могли и у меня получить, – сказал он. – Может, затем мы вместе пойдем на...

– Нет, спасибо, – оборвала она его. – Я приму таблетку и постараюсь заснуть.

– Если все-таки передумаете, я вас жду.

«Точно нет!»

– Спокойной ночи!

Их пути разошлись. Френк прошел по коридору и повернул налево. Ханна пошла направо, мимо кабинета доктора Кемпен к камерам изолятора. В другом конце коридора слышались голоса. Френк с кем-то разговаривал. С женщиной. Черт! Это было плохо. Ханна надеялась, что ей никто не мешает. Хоть бы это была не доктор Кемпен, и хоть бы Френк ничего не сказал.

После дверей мужского и женского туалета начиналась зона с серым каменным полом из огромных неровных плит. Ханна добралась до коридора с множеством массивных металлических дверей, имевших

большие замочные скважины для внушительных ключей. Кроме того, в каждой двери был глазок. Однако отсутствовали привычные окошки для раздачи еды. Изолятор! Как же здесь было жутко. Даже пахло смертью. Ханна неожиданно представила, что, должно быть, происходило в этих помещениях во время нацистского режима.

Ханна посмотрела через глазки. В первых двух камерах было темно. Никакого движения. В третьей слабо горела зарешеченная лампочка на потолке. Комната была около шести квадратных метров. Белый кафельный пол, белая плитка на стенах, без окна. Через глазок «рыбий глаз» она видела всю камеру. В одном углу стоял стол, в другом металлическая кровать. На ней, привязанный кожаными ремнями за руки и ноги, лежал мужчина. По комплекции и цвету волос она поняла, что это Пит ван Лун.

Значит, вот где он лежит!

В камере номер 3.

Ее сердцебиение ускорилося. Она чувствовала холодный металл двери, а от горячего дыхания запотел глазок. Внезапно ей стало страшно. Во время терапии после попытки суицида она запомнила, что проблемы можно решить, только разобравшись со страхами. На тот момент она стояла перед выбором: попытаться покончить с собой еще раз – но уже, как говорится, на совесть – или выбрать жизнь. Она выбрала последнее и решила изучать психологию. Приезд сюда в надежде взглянуть своим страхам в глаза был, конечно, экстремальным вариантом. Но она много лет уговаривала себя, что только так это может сработать.

Ханна огляделась по сторонам. Прислушалась. Ничего! Только приглушенные голоса Френка и какой-то женщины. На всякий случай Ханна нажала на ручку двери. Заперто! Она побежала назад к кабинету доктора Кемпен. Вытащила из кармана брюк канцелярские скрепки, разогнула концы и вставила в замочную скважину. Еще с первой попытки взлома она знала, как работает замок и что его легко открыть. Но канцелярские скрепки – это не отмычка! Она поковырялась ими в замке, но затем вытащила и вытерла вспотевшие ладони о брюки. Потом просунула проволоку в щель между рамой и металлической дверью, чтобы загнуть крючок, а затем снова вставила его в замочную скважину. На этот раз задвижка отошла, и дверь открылась.

Не включая света, Ханна подошла к письменному столу. Коридорного освещения вполне хватало. Тем более она уже знала, в каком ящике доктор Кемпен хранит ключи от камер изолятора. Вдалеке послышался глухой смех Френка. Видимо, он флиртовал с медсестрой. Ханна достала из деревянной шкатулки ключ с брелоком «I-03» и уже собиралась покинуть кабинет, как ее взгляд упал на письменный стол, на котором стояла большая чайная чашка. Недолго думая, она прихватила и чашку и вышла из кабинета.

Запереть дверь?

Она решила этого не делать. У нее не было времени. Кроме того, все равно нужно будет вернуть ключ и чашку.

Ханна побежала в сторону изолятора, но перед этим завернула в женский туалет. Там тоже автоматически включился свет. Она повернула кран с горячей водой и подождала. Пока вода текла в умывальник, взгляд Ханны упал на кран с холодной водой. Буква К была стерта, от kalt осталось только alt. Она подумала о словах Френка Бруно. В английском cold превратилось бы в old.

От воды шел пар, и зеркало запотело. Она наполнила чашку, отвинтила крышку солонки и высыпала содержимое в чашку. Соль растворилась. На всякий случай Ханна помешала пальцем. «Черт, как горячо!»

Осторожно, чтобы не расплескать соленую воду, она вышла из туалета и пошла к камере изолятора номер 3. На полпути она услышала приближающиеся шаги.

«Вернуться в туалет или спрятаться в камере?»

Ханна выбрала камеру. Она побежала дальше. В какой-то момент вода чуть было не выплеснулась на пол. Наконец-то она добралась до двери. Вытащила из кармана ключ и вставила его в замок.

Наверное, это медсестра, с которой до этого флиртовал Френк, и она вот-вот появится из-за угла. Тогда Ханнины сказки про обезболивающие таблетки уже не пройдут.

Ханна повернула ключ. Ржавый замок заскрипел, как будто его не открывали уже много лет. Видимо, на современные магнитные устройства для этого корпуса бюджета не хватило. Или содержание заключенных в этой части здания никогда и не планировалось, что казалось Ханне более правдоподобным.



Но дверь все равно не открывалась. Ханна повернула ключ второй раз. Замок заскрипел еще сильнее, но, к счастью, она услышала, как щелкнула задвижка.

Шаги уже достигли поворота коридора. Ханна быстро вытащила ключ из замочной скважины, толкнула плечом металлическое полотно, проскользнула в камеру и закрыла за собой дверь. Замок щелкнул.

Ханна бесшумно выдохнула и прижалась мокрой от пота щекой к холодному металлу. Она представляла себе все намного проще. Через массивную дверь послышался приглушенный голос медсестры.

– Спасибо, Френк. Эти полотенца для шкафа в женском туалете.

Ханна медленно развернулась. На кровати перед ней лежал Пит ван Лун. Связанный, в состоянии медикаментозного сна. Глаза закрыты, дыхание поверхностно. Грудная клетка едва заметно поднималась и опускалась.

Ханна поставила чашку на стол и сделала шаг к Питу. В матовом свете лампочки она увидела его лицо – изменившееся почти до неузнаваемости и покрытое синяками. Один глаз полностью заплыл, другой выглядел лучше, но вокруг расплылся темно-синий кровоподтек. У Пита была также разбита губа, имелись ссадины на щеках и гематомы на шее. Похоже, охранники впали в настоящее бешенство.

Она подошла ближе и проверила кожаные ремни на его запястьях. Они казались затянутыми не очень сильно, но этого было достаточно. Ханна осторожно сдвинула рукав Пита и проверила пульс. Его веки дрожали. Она отняла руку и заметила на его запястье татуировку. Черные наручные часы. Точно такая же была у Френка Бруно. Видимо, Френк подражал Питу. Возможно, набил ее как доказательство дружбы или в знак восхищения.

Ханна в первый раз рассмотрела ладонь Пита. Обычно она видела его только со сжатыми кулаками. Теперь она знала причину. Ханна наклонилась ниже. Подушечки его пальцев были абсолютно гладкими. Никаких бороздок, как будто после ожога кислотой.

В мусорном ведре рядом с кроватью она заметила бинты и окровавленные ватные шарики. На столе лежала открытая упаковка лекарства. Рогипнол. Снотворное. Пачка была наполовину пуста. Значит, Пита успокоили этим средством. По собственному опыту Ханна знала, что его действие начинается через двадцать минут после

приема, держится около четырех часов, а затем Пит медленно проснется. К тому времени должна подойти медсестра, чтобы дать ему следующую партию таблеток. Если не раньше.

Ханна должна поторопиться. Она приподняла подушку Пита, чтобы его голова оказалась чуть выше. Потом взяла со стола чашку, раскрыла Питу рот и поднесла край чашки к его губам. Начала вливать ему соленую воду, но та выливалась обратно из уголков губ.

Тогда Ханна ненадолго зажала Питу нос. Он жадно втянул воздух ртом, вода попала ему в трахею, и он рефлекторно выплюнул ее. Но Ханна не отступала и продолжала вливать ему в рот соленую воду. Теперь ему пришлось глотать.

– Хорошо, – прошептала она. – Дальше.

При мысли о теплой сильно соленой воде ее затошнило. Но Ханна вылила ему в рот остатки, и Пит все проглотил. Его организм скоро почувствует отравление солью и рвотой освободит желудок от всего содержимого, в том числе снотворных таблеток.

Ханна ждала. Она смотрела на глазок на двери. Если кому-то придет в голову заглянуть в него, она пропала.

*Жвачка сейчас не помешала бы!* Ханна проверила карманы брюк и нашла бумажную салфетку. Это тоже сойдет. Она оторвала кусочек, пожевала и приклеила размякшую бумагу на глазок.

Тем временем Пит начал хрипеть. Он зашевелился и пытался поднять голову. Ханна видела, как его желудок под бордовой толстовкой протестует.

Начались рвотные позывы.

Она подскочила к Питу, повернула его голову, чтобы он не захлебнулся, и подождала.

– Ну, давай же! – торопила она.

Наконец желудок сдался, и Пит изверг из себя поток соленой воды с коричневой желчью.

– Дальше! – Она ударила его ладонью по щеке.

Веки Пита дернулись. Еще один позыв – на этот раз его выворачивало наизнанку около минуты, и он вздымался на кровати так высоко, насколько позволяли кожаные ремни.

– Приди в себя! – крикнула она и залепила ему еще одну пощечину.

– Хватит, – прохрипел он, из уголка рта у него тянулась струйка густой слюны.

*Пятница, 2 октября*

Пит ван Лун стоял неподвижно, как скала, посередине комнаты для допросов. Его освещал неоновый свет. Одна лишь стена из оргстекла со встроенными микрофонами отделяла его от Сабины.

– Вы не хотите сесть? – поинтересовалась Сабина.

Пит не отреагировал. Он уставился на нее, и Сабина справилась с желанием рассмотреть его внимательнее. Но краем глаза она заметила гематомы и ссадины на руках, запястьях и пальцах. Пит сжал ладони в кулаки. На левом запястье она увидела наколку в виде часов.

– Оригинальная татуировка, – сказала Сабина. – И который час?

– Без пяти двенадцать, – коротко ответил он с сильным голландским акцентом, который напомнил произношение Снейдера. Правда, Пит еще шепелявил – видимо, из-за опухших губ.

– Садитесь, – мягко попросила она. – Сидя проще разговаривать.

– Кто сказал, что я хочу с вами разговаривать?

– Вы уже это делаете.

Пит улыбнулся, и Сабина заметила, что даже малейшее движение доставляет ему боль.

Она видела достаточно фотографий из института судебной медицины – актуальные дела и десятки из архива БКА, – чтобы понять, что это не следы дубинок. А результат жестокого избиения кулаками и ударов о стол, стену или дверную раму.

Об этом происшествии необходимо было срочно заявить в полицию. Но интуиция подсказывала Сабине, что Пит будет молчать и прервет любой разговор, как только она поинтересуется происхождением этих травм. Поэтому Сабина пыталась игнорировать его внешний вид.

Пит сделал шаг к стулу, который стоял перед стеклянной стеной. Сабина заметила, что он прихрамывает. Видимо, ему также достались пинки или удары по коленям и голеностопным суставам.

Неудивительно, что директор Холландер хотел помешать допросу Пита.

Со стоном Пит опустился на стул.

– Вы адвокат?

Сабина помотала головой.

– Новая терапевт?

– Нет. – Она заметила насмешливые нотки в голосе Пита.

Интуиция подсказывала ей, что Пит отлично знает, зачем она здесь, и просто играет с ней. – Я хотела бы поговорить с вами о вашей театральной постановке.

Пит разочарованно посмотрел на нее. Возможно, он предполагал – или даже надеялся, – что она будет расспрашивать его об актуальных убийствах, о которых он, вероятно, уже знал.

– Для студентки художественной академии вы староваты, – пробормотал он.

– Я работаю в Федеральном ведомстве уголовной полиции и расследую некоторые старые убийства, – сказала она. Ему вовсе не обязательно знать, что речь идет о последних преступлениях.

– Это был не я. – Он быстро взглянул на дверь. – У меня есть алиби. – Он ухмыльнулся, но тут же вздрогнул от боли.

– О чем ваш спектакль?

– Почему БКА этим интересуется?

– С ним может быть связана серия убийств.

Пит задумался.

– Убили актеров?

– О чем спектакль?

– О сказках.

– О каких?

– Этот допрос какой-то односторонний.

– Так бывает, когда один собеседник сидит за решеткой, а другой нет.

Пит виновато пожал плечами.

– Если я предоставлю вам информацию, то требую за это облегчения условий тюремного заключения.

– У нас тут не игра «Три желания».

– Жаль. – Он посмотрел на дверь и собирался подняться. Сабина подождала, чтобы понять, не блефует ли он. Но Пит действительно

встал, подошел к двери и взялся за ручку.

– Если вы сейчас покинете комнату, я поблагодарю всех надзирателей за ваше отличное сотрудничество с полицией. Как вам такое?

Он застыл на месте.

– Полагаю, эти слухи быстро разойдутся, а стукачей в тюрьме не особо любят, верно? – спросила она его.

Пит обернулся.

– Вы это сделаете?

– Черт возьми, да, поэтому сядьте на место. Информация – единственное, что я могу вам предложить.

Пит остался стоять.

– О чем?

– О серии убийств.

– Полагаю, на самом деле они достаточно свежие.

Сабина помедлила.

– Да.

– Все равно завтра появится во всех газетах.

– Вряд ли. – Она внимательно изучала его реакцию. – Что вы хотите знать?

– Кто расследует это дело?

– Я.

Пит подошел ближе к стеклу, наклонился вперед и понизил голос:

– Хватит меня дурачить! Последний шанс! Кто расследует это дело?

Сабина вспомнила предостережение Снейдера, но решила его проигнорировать. Потому что если Пит догадается, что она врет, то немедленно прервет разговор.

– Мартен Снейдер и я.

Пит ван Лун кивнул.

– Кто еще?

– Рудольф Хоровитц.

– А-а-а. – Брови Пита на мгновение взлетели вверх. Он снова сел на стул. – Снейдер и Хоровитц – старая команда снова воссоединилась. В Швейцарии тоже произошло убийство?

– Теперь моя очередь задавать вопросы, – перебила его Сабина. – О чем ваш спектакль?

– О сказках. Она продохнула.  
– Я думала, мы решили не дурачить друг друга? Пожалуйста, поточнее!

– О сказочном мире Ганса Христиана Андерсена.

– Почему именно он?

– Ну... в отличие от братьев Гримм, которые лишь собирали и записывали старые народные сказки, креативный Андерсен придумывал собственные, вот почему его мир так завораживает.

– Какие сказки вы использовали в вашем спектакле?

– Теперь моя очередь. Вы видели Рудольфа Хоровитца в Берне?

– Да.

– Как у него дела?

– Он старый дряхлый мужчина.

– Все еще на службе?

– С раздробленным позвоночником?

Пит растянул рот в злорадной улыбке.

– Как он справляется с инвалидным креслом?

– У него сильные руки.

– Разве у него нет электропривода?

– Когда я его видела, не было.

– Как он проводит дни?

– Кормит голубей. – На этом тема была для нее закрыта. – Какие это были сказки?

Пит закрыл глаза, как будто вспоминал.

– С тех пор столько времени прошло! «Новое платье короля», насколько я помню. «Гадкий утенок», «Принцесса под горошиной» и «Стойкий оловянный солдатик».

– Какие еще?

– «Оле Лукойе», «Снежная королева», «Огниво», «Русалочка», «Нехороший мальчик» и «Девочка со спичками».

Сабина отмечала про себя названия и мысленно считала.

– Только десять сказок?

– Только? Думаю, этого достаточно.

Проклятье! На коже баварской жертвы была вырезана цифра одиннадцать.

– Уверены? – переспросила она.

– Да, уверен! Спектакль длился всего восемьдесят минут, к тому же у нас больше не было реквизита.

Сабина кивнула. Она обратила внимание, что Пит ван Лун сказал «Принцесса под горошиной», а не «на горошине». Возможно, просто языковая неточность, потому что немецкий не его родной язык. К тому же она заметила, что его голландский акцент звучит не так, как у Снейдера. Похоже, но по-другому. И причина была не только в его опухших губах.

Сабина собиралась задать следующий вопрос, но Пит опередил ее.

– Снейдер уже два года не навещал меня, – заявил он. – Как у него дела? Все еще страдает от кластерных головных болей?

Сабина оторопела. «Не навещал?» Время от времени он кого-то допрашивает, но с каких пор Снейдер навещает тех, кого арестовал? К тому же вопросы Пита становились все более личными. Но что он будет делать с этой информацией? Он сидит в тюрьме строгого режима «Штайнфельз» и в ближайшие десятилетия не выйдет отсюда.

– Да, у него бывают головные боли.

– Он делает акупунктуру?

– Да.

– По-прежнему курит травку?

– Да.

Пит подвинулся ближе к стеклу.

– И все еще ворует книги?

– Да.

Пит заулыбался. Он невероятно много знал о Снейдере. Но даже если тот действительно часто бывал на острове Остхеверзанд и встречался с Питом, Сабина все равно удивлялась, зачем Снейдер рассказал о себе такие личные подробности.

– Он все еще живет в сельском доме на окраине Висбадена? – спросил Пит.

Сабина старалась не подавать виду.

– На этот счет я вам ничего сказать не могу. – Теперь она тоже подалась вперед. – Существует видео- или аудиозапись вашего спектакля?

Пит помотал головой.



– А пьеса у вас есть? Или сценарий с диалогами или описаниями декораций?

Пит улыбнулся.

– Вы все это немного переоцениваете. Это была постановка датской любительской труппы. Мы много импровизировали и мастерили декорации из подручного реквизита.

– Сколько всего было представлений?

– В общей сложности три. В Gjellerup, арт-подвале в богемном районе Копенгагена. На это первое представление все билеты были раскуплены, на два следующих – только наполовину и на треть. Затем спектакль сняли с репертуара.

– Мне очень жаль.

– Забудьте. В зал и так помещалось только пятьдесят человек. – Пит глубоко вздохнул, так что его мощная грудная клетка поднялась и опустилась. – У Снейдера есть спутник жизни?

– Насколько я знаю, нет.

– Что случилось с его последним другом?

Сабина пожала плечами:

– Понятия не имею. Пит сдвинул брови.

– Я замечаю, когда вы лжете. Еще раз скажете неправду, и я завершу разговор.

– Я могу вызвать вас в суд через прокуратуру и там заставить говорить. Если откажетесь, то получите внушительное дисциплинарное наказание, – пригрозила она, потому что не хотела упустить контроль над ситуацией.

– Можете, но, подозреваю, вы сильно торопитесь. Поэтому предлагаю больше не лгать. Договорились?

Она кивнула.

– Так что с ним?

– Насколько я знаю, он умер от иммунодефицита несколько лет назад.

– Серьезно? И с тех пор Мартен один?

– Да.

– Он страдал?

– Да.

– А как...

– Я достаточно вам рассказала. Что вы можете сказать о цифрах четыре, пять, восемь и одиннадцать?

Пит удивленно посмотрел на нее.

– Понятия не имею, куда вы клоните.

– Эти цифры как-то связаны с вашим спектаклем?

Он пожал плечами.

– Почему именно эти цифры?

– Об этом я не могу говорить. Во время постановок рядом с вами был близкий человек или кто-то, кого спектакль особенно восхитил? Актер, рабочий сцены или зритель?

– Вы имеете в виду, что этот кто-то совершил актуальные убийства?

– Возможно.

Он медленно помотал головой.

– Спектакль показывали позже?

– Нет.

– Что насчет владельца Gjellerup? Вы контактировали с ним после?

– Это была она, Лерке Ульфельдт, и нет – больше никаких контактов. Насколько я знаю, арт-кафе разорилось, а она уехала в Венгрию. Эта шлюха должна мне еще триста пятьдесят крон.

Сабина подсчитала.

– Пятьдесят евро?

– Сорок пять.

– Вы ненавидите ее из-за этого?

– Ненавижу? Господи, нет! – Он засмеялся. – Это было шесть лет назад. После представлений я уехал из Копенгагена в Роттердам. Познакомился с молодой девушкой. С тех пор я больше никого не видел из того театра.

– Прошел всего год, и вы начали свою серию убийств. Первой жертвой стала ваша тогдашняя подружка Сара.

– И что? – Голос Пита звучал безэмоционально.

– Эти убийства были как-то связаны с вашим спектаклем?

– С Гансом Христианом Андерсеном? С чего вы взяли? Я молотком раздробил женщинам все до единой кости в теле, а затем заколол их ножом. Это была бы жестокая сказка.

«Не менее жестокая, чем заживо сжечь человека вместе с пнем».

– Вы также вырезали своим жертвам по одной букве на груди. Что означала эта последовательность букв?

Пит заулыбался.

– Это останется моей тайной.

– Эти буквы как-то связаны с цифрами четыре, пять, восемь и... –

Она остановилась.

Что-то было не так. Сабина уставилась Питу в глаза. Она чувствовала какую-то фальшь. Наблюдала за его реакцией, но он не шевелился. Сабина быстро вспомнила все, что он ей до этого рассказал. Где была ошибка?

«Пит ван Лун проникнет в вашу голову быстрее, чем вы успеете опомниться» – всплыло предупреждение директора Холландера.

«Вы сомневаетесь в своих силах?» – вторил голос Снейдера. Он советовал ей не говорить Питу ван Луну, что она знает Снейдера или работает с ним. Но сейчас это уже не имело значения. Дело было в чем-то совсем другом.

Черт возьми, что было не так?

Пит ван Лун нагло смотрел на нее.

И Сабина неожиданно поняла!

Согласно заключению судмедэксперта, Пит ван Лун сначала закалывал свою жертву ножом, а потом дробил ей молотком кости... а не наоборот! Такую деталь Пит точно бы не перепутал и не исказил.

– В чем дело? – спросил Пит.

«Принцесса *под* горошиной».

Сабина молчала и продолжала рассматривать ван Луна. Когда она разговаривала со Снейдером, акцент звучал похоже, но все равно иначе. И теперь она знала, что именно смущало ее в произношении Пита ван Луна. Оно звучало так, словно кто-то пытался симитировать голландский акцент.

Она придвинулась к стеклу, опустила взгляд и посмотрела на руки Пита ван Луна, которые он держал сжатыми в кулаки на протяжении всего разговора. Подушечки больших пальцев были красные и воспаленные.

И в один миг Сабина поняла, что здесь не так.

*Воскресенье, 27 сентября*

Ханна смотрела на Пита ван Луна, который медленно приходил в себя.

– Кто вас так отделал?

– Охранники, – с трудом произнес он опухшими губами. Слова звучали как-то непривычно искаженно.

– Якобы вы тоже нанесли себе увечья?

Пит открыл один глаз, но он тут же закрылся.

– Возможно, я сумасшедший, но не настолько. – Он повернул голову и уставился в потолок.

Инстинктивно Ханна хотела вытереть ему слюну в уголках губ, но боялась, что он может укунить ее за палец.

Хотя Пит был привязан кожаными ремнями к металлической койке, она сделала шаг назад и встала на почтительном расстоянии.

– Что вы здесь делаете? – выдавил он.

– Я хотела поговорить с вами.

Уголки его губ потянулись вверх, как будто он хотел улыбнуться. Одновременно лицо исказилось от боли. Ханна увидела, что у него кровила десна.

– Это не может подождать?

– У нас больше не будет сеансов терапии. Меня уволили.

– Неужели вы сцепились с директором Холландером? – пробормотал он. – Хотя все лучше, чем на скалы сбро... – У него слипались глаза.

Ханна боялась, что он снова заснет. Неожиданно Пит повернул голову в сторону, и его снова вырвало.

– Что за дерьмо, – выругался он. – Это вы влили в меня соленую воду?

– Да.

– Вы можете... вытереть мне рот?

– Нет.

– Мне кажется, вы еще более чокнутая, чем я.

– Возможно.

– Вы хотите поговорить со мной об Ирене Эллинг?

– Она меня не интересует, – солгала Ханна. Это интересовало ее, но в настоящий момент другие вопросы были важнее. – Почему вы убили Сару ван Лёвен?

Пит открыл глаза.

– Так, так, – прошептал он. Медленно повернул голову и внимательно посмотрел на Ханну. – Моя первая жертва.

– Правильно. Она была вашей подружкой. Почему она должна была умереть?

– Вы сестра Сары, верно? – констатировал он.

Тело Ханны одеревенело.

– Вас зовут вовсе не Ханна Норланд, – заявил он.

Ханна не ответила. Как он догадался? Да он просто блефует! Вряд ли доктор Кемпен показала ему ее дело. Кроме того, она никогда не встречалась с Питом ван Луном раньше. Так что он не мог знать.

– Сара показывала вам фотографию своей сестры? – спросила она.

– Нет, не показывала.

– Тогда почему вы так решили?

Пит улыбнулся.

– Я подозревал с самого начала. Ваш голландский акцент... – Он закашлялся, и его снова вырвало. – Я знал, что младших сестер Сары звали Анна и Эмма. Когда я услышал ваше имя, сразу понял. Ваши глаза... – прохрипел он. – У вас такой же взгляд!

– Но меня зовут Ханна.

– Конечно, – с иронией сказал он. – Вы просто добавили к вашему настоящему имени одну букву. Так просто.

«Как cold – old», – подумала она.

– Это совпадение.

Он вяло помотал головой.

– Вы сами в это не верите. Н<sup>[12]</sup> – восьмая буква алфавита, и таким образом имя Анна превращается в Ханну из шести букв<sup>[13]</sup>.

– Я не понимаю.

– Восемь и шесть, – повторил Пит. – Твоя сестра умерла восьмого июня.

Он вдруг стал обращаться к ней на «ты». Ханна растерянно помотала головой.

– Это просто совпадение.

– Ханна, совпадений не существует. Эта дата одна из самых важных в твоей жизни. В этот день я лишил тебя старшей сестры. Навсегда. Этот день неизгладимо врезался в твою память и остался глубоко в подсознании.

– Нет.

– Да. Шрамы на твоей шее и запястье. Было тяжело продолжать жить? Ты ведь поэтому пошла учиться, да?

Глаза Ханны наполнились слезами. Примерно то же самое ей сказала и Эмма. «Зачем ты тратишь свою жизнь на то, чтобы постичь этого подонка?» А ведь именно Эмма должна была ее понять, потому что это она нашла Ханну с перерезанными венами в ванной, а вскоре – еще раз, повешенной на отцовском галстуке на ручке шкафа. Эмма дважды спасла ей жизнь. А сама она не могла спасти свою старшую сестру.

– Просто безумное совпадение, – настаивала Ханна, но ее голос звучал уже не так убедительно.

– По моему опыту, совпадений в жизни не бывает. Даже твоя фамилия.

– Что?

– Норланд тоже осознанно выбранная фамилия.

– Это девичья фамилия моей матери, – снова солгала она, как уже раз в кабинете директора Холландера.

– Бред собачий, – прохрипел Пит. – Девичья фамилия твоей матери совсем другая. С тех пор как ты узнала, что меня направили на Остхеверзанд, скалистый остров в самой северной точке Германии, тебя таинственным образом тянуло на север. И ты хочешь убедить меня, что Норланд<sup>[14]</sup> просто совпадение?

Ханна на мгновение закрыла глаза. Нет, она больше не позволит Питу манипулировать собой – эту новую фамилию она действительно выбрала случайно. Она спонтанно пришла ей в голову, когда голландская полиция после курса психологической поддержки предложила ей выбрать новую идентичность. Сначала она, как и ее родители, была против, но к тому моменту уже решила поехать учиться в Германию. И в новой фамилии были свои преимущества.

Как Анна ван Лёвен, младшая сестра зверски убитой первой жертвы Неуча, она стала бы легкой добычей для немецкой прессы. Тем более что у ее сестры был роман с Питом ван Луном. Так что она с благодарностью согласилась поменять имя. А на третьем семестре осознала, что с новой фамилией перед ней открывается уникальная возможность – получить доступ к самым сокровенным мыслям Пита ван Луна.

– Почему ты убил Сару? – Теперь она тоже обращалась к нему на «ты».

Пит молчал. Очевидно, смаковал ситуацию.

– На что ты только не пошла, чтобы оказаться здесь и задать мне этот вопрос.

– Почему? – не отступалась она.

– Ты верила, что, став моим психотерапевтом, узнаешь правду?

– Ты ее изнасиловал?

Он так пронзительно на нее посмотрел, что она невольно попятилась.

– Смерть Сары настолько тебя травмировала, что ты изо всех сил пытаешься ее понять.

– Я нашла ее труп.

– А теперь хочешь избавиться от этих картинок в голове, пытаешься понять тот поступок?

Ханна ничего не ответила.

– Я спрашиваю себя, кто здесь чей психотерапевт.

– Зачем ты раздробил ей все кости? – спросила она.

– Ты на полном серьезе думаешь, что избавишься от травмы, если я назову тебе свои причины?

Она посмотрела на него и почувствовала, как глаза наполняются слезами.

– Я прошу тебя. Мне каждую ночь это снится.

– И именно я должен помочь тебе избавиться от ночных кошмаров?

– Да, черт побери! Ради бога, почему?

– Бог не имеет к этому никакого отношения.

– Что означает буква у нее на груди?

Пит холодно взглянул на нее.

– Существует только один способ для тебя понять этот поступок.  
Ты должна повторить судьбу своей сестры.

Он сумасшедший!

Она услышала шум за дверью и быстро повернула голову в ту сторону.

Поэтому слишком поздно увидела, как Пит ван Лун с мерзким хрустом вывихнул себе большой палец и высвободил ставшую узкой ладонь из-под кожаного ремня.



*Пятница, 2 октября*

Сабина вскочила, оставила Пита ван Луна одного за стеклянной стеной в комнате для допроса и захлопнула за собой дверь.

К ней тут же подошел охранник.

– Допрос окончен?

– Нет, пусть заключенный ждет меня здесь. Я должна срочно поговорить с директором Холландером.

Надзиратель нахмурился.

– Насколько я знаю, у него сейчас важная видеоконференция с...

– А что насчет его заместительницы, доктора Кемпен? – перебила его Сабина.

– Она должна быть в больничном отделении.

– Можете меня к ней проводить?

Пять минут спустя Сабина открыла матовую стеклянную дверь в кабинет доктора Кемпен. Врач, в джинсах и сером свитере, сидела за письменным столом и обсуждала с медсестрой детали медикаментозного лечения одного из заключенных. Обе женщины замолчали, когда Сабина подошла к столу.

– Доктор Кемпен, простите за беспокойство. – Сабина протянула женщинам руку. – Моя фамилия Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена и...

– Я знаю, кто вы и зачем здесь. – Кемпен не пожала Сабине руку. Вместо этого поднялась. – Полагаю, что у вас чертовски важная причина для того, чтобы вот так ввалиться сюда.

– Именно. Мужчина, с которым я только что разговаривала в комнате для допросов, не Пит ван Лун.

Доктор Кемпен провела пальцами по седым коротким волосам. Потом бросила суровый взгляд на медсестру, которая тут же молча покинула кабинет.

Только дверь закрылась, Кемпен обошла вокруг своего стола.

– Что вы мелете? Это абсурдно. С кем, по вашему мнению, вы тогда разговаривали?

– Понятия не имею, – сказала Сабина. – Во всяком случае, не с Питом ван Луном.

– Почему вы так уверены? Вы вообще знакомы с ван Луном?

– Нет, лично незнакома.

– Ах нет? – Кемпен достала из письменного стола папку и вынула из нее фотографию. – Разве мужчина выглядел не так? Метр девяносто, мускулистый, широкие плечи, вес около девяноста килограммов, короткие светлые волосы и веснушки?

– Внешние данные совпадают. – Сабина взглянула на фотографию. – Но у мужчины опухшее лицо.

– Вы это тоже заметили? – Голос Кемпен звучал уже не так самодовольно. – Он не соблюдал указания персонала, а когда охранники попытались его вразумить, начал биться лицом о стену...

– Дело совсем не в этом! – перебила Сабина врача. – Его голландский акцент пусть и хорошая, но не идеальная копия!

– Вы можете это определить?

– Да, это я могу определить! Кроме того, он перепутал детали своих убийств.

– О'кей, я вам кое-что скажу. – Кемпен внимательно посмотрела на Сабину. – Очевидно, вы не так долго работаете в полиции и у вас мало опыта общения с серийными убийцами. Пит ван Лун просто пытался вами манипулировать! Он в этом настоящий мастер...

– И подушечки его пальцев воспалены.

– Воспалены?

– Да, настоящий Пит ван Лун обжег себе пальцы кислотой пять лет назад. Его раны давно зажили. А у мужчины в комнате для допросов повреждения свежие! Это я могу определить и без многолетнего опыта работы в полиции.

Кемпен задумалась, но Сабина торопила ее.

– Мужчина в той комнате – двойник Пита ван Луна.

– Этого не может быть.

– Возможно, Пита ван Луна уже и след простыл.

– И этого никто не заметил?

– Вы сами сказали, что он мастер манипуляции. Мой коллега Мартен Снейдер опасался подобного и уже несколько раз требовал,

чтобы личность Пита ван Луна перепроверили.

– Я в курсе обращений Мартена Снейдера, но это абсолютно не нужно. Пит четыре дня находился в изоляторе больничного отделения и только сегодня был отпущен в свою камеру.

– Вчера Снейдер запросил пробу крови для сравнения ДНК.

– Я знаю, мы лишь дождались судебного распоряжения, а потом сразу все организовали. – Кемпен бросила взгляд на компьютер. – Час назад пришло электронное письмо из лаборатории, но у меня были более срочные дела, чем это ненужное...

– Хватит! Чего вы ждете?

– Боже мой! – Кемпен закатила глаза, подошла к своему компьютеру и несколько раз кликнула мышкой. Вскоре из принтера с шумом появился листок бумаги. Она взяла распечатку и в тот же момент изменилась в лице. – Пробы не идентичны.

Напряженные плечи Сабины опустились. Снейдер опять оказался прав.

– Твою мать! – выругалась Кемпен. – Ждите здесь! Я немедленно должна проинформировать директора Холландера, объявить тревогу, запереть всех заключенных в камерах и пересчитать их.

– Вы можете сделать это так, чтобы двойник в комнате для допросов ни о чем не догадался?

– Вряд ли.

– Тогда повремените с этим. Проинформируйте только директора и береговую охрану. Нужно заблокировать все причалы вблизи острова и перекрыть дороги ко всем вокзалам и станциям. А вы должны объявить Пита ван Луна в розыск.

Кемпен помотала головой.

– Конечно, но перекрывать дороги уже бесполезно. Хотя мы отправили пробу крови в лабораторию сегодня рано утром, но взята она была еще вчера вечером. Если подмена и произошла, то минимум восемнадцать часов назад. Мы даже не знаем точно, сколько дней назад это случилось. Кроме того, я задаюсь вопросом: с кем вы разговаривали в комнате?

– Когда Пит ван Лун получил травмы лица?

– В воскресенье вечером.

– Что еще происходило в тот день?

Кемпен задумалась на мгновение.

– Наш смотритель маяка устраивал свою ежемесячную барбекю-вечеринку.

– На этой неделе были какие-то кадровые изменения?

– Нам пришлось расстаться с одним психотерапевтом. Ханна Норланд покинула нас утром в понедельник.

Сабина вспомнила слова директора Холландера.

– И к тому же завхоз в отпуске с начала недели.

– Верно, Френк Бруно поехал навестить свою сестру в Крефельде.

– Как выглядит Френк Бруно?

– Высокий, светловолосый, мускулистый... – Кемпен заметила взгляд Сабины. – Нет, эта схожесть просто совпадение.

– А если нет?

– Но Френк ни за что не смог бы сыграть роль Пита ван Луна, для этого он слишком глуп.

– Мужчина, с которым я разговаривала, не произвел на меня впечатление умственно отсталого человека. У Пита ван Луна на запястье есть татуировка в виде часов?

Кемпен побледнела еще сильнее.

– Да, черт! У обоих одинаковая татуировка. – Она вернулась к столу и снова сделала несколько кликов мышкой.

Сабина подошла ближе и увидела, что Кемпен открыла видеопрограмму и увеличила изображение. Камера на потолке снимала комнату для допросов: мнимый Пит ван Лун сидел на стуле и, упершись ступнями в стену, раскачивался на задних ножках. Какое-то время Кемпен молча смотрела на экран.

– Но как это возможно? Неужели мы все так ошиблись во Френке?

– Этот обмен ролями вряд ли был спонтанной идеей. Наверняка именно из-за этой схожести Пит ван Лун и сдружился с Френком Бруно. Возможно, уже несколько месяцев или лет назад.

– Я бы это заметила.

– Если Пит ван Лун действительно так хорошо манипулирует людьми в своих целях, как вы говорите, то он наверняка действовал суперосторожно и спланировал все до последней детали.

– Что очень похоже на этого мерзавца! – Кемпен схватила свой мобильник, который лежал на столе, и набрала номер.

Сабина слушала, как врач разговаривала с директором Холландером и передавала ему все подробности. Сабина подождала

немного, потом прочистила горло.

– Мне необходимы личные дела этого Френка Бруно и Ханны Норланд, – прошептала она. – Они у вас есть?

Продолжая говорить по телефону и время от времени получая указания, Кемпен открыла ящик и достала две папки. Сабина полистала документы, пока не дошла до анкет. Она быстро вытащила фотографии Френка Бруно и Ханны Норланд из-под канцелярских скрепок.

– Могу я взять эти фотографии?

Кемпен кивнула и завершила разговор.

– Да, это все равно копии. Извините, у меня нет времени. Я должна оповестить генеральную дирекцию и земельную полицию. – Она хотела уже набрать новый номер, но в этот момент ее сотовый зазвонил.

*Who let the dogs out, woof, woof...*

Сабина уставилась на телефон.

Кемпен ответила.

– Алло? – Через несколько секунд она опустила трубку. – Это звонок с пристани. Катер береговой охраны уже ждет вас.

Сабина взглянула на часы. Третий час.

– Пусть подождут еще полчаса. – Она сунула фотографии Ханны Норланд и Френка Бруно в карман брюк. – Мне нужно еще раз поговорить с заключенным.

*Воскресенье, 27 сентября*

Ханна услышала скрип кожаных ремней. Обернулась и увидела, как Пит ван Лун свободной рукой – на которой безжизненно болтался большой палец, – схватился за ремень на другом запястье.

Черт! Ей нужно выбраться отсюда. Она в панике сунула руку в карман брюк и достала ключ от камеры. Просто запереть снаружи! Больше ничего. У тебя получится! Времени достаточно. Он сначала должен расстегнуть ремни, прежде чем сможет освободиться.

Ханна быстро схватила чашку, чтобы не оставлять следов, и бросилась к двери. Сорвала с глазка приклеенную на слюну бумажную салфетку и от волнения уронила ее на пол. Снова обернулась и посмотрела на Пита. Тот уже отстегивал ремни на ногах.

Ханна наклонилась, подняла салфетку, бросила ее в чашку и потянула дверь на себя. Но, не успев сделать и шага, отпрянула. Перед ней стоял мужчина.

– Френк? – удивилась она.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Пропустите меня, мне нужно выйти. Запереть камеру!

Он не шевельнулся.

– Я...

Она почувствовала мятный запах у него изо рта.

– Вы разве не видите? – закричала она на него. – Пит сейчас освободится!

Френк заглянул в камеру и поднял руку.

– Привет, Пит!

«Какой идиот!» Она хотела протиснуться мимо него.

– Помогите мне, мы должны запереть дверь!

– Я так не думаю, – сухо ответил Френк. Он схватил ее за плечи и затолкал обратно в камеру.

Она сопротивлялась, но бороться с ним – это как пытаться остановить паровоз. В отчаянии она замахнулась, чтобы разбить ему о

голову чашку, но Френк увернулся и выхватил посудину у нее из руки.

Ханна в отчаянии оглянулась через плечо на Пита ван Луна. Его ноги теперь тоже были свободны. Он устало поднялся с койки и вправил себе вывихнутый большой палец.

– Помогите! – закричала она и в следующий момент ощутила ужасную боль, которая пронзила ее голову.

Это Френк Бруно ударил ее в лицо. Она почувствовала вкус крови на губах. В следующую секунду он запихнул ей в рот носовой платок, так глубоко, что она начала им давиться.

«Ключ!»

Ханна размахнулась и хотела ударить Френка большим ключом, который все еще держала в руке, но Френк поймал ее руку и заломил ей за спину.

«Помогите!» – пыталась кричать она с кляпом во рту, но из горла выходил только тихий стон.

– У тебя есть кабельные стяжки? – спросил Пит.

– В сумке за дверью, – ответил Френк. – Мне пришлось еще раз вернуться за ней, сначала в отделении была дура медсестра.

Его голос звучал уже не придурковато и наивно, как обычно.

Пока Френк прижимал Ханну лицом и грудью к стене, заведя ей вторую руку за спину, она краем глаза видела, как Пит, шатаясь, направился к двери. Затащил в камеру черную спортивную сумку и закрыл дверь. Ханна вырывалась изо всех сил, но Френк прижал ее своим телом к стене.

– Лови! – Френк вытащил у нее из руки ключ и бросил Питу.

Тот поймал и запер дверь.

– Жвачку! – крикнул Пит.

Френк выплюнул, Пит поймал жвачку и заклеил глазок. Затем подошел к ним.

– Держи ее! – Пит расстегнул молнию на спортивной сумке, и Ханна заметила, как он что-то достал. В следующий момент мужчины соединили ей руки и стянули запястья кабельными стяжками, которые больно впились в кожу.

Она попыталась пнуть Френка, но лишь ударилась коленкой о стену. Пит присел на корточки и стянул ей лодыжки. Затем Френк развернул ее, поволок через комнату и бросил спиной на кровать.

Ее пульс бешено колотился. Она задыхалась, пыталась ловить ртом воздух, но кляп мешал. Единственная возможность была дышать носом и постараться не потерять сознание.

Френк полез в задний карман джинсов и достал инъекционную иглу с ампулой.

– Тебе это еще нужно?

– Похоже на то? Можешь забыть про флумазенил. – Пит согнулся, и его снова вырвало.

– Как она привела тебя в чувство?

Пит сплюнул и вытер ладонью рот.

– Соленой водой.

Френк сморщился. Он и Пит встали рядом и переглянулись. Этот взгляд, который длился всего несколько секунд, говорил о многом. Словно они ждали этого момента несколько лет – а она, как назло, встала у них на пути. И тут Ханна все поняла: Френка Бруно никогда не интересовало положительное психологическое заключение. И видимо, он был намного умнее, чем о нем думали. Все это оказалось спектаклем, а ее облапошили по полной. Как и всех остальных в этом заведении.

– Готов? – спросил Пит.

Френк кивнул.

Шокированная, Ханна ждала, что будет дальше. Френк и Пит оба стянули с себя толстовки и штаны и остались в одних черных трусах. У Пита на плече и груди были два шрама размером с ноготь, которые походили на пулевые ранения. И у Френка имелись похожие, давно зажившие раны точно на тех же местах. Кроме того, оба мужчины были одного роста и примерно одинаковой комплекции.

Ханна пыталась разорвать за спиной кабельные стяжки, но это было невозможно. Она не могла даже выплюнуть скомканный платок.

Френк подошел к ней и напряг плечевые мышцы.

– Видишь? Я два года тренировался. – Мускулы блестели в полумраке. Свет падал на бицепс, предплечье и татуировку-часы на запястье, пока Френк медленно и с гордостью поворачивал руку.

– Хватит придуриваться и иди сюда! – приказал ему Пит. Он вытащил из сумки Френка ножницы.

Френк сел на стол, и Пит принялся состригать ему волосы. Ханна замороженно смотрела, как Пит, движение за движением, придавал



прическе завхоза невероятное сходство с собственной.

Пока Пит доставал из спортивной сумки два зеркала и сравнивал свой затылок с затылком Френка, Ханна то и дело косилась на металлическую дверь. До нее было всего три метра, которые Ханна со связанными ногами смогла бы преодолеть в пять или шесть прыжков. Возможно, ей даже удалось бы пару раз ударить локтем в дверь, чтобы привлечь чье-нибудь внимание к этой камере. Но шансы были очень малы, потому что Пит все время поглядывал на нее. А если попробовать?

Пит словно догадался, что творится у нее в голове, и угрожающе поднял ножницы.

– Ханна, я всажу тебе ножницы в шейный отдел позвоночника, как только ты сдвинешься с места. Я не хирург и за точность удара не ручаюсь – так что ты или задохнешься, или будешь парализована. Поняла меня?

Ханна застыла на месте. Она кивнула и жадно втягивала воздух ноздрями. Перед глазами замелькали картинки аутопсии, которые она видела в полицейском отчете. Пит убил пять женщин и с ней не будет церемониться.

Пит достал их сумки маленькую пластиковую коробочку и повернулся к Френку.

– Посмотри наверх! – сказал он.

Френк поднял глаза к потолку, и Пит по очереди вставил ему контактные линзы. Френк заморгал. Из уголка глаза скатилась слеза.

– Все равно еще непривычно.

Пит поправил Френку волосы и зачесал одну прядь на лоб.

– Отлично выглядишь, парень! – И по-дружески шлепнул его по щеке.

– Спасибо.

– А теперь самая неприятная часть. Но я тогда выдержал. И ты сможешь. Ты принял обезболивающее?

– Да, как ты велел. – Френк продохнул. – Давай. Я готов. – Он сунул себе в рот носок и положил ладонь тыльной стороной на стол. Пит коленом прижал его руку к столу, зафиксировав положение своим весом.

Ханна заинтригованно наблюдала за сценой. В руке Пит держал пузырек и узкую металлическую кисточку. Ею он нанес жидкость

Френку на подушечки пальцев.

Френк дернулся. Его тело напряглось, так что проявился каждый мускул. Заорал во всю глотку, но его крики заглушал носок во рту.

– Скоро все будет позади, – приободрил Пит.

Закончив, он еще минуту удерживал руку Френка коленом, пока жидкость не высохла. Пахло кислотой, жженой кожей и паленым мясом.

– Все в порядке, дружище? – спросил Пит.

Френк с красным лицом кивнул. Из глаз у него текли слезы.

– Другую руку!

Френк поменял руку, и Пит снова обмазал подушечки пальцев кислотой. Френк опять закричал. Вены вздулись на шее, и он так сильно вырывал руку, что Пит с трудом ее удерживал, хотя навалился на стол всем телом.

– О'кей, готово! Держи руки над головой, чтобы кровь шла не так сильно.

Френк последовал указаниям. Затем Пит вытащил у него изо рта носок. Френк жадно вдохнул воздуха.

– Как сильно жжет! Мы могли бы сделать это и раньше.

– Да, и тогда кто-нибудь непременно заметил.

– Мог бы взять и меньше.

– Ты хочешь, чтобы они заметили разницу?

Чем дольше Ханна на них смотрела, тем хуже ей становилось. Похоже, Френк и Пит давно все запланировали и тщательно готовились к этому дню. К воскресенью с барбекю-вечеринкой и последнему рабочему дню Френка перед отпуском. И именно по этой причине Пит спровоцировал драку с охранниками, чтобы его перевели в этот корпус.

Пока Пит складывал все принадлежности в сумку и собирал состриженные волосы Френка, тот стоял в одних трусах посередине комнаты, подняв руки над головой, и разглядывал Ханну.

– Эй! – Пит щелкнул пальцами. – Ты прибрался в своей квартире, чтобы все выглядело, будто ты...

– Да, прибрался!

– О'кей, тогда осталась только одна вещь. – Пит посмотрел на пах Френка.

– Что? – Френк инстинктивно прикрыл его рукой.

– Я должен раздавить их.  
– Нет! Об этом речь никогда не шла. Пит засмеялся.  
– Успокойся. Я просто пошутил! – Он встал. – Кемпен ни за что не будет это проверять. Старуха боится и глянуть туда, не то чтобы прикоснуться.  
Френк облегченно выдохнул.  
Пит дружески похлопал его по щеке.  
– Все в порядке?  
– Говнюк! – буркнул Френк. И снова уставился на Ханну. – Она перечеркнула нам все планы, – заявил он.  
– Придется импровизировать, – пробормотал Пит.  
– Импровизировать? – переспросил Френк. – Ты должен ее убить.  
– Не сейчас. – Пит посмотрел на Ханну, и ее бросило в холодный пот от его взгляда.

*Пятница, 2 октября*

Доктор Кемпен попросила сотрудников береговой охраны подождать еще полчаса, а затем позвонила в генеральную дирекцию. После разговора она в ужасе взглянула на Сабину. Изначальное высокомерие и надменность полностью исчезли из ее голоса, изменилась и манера держать себя.

– Если вы хотите, можете еще раз поговорить с мужчиной в комнате для допросов. Но я буду вас сопровождать.

– О'кей. Но сначала достаньте мне протокол посещений Пита ван Луна за последние пять лет.

– Хорошо.

Обе женщины вышли из кабинета, и доктор Кемпен заперла матовую стеклянную дверь. После чего они быстро зашагали через больничное отделение в сторону комнаты для допросов. По дороге Кемпен позвонила и резким тоном потребовала протокол посещений Пита ван Луна.

Через несколько минут они добрались до комнаты для допросов. Сабина вошла первой и села, Кемпен последовала за ней и закрыла дверь. В отражении в стекле Сабина видела, что врач стоит за ней со сложенными на груди руками.

Пит ван Лун заулыбался.

– Вижу, вы привели подкрепление.

Сабина ничего на это не ответила. Она вытащила из кармана фотографию Френка Бруно и прижала ее к стеклу.

– Вы знаете этого мужчину?

Пит ван Лун посмотрел на фотографию.

– Это Френк Бруно. Не Франк и не Фрэнк, а Френк через «е». Мать его так назвала. Наверное, хотела отомстить ему таким образом.

Сабина слышала, как доктор Кемпен тяжело дышала за спиной и как у нее вырвалось тихое «Проклятье!».

– Я слышала, Френк Бруно умственно отсталый, – провоцировала Сабина собеседника.

Пит ван Лун выпятил нижнюю губу.

– Даже если и так, он мой друг.

На мгновение мужчина потерял свой голландский акцент, произнося слово «друг». Теперь Сабина была уверена, что перед ней Френк Бруно. Короткий взгляд на доктора Кемпен подтвердил ее подозрение.

В этот момент в дверь постучали. Доктор Кемпен открыла, и какой-то мужчина просунул голову в комнату.

– Протокол, – сказал он и хотел передать доктору Кемпен тонкую папку с несколькими листами, но Сабина повернулась и протянула руку.

– Большое спасибо.

Когда мужчина покинул комнату, Сабина открыла папку и держала так, чтобы Френк Бруно не видел, что там написано. Ранее, уже в роли Пита, Френк сказал, что Снейдер не навещал его два года. Это была правда. До этого на протяжении трех лет Снейдер регулярно приезжал в тюрьму, минимум раз в месяц, но затем визиты резко прекратились.

– Почему Мартен Снейдер вас больше не посещает? – поинтересовалась Сабина.

– Это вы у него спросите.

– Что ему от вас было нужно?

– Может, это мне было что-то нужно от него.

– Как долго длились ваши беседы?

– Кто сказал, что мы с ним вообще разговаривали?

Это было бессмысленно. Сабина говорила не с тем человеком. Откуда Френку это знать? Она пробежала глазами остальные записи. Снейдер был не единственным, кто посещал Пита ван Луна. Другие визиты тоже повторялись регулярно и резко прекратились два года назад. Фамилии в документах были вымараны – но по длине записи Сабина поняла, что это должен был быть один и тот же человек.

Сабина подняла глаза от документа.

– Кто еще посещал вас кроме Снейдера?

– Сами посмотрите в списке, – ответил Френк.

«Хитрый хмырь!»

Сабина провела пальцем по вымаранным фамилиям. В двух местах фломастер замазал не все. Первая буква имени напоминала Д, а в другом месте первая буква фамилии походила на Х. Инициалы Д. Х. В голову ей сразу же пришел Дитрих Хесс.

– Дитрих Хесс у вас тоже был? – спросила Сабина.

– Кто это?

Сабина захлопнула папку.

– Как серийному убийце, за которым БКА гонялось на протяжении многих месяцев, вам следовало бы знать это имя.

Френк вызывающе посмотрел на нее.

Сабине начинали надоедать эти игры. К тому же она теряла драгоценное время. Факт оставался фактом: Пит ван Лун сбежал и с высокой вероятностью нес ответственность за недавние убийства. Но, похоже, Пит убивал только тех людей, которые были ненавистны Снейдеру. Однако Сабина все равно считала, что Пит хотел отомстить Снейдеру. Но – и это было решающим – что связывало обоих? На этот вопрос ей мог ответить только Снейдер или Пит ван Лун. Настоящий Пит ван Лун.

– Френк, – наконец сказала Сабина. – Полагаю, вы знаете, что вас обвинят в соучастии, если вы помогли Питу ван Луну бежать.

Френк понизил голос, но голландский акцент сохранил.

– Я и так все время в этом здании. А с какой стороны решетки – разве есть разница?

– Что Пит пообещал вам за то, что вы позволите избить себя?

– Я преклоняюсь перед ним.

– Чушь собачья! – вырвалось у Сабины. – Что он вам пообещал?

– Дом.

– Дом? И вы ему поверили?

– Дом в Голландии. Я там уже был.

– Послушайте меня внимательно! Мы поймем Пита, и он лишится имущества, а вы не увидите даже черепицу от этого дома.

– Но он мне обещал.

«Парень совсем больной на голову!»

– О'кей, с меня хватит. – Сабина поднялась, повернулась и дала доктору Кемпен понять, что допрос окончен.

Кемпен открыла дверь, и обе женщины вышли из комнаты.

Как только дверь захлопнулась, доктор тут же заявила:

– Не очень умно с вашей стороны рассказать Френку, что вы заметили подмену.

– Это уже не играет никакой роли. Пит ван Лун должен был рассчитывать на то, что обман откроется, как только кто-нибудь приедет, чтобы допросить его по актуальным убийствам. Вероятно, он даже ожидал, что Мартен Снейдер заявится лично – а тот обнаружил бы подмену быстрее меня.

– Как мы теперь будем действовать?

«Мы»? Когда стало ясно, что Кемпен оплошала, они вдруг стали командой.

– Френк знает, что мы в курсе. Он сидит в тюрьме, а Пит ван Лун предположительно с вечера воскресенья или утра понедельника – то есть уже пять дней – на свободе, – резюмировала Сабина. – Френк попытается связаться с Питом, чтобы предупредить его. Мы должны следить за ним. Выясните, как они контактируют друг с другом и где скрывается Пит.

– Хорошо.

– У Пита есть семья?

– Мать воспитывала его одна.

– Братья или сестры?

– Нет. – Кемпен схватилась за виски. Очевидно, что она была в стрессе.

По этой причине Сабина произнесла следующую фразу подчеркнуто медленно:

– Полиция должна быстро объявить Пита в розыск. В это время я позабочусь о том, чтобы вы получили поддержку от БКА в Висбадене. Они пришлют специалиста по допросам, который займется Френком Бруно. Мы должны выяснить, что он знает. И с ним точно церемониться не будут.

Кемпен кивнула.

Сабина открыла протокол посещений и указала на вымаранную фамилию.

– Кто посещал Пита ван Луна кроме Снейдера?

Кемпен виновато посмотрела на Сабину.

– Я не имею права говорить вам это.

Сабина захлопнула папку.

– Вы издеваетесь надо мной?

– Мне очень жаль.

– Послушайте, – снова попыталась Сабина, на этот раз дружелюбнее. – Д. Х. означает Дитрих Хесс? Мне вы можете сказать. Он мой начальник.

– Мне очень жаль. То, что имя вымарано, имеет свои причины, и я обязана соблюдать правила.

«В голове не укладывается!» Сабина пожала плечами.

– Если вы считаете, что это умный поступок...

– Это не умно, но по-другому нельзя. Указание исходит от БКА. Высшего органа.

Сабина кивнула. Она поняла.

– О'кей, мне нужно идти.

Кемпен протянула Сабине руку.

– Спасибо за вашу помощь. Перед входом стоит машина, которая отвезет вас на пристань. Удачи. – Кемпен развернулась и уже на ходу вытащила телефон.

*«Указание сверху!»*

Сабина проводила ее взглядом. Больше всего ей хотелось вернуться в комнату для допросов, вытащить Френка за волосы и выбить из него правду. Она вспомнила его опухшее лицо в синяках и ссадинах. Если подумать, на что он пошел ради этого обмана, то не стоит надеяться на чистосердечное признание, скорее он будет тайно наслаждаться своим триумфом. Каждую минуту, пока она блуждает в потемках.

Сабина уже направилась к лестнице, но охранник указал на дверь комнаты для допросов.

– Заключенный хочет еще раз с вами поговорить.



*Воскресенье, 27 сентября*

– Ты должен ее убить, – повторил Френк. – Иначе она...

– Я придумал кое-что другое. – Пит схватил Ханну за руку и притянул к себе.

Она ощущала дыхание Пита и запах пота и рвоты.

– Она еще не все узнала. – Он посмотрел на Ханну. – А ты ведь хочешь?

Она помотала головой. От паники у нее перехватило дыхание.

– Уже нет? Слишком поздно, потому что ты вторглась в наш маленький мир.

– Ты должен избавиться от нее! – настаивал Френк.

– Покажи!

Френк опустил руки, и Пит взглянул на подушечки его пальцев.

– Выглядит хорошо. Еще два-три дня будет жечь и чесаться. Тереть нельзя.

– Да, ты уже сто раз сказал.

Пит взял носовой платок и промокнул подушечки пальцев Френка. Он вздрогнул, но вытерпел процедуру.

Пит сделал глубокий вдох.

– Ты готов?

Френк стиснул зубы и кивнул. Пит, все еще в одних трусах, ногой отодвинул лежавшую на полу одежду в сторону.

– О'кей, давай доведем это до конца. Я сделаю все быстро. Закрой глаза, чтобы линзы не сместились.

– Хорошо. – Френк закрыл глаза.

– Я считаю до трех, о'кей?

– О'кей!

– Один... – Пит размахнулся и ударил Френка в лицо. Френк качнулся назад. Инстинктивно вскинул руки, но Пит уже нанес ему следующие три удара по носу, губам и щекам. Он схватил Френка за

волосы и несколько раз ударил лицом о стену. Из горла Френка вырывался лишь глухой стон.

Ханна отвела взгляд. Теперь она лишь слышала удары, пинки и сдавленные стоны Френка. Он мужественно молчал и терпел эти пытки.

Когда тяжелое дыхание и удары наконец-то затихли, Ханна с колотящимся сердцем подняла глаза. Френк сидел, скорчившись, в углу и скулил. Его лицо начинало опухать и превращаться в бесформенную массу.

Пит вытащил из спортивной сумки кисточку, вату и бутылку с бесцветной жидкостью. В следующий момент Ханна почувствовала запах дезинфицирующего средства. Пит обработал Френку раны и вытер кровь.

– Козел, не обязательно было так сильно бить, – выдавил Френк с разбитой губой. – По-моему, у меня зуб качается.

Пит улыбнулся.

– Поверь мне, ты отлично выглядишь. – Он пересек камеру и натянул штаны Френка. Потом вытащил из спортивной сумки полотенце и вытер соленую воду с рвотной массой под металлической койкой.

Проходя мимо Ханны, он нежно погладил ее по щеке.

– Настоящая мужская дружба, – прошептал он. – Этому тебя в университете не научили.

Он снова подошел к Френку, протянул ему руку и помог встать. Френк прислонился к стене. Ханна увидела ушибы на ребрах, раны на животе и ляжках. Через несколько часов они превратятся в синяки и будут один в один походить на травмы Пита.

– Скоро все будет позади. – Пит помог Френку надеть одежду заключенного.

Стиснув зубы, Френк поднял руки и натянул бордовую толстовку, носки и серые штаны. Затем похромал к койке.

– Прочь!

Ханна посторонилась.

Пит помог Френку забраться на койку. Тот, кряхтя, вытянулся на ней. Пит пристегнул его руки и ноги кожаными ремнями. Затем надел рубашку Френка.

– Хочешь снотворное?

– Мне не удалось его раздобыть, – простонал Френк.

– Ты и так справишься. Через пару часов придет медсестра, чтобы дать еще дозу. – Пит погладил его по лбу. – Самое позднее через пять дней они будут здесь. Тогда тебя освободят и пропишут терапию.

– Я тебя обожаю.

– Я тебя тоже.

– Но, прежде чем они придут, мы должны сделать еще кое-что. – Пит ван Лун взялся за ножницы, которые лежали на столе.

*Пятница, 2 октября*

Охранник указал на дверь.

– Пит ван Лун хотел бы еще раз с вами переговорить, – повторил он.

«Ван Лун», – цинично подумала Сабина. Вздохнув, открыла дверь и вошла в комнату. Френк Бруно сидел со скрещенными на груди руками.

– Френк, вы хотели поговорить со мной, – с ходу сказала она.

– Да, вы хотели знать, что означают цифры. – Он уже избавился от голландского акцента и говорил на немецком диалекте. На этот раз, видимо, своим настоящим голосом.

– Да, я хочу знать.

– Пит два года отработывал со мной диалоги и акцент. У меня хорошо получилось?

– Да, – призналась она. – Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять это.

– Что меня выдало? – спросил он.

– Что означают цифры? – спросила она в ответ.

– Я не знаю. – Он пожал плечами. – Но Пит сказал, что кто-нибудь придет поговорить об этом. Он велел, чтобы я кое-что передал этому человеку на прощание.

Она подошла ближе.

– Что именно?

Френк медленно раскрыл скрещенные руки, и Сабина инстинктивно сделала шаг назад. Мысленно она представила, как Френк вытаскивает оружие, целится в нее и стреляет через стекло, но ничего такого не произошло. Как бы Френк с Питом ни провернули эту подмену и побег – пронести оружие в тюрьму ему бы не удалось.

Сабина внимательно следила, как Френк делает шаг вперед, поднимает руку. Затем он раскрыл кулак, растопырил пальцы и прижал ладонь к стеклу.

Сабина уставилась на его руку. Как она и предполагала, папиллярные линии на подушечках были удалены недавно, и кожа заживала. Но Френк хотел показать ей не это.

Она посмотрела на его ладонь. Острым предметом на коже была сделана глубокая резаная рана. Это была цифра.

Единица.

*Воскресенье, 27 сентября*

Пит сунул окровавленные ножницы в карман брюк, закинул на плечо спортивную сумку, взял чайную чашку и направился к двери камеры. Там отлепил жвачку от глазка, положил себе в рот, приоткрыл дверь и прислушался.

– Похоже, все смотались, – прошептал он и приблизился к уху Ханна. – Я сейчас разрежу тебе стяжки на ногах. И ты медленно пойдешь впереди меня. Но не забывай, что у меня ножницы. Так что никаких глупостей!

Он наклонился и разрезал стяжки. Потом подтолкнул ее в коридор. Оказавшись снаружи, запер камеру ключом, который принесла Ханна, на два оборота. Металл снова заскрипел. Ханна огляделась и впервые захотела, чтобы в проходе появилась доктор Кемпен, Морена или директор Холландер, но этого не произошло.

С носовым платком во рту и связанными за спиной руками, она шла, подталкиваемая вперед Питом. Перед дверью доктора Кемпен он остановился и нажал на ручку.

– Ты открыла дверь, – прошептал он. – Отмычкой?

Ханна никак не отреагировала, а смотрела в конец коридора в надежде увидеть тень медсестры. Но там никого не было. Если доктор Кемпен завтра утром заметит, что дверь ее кабинета открыта, она тут же поднимет тревогу, и у Пита не будет шансов сбежать с острова. Ее немного утешала мысль, что, несмотря на многолетнюю подготовку, Питу не удастся далеко с ней уйти.

Она видела, как Пит несколько раз посмотрел по сторонам.

– Те...бе... не... выы...браа... отс...уаа, – промычала она. Пит прижал ее спиной к стене и вытащил кляп изо рта. Ханна сделала жадный вдох, потом сглотнула.

– Тебе отсюда не выбраться, – тяжело дыша, сказала она. – В здании повсюду камеры.

Он снова запихнул ей платок в рот, еще глубже, чем Френк до этого.

– Кто сказал, что мы пойдем через здание?

*Пятница, 2 октября*

Снейдер приземлился в аэропорту Вены «Швехат» под вечер. С пятнадцатиминутным опозданием и дикими болями в спине. И даже три стакана «Кровавой Мэри» не помогли.

Комиссар полиции Хаузер из венского БКА встретил его в зале прилетов – и Снейдер испытал дежавю, потому что знал его по другому делу. Хаузер был пятидесятипятилетний следователь, обычно пребывающий в плохом настроении, который работал по инструкции и жил мечтой о скорой пенсии.

– Добрый день, Снейдер, – сказал Хаузер. – Каждый раз, когда вы приезжаете в Вену, у меня начинает болеть живот, потому что с вами мы находим один труп за другим.

– Дело в Вене, не во мне, – кратко парировал Снейдер. – У вас в квартире все еще живут эти мерзкие гекконы? Как их там звали? Том и Джерри?

– Да, спасибо, у них все хорошо. – Хаузер внимательно к нему присмотрелся. – А вот вы выглядите паршиво.

– Мало спал. Я уже побывал на месте убийства в Берне и Регенсбурге.

Хаузер удивленно взглянул на него. Очевидно, что он рассчитывал на циничный комментарий, но в настоящий момент Снейдер был слишком уставшим. Однако Хаузеру лучше поостеречься и больше не провоцировать его.

– Ваши убийства как-то связаны с нашим? – спросил Хаузер.

– Пока не могу сказать. Куда мы едем?

Хаузер направился сквозь толпу людей к выходу, возле которого стояла его машина – одним колесом на бордюре и с табличкой венской уголовной полиции на ветровом стекле.

– На виллу на юге Вены. Трое убитых. Родители и их тринадцатилетний сын.

– Когда были обнаружены трупы?



– Сегодня утром.  
– Как зовут семью?  
– Кесслер, Эрих Кесслер.  
– Граф Эрих фон Кесслер? – удивленно спросил Снейдер.  
– Да, но титула графа по закону уже не существует. – Хаузер открыл багажник своей машины. – Вы его знали?  
– Не лично. Не поможете?  
Хаузер поднял чемодан Снейдера в багажник.  
– Что значит – не лично?  
– Однажды я имел дело с его семьей, – сказал Снейдер. «Пять лет назад».

Через сорок пять минут они въехали на Химмельсторштрассе, которая оказалась аллеей с древними раскидистыми каштанами. Там, между четырехэтажными домами, стояла вилла Эриха фон Кесслера. Настоящий дворец.

Снейдер вышел из машины, пинком отправил треснувший каштан через дорогу и посмотрел вверх старой, поросшей плющом стены, которая огораживала земельный участок, на трехэтажную виллу.

Медленно направился к кованым садовым воротам. Под козырьком стояла старая газонокосилка с блестящим влажным корпусом. В Вене недавно прошел дождь? Во всяком случае, воздух был морозным, и все указывало на то, что скоро станет еще холоднее.

– Может, войдем? – спросил Хаузер.

– Идите вперед. – Снейдер взглянул на почтовый ящик. «Граф Эрих фон Кесслер» было написано старомодным шрифтом на почерневшей металлической табличке. «Значит, вот где ты жил, Эрих».

Кесслеру было чуть больше шестидесяти. Потеряв в автомобильной аварии первую жену, он женился на женщине на десять лет моложе себя. В первом браке детей не было, а со второй женой у него родилась дочь, а через несколько лет еще и поздний ребенок – сын. Привлекательный харизматичный экс-менеджер за свою карьеру был членом правлений и наблюдательных советов почти десятка концернов. Богатство и ухоженность были его фирменными знаками. Поэтому у Кесслера не возникло бы проблем найти женщину и помоложе, но его жена и семья стояли для него на первом месте. Сыну исполнилось тринадцать, как Снейдер только что узнал, а дочери

Кесслера было бы сейчас... – Снейдер подсчитал – двадцать шесть лет. Она-то и являлась причиной, почему Снейдер так много знал о Кесслере: она была убита в своей квартире. В Кёльне, где жила и работала стюардессой. Снейдер подумал о трупe в спальне и оторванных календарных листках в мусорном ведре.

Это было четырнадцатого июля, чуть более пяти лет назад. Снейдер вспомнил ее красивое лицо. Молодую женщину ударили ножом, а потом забили молотком насмерть. В конце Пит ван Лун вырезал у нее на груди букву D.

После того как Пита ван Луна схватили в Берне, Эрих фон Кесслер поставил перед собой задачу уничтожить Пита. Денег у него было достаточно. Теперь бизнесмен тоже мертв, как и его жена и сын. Снейдер никогда не встречался с ними лично. За пять лет с лица земли была стерта целая семья. Чему это учит? Месть может превратиться в опасный бумеранг. Если это убийство связано с Питом ван Луном. Но Снейдер был почти уверен в этом.

Он прошел через сад и вошел в дом. К запахам старых персидских ковров, благородной древесины и толстых обоев примешивался запах смерти. По шуму, который производили полицейские, Снейдер понял, что трупы находятся на верхнем этаже – вероятно, в спальне.

Он взял со стола латексные перчатки и бахилы и поднялся по лестнице на второй этаж. Ступени скрипели. Как и паркет на втором этаже. На полу в темном высоком коридоре лежала дорожка, по обе стороны располагались двери.

На комодах стояли фоторамки, фарфоровые вазы, керамические фигуры и роскошные часы. С каждым шагом вглубь коридора запах разложения усиливался.

Снейдер заглядывал в каждую комнату. Занавески были задернуты, и тусклый свет падал на мягкую мебель и абажуры ламп. Значит, убийство произошло ночью. В конце коридора, где в дальней комнате работали криминалисты, видимо, располагалась спальня.

Снейдер вошел в комнату. Трупы действительно находились здесь, но он ошибся: это была не спальня, а салон. Пока осматривался, услышал, как двое криминалистов тихо разговаривали между собой.

– Никогда бы не подумал, что такое возможно.

– У зонтов наверняка металлические наконечники. Он еще и заточил их заранее.

– Возможно, но тогда он принес их с собой.

– Представь только, с какой силой...

Снейдер сделал глубокий вдох и выдох.

– Не могли бы вы ненадолго оставить меня одного? – попросил он венских коллег и сам удивился своей дружелюбности.

Криминалисты подняли на него глаза, но не сдвинулись с места. Хаузер тоже стоял в комнате.

– О'кей, вы слышали. – Он хлопнул в ладоши. – Короткий перерыв.

Мужчины и женщины из криминалистической службы покинули комнату. Хаузер вышел последним. Проходя мимо Снейдера, он понизил голос:

– У вас пятнадцать минут – и ни к чему не прикасайтесь.

«Отвали уже, – подумал Снейдер. – Я умею и по-другому».

Он опустился на колени и вытащил из розетки удлинитель, к которому были подключены лампы на штативах. В комнате тут же стало темно, потому что и здесь плотные шторы на обоих окнах были задернуты. Снейдер закрыл дверь, включил торшер, оглядел салон и попытался не замечать многочисленных чемоданчиков криминалистов.

На противоположной стене комнаты находился камин. Зола холодная. На каминной мраморной полке стояли маленькие разноцветные статуэтки из фарфора. Фигурки шмелей. Над камином висела мрачная картина Эдварда Мунка, по сравнению с которой «Крик» был детским садом. Изображение соответствовало атмосфере в этой комнате. В углу стоял концертный рояль. В ушах у Снейдера зазвучала фортепианная соната. Рядом с роялем висела клетка. Крики попугая и шум хлопающих крыльев наполняли комнату. Но только в фантазии Снейдера, потому что птица с синими и красными перьями неподвижно лежала на полу клетки.

В центре с потолка свисала мощная люстра, под ней полукругом стояли три диванчика с обивкой насыщенного винного цвета. На них убийца расположил трупы. По одному на каждом диване. Как будто они спят. Почти умиротворенно, если бы не зонты. Такого Снейдер еще никогда не видел.

Завороженный, он подошел ближе.

На сыне была пижама, на молодой жене Кесслера черное неглиже, а на самом Кесслере халат и домашние тапочки. Руки убитых были

вытянуты вдоль тела. Головы сильно запрокинуты назад, так что открытые глаза смотрели в потолок. Рты тоже были широко раскрыты – и из горла у каждого торчала ручка и верхняя часть зонта.

Убийца воткнул каждому в глотку зонт, протолкнув острием в пищевод до самого желудка. Это выглядело сюрреалистично.

Снейдер приподнял пижамную куртку мальчика. Мышечное напряжение уже спало. Ткани были мягкими, и под кожей отчетливо прощупывался посторонний предмет. Было видно внутреннее кровотечение в районе живота. Значит, мальчик был жив, когда убийца проталкивал ему в пищевод зонт. Глубокие разрезы на груди однозначно выглядели как цифра одиннадцать. Однако Снейдер не нашел никаких царапин, ссадин, сломанных ногтей или других признаков борьбы. Но мальчик же не добровольно позволил воткнуть себе в глотку зонт?

Снейдер оглядел труп. Из сонной артерии торчала игла. На шее Эриха фон Кесслера и его жены он обнаружил точку, как от укола. Очевидно, все трое были сначала парализованы какой-то инъекцией. Ссадины в уголках губ говорили о том, что членам семьи сначала заткнули рот кляпом.

Снейдер закрыл глаза.

«Наверное, ты наблюдал за виллой после наступления темноты, возможно, даже забрался в дом и ждал, пока они заснут. Затем неожиданно напал на них в спальнях, парализовал быстродействующим веществом, на всякий случай вставил в рот кляп и перетащил в салон. Потом вытащил кляп и каждому – еще живому и в полном сознании – воткнул в желудок зонт.

Респект!»

Снейдер попытался представить себе боль, которую испытывали эти трое. Должно быть, они ужасно кричали – по крайней мере, пытались с разодранными голосовыми связками, – пока не истекли кровью от внутренних повреждений. И да – криминалисты были правы, – это преступление требовало невероятной силы и еще большей ненависти.

Снейдер только сейчас заметил, что инстинктивно вытащил из кармана пиджака косячок и задумчиво вертел его в пальцах.

«Я не знаю, как ты это устроил, но это ты, Пит! Я уверен. Это твоя месть?»

– Здесь запрещено курить!

Снейдер медленно обернулся. Хаузер открыл дверь и заглядывал из коридора в комнату.

– Вы видите меня курящим? – спросил Снейдер.

– Я просто хотел предупредить.

Снейдер глубоко вздохнул, но ничего больше не сказал. Он спрятал сигарету в карман пиджака.

– Мне нужно взглянуть на другие трупы.

– Из-за разрезов?

– Да.

Хаузер подошел к телу Кесслера и распахнул халат. Тем временем Снейдер сдвинул вверх ночную рубашку его жены. У нее на груди была цифра четырнадцать.

– Как выглядит рана Кесслера? – спросил Снейдер.

– Похожа на пятнадцать.

– Пятнадцать? – Снейдер рассмотрел рану. «Действительно». – В доме есть четвертая жертва?

Хаузер помотал головой.

– Попугай был тоже убит?

– Да, задушен. Вероятно, его крики действовали убийце на нервы.

«Вероятно».

– Его тело изрезано?

Хаузер помотал головой и спросил:

– Почему?

– Потому что не хватает цифры тринадцать.

– Угу. – Больше Хаузер ничего не сказал.

«Почему же нет цифры тринадцать?»

– У нас есть свидетели? – спросил Снейдер.

– Девятилетний мальчик из соседнего дома. Коллеги, которые опрашивали соседей, считают, что он должен был что-то видеть. Но он так напуган, что не разговаривает.

– С ним работает психотерапевт?

– Кто? Нет.

– Нет? – воскликнул Снейдер. «О боже!» – Я... – начал он, но его перебил звонок мобильного телефона.

В тот же момент в салон вошли коллеги Хаузера из криминалистической службы.

Снейдер вышел из комнаты, прислонился к подоконнику в конце коридора и хриплым голосом ответил на звонок:

– Снейдер.

Это был Тимбольдт, с которым он провел прошлую ночь на берегу озера Хельхорн у сожженного вместе с пнем трупа.

– У нас есть новости, – устало сказал Тимбольдт.

– Надеюсь, хорошие, – вздохнул Снейдер. – Выкладывай.

– Мы смогли идентифицировать труп в лесу. Это пятидесятитрехлетний мужчина. Голландец. Родом из Гааги. Его зовут Аре Петерс.

Снейдера бросило в холодный пот.

– Пеетерс, – исправил он произношение коллеги.

– Да, возможно.

«Что, черт возьми, происходит?»

– Ты можешь выяснить, кто арендовал автокемпер? – спросил Снейдер, хотя и так уже знал ответ.

– Да, Пеетерс сам и арендовал его. Мы выяснили, что раз в год он проводил отпуск в Баварии. Всегда осенью и всегда на одном и том же озере. Рыбачил, купался и тому подобное. В общем, занимался физической и душевной закалкой. Похоже, заядлый любитель природы. Он был солдатом и в последнее время работал инструктором в голландской армии.

– Я знаю, – перебил его Снейдер.

– Ты был с ним знаком?

– Не важно, спасибо. – Снейдер положил трубку. Он обернулся и посмотрел в окно на улицу. Еще одна жертва, которую он знал. Пеетерс был крепким парнем, и убийце наверняка пришлось с ним нелегко.

Но кое-что не совпадало. До сих пор Снейдер исходил из того, что автокемпер принадлежал убийце. Если его арендовал Пеетерс, значит, преступник специально оставил там отрубленные ноги судебного психолога, которая была убита в Хагене.

«Но зачем, черт возьми?» Чтобы запутать их? Чтобы поиграть с ними?

Он оторвал взгляд от улицы, сунул телефон в карман и направился к лестнице. Кто-то из полицейских уже включил свет в коридоре. Снейдер снова прошел мимо комода с фоторамками и часами. И там, между вазой и керамическими фигурками, незаметно лежала туба с горючей пастой. Снейдер схватил ее.

– Проклятый выродок!

– Все в порядке?

Снейдер обернулся. Хаузер стоял в дверях и смотрел на него.

– Да, – пробормотал Снейдер. Эти подсказки были такими очевидными, словно убийца хотел, чтобы даже идиот заметил взаимосвязь между убийствами. «Почему ты с нами играешь?»

– Вы только что сказали... выродок? – спросил Хаузер.

– Просто мысли вслух. – Снейдер положил зажигательную смесь обратно на комод и снял латексную перчатку. – Снимите отпечатки пальцев с этой тубы, – сказал он, хотя был уверен, что они ничего не найдут. Просто потому, что никаких отпечатков не было. – И отправьте результаты как можно скорее мне в офис. – Он пошел к лестнице.

– Куда вы идете? – крикнул ему вслед Хаузер.

– В соседний дом, – ответил Снейдер. – Я опрошу мальчика.

– Он не разговаривает.

– Но это пока.

*Воскресенье, 27 сентября*

Пит ван Лун открыл дверь в кабинет доктора Кемпен и впихнул Ханну внутрь. Затем быстро закрыл за собой дверь. Пока Ханна стояла у шкафа с папками, он обыскивал ящики Кемпен. Наконец нашел связку ключей и запер дверь изнутри.

«Запасной ключ! Черт!»

Кемпен не заметит, что кто-то был в ее кабинете и не поднимет тревогу.

Пит все еще держал в руке чайную чашку.

– Где она стояла?

Ханна подумала, потом кивнула на неправильное место рядом с монитором.

Пит внимательно посмотрел на нее, затем принялся рассматривать столешницу в свете, падавшем из коридора через стеклянную дверь.

– Неплохая попытка. – Он провел пальцем по поверхности стола. – Но край чашки оставил здесь отпечаток. – Он поставил чашку рядом с компьютерной мышкой. – Не пытайся быть умнее меня.

Затем открыл единственное во всем здании окно без решеток и уставился в темноту. Снаружи бушевал шторм. Капли дождя барабанили по металлическому подоконнику.

Он подтолкнул Ханну к окну.

– Сначала ты!

Она начала сопротивляться, но Пит схватил ее за предплечье.

– Мы оба сейчас спрыгнем вниз.

– Нмм... – замычала она через кляп.

– Да! И не надейся, что Кемпен заметит приоткрытое окно. Каждый понедельник в семь часов утра приходит уборщица и прибирает в комнате. Она решит, что это Кемпен забыла про окно, и закроет его. А когда позже в кабинет войдет сама Кемпен, то уже ничего не заметит.

– Ни...го... не... вы...дет!



– Все получится. А теперь давай! – Он подтолкнул ее к окну.

Волна холода охватила Ханну. Она в панике замотала головой. Вспомнила ночной кошмар, как она срывается из окна своей квартиры и падает на скалы. Она ни за что не будет прыгать на три метра вниз в темноту.

– У тебя есть два варианта, – прошипел Пит. – Или ты умрешь сейчас, и я утоплю твой труп в море – или останешься в живых, но тогда ты должна пойти со мной. Тебе решать!

Она села на подоконник, и Пит перекинул ее ноги за окно. Ветер заставлял ее дрожать и ежиться.

– Это всего три метра. Внизу узкая гравийная дорожка, которая ведет вокруг здания. Рядом скалистый обрыв. Так что сгруппируйся и откатись в сторону, когда достигнешь земли.

– Н... – замычала Ханна, но Пит вытолкнул ее из окна.

Как и в ночном кошмаре, полет показался ей бесконечно долгим – словно время остановилось. Она думала об отеле своего отца, учебе на психолога, младшей сестре Эмме и предостережении родителей – не менять фамилию, ни в коем случае не подавать заявление на работу в этой тюрьме и не встречаться с Питом ван Луном. Ей следовало оставить прошлое в покое и постараться справиться со смертью Сары иным способом. Как это сделал отец, который с головой ушел в работу, или мать, которая на общественных началах стала заботиться о детях-сиротах, или Эмма, которая интересовалась искусством и изображала свои кошмары в сюрреалистических картинах. Каждый нашел свой путь – но ее был самым тяжелым. Она хотела понять зло, осознать его причины, и для этого ей нужно было попасть в логово львов.

Ее мысли резко оборвались, когда она ногами больно ударилась о землю, а ее ботинки зарылись в гравий. От удара все ее тело сжалось, из легких выбило воздух. О том, чтобы сгруппироваться и куда-то откатиться, не могло быть и речи, тем более что руки у нее были связаны.

Ханна почувствовала, что подвернула ногу, а потом опрокинулась и больно ударилась грудью и головой о камни. У нее был сильный ушиб плеча, со лба текла кровь, а ребра казались переломанными. Ханна лежала на земле безжизненным мешком. Ветер трепал ее волосы, и она жадно втягивала ноздрями воздух. «Этот чертов кляп!»

Состояние, когда ты не можешь вытащить изо рта носовой платок и вдохнуть воздух, становилось невыносимым.

В следующий момент рядом с ее головой на камни шлепнулась спортивная сумка. Ханна услышала над собой шум. Пит сидел на подоконнике. Он прикрыл окно, насколько это было возможно снаружи, и спрыгнул в темноту. Жестко приземлился рядом с ней, откатился в сторону и в следующий момент уже вскочил на ноги. Его лицо было перекошено от боли – вероятно, из-за многочисленных ушибов в результате побоев.

– Я же сказал, сгруппироваться, дура! – прохрипел он. «С завязанными на спине руками, придурок?»

Он потянул ее за предплечье вверх. Из-за резкой боли в лодыжке нога подворачивалась.

Пит повесил на плечо спортивную сумку.

– Вперед! – торопил он Ханну и толкал перед собой по узкой гравийной дорожке.

Она спотыкалась в темноте и ориентировалась по кирпичной стене, которую задевала рукавом дождевика.

После тяжелого и болезненного десятиминутного марш-броска они добрались до угла здания тюрьмы. Направо был главный вход, налево липовая аллея вела к корпусу для сотрудников.

Время от времени луна пробивалась сквозь облака и освещала площадку перед ними.

Не дав Ханне передохнуть, Пит толкнул ее в тень деревьев в направлении флигеля. Ханна насчитала только три окна, в которых горел свет. Другие сотрудники спали или гуляли на вечеринке у маяка.

Когда они добрались до корпуса для сотрудников, Пит прижал ее щекой к стене рядом с входной дверью. Обеими руками обыскал ее карманы, пока не нашел магнитную карточку, и открыл дверь.

На карте стоял номер ее комнаты. Пит втолкнул Ханну в здание и повел перед собой по лестнице на второй этаж.

«Какого черта тебе нужно в моей комнате?»

На мгновение ее посетила жуткая мысль, что он хочет инсценировать ее самоубийство. Будто она выпрыгнула из окна. Как это было с Иреной Эллинг. Или повесилась на поясе на ручке шкафа. Возможностей было много. А ввиду ее увольнения ему даже не обязательно писать прощальное письмо.

Она попыталась закричать и стала вырываться, но Пит схватил ее за затылок и втолкнул в квартиру. Со всей силы бросил на кровать, надавил коленом на грудь и приставил ножницы к горлу.

– Закрой рот наконец! И чтобы больше ни одного движения!

Медленно слез с нее. В ужасе она наблюдала, как он ходил по комнате и запихивал вещи в ее чемодан. Он открывал все ящики и выгребал все, что принадлежало ей. Наткнувшись на копию своей медицинской карты и пожелтевшие документы Ирены Эллинг, он замер на мгновение.

С любопытством развернул листы и принялся читать. В конце поднял одну бровь.

– Интересно. Красивая сумма. – Он тихо присвистнул. – Ты раскопала опасные вещи. – Он поднял взгляд, посмотрел на нее и понизил голос: – Знаешь, что это означает? Кто-то получил эти деньги, чтобы меня кастрировать. И знаешь, кто это?

Она кивнула.

– Тот, кто вытолкнул Эллинг в окно. Лично мне старушенция нравилась.

Неожиданно у нее появилась новая надежда.

– Мы-ы можем-м... – выдавила она с кляпом во рту.

– Замолчи. Ничего мы не можем. А ты и подавно, потому что у меня на тебя совсем другие планы.

– Но я... могу... те...е помочь...

– Я знаю, кто за этим стоит. Не волнуйся, я им займусь. Им и его семьей. – Пит сложил бумаги и сунул в задний карман брюк. Затем обыскал другие ящики и сложил оставшиеся вещи в ее чемодан.

Неожиданно он замер.

– Смотри-ка, отмычка. – Он вытащил инструмент и повертел между пальцев. – Должен сказать, ты хорошо подготовилась к своему пребыванию в «Штайнфельзе».

Ханна ничего не ответила, только смотрела, как он спрятал отмычку в карман штанов. Затем она слышала, как в ванной комнате он запихнул ее косметические средства в пакет и убрал все в чемодан. В итоге квартира выглядела, как в тот день, когда она впервые переступила порог.

На столе остались только служебный сотовый, ноутбук, удостоверение и ее магнитная карта.

– Ханна, мне очень жаль, что тебя уволили, – но теперь у тебя начинается новый этап жизни... и новый опыт. – Он улыбнулся.

Ханну снова охватила паника, когда она осознала последствия его действий. Холландер уволил ее, и завтра утром все будет выглядеть так, как будто она пешком отправилась на станцию и покинула остров на поезде.

«Меня никто не станет искать!»

И пока Френк будет справляться с ролью Пита ван Луна, никто на Остхеверзанде не заметит ничего странного. Потому что официально Френк с завтрашнего утра в отпуске – у своей фиктивной сестры в Крефельде.

– Ты какая-то бледная, – заметил Пит.

Ханна со страхом посмотрела на него.

– Поднимайся, мы выписываемся!

Вечеринка с освещенным шатром, из которого доносилась музыка и голоса, осталась позади, а они уходили все дальше. По дороге к железнодорожной станции им никто не встретился.

В ресторанчике давно не горел свет. И на станции тоже было темно.

Пит столкнул ее с перрона на рельсы, и теперь Ханна шла по шпалам впереди него. По ощущениям, уже целый час.

Лодыжка ее сильно опухла. Несмотря на дождевик, она промокла насквозь. Волосы липли к лицу, ветер трепал ее одежду. Машинально переставляя ноги, она то и дело спотыкалась о шпалы. Нога подворачивалась. Стиснув зубы, Ханна отважно шагала вперед. Со связанными за спиной руками, вцепившись в ручку чемодана, который с трудом тащила за собой. Пластмассовые колесики со стуком прыгали по щебню и иногда застревали на шпалах – но Пит даже не думал ей помогать.

С монотонной размеренностью луч маяка над их головой освещал море. Пит все время шел рядом с ней и толкал в спину, как только она замедлялась.

Ханна пыталась вспомнить, насколько далеко остров находился от материка. Четыре или пять километров? При таком темпе они доберутся до берега за полночь. А что потом?

Что Пит собирался с ней сделать?

У него было полно времени, потому что никто не хватится ее в ближайшие дни. Все это входило в коварный план Пита, который ему пришлось изменить в последние часы.

По обеим сторонам дамбы волны бились о скалы. Ханна зажмурилась и ощутила дождь на лице и соленую воду, которая обжигала ее губы и все больше склеивала волосы.

Темнота вокруг них сгущалась – низкие облака, казалось, поглощали даже свет маяка, а шорох дождя, плеск волн и шум казавшегося бескрайним моря сливались в одну мрачную безнадежность.

*Пятница, 2 октября*

Квартира располагалась на третьем этаже здания, которое стояло рядом с виллой Кесслера. В узкой детской помещались только кровать, письменный стол, шкаф с мягкими игрушками и огромное количество кинопостеров, которыми мальчик обклеил стены: «Звездные войны – эпизоды с I до VI».

Снейдер опустился на вертящийся стул.

– Ты абсолютно спокоен и расслаблен, – сказал он глубоким невозмутимым голосом.

На подоконнике стоял космический корабль из лего. На улице уже стемнело, и через неплотно задернутые шторы Снейдер видел в свете фонарей каштаны на обочине. Мимо проезжали редкие машины.

– Твои пальцы ног и ступни тяжелеют.

Мальчик сидел на кровати в позе лотоса. Руки он держал на подушке, лежащей на коленях, тут же были две мягкие игрушки – желтый зайчик и коричневый еж.

Хаузер был прав. Мальчик ничего не помнил. Его звали Грегор. Светловолосый мальчуган, слишком маленький для своего возраста, с веснушками, в рваных джинсах и с ссадиной на колене, которую он получил, катаясь на скейтборде.

– Твои руки становятся тяжелее... и тяжелее.

Снейдер слышал бормотание за закрытой дверью детской комнаты. Сотрудница венской полиции пыталась успокоить родителей мальчика.

– Ты слышишь, как бьется твое сердце. Оно успокаивается. Твое дыхание тоже успокаивается, и ты чувствуешь приятное тепло в пальцах, ногах и руках. – Снейдер вытащил из кармана пиджака ручку и поднес к лицу мальчика.

– Твои глаза следуют за ручкой. – Снейдер начал медленно раскачивать ручку слева направо и обратно, подстраиваясь под дыхание ребенка.

Через три минуты у Грегора закрылись глаза.

– Ты абсолютно спокоен... и ты в безопасности... потому что я с тобой. – Снейдер заметил, что мальчик едва заметно кивнул. – Все в порядке. Я держу тебя за руку.

Мальчик снова кивнул. Его рука схватилась за ухо мягкого зайца.

– Мы вернемся назад. Вместе. Ты катишься на скейтборде по улице твоей памяти, и я иду с тобой. Сейчас вчерашний вечер, и ты со своим скейтбордом стоишь перед домом. – Снейдер сделал паузу. – Уже давно стемнело. Ты видишь улицу?

– Да.

– Который час?

– Половина девятого.

Снейдер нахмурил лоб.

– Что ты делаешь так поздно на улице?

– Завтра у нас нет занятий, мы забыли про время и катаемся на тротуаре.

– Кто мы?

– Я, Кевин и Алекс.

– Твои друзья?

– Да, они на два года старше меня и живут через несколько домов в соседнем переулке. Я прощаюсь с ними.

– Мы посмотрим им вслед?

– Да.

– А потом идем домой?

– Да.

– Что происходит затем?

– Я прохожу мимо соседней виллы, и там стоит этот мужчина.

– Ты видишь его лицо?

– Нет, только спину.

– А потом?

– Я хочу пройти мимо. Но роняю свой скейтборд. Он с грохотом падает на землю. Я наклоняюсь. Когда снова поднимаю глаза, мужчина уже обернулся. Он смотрит на меня.

– Ты видишь его лицо?

– Нет, он в тени, но потом мимо проезжает машина.

– Он все еще на тебя смотрит?

– Он собирается отвернуться, но на мгновение я вижу его лицо в свете фар. Оно ужасно. Я громко кричу. Тогда он подходит, хватая меня и говорит, чтобы я заткнулся и убирался, иначе он придет ко мне домой и вырвет мне и моим родителям из груди сердце.

– Что ты делаешь?

– Я с криком убегаю.

– Как выглядит его лицо?

– Я...

– Я с тобой, ты в безопасности. Как выглядит его лицо?

– Как у окаменевшего существа из «Фантастической четверки».

Снейдер оторопел.

– Как у кого? Ты имеешь в виду персонажа комиксов?

– Да, у него опухшие глаза. И губы тоже опухшие. А нос вдавлен.

– Какого он роста?

– Как вы.

– Он толстый или худой? Мускулистый или хилый?

– Мускулистый.

– Цвет волос?

– Я не вижу в темноте, но скорее светлые... и короткие. «Пит ван Лун!

Это он!»

– Спасибо, – сказал Снейдер. – Сегодня ночью ты будешь крепко спать и видеть хорошие сны, потому что с тобой и твоими родителями ничего не может случиться.

– Да... – вздохнул Грегор. Его голос звучал неуверенно.

– И знаешь почему? Йода и Оби-Ван Кеноби будут тебя охранять.

Мальчик улыбнулся.

– Ты можешь открыть глаза.

Грегор моргнул и потер глаза маленькими кулачками Снейдер в шутку потрепал мальчика по здоровому колену.

– Спасибо, это было хорошо. Да пребудет с тобой сила. У ребенка отвисла челюсть.

– Вы настоящий джедай?

Снейдер улыбнулся.

– Типа того.

– А можно пять?



– Конечно. – Снейдер ударил по растопыренной ладошке мальчика.

Сейчас ему срочно требовалась чашка ванильного чая.

*Пятница, 2 октября*

Едва Сабина оказалась в каюте на катере береговой охраны, как тут же вытащила из своей дорожной сумки книгу Ганса Христиана Андерсена.

Во время беспокойной поездки к материку, она, укутавшись в плед, перечитала короткую биографию Андерсена. Море так волновалось, что брызги взлетали до самого окна, а лампочка моргала.

Андерсен был сыном прачки, страдавшей алкогольной зависимостью. В четырнадцать лет, после смерти отца, он отправился в Копенгаген, где пытался устроиться актером в театр. Как Пит ван Лун, который изучал в Копенгагене театральное искусство. Это связывало убийцу со сказочником. Что еще? Истории Андерсена?

Мрачный стиль Андерсена оформился еще в конце его учебы, когда он написал стихотворение «Умиряющее дитя», в котором изобразил мир глазами маленького ребенка. Позже эта перспектива стала характерной для его литературного творчества, прочитала Сабина. Если Снейдер прав, то в мистическом мире сказок Андерсена перед убийцей открыты все двери для самых жутких сценариев.

После биографии Сабина прочла те десять сказок, которые назвал ей Френк, и сделала на полях кое-какие заметки.

Наконец катер добрался до Фленсбургской гавани. Сабина сошла на берег и вызвала по телефону такси. Через пять минут к ней, пересекая лужи, подкатил современный автомобиль.

Сабина протянула водителю сто евро.

– Мне нужно в аэропорт, и я тороплюсь, – кратко объяснила она и села на заднее сиденье, пристроив рядом дорожную сумку. Так как она хотела поработать без посторонних ушей, Сабина обратилась к водителю: – Вы не против, если мы включим радио?

Тот без комментариев выполнил ее просьбу, и машина тронулась с места. Если водитель поспешит, они доберутся до места менее чем за два часа. Достаточно времени, чтобы устроить на заднем сиденье

мобильный офис и немного поработать. Тем временем Кемпен уже объявила Пита ван Луна в розыск, и Сабина запросила специалиста по вопросам. Она вытащила ноутбук из бокового отделения сумки и включила его. А через мини-модем даже установила интернет-соединение.

Появился значок скайпа Снейдера – он был онлайн. Вообще-то она собиралась позвонить ему по телефону, но видеоконференция, возможно, даже лучше. В любом случае скайп для этого подходил. Сабине нужна была надежная связь, поэтому она позвонила ему через внутреннюю сеть БКА.

Пока система устанавливала соединение, Сабина вставила себе в уши наушники. Выглянула в окно. Шел дождь, небо было серым, и погода становилась все более мерзкой. Какое-то время их сопровождали чайки, но сейчас дорога удалилась от моря и шла мимо полей и пашен через маленькие деревушки.

Когда в наушниках раздался звонок видеоконференции, Сабина перестала слышать шум автобана и двигателя такси. Лишь на заднем плане монотонно играло радио. На мониторе появилось обрванное и подрагивающее изображение Снейдера.

– Привет, Белочка, – буркнул он.

Она испугалась и перепроверила установки экрана. Все в порядке! Снейдер выглядел невероятно бледным.

– У вас есть немного времени? – тихо спросила она.

– А я бы иначе ответил на звонок? – сказал он. – Могу уделить вам и больше времени, если хотите.

Что это с ним? Такой дружелюбный? Никаких трех пальцев и требований говорить короткими четкими фразами.

– Я еду в такси из Фленсбурга в аэропорт, – сказала она. Снейдер кивнул.

– Таксист нас слышит?

Она помотала головой.

– Радио играет.

За головой Снейдера она увидела мягкую спинку дивана, а на стене большое зеркало в барочной раме. В зеркале отражались сидящие за столиками люди и лавирующий между ними официант. На заднем плане бряцали тарелки и чашки, раздавалось невнятное бормотание. Снейдер сидел в одной из венских кофеен. В клубах

дыма. В руке он держал косячок. Вероятно, перепутал Вену с Амстердамом, но пока официант не вышвырнул его из кофейни, ей было все равно.

– Что там у вас? – затянувшись, спросил Снейдер. Рядом с чашкой лежала украденная биография Вайцзеккера, которую он, видимо, читал. – Как все прошло на Остхеверзанде?

– Пит ван Лун бежал из тюрьмы, – кратко доложила она. – Предположительно, уже пять дней назад. Он объявлен в розыск. Я запросила в БКА специалиста по допросам, который уже выехал на остров, чтобы выяснить, как Пит это провернул.

– Почему не вы? – спросил он.

– Потому что я вышла на другой след. – Она быстро показала в камеру сборник сказок Андерсена с многочисленными загнутыми страницами. – Похоже, вы не очень удивлены.

– Я так и подумал, что он уже на свободе, – вздохнул Снейдер. – Честно говоря, уже месяц назад, когда увидел труп Николы Висс под мостом в Берне. Называйте это недобрым предчувствием. – Он затушил сигарету в пепельнице и сделал глоток чая.

Дымящаяся чашка оказалась так близко к камере, что Сабина почти ощутила запах ванильного чая.

– К тому же, – продолжил Снейдер, – на месте преступления в Вене я получил описание внешности преступника, которое вполне могло бы соответствовать Питу ван Луну. Если это так, то его лицо сильно разбито и опухло.

Сабина кивнула.

– Это травмы в результате драки с охранниками. Часть повреждений он якобы нанес себе сам. Предположительно, это входило в его план побега из тюрьмы. – Она рассказала о подмене с Френком Бруно, потом задумалась. – Откуда у вас описание внешности?

– От одного ученика джедая.

Сабина уставилась на все еще слегка дымящийся косячок в пепельнице.

– Что?

– Забудьте!

– Как выглядит место преступления в Вене?

Снейдер понизил голос и перечислил ей все детали, начиная с виллы и заканчивая тремя трупами в салоне с зонтами в глотке. Еще до того, как он закончил, Сабина знала, что должна была изображать эта сцена.

– Что вы думаете? – спросил он.

– «Оле Лукойе», – ответила она. – Сказка Андерсена. Оле Лукойе песочный человечек. По ночам он приходит в дома, в одних чулках тихонько поднимается по лестнице. Дождется, пока люди заснут, подкрадывается и раскрывает над ними свой волшебный зонт. Послушные дети видят сказки, а нехорошие – кошмары. Всего семь историй, потому что в неделе семь дней.

– Тогда в Вене речь идет о нехороших детях. Если вы правы и все убийства связаны, то сейчас у нас семь трупов. – У Снейдера были воспаленные белки, под глазами обозначились мешки. – На этот раз среди жертв и тринадцатилетний мальчик.

– Твою мать, – вырвалось у Сабины, которая спонтанно подумала о своих племянницах.

Затем Снейдер упомянул мертвого попугая, и Сабина вспомнила сцену из «Оле Лукойе». «Песочный человечек дотронулся острием своего зонтика до картины, и нарисованные на ней птицы запели и зашевелились» – с той лишь разницей, что этот песочный человечек нес смерть.

– Какие цифры были обнаружены на телах убитых?

– Двенадцать, четырнадцать и пятнадцать.

Сабина немного подумала.

– Не хватает тринадцати? – Она увидела, как Снейдер кивнул. – Тем самым убийца нарушает свою же схему. До этого он всегда оставлял на месте убийства только одну жертву с одной цифрой.

– Пит ван Лун повышает результативность.

– Вы уверены, что это он?

– А кто иначе?

– Вы были знакомы с жертвами? – спросила она.

– Не лично, но однажды я имел дело с Эрихом фон Кесслером.

– С тем самым Эрихом фон Кесслером, чью дочь Пит ван Лун убил пять лет назад в Кельне?

– Да.

Кое-что совпадало.

– А... – Сабина замялась. – Кесслер вас ненавидел?

– Как я уже сказал, однажды мне пришлось иметь с ним дело, – без эмоций повторил Снейдер.

Сабина закусила губу. «Но он не ответил на твой вопрос!» Впрочем, было бессмысленно настаивать. В зеркале за спиной у Снейдера она увидела, как к нему приближается официант в черном костюме с бабочкой.

– Все в порядке? – спросил низкий голос на венском диалекте.

– А похоже? Нет, не в порядке! – набросился Снейдер на официанта.

– Господин желает...

– Чтобы вы оставили меня в покое! Спасибо! – рявкнул Снейдер.

– Прошу вас великодушно меня извинить за беспокойство, – спокойно произнес официант, и Сабина увидела, как он бесшумно удалился с подносом в руке.

– Вы недолюбливаете венцев, да? – спросила она.

– В настоящий момент я всех недолюбляю. – Снейдер помассировал виски. Его лысина блестела испариной. В точке между большим и указательным пальцами торчала акупунктурная игла, которая раскачивалась из стороны в сторону.

– Настолько плохо?

– Вы не представляете. Кстати, труп в Баварии опознан. Аре Пеетерс был солдатом голландской армии. И да, я его знал, и да, он меня ненавидел – это предвосхищая ваш следующий вопрос.

Сабина помолчала, чтобы дать ему время. Ей вспомнилось начало сказки Андерсена «Огниво»: «Шел солдат по дороге: раз-два, раз-два... Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны». Останки Пеетерса вернутся домой уже в гробу.

– Почему он вас ненавидел?

– Я познакомился с ним во время службы в Нидерландах. Мы заметили, что у нас одинаковые наклонности, но между нами ничего не было, да и быть не могло. Наш инструктор был идиотом. У него была кличка Шкуродер. Никто не знал этого лучше нас с Аре. Он ненавидел голубых, изливал эту ненависть на нас двоих и издевался над нами больше других. «То, что нас не убивает, делает нас сильнее», – повторяли мы каждый день. На протяжении двух лет.

Снейдер сердито посмотрел в камеру. Видимо, в то время он и ожесточился на весь мир.

Он взял папиросную бумагу и табак и стал скручивать еще один косячок. В его движениях было что-то медитативное.

– Пеетерс остался в армии, а я окончил военную службу в двадцать один год и уехал в Германию. Много лет спустя мы снова встретились – случайно. Этот случай свел нас.

– И тогда он стал... – Сабина сглотнула. – Вашим любовником?

– Да, и неплохим. – Снейдер коротко улыбнулся. – Мои первые отношения с женщиной. Они продлились три года, а потом некрасиво закончились. Ну, как обычно бывает, когда пары ссорятся. Мы были слишком разными – и я полагаю, он обиделся на меня за то, что я его оставил. – Снейдер как будто разговаривал сам с собой.

Наверняка венец Эрих фон Кесслер тоже невзлюбил его по какой-то причине. Только так! Иначе все это не имело никакого смысла. До сих пор единственное, что связывало жертв, – это ненависть к Снейдеру.

– Я задаюсь вопросом, как Пит так быстро сумел выследить своих жертв, чтобы найти и убить их всего за несколько дней, – вслух размышляла она.

– Вы упомянули Френка Бруно, – пробормотал Снейдер. – Это тюремный библиотекарь. Я проверил бы его компьютер и историю посещения сайтов. Жертвы вели публичную жизнь, а в Интернете много интервью и газетных статей о них. Вероятно, Френк делал запросы в поисковике или даже общался с жертвами в социальных сетях, чтобы таким образом выяснить для Пита их привычки.

Звучало убедительно.

– К тому же он выбирал своих жертв по определенной схеме. Все были как-то связаны с вами. Первые три года вы регулярно посещали его на Остхеверзанде. И во время каждого визита он узнавал о вас что-то новое, – предположила она.

Снейдер молчал. Он все еще крутил сигарету.

– Почему вы так часто посещали Пита ван Луна? – хотела знать Сабина.

Снейдер не ответил. Он провел языком по бумаге и склеил самокрутку.

– Вы знаете, кто такой Д. Х.? – спросила она.

– Нет.

Ответ показался ей слишком быстрым. Снейдер даже не подумал и не спросил, в связи с чем она этим интересуется. Мерзавец знал, о ком шла речь! Значит, это может быть только Дитрих Хесс!

– О'кей, – наконец вздохнула Сабина. – Если не хотите со мной об этом говорить, мне придется смириться. Тогда подойдем с другого конца. По вашему мнению, кто может стать следующей жертвой?

Снейдер чиркнул спичкой, зажег сигарету, сделал глубокую затяжку и посмотрел в камеру, медленно выпуская дым через ноздри и рот.

– Кого вы терпеть не можете? – продолжала настаивать Сабина.

– Интересный аспект! Вы имеете в виду, кого я ненавижу больше всех? – повторил он. – Мою мать, – ответил Снейдер не задумываясь.

О'кей! Вот это заявление!

– И где она живет?

– В Роттердаме. – Веко Снейдера дрогнуло, словно от неприятного воспоминания. Он неожиданно поднял глаза и потушил только что раскуренный косячок в пепельнице. Махнул рукой и крикнул в зал: – Официант! Счет! – Потом нагнулся к микрофону ноутбука и понизил голос: – Скажите вашему таксисту, чтобы сильнее жал на газ и доставил вас в аэропорт как можно скорее. – Снейдер посмотрел на наручные часы. – Я позвоню в БКА и подниму всех на ноги. Вы первым же рейсом вылетаете в Роттердам. – Он поднял взгляд. – Проклятье, что это за забегаловка? Я же сказал – счет!

Сабина увидела, как он вытащил из кармана двадцать евро и бросил купюру на стол.

– А вы что будете делать? – спросила она.

– Мне пора. Аэропорт! Вы гениальны. Встретимся в Роттердаме.

Сабина знала, что Снейдер родился в Роттердаме. Но гениальна? Она и правда только что разговаривала со Снейдером?

– Почему именно этот город? – спросила она.

– Там начало начал. И ни с кем об этом не говорите, иначе я пожалую, что взял вас с собой, а вы этого не хотите.

Звучало загадочно, но больше Снейдер ничего не сказал. Связь оборвалась. Он захлопнул ноутбук.

Сабина уже достаточно хорошо знала философию Снейдера, чтобы понимать, как он мыслит. «Чтобы добраться до источника,



нужно плыть против течения».

Вероятно, именно это они сейчас и делали.

### *Пятью годами ранее – Висбаден*

Снейдер сидел в своем кабинете за столом и смотрел в открытое окно на внутренний двор БКА. В пепельнице лежал наполовину выкуренный косячок – третий за эту ночь, – а ванильный чай в чайнике уже остыл.

От психического напряжения, которое тяжелым грузом давило на него, Снейдеру было плохо. Из его рук торчало столько акупунктурных иголок, что в неярком свете лампы казалось, будто на столе рядышком сидят два ежа. Оконные жалюзи дребезжали на ветру.

Он уже второй раз ломал голову над этим делом. Они искали убийцу без места жительства, который колесил по стране и оставлял за собой кровавый след. Умышленно или нет – но шаблона не было. Очевидно, он выбирал жертв случайным образом, но предварительно досконально их изучал. А возможно, все было спланировано с самого начала. Оставался единственный вопрос: после скольких жертв это путешествие закончится? И закончится ли вообще?

Снейдер затаился и уставился на четыре папки перед собой – они становились все толще и темнее, чем дальше он смотрел на них.

Все началось с первой жертвы – редактора газеты в Ганновере. Потом стюардесса в спальне своей кельнской квартиры, затем дочь банкира на стеклянном столе на франкфуртской вилле ее родителей и, наконец, молодая женщина-политик в каюте своей лодки в Штутгарте. И СМИ уже несколько часов говорили о Неуче.

Снейдер уставился на единственную фотографию в рамке, которая висела на стене у окна. Королевская семья Нидерландов. Подписанная единственными людьми, к кому он испытывал глубокое уважение. Затем ничего не следовало – о-о-о-очень долго, – и лишь на другом конце шкалы появлялся Хесс со своей сраной медийной кампанией.

Чертов козел! То, что Хесс снова все запарол, доказывало, что у него есть по крайней мере одно достоинство, которого Снейдер не ожидал: последовательность!

Снейдер сделал еще одну затяжку и наблюдал, как ветер медленно разгоняет дым по комнате. Тут зазвонил его телефон. По крайней мере, Снейдер так подумал. Мелодия была знакомая, но звучала откуда-то издалека. Сколько раз он уже прозвенел? Четыре, пять? Черт, нужно прекращать курить эту дрянь.

Снейдер потянулся к трубке.

– Алло? – сказал он спустя вечность.

– Наконец-то я до вас дозвонилась!

– Сколько раз вы пытались?

– Уже минут десять – каждый раз меня переводили на ресепшен, где говорили, что вы у себя в кабинете.

– С кем я вообще разговариваю? – пробормотал он.

– Лодка... морская болезнь... Ну, вспоминаете?

– А... – В его голове прояснилось. Он потушил сигарету в пепельнице. – Судебный медик из Штутгарта.

– У меня есть для вас информация.

Снейдер потянулся к стакану для карандашей, схватил один, но опрокинул при этом весь стакан.

Карандаши, как в замедленной съемке, покатались по столу и попадали на пол, но Снейдер уже забыл про них. Он торопливо написал N-D-E на листе бумаги. – И что дальше? – поторопил он.

– Это R.

– Буква R? – переспросил он.

– Именно так. Вам еще что-нибудь от меня нужно?

– Да, крепкий кофе.

– С этим сложнее, пока я доберусь до Висбадена, он остынет.

– Лучше холодный кофе, чем никакого.

– Не хотите как-нибудь встретиться и выпить пива?

– Я не пью пиво.

– Кофе с пирогом? – спросила она.

– Я гомосексуалист.

– Ясно. – Она замолчала.

– Это не ваша вина. Спасибо за работу, вы мне очень помогли. – Он положил трубку и накарябал R на листке. Вообще-то она была милой, просто его не возбуждали женщины.

N-D-E-R

Что это означает? Он все больше склонялся к выводу, что они не заметили первого убийства или еще не нашли труп. Какой буквы не хватает в начале? Ender? Onder? Under? Или это фрагменты его фамилии S-N-E-I-J-D-E-R?

У него начала чесаться кожа головы. Снейдер схватил чашку с чаем и сделал глоток. Стручки ванили горчили.

Или Ander!

Он невольно взглянул на фотографию на стене.

Фрагменты отпечатков пальцев!

Нидерланды!

Вот оно!

Он неожиданно понял, кто убийца. Откуда он! И чего добивался!

Если он расскажет все это Хессу, тот немедленно отстранит его от дела. Но Снейдер был уверен, что только он может поймать убийцу. И уже знал, где нужно искать.

В Роттердаме.

**Часть пятая**  
**Роттердам**

*Пятница, 2 октября*

Самолет Сабины приземлился в Роттердаме в девятнадцать часов. Аэропорт был небольшим и компактным, и ей повезло, что сюда вообще был прямой рейс из Гамбурга.

Только Сабина вышла со своей дорожной сумкой в зал прилета и включила сотовый, тот завибрировал. На дисплее отобразилось сообщение от Снейдера.

«Поторапливайтесь! Я жду снаружи в такси».

Она нашла выход и прошла через автоматическую раздвижную дверь. Перед зданием были припаркованы туристические автобусы, в стеклах которых отражалось заходящее солнце. Было невероятно холодно. Рядом с автобусами стояли такси, и в одном было опущено боковое стекло. Оттуда свисала рука в черном рукаве, между пальцами торчала дымящаяся сигарета. Сабина инстинктивно направилась к этому такси. Подойдя ближе, ощутила запах марихуаны. Возможно, ничего необычного для Роттердама; необычно было то, что мужчина курил в такси. Такое позволили бы себе немногие. Так что с машиной она не ошиблась.

Сабина заглянула в открытое окно. Лицо Снейдера было в тени. Но она все равно заметила запавшие глаза и бледное лицо.

– Наверное, вы чувствуете себя как дома, – предположила Сабина.

– Мой дом в Висбадене, – пробурчал он. – Я скучаю по своему бассету.

Сабина вспомнила доверчивого пса. Когда однажды она навещала Снейдера в его доме на краю леса, по поляне бегал бассет с висячими ушами.

– Кто кормит Винсента, когда вы уезжаете?

– Студенты с моего курса в академии по очереди.

– Не может быть! С каких пор?

– С этого семестра, входит в план обучения.

– Эксплуататор! – Сабина передала сумку таксисту, который вышел и стоял в ожидании у машины. Пока тот убирал сумку в багажник, она села на заднее сиденье рядом со Снейдером.

– У вас нет домашнего животного? – спросил Снейдер.

– Я не любительница собак, кошек или хомячков.

– Тогда у вас, вероятно, тараканы.

Сабина задумалась, хотел ли Снейдер обидеть ее вот так, мимоходом.

– Друга у вас тоже нет, – констатировал он. – Почему, кстати?

– Откуда? И когда? Я не успеваю выйти вечером на пробежку, не говоря уже о том, чтобы навестить семью в Мюнхене.

– Хм, тогда вам лучше было остаться в мюнхенской полиции, – пробормотал он.

К тому времени таксист уже сел в машину, и они тронулись с места. Снейдер нагнулся к нему и по-голландски назвал какой-то адрес.

– Куда мы едем? – спросила она.

– В бар, чтобы найти для вас друга. – Снейдер и бровью не повел.

– О'кей, а сейчас серьезно. Куда? – Она ненавидела, когда над ней подшучивали – тем более Снейдер, который сам уже много лет был одинок.

– Я же сказал вам это еще во время нашей видеоконференции. – Он смотрел в окно.

– К вашей матери? Я думала, ваши родители переехали в Германию?

– Так и есть. За год до объединения Германии они уехали из Роттердама в Дуйсбург, где у отца был маленький книжный магазинчик. Но после его смерти мать вернулась в старый дом. Тот временно сдавался.

– И туда мы сейчас едем?

Снейдер кивнул.

– А... почему?

Снейдер молчал.

Но на этот раз она от него так быстро не отстанет.

– Вы сказали, что ненавидите свою мать. Почему?

Между тем такси выбралось из лабиринта дорог вокруг аэропорта и ехало вдоль канала. Горизонт был окрашен в темно-синие тона,

словно художник опрокинул на землю несколько ведер краски. Так как Роттердам представлял собой один огромный порт, где-то здесь, за каналами и домами, должно быть море. Туда летели и чайки.

Снейдер поднял боковое стекло.

– Я боготворил своего отца. Он был образованным, начитанным мужчиной.

Очевидно, о матери Снейдер говорить не хотел.

– Он поэтому дал вам второе имя Сомерсет, в честь Уильяма Сомерсета Моэма?

– Да, это была его идея. Он никогда не был высокомерным или раздраженным, ни разу не повысил голос и для всех всегда находил время.

«А сын полная его противоположность».

Снейдер посмотрел на нее.

– По вашему взгляду я догадываюсь, что вы думаете.

– И что же?

– Что яблоко от яблони иногда падает далеко.

– Ну... случается даже очень далеко, – сказала она.

– Спасибо. Кроме того, он был впечатлительным, иначе не покончил бы с собой, когда обанкротился. Хотя у моих родителей было достаточно денег, некоторые разочарования сломили его волю к жизни.

– Но фирмы регулярно разоряются.

– Верно, но тот магазин был для него не просто фирмой, а мечтой всей жизни, – вздохнул он. – Больше не будем об этом. В любом случае отец тоже страдал от кластерной головной боли. Я постоянно слышал от матери: «Не шуми, у папы болит голова. Ты его в могилу загонишь». И однажды он действительно умер.

– Но к тому моменту вы уже выросли.

– Да, мне было двадцать один год, и я только что отслужил в голландской армии. В последние месяцы перед смертью отца я практически с ним не виделся, что стало еще одной причиной для матери винить меня в его смерти. Шесть лет спустя я решил на каминг-аут. И окончательно разорвал отношения с матерью.

– Потому что она не хотела признавать вашу гомосексуальность?

– Нет, потому что утверждала, будто мой отец всегда об этом знал и повесился от стыда.

– Какая милая женщина, – заметила Сабина.

– Да, она такая. И она понятия не имеет о том, что мой отец был толерантным, он бы понял. Она же не сумела поддержать его во время кризиса с книжным магазином.

– На то была какая-то определенная причина?

– Да, была. Пока отец пахал день и ночь, у нее был другой.

– О господи. – Сабина сглотнула. – Но все равно – она ваша мать. Не думаете, что нужно попытаться простить ее?

– Нет, я так не думаю.

Через полчаса они добрались до расположенного недалеко от порта садового поселка с небольшими коттеджами. Такси остановилось перед домом 7 на улице Ниубругштег.

Пока Снейдер вылезал из машины и надевал пальто, Сабина вытащила свою дорожную сумку из багажника и огляделась. Поселок казался печальным и покинутым; пахло соленой водой и рыбой. Снейдер захлопнул дверь автомобиля, и такси тут же умчалось прочь.

Сабина посмотрела вслед такси, потом удивленно на Снейдера.

– А где ваш огромный чемодан-шкаф? Уехал с такси?

– Очень смешно! В камере хранения в аэропорту. Я путешествую налегке. – Он сунул руку в карман и вытащил мобильник, диктофон и связку ключей.

– Ключ от этого дома тоже есть?

– Да.

– Вы всегда носите его с собой?

– Да, – если моя мать не поменяла замок, мы без проблем попадем внутрь.

– А если она дома?

– Тогда вам придется сдерживать меня, чтобы я не вцепился ей в глотку, как только она сделает какое-нибудь неуместное замечание. – Снейдер не повел и бровью. Возможно, он даже не шутил. Хорошо, что у него не было с собой оружия.

– Вы можете представить меня как свою новую подружку, если это поможет, – предложила она.

Снейдер оглядел Сабину с ног до головы.

– Я вас умоляю, вы что, серьезно? – И отвернулся. «Корректен, как всегда!»



В маленьком садике с некошеной травой листва сбилась в кучи. Маленькие ветряки, которые торчали между облезлыми садовыми гномами, с щелкающими звуками вертелись на ветру.

Снейдер толкнул калитку и прошел к входной двери. Не звоня, взял ключ и отпер дверь.

– Было заперто на два оборота, ее нет дома, – объяснил он и вошел.

– И что мы ищем?

– Следы Пита ван Луна, – донеслось из глубины дома.

– В доме вашей матери? – Сабина последовала за Снейдером. В прихожей пахло затхлостью и какими-то лекарствами. Как в квартирах пожилых людей, которые натираются средствами от радикулита и «французской водкой».

Сабина включила свет в прихожей, огляделась, но на первый взгляд не заметила ничего необычного. Связанные крючком салфетки на комодах, подсвечники и фотографии в рамках. Некоторые растения грустно поникли в горшках. Она потрогала пальцем землю. Сухая. Плохой знак! Рядом с полной пепельницей лежали очки. Сабина посмотрела через стекла. Близорукость. Минимум пять диоптрий.

– У вашей матери есть водительские права? – крикнула она.

– Нет, она ходит везде пешком.

Тогда она вряд ли бы вышла из дома без очков. Значит, она должна быть здесь.

Если Снейдер действительно презирал свою мать так, как утверждал, Пит ван Лун наверняка это знал. Хорошая причина убить пожилую женщину. Пусть это казалось сумасшествием и Сабина еще не знала всей подоплеки, – убийство вписалось бы в схему. И, если Пит до сих пор не появился здесь, он еще может это сделать.

Снейдер прошел мимо Сабины. Он открывал каждую дверь и заглядывал в комнаты.

– Нашли что-то необычное? – спросила она.

– Нет.

– В доме есть подвал?

– Нет. – Снейдер ринулся в гостиную, распахнул дверь на террасу и вышел в сад.

Ветер развеивал тонкие занавески. По паркету в дом пробирался холод. Между тем сад накрыла свинцово-серая темнота.

Сабина щелкнула выключателем в комнате. Скрипящий паркетный пол и старая мебель подходили этому запущенному дому. Через окно она видела, как Снейдер прошел через сад к сараю. Она же принялась рассматривать фотографии на стене рядом с каминной печью.

На большом черно-белом снимке была изображена семья с мальчиком лет десяти. Она бы даже назвала его «сладким». Судя по серьезному взгляду и пронзительным глазам, это был Мартен. Но все равно вид был непривычным, потому что до сих пор она видела Снейдера только с лысиной – а у этого мальчика были светлые волнистые волосы.

– У вас в детстве были светлые локоны? – крикнула она через открытую дверь в сад.

Снейдер не ответил.

– Вы красите бакенбарды в черный цвет?

– Если вы расскажете это хоть кому-нибудь в БКА... – услышала она голос Снейдера снаружи.

«Я вас убью», – мысленно закончила Сабина фразу. Она слышала, как он гремел замком на сарае.

– Я никому не скажу, Сомерсет! – крикнула она.

– Очень вам советую, Белочка, – тяжело дыша, ответил он.

Отец Снейдера в элегантной темной тройке выглядел как настоящий джентльмен. По крайней мере, у отца и сына был одинаковый вкус. Но у старшего Снейдера глаза добрые и теплые, а у матери, наоборот, строгий взгляд. Ее волосы были собраны в тугий узел. Выражение лица напоминало Сабине кого-то, как и светлые густые волосы, веснушки и крепкая комплекция. «Черт возьми, на кого походила эта женщина?»

– Идите сюда! – вдруг крикнул Снейдер из сада тоном не терпящим возражений.

Сабина отодвинула занавеску и вышла наружу. Трава на лужайке была такая же высокая, как и перед входом, и уже покрылась вечерней росой.

Снейдер стоял перед деревянным сараем в свете желто-оранжевой лампы под козырьком крыши. По дороге к сарайчику Сабине в нос ударил мерзкий запах, как от мертвых животных. На ферме у бабушки она часто находила во дворе дохлых мышей и крыс, которых кошки

прятали за поленницей. Такой же запах стоял и здесь... только более сладковатый, и Сабина знала, что это означает.

Снейдер вытащил латексные перчатки из кармана пальто и надел их. Это тоже был дурной знак. Он снял взломанный замок с засова и толкнул ногой деревянную дверь, которая со скрипом отворилась внутрь.

Теперь вонь усилилась, стала как с мусорной свалки. Но Сабина ничего не могла разглядеть, потому что ее ослеплял фонарь над входом. К тому же из сарая доносился тихий треск. Она вопросительно посмотрела на Снейдера, но тот не заметил ее взгляда. Его лицо было напряжено.

Снова раздалось потрескивание и пощелкивание... словно кто-то опустил иглу на грампластинку. Неожиданно в сарае заиграла музыка. Сабина инстинктивно метнулась вправо и прижалась к деревянной стене. Снейдер стоял по другую сторону от входа.

Их взгляды встретились. Она жестом показала, что собирается позвонить. «Я запрошу помощь?»

Он помотал головой. Этот упрямец хотел рискнуть в одиночку.

Тут грянул струнный оркестр. Сабина вздрогнула. В следующий момент запел хор.

Радость, пламя неземное, райский дух, слетевший к нам,  
Опьянённые тобою, мы вошли в твой светлый храм!

Девятая симфония Бетховена.

«Что, черт возьми, здесь происходит?»

Снейдер нащупал на стене за дверной рамой выключатель и включил свет в сарайчике.

Сабина увидела на полу проигрыватель с двумя колонками. Провод вел к распределителю с тумблерным переключателем. При открытии двери подставленная палка нажимала на тумблер, и проигрыватель автоматически включался.

– Вы можете выдернуть кабель и выключить музыку? – крикнула Сабина.

Снейдер помотал головой.

– Он хотел, чтобы мы это услышали.

Он?

Снейдер мог иметь в виду только Пита ван Луна.

– И вы сделаете ему такое одолжение?

– Только так я могу выяснить причину этой инсценировки.

Он вошел в сарай.

Сабина последовала за ним, но в следующий момент отшатнулась. Не из-за невыносимого запаха. Не из-за крови. Не из-за трупа. А из-за распахнутых в ужасе глаз семидесятилетней женщины с длинными светлыми волосами.

В центре сарая с потолка свисала тусклая лампочка. Прямо под ней располагался труп. Сцена из ужасного спектакля.

Обнаженная женщина сидела на деревянном бочонке. Судя по ввалившемуся лицу, зеленоватому оттенку кожи, запаху, выступившим венам и раздутому от газов телу, она умерла как минимум четыре дня назад. Ссадины на лице и запястьях указывали на то, что ей связали руки и заткнули рот кляпом. Но сейчас веревки и кляп отсутствовали. Только сзади к бочонку была прибита доска, к которой был прислонен труп и зафиксирован на уровне шеи клейкой лентой так, чтобы не мог опрокинуться.

На дальней стене сарая висело синее шерстяное покрывало, а на полу перед трупом стояла силосорезка, которую осенью используют для того, чтобы измельчать сучья и кустарники. Обычно ее переполняет месиво из ветвей, но сейчас из машины торчали не сучья, а ноги женщины.

Мать-природа всё живое соком радости поит,  
Всем даёт своей рукою долю счастья без обид.

Навсегда теперь у Сабины «Ода к радости» будет ассоциироваться с видом этой убитой женщины. Она уже начинала ненавидеть симфонию.

Предположительно женщина медленно истекла кровью во время пыток. Пит ван Лун, видимо, держал ее сзади, пока она дергалась и извивалась, безуспешно пытаясь освободиться.

Перед засохшей массой, некогда бывшей ногами, на полу лежали скрещенные ласты, напоминавшие рыбий хвост. Пусть и забрызганные кровью, но все еще можно было различить, что они синего цвета. Как и покрывало на заднем плане. Рядом стояло ведро с водой, где плавали гнилые лепестки и пластиковая золотая рыбка.

Сабине пришел в голову отрывок из сказки Ганса Христиана Андерсена. «Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков».

– О чем вы думаете? – спросил Снейдер.

– О «Русалочке». А вы?

– О цифре, которую моей матери вырезали на бедре.

Сабина подошла ближе.

Это была цифра три.

*Понедельник, 28 сентября*

Уже глубокой ночью, когда он с Ханной шел по дамбе, морозящий дождь прекратился. Но начался шторм, что еще больше осложняло путь. Однако Питу было все равно.

Около пяти утра они наконец добрались до ближайшей деревни на материке. Пока что все шло как по маслу. Они незаметно передвигались вдоль берега – то по гальке, то по гравию или вязкому песку. Никакого собачьего лая, никаких поисковых прожекторов или полицейских патрульных катеров вблизи берега. Тем временем луна полностью скрылась за облаками, и они шли вперед практически в полной темноте. Все складывалось отлично.

Жалкое захолустье на берегу Фленсбургского фьорда, до которого они добрались, называлось Доллерупхольц. Вообще-то Пит должен быть благодарен, что его поместили в тюрьму именно здесь, а не в Любеке, Киле, Берлине или Бютцове. Побег оттуда был бы практически невозможен – даже здесь подготовка заняла целых два года. Вряд ли получилось бы организовать это в одиночку. Но он всегда умел манипулировать людьми, поэтому ему помогли некоторые заключенные и бывшие арестанты, которые хотели отомстить Снейдеру. Как и он сам.

В деревянном сарае в Доллерупхольце стоял выдавший виды «Ситроен 2CV» бежевого цвета. Точно там, где сказал Френк Бруно. Машина была заперта, а ключ лежал под передним крылом на колесе.

Они поехали через Вестерхольц и Глюксбург вдоль побережья. Несколько проснувшихся чаек, которых привлек шум мотора, сопровождали одинокий автомобиль. Их брюшки сверкали в свете фар, то и дело выхватывающем из темноты песчаные пляжи, деревянные причалы и плетеные пляжные кресла.

Спустя час они добрались до Фленсбурга. В шесть утра было еще темно. На пустой парковке перед Северными воротами – символом

города, как и было условлено, стоял бурый автофургон с фирменным логотипом.

Пит сидел в «ситроене» и разглядывал автофургон в свете фар. Он думал о Ханне, которая лежала в узком багажнике, связанная и с кляпом во рту. Если все получилось, то в кузове на крыше есть чугунное кольцо. Как только он выйдет из машины, замена должна пройти быстро. Главное сейчас – никаких опрометчивых действий!

Пит оглянулся. Чьи-то голоса? Его здесь поджидают? Он выключил фары и в темноте рассматривал арку и башенки из красного кирпича. Якобы это единственные сохранившиеся городские ворота во всей земле Шлезвиг-Гольштейн. Над аркой рядом с городским гербом можно было разглядеть очертания королевского герба Дании.

Дания, подумал он. Андерсен, Кьеркегор, Гамлет, замок Кронборг, Таня Бликсен и ее книги об Африке. Увидит ли он еще когда-нибудь Копенгаген? Вряд ли, потому что его путь лежал на юг. «Просто попрощайся».

В настоящий момент север Германии тоже был неплох. На городском гербе Фленсбурга стояло красивое и меткое высказывание «Мир кормит, раздор изнуряет». Да, это он знал по себе.

Пит посмотрел через боковое стекло. Совсем недалеко находились кабаки. Вниз по улице пробежал белый джек-рассел-терьер с коричневой мордочкой и красным ошейником, остановился у городских ворот и поднял заднюю лапу.

– Калле! – позвал пса какой-то пьяный.

Пит подождал, пока мужчина с собакой исчезнут в узком переулке, затем вытащил ключ от автофургона из кармана спортивной сумки Френка Бруно. Пит должен был поменять машины. Фургон был мощнее, а с логотипом фирмы-производителя замороженных продуктов выглядел не так подозрительно, как старый «ситроен».

Он вышел, направился к автомобилю и осмотрел кабину. Документы на машину, водительские права и пять тысяч евро лежали в бардачке; аварийный треугольник, аптечка и светоотражающий жилет – в багажнике; только бак был неполный. Пит недовольно зарычал. Стрелка указателя уровня топлива держалась на границе красной зоны. Но до ближайшей автозаправки он дотянет.

Пит подготовил все для Ханны, еще раз огляделся по сторонам и вытащил ее за волосы из «ситроена».

Когда через пять минут он завел автофургон, Ханна была надежно спрятана в задней части кузова. Он включил первую передачу, и автомобиль тронулся с места.



*Пятница, 2 октября*

Снейдер, оглушаемый девятой симфонией Бетховена, закрылся в садовом сарае. Сабина стояла в саду. С обеих сторон за живой изгородью находились садовые участки, но свет горел только в доме через один.

Возможно, соседи что-то заметили – несмотря на шум силосорезки и играющего патефона, который Пит ван Лун наверняка включил во время убийства. Попробовать в любом случае стоит. Но Снейдер запретил пока вызывать голландскую уголовную полицию. Самое раннее через час. Все равно Пит ван Лун уже давно скрылся, к тому же объявлен в Германии в розыск – поэтому Снейдер хотел проникнуться атмосферой места убийства. Иногда Сабина даже боялась, что он наслаждается такими моментами.

Любой другой следователь скорбел бы о матери. Но не Снейдер. Для него это было лишь очередным местом преступления и еще одним следом, ведущим к Питу ван Луну, который превратился в его Немезиду<sup>[15]</sup>.

Все выглядело так, словно на этот раз Пит хотел по-настоящему отомстить ему. Во всяком случае, Сабине никогда не забыть вида этой женщины – еще один кадр безумного и бесконечного диафильма с картинками с мест преступлений, которые хранились у нее в голове. Раздавленные ноги матери Снейдера напоминали туловище рыбы, которое переходило в хвост. Именно такое болезненное превращение описал Андерсен в своей сказке. Маленькая Русалочка хотела стать человеком, и морская ведьма приготовила ей волшебный напиток, чтобы ее хвост превратился в две человеческих ноги: «...она выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто её пронзили обоюдоострым мечом».

Да, это наверняка было больно!

Как только музыка стала тише, она услышала, как Снейдер начал наговаривать на свой диктофон. Но не могла разобрать ни слова.

Спустя двадцать пять минут музыка окончательно стихла. Свет в сарае погас. Снейдер вышел наружу и принялся жадно вдыхать свежий воздух.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Сабина.

Дыхание Снейдера превращалось на морозе в пар.

– Как я должен себя чувствовать? Запах всех этих трупов уже настолько впитался в мою кожу, что преследует меня повсюду.

Его единственный комментарий. На лице не было и тени скорби.

– Смерть вашей матери вас не шокирует? – спросила Сабина.

– Для меня она умерла уже более двадцати лет назад. – Он сунул диктофон в карман пальто.

Возможно, такая эмоциональная холодность помогала ему справляться с ситуацией.

– Что должна означать эта музыка? – спросила Сабина. – Почему он выбрал именно «Оду к радости»? Гимн Европы, Девятую симфонию Бетховена, «Неоконченную».

В свете фонаря узкое лицо Снейдера с глубокими тенями выглядело жутковато.

– Некоторые так считают. Но Девятая симфония Бетховена была окончена, – исправил он. – На самом деле «Неоконченная» – это Восьмая симфония Франца Шуберта в си-миноре.

– Угу. – Сабина никогда особо не интересовалась классической музыкой. – Но почему это произведение?

– Возможно, именно по этой причине, – ответил Снейдер. – На первый взгляд, мы должны воспринимать неоконченным то, что на самом деле уже давно завершено.

– Завершено? Вы имеете в виду серию убийств?

Снейдер пожал плечами.

– Возможно. А может, дело в том, что Бетховен написал эту симфонию в Вене. Я только что прибыл из Вены.

– Пит ван Лун не мог этого предвидеть.

– Не стоит его недооценивать. Он уже давно проник в мою голову. Нашел туда вход. Через заднюю дверь. Возможно, он знал, где именно и в какой момент расследования я буду находиться.

– Я в это не верю, – возразила Сабина.

– Он оставил мне в Вене подсказку. Горючую пасту, с помощью которой поджег моего бывшего спутника жизни. Таким образом он

направляет меня и мои мысли.

– Не позволяйте ему манипулировать собой.

– Вам легко говорить. Он не такой, как все убийцы, за которыми я когда-либо охотился.

– Тем более важно, чтобы мы сконцентрировались на фактах – и других сказках, которые еще будут.

Снейдер вздохнул.

– Нюх не подвел вас с самого начала. Отличная работа. Пойдемте в дом. – Он похлопал ее по плечу.

Сабина вздрогнула.

– Что с вами?

– Ничего.

Когда Снейдер хлопал кого-то по плечу, было неизвестно, хотел он похвалить или сломать позвоночник.

Снейдер закрыл дверь на террасу и подошел к стене, где на двух гвоздях висела картина маслом, изображающая морскую битву. Он снял ее. За картиной в стене находился сейф. Снейдер открыл его одним из ключей и сунул руку вглубь. Достал надорванный пожелтевший конверт, который быстро спрятал в карман – видимо, его содержимое не было предназначено для глаз Сабины, – и толстую папку, которую положил перед ней на журнальный столик.

– Пожалуйста. – Больше он ничего не сказал.

Сабина села и открыла папку. Это была полная подборка материалов о Пите ван Луне. Такой подробной информации не было даже в архиве БКА. Сабина подняла глаза.

– Вот это хранилось в сейфе вашей матери?

– Не в сейфе моей матери. Вы находитесь в доме моих родителей. Я здесь вырос. Это бывший сейф моего отца. Считайте это маленькой резервной копией архива БКА, которую я разместил здесь два года назад.

– Полагаю, Хесс об этом ничего не знает.

Он помотал головой.

Сабина полистала документы. Судебные слушания, психиатрические заключения, решения суда, приговоры по различным делам. И она постоянно натыкалась на имена, которые в последние дни часто попадались ей на глаза.

Наконец разобравшись, она взглянула на Снейдера.

– Все эти жертвы никак с вами не связаны. Это просто совпадения. Все они имеют гораздо большее отношение к Питу ван Луну! – догадалась она.

Снейдер кивнул.

Сабина еще раз пролистала документы.

– Убитая в Берне директор федпола Никола Висс приказала арестовать Питу ван Луну пять лет назад в Берне. Посаженная на кол в Хагене доктор Ашенбах написала заключение о состоянии его психического здоровья, а убитая в собственной спальне судья Йоана Бек отправила его на остров Остхеверзанд, в тюрьму для преступников с психическими отклонениями. Граф Эрих фон Кесслер был отцом третьей жертвы Питу. Должно быть, он заплатил огромные деньги за это психологическое заключение, чтобы Питу никогда не смог покинуть тюрьму за примерное поведение.

– Так и есть – вот они взаимосвязи.

– Значит, акция мести.

– Можно и так сказать.

– Но какое отношение к этому имеет ваша мать? И Аре Пеетерс? Он служил с вами в голландской армии. Как Питу ван Лун связан с ними?

Снейдер еще раз запустил руку в сейф и вытащил малокалиберный пистолет в кожаной кобуре.

– А пистолет зачем? – Сабина поднялась. – Мы ведь и так летим обратно в Висбаден. – Она оторопела. – Или нет?

– Нет, не летим. – Снейдер проверил магазин, сунул пистолет обратно в кобуру и закрепил на поясе под пиджаком. – Боюсь, мы еще немного побудем в Роттердаме.

Что-то здесь было не так. Сабина еще никогда не видела Снейдера таким таинственным и одновременно неуверенным и ранимым. Несмотря на свою внешнюю жесткость, он казался слабым.

– Может, наконец подключим голландскую уголовную полицию?

– Еще рано. Сначала я должен вам еще кое-что сказать и не хочу, чтобы об этом узнал весь мир.

Сабина оставилась на его пистолет.

– Что вы хотите мне сказать? – Ее взгляд снова упал на фотографии на стене. Отец Снейдера, мать Снейдера.

«Это сходство!»

Она вдруг поняла, кого напоминала ей мать Снейдера. На острове Остхеверзанд Сабина видела лишь избитого в кровь двойника Пита ван Луна, но она знала его фотографии по уголовным делам.

– Сначала я должна вас кое о чем спросить. – Она пристально посмотрела на Снейдера. – И я ожидаю честного ответа.

– Только один вопрос?

– Да.

– Вы и Пит ван Лун оба из Роттердама. Пит ваш брат? Снейдер бросил на нее долгий взгляд.

– Нет, мы не братья.

*Понедельник, 28 сентября*

Пит посмотрел в боковое зеркало автофургона. Над горизонтом уже занимался оранжевый рассвет. Через несколько минут он увидит, как взойдет солнце. Впервые за пять лет не через зарешеченное окно своей камеры, а на свободе.

Он так долго этого ждал и не терял надежды, что однажды это произойдет.

Старый мотор тарахтел, а вибрирование и дребезжание жестяной перегородки за спиной дарили чувство свободы. «Всегда оставаться в движении! Как и пять лет назад». Лишь с той разницей, что на этот раз он будет действовать умнее. «Дела делать, а не слова говорить». А дел у него было еще много.

Уже полчаса он ехал из Фленсбурга на юг. Сначала в сторону Гамбурга, оттуда он направится на запад, через Бремен до Оснабрюка. Не по автобану, а проселочными дорогами, переулками и небольшими объездными улицами. Путь займет больше времени, зато там нет камер видеонаблюдения и дополнительного контроля.

Пит сделал глоток воды из бутылки и бросил взгляд на карту автомобильных дорог, которую разложил на пассажирском сиденье рядом. Тут же лежала потрепанная книга из тюремной библиотеки, которую Френк сунул ему в сумку – его книга. О Кении. За зеркалом заднего вида торчала фотография Серенгети. Если в конце ему придется все бросить и бежать – то в Африку. Но пока было еще рано.

Показалась очередная деревня. Несколько домов с маленькими садами, лужайками и пашнями. Вдоль дороги бежали кричащие утки, а несколько мужчин выкатывали лодку из гаража и грузили паруса и мачту на крышу машины.

Утро понедельника. Поселки и деревни оживали. Женщины ехали на велосипедах с корзинами в булочную или местные магазинчики. Здесь мир был еще в порядке. Он любил Шлезвиг-Гольштейн и много

читал об этой земле. Пит с удовольствием поселился бы в этих краях – но он выбрал другую жизнь.

Солнце поднималось из-за горизонта. Его лучи падали через боковые окна автомобиля и заставляли приборную панель светиться. Но впереди над горизонтом нависли темные облака, из которых на землю били молнии. Вдали прогремел гром. Странная погода. И он был прямо посередине – направлялся из света в абсолютную тьму, в которую скоро погрузится земля. Как там сказал его отец? «Каждое облако когда-нибудь вернется с грозой».

Пит опустил боковое стекло. Ветер тут же ворвался в кабину и взъерошил его светлые волосы. В воздухе пахло дождем. Не зря в бурном Шлезвиг-Гольштейне столько ветряных мельниц, высокая влажность, а на крышах растет мох.

Он покинул крохотный поселок с домами под камышовыми крышами и поехал мимо многочисленных ветряков. В боковом зеркале он увидел за собой три больших аэростата. Красный, белый и синий. Цвета голландского флага. Пит не верил в совпадения. Возможно, это знак. Знамение. Пилоты воздушных шаров направляются с ветром на юго-запад. В сторону Голландии. Как и он.

Пит взглянул на себя в зеркало заднего вида. Его лицо выглядело жутко. Он медленно подвигал челюстью. После того как его вырвало, а тело переработало остатки снотворного, его сознание стало постепенно проясняться. Но все тело болело.

В спортивной сумке Френка Бруно он нашел упаковку сильного обезболивающего, которую сунул в нагрудный карман. Пит запил две таблетки водой. Вскоре нужно будет отдохнуть. И заправиться. Он остановится на следующей заправке – волноваться не о чем. До сих пор все проходило гладко и ему не встретился ни один блокпост или патрульная машина.

Спустя еще четверть часа он въехал в грозовой фронт. Наконец-то в конце поселка показалась автозаправка. Пит включил поворотник, остановился перед заправочной колонкой и вышел из машины.

Ветер рвал его рубашку. Из-под крыши автомойки раздавался звон самодельных ветряных колокольчиков. Нанизанные на шнурок осколки напомнили Питу о его намерении.

Он вставил заправочный пистолет в отверстие бака и уставился на горизонт. Ветер гнал листву и ветки по улице. Значительно

похолодало. Пит надеялся, что печка в машине работает.

Предохранитель заправочного пистолета щелкнул. 47 литров. Пит зашел в здание заправки, положил на прилавок газету, два сэндвича, батончик мюсли и три банки холодного кофе и вытащил пачку денег из кармана штанов.

Работник автозаправки взглянул на Пита, но вздрогнул от его вида и быстро отвел глаза.

– Поднял машину домкратом, – промямлил Пит на северном диалекте. – Хотел поменять масло, но дерьмовый подъемник не выдержал. Тачка мне чуть лицо не раздавила. – Он провел пальцами по щеке. – К счастью, отделался только этим. Сколько я должен?

Он бросил взгляд на дисплей кассы и отсчитал пару купюр.

– Сдачи не надо.

Затем вышел на улицу.

Уже издалека, подходя к автофургону, он услышал глухой металлический стук. Повторяющийся ритмично и монотонно.

Он обошел вокруг машины. Стук продолжался. Если прислушаться, промежутки между ударами были разной длины.

Три тире... три точки...

Он знал, какой сигнал последует сейчас. Три тире.

Хотя Пит был единственным клиентом на заправке, он огляделся. На всякий случай. Никаких камер! К тому же поблизости никого не было видно, кроме работника автозаправки, который читал какой-то журнал. Пит открыл заднюю дверь и забрался в автофургон. Рывком сдвинул серую шторку, которая крепилась на поперечной балке и делила кузов на две половины.

Там она стояла... нет, скорее висела. На припаянном к крыше кольце. Со связанными над головой руками и кляпом во рту. Ногой она пинала в боковую стенку.

– Тебя никто не слышит, – без эмоций сказал Пит. – И так ты никогда не освободишься. Кстати, сигнал SOS передают по-другому: точки – тире – точки. А не наоборот. – Он продемонстрировал ей правильную последовательность на стене фургона.

Затем опустился на колени, схватил ее за ноги, которыми она пыталась его пнуть, и связал ей лодыжки кабельной стяжкой.

Когда она успокоилась и больше не сопротивлялась, он вытащил ей изо рта кляп. Он был в крови. Видимо, она прикусила себе язык.



– Куда... – с трудом дыша, произнесла она.

Он выбил ей кулаком один зуб, потом снова вставил в рот кляп. Ее лицо налилось кровью. Она закашлялась.

– Не связывайся с теми, кто в бегах, – прошептал он. – Им нечего терять.

Он снова задернул штору, вылез из кузова и запер заднюю дверь.

*Пятница, 2 октября*

Сабина долго смотрела на Снейдера.

– Значит, он не ваш брат? – повторила она.

Снейдер помотал головой.

– Тогда почему вы так часто посещали его в тюрьме?

Снейдер вздохнул.

– Сядьте. – Он опустился на широкое кресло.

«Господи, что сейчас будет?» Сабина села рядом на диван.

Снейдер с отсутствующим видом сгреб документы и положил их обратно в папку. Наконец поднял глаза.

– Пит ван Лун мой сын.

Сабина похолодела до самых кончиков пальцев. Она взглянула на Снейдера в поисках какой-нибудь эмоции, но его лицо словно окаменело.

– Вы издеваетесь надо мной, – выдавила она.

Он указал на сад.

– Там в сарае лежит труп моей матери, мы охотимся за убийцей, который за пять лет убил тринадцать человек, и вы серьезно думаете, что я над вами издеваюсь? – спокойно спросил он.

– Но как Пит может быть вашим сыном? Вы же...

– Что? Гомосексуалист? Да, это так. Из-за этих наклонностей меня два года унижали в армии. По крайней мере, мой инструктор не упускал ни одной возможности. Сначала я сам отказывался это признавать и пытался не обращать внимания. Я хотел вести нормальную жизнь, как все остальные. Я встретил женщину, мою единственную большую любовь. Захотел создать с ней семью. Она мать Пита. – Его покрасневшие глаза заблестели.

Сабина никогда не видела Снейдера таким ранимым. Ожесточившись, за двадцать лет он, наверное, не пролил ни единой слезы – хотя, возможно, причина была в том, что еще ни с кем об этом не говорил.

– Но как... – пробормотала она, однако он жестом заставил ее замолчать.

– Мы были вместе пять лет.

– Женаты?

Он помотал головой.

– Ее фамилия была ван Лун. Один год мы жили в Роттердаме, в этом доме. К тому моменту мой отец уже умер, и мать снова вернулась сюда. – Он посмотрел в гостиную. – На этом полу годовалый Пит играл в кубики. У него было серьезное заболевание щитовидной железы. Так как голландский врач назначил ему неправильную дозировку лекарства, мы уехали в Германию. В то время я оканчивал университет и начал обучение на полицейского аналитика в Висбадене.

«Ее фамилия была ван Лун». Снейдер говорил о матери Пита в прошедшем времени, и на это наверняка была причина.

– Что...

Он снова прервал ее жестом.

– Из-за учебы и работы мне приходилось много разъезжать. И я понял, что не смогу вести нормальную семейную жизнь. Я не был создан для этого. Но я пытался нести ответственность и быть хорошим отцом. Я хотел сохранить этот фасад до совершеннолетия Пита. Но мать Пита чувствовала, что это разрушает меня изнутри. День за днем. Она знала, что я голубой и погибну от этой лживой жизни – поэтому отпустила меня и придала храбрости признаться в гомосексуальных наклонностях, потому что так было бы лучше для меня. Она была бесподобной женщиной. Когда Питу исполнилось пять лет, я наконец решился. – Снейдер поднял глаза и посмотрел на Сабину. – Представляю, что вы обо мне сейчас думаете.

– И что же?

– Что я веду жалкое существование.

Она помотала головой.

– Нет, никто не должен первым бросать камень. Но я зла на вас, потому что вам давно уже следовало быть честным со мной, вместо того чтобы скрывать правду. В конце концов, мы с вами партнеры, и вы... я вам доверяла.

– Пока я не был точно уверен, что Пит имеет отношение к этому делу, я не видел причины рассказывать вам правду.

– Но вы бы...

– Что? – взорвался он. – Я и так взял вас с собой в Роттердам, привез в этот дом и все рассказал, или нет? – Он помассировал виски и немного успокоился. – Но я должен попросить вас никому не рассказывать то, что вы сегодня выяснили. То, что Пит мой сын, знают только Хоровитц, директор тюрьмы Холландер, несколько друзей-чиновников и вы.

– А президент БКА Хесс?

– Да, он тоже.

Конечно! Она подумала об инициалах Д. Х.

– А заключенные на Остхеверзанде?

– Думаю, нет, только если Пит им рассказал, в чем я сомневаюсь.

– Все-таки иногда яблоко от яблони падает далеко, – повторила она слова Снейдера. Он, его отец и сын не могли быть более разными. – И после ареста Пита никто не выяснил правду о вашем родстве?

– Нет.

– Но метрическая книга в Нидерландах! В документах должно... – Она задумалась. – Боже мой, вы это скрыли, верно?

– У меня были на то свои причины, – процедил сквозь зубы Снейдер и сменил тему. – Вы хотели знать, почему я так часто посещал Пита в тюрьме.

– Теперь я знаю причину.

– За этим стоит большее. – Он опустил глаза и понизил голос: – Я схватил его тогда в Берне, не дал совершить шестое убийство и упрятал в тюрьму. Вероятно, как любой отец, я чувствовал ответственность за своего сына. Три года психотерапия проходила успешно, но потом я узнал, что другие заключенные в «Штайнфельзе» вдруг стали его истязать.

– Такого мужчину, как Пита?

– Я тоже не мог себе этого представить, особенно в такой тюрьме, как «Штайнфельз», где сидят одни насильники детей, убийцы женщин, садисты и психопаты. Пит слишком сильная личность, чтобы позволить кому-то издеваться над собой. Я догадывался, что эти истории не соответствуют истине, но Пит молчал. В итоге полтора года назад ему щипцами раздавили яички, и с тех пор ситуация полностью вышла из-под контроля.

– А-а-а! – Сабина скривила лицо в болезненной гримасе. – Кто это сделал? Тоже другие заключенные?

– Полагаю, граф Эрех фон Кесслер. Вероятно, он подкупил нескольких охранников в тюрьме, чтобы таким образом отомстить за смерть своей дочери.

– Если это так, почему он так долго ждал?

– Два года назад предыдущий директор отправился на пенсию, а на его место пришел Холландер.

Ну и ну!

– Вы можете все это доказать?

– Нет, не могу. – Он поднял глаза. – Судья Бек выдала мне запрет на посещение Остхеверзанда. Согласно директору Холландеру и судебному психологу Ашенбах, мои визиты негативно сказывались на терапии Пита. Я пытался выяснить обстоятельства жестокого обращения с Питом и призвать виновных к ответу, но мне это не удалось. Все мои попытки перевести Пита в другую тюрьму провалились. Судья Бек этому препятствовала.

– За этим тоже стоит Кесслер?

– Весьма вероятно.

– Вы пытались установить контакт с Питом?

– Конечно, но он игнорировал мои письма. В конце концов я встретился с психотерапевтом Пита, опытной женщиной. Иреной Эллинг. Просил ее выяснить, в чем дело, но вскоре она погибла в результате несчастного случая.

– Несчастный случай? Вы не думаете, что...

Снейдер пожал плечами:

– Возможно. Если это так, то все замяли.

Сабина задумалась.

– Почему Кесслер отомстил Питу именно таким способом? Кастрацией? Это же какое-то сумасшествие.

– Это я могу вам объяснить. В результате ложной информации СМИ выставили Пита насильником. И Кесслер полагал, что его дочь была многократно изнасилована. Видимо, поэтому он и выбрал такое наказание. Кастрированный подобным способом становится бесплодным, у него не бывает выбросов тестостерона, но сексуальное желание не пропадает. Так что это особенно жестокая месть. Однако

Пит совершал убийства не на сексуальной почве, исключительно из злости и агрессии.

– А в результате кастрации мы теперь имеем дело с по-настоящему озлобившимся мужчиной. Почему вообще распространили эту ложную информацию?

Снейдер поднял на нее темные глаза, полные ненависти.

– Хесс? – предположила она.

– Кто же еще?

– О господи! Он тогда уже знал, что Пит ваш сын?

– Нет. Мы преследовали так называемого Неуча. В какой-то момент я стал догадываться, кто это. Если бы я поделился с Хессом своими предположениями, он тут же отстранил бы меня от дела. Так что я самостоятельно отправился на поиски Пита – и первый след привел меня в Роттердам.

– В одиночку отправились?

– Я должен был так поступить. Кроме меня, никто бы с ним не справился. И убийства не прекратились бы.

– Для вас особенно ужасно иметь сына-убийцу.

– Тот, кто задает вопрос «почему?», может справиться почти со всяким «как?», – лаконично ответил Снейдер.

– Мне очень жаль.

– Все в порядке. У нас с Питом одинаковая наследственность. Я стал криминалистом и использую свой талант, чтобы ловить убийц. А что Пит сделал со своими задатками? – Он не договорил до конца и устался на пол в гостиной.

Наверное, он опять видел своего маленького мальчика, играющего в кубики, – с невинной улыбкой, веснушками и светлыми локонами. Как он тянется ладошками вверх, потому что хочет, чтобы папа взял его на руки.

Снейдер прочистил горло.

– Когда Пит подросток и превратился в молодого человека, я уже догадывался, что у него психические проблемы и без лечения агрессия только усилится. Но он отказывался от помощи. Конечно, о таких экстремальных последствиях я и подумать не мог. В конце концов он начал без разбору убивать молодых женщин.

– Но сегодня он выбирает свои жертвы целенаправленно. Никола Висс, Йоана Бек, доктор Ашенбах, граф Эрих фон Кесслер со всей

семьей... – Сабина посмотрела в сад. – И собственная бабушка. Как и Аре Пеетерс. Все-таки в нем он видел причину того, что вы оставили семью.

– Возможно, но дело не только в этом, – возразил Снейдер. – Своим выбором жертв Пит одновременно решает и вторую проблему. Потому что он убивает людей из моего окружения, с которыми я поссорился или которых ненавидел.

– Почему он это делает? Из любви к вам?

Снейдер покачал головой.

– Я не уверен, способен ли Пит любить. Скорее наоборот. С точки зрения Пита, я разрушил семью. За всем этим стоит другой план. Выбор жертв – это умный шахматный ход. Так он заставляет меня действовать против собственной воли, выполнять свою работу скрепя сердце – а именно пытаться спасти жизнь людей, которых я презираю. Он хочет ослабить меня. Как только речь заходит о жертве, чья смерть меня в каком-то смысле... хм, радует, я уже не болею всей душой за дело и, соответственно, не выкладываюсь на сто процентов. А он знает, что только я могу его поймать.

– Вы должны противостоять своему альтер эго.

– Это все усложняет. Он чертовски на меня похож и в любой момент догадывается, что происходит у меня в голове и какой следующий шаг я собираюсь предпринять.

– Но это должно работать и в обратную сторону.

– К сожалению, нет, – вздохнул он. – Несмотря ни на что, он мой сын. – На его лице проступила нездоровая бледность. Он по очереди помассировал точки на ладонях.

Сабина все еще злилась на Снейдера, что он лишь сейчас поделился всеми деталями, но чем больше он рассказывал, тем лучше она понимала взаимосвязи.

– Почему он выбрал такой путь? Все эти жестокие убийства?

– Хм, кто знает? Твори десять лет добро, и никто этого не заметит. Твори зло один час, и о тебе заговорит весь мир.

– Он ищет признания?

Снейдер кивнул.

– Вашего?

– Вероятно. И как вы видите, он преуспевает.

– Но уже недолго осталось, – сказала она. – Мы его поймаем.

Снейдер уставился в пустоту.

– Надеюсь.

Сабина еще никогда не видела его таким неуверенным, как в этот момент. Но, в отличие от Снейдера, ей не мешала эмоциональная предвзятость. И она была полна решимости и желания схватить Пита ван Луна.

– Все это связано с театральной постановкой Пита, – подумала Сабина вслух. – Она служит ему сценарием для убийств. Поэтому нам нужна копия пьесы или запись спектакля со всеми декорациями, чтобы буквы тогда и цифры сегодня приобрели смысл.

Снейдер поднялся и подошел к комоду.

– Поэтому мы здесь. – Он открыл несколько ящиков, порылся в вещах и наконец вытащил тетрадь.

– Это то, что я думаю? – спросила она.

– У бабушки Пита был один экземпляр. Вот та самая пьеса.



*Понедельник, 28 сентября*

Бад-Бентхайм был последним населенным пунктом перед немецко-голландской границей. Ничто больше не напоминало о таможенном контроле на бывшем пограничном КПП, который был упразднен с тех пор, как открыли внутренние границы. Какой подарок! Автобан напрямую соединял обе страны. Еще этот последний рубеж, и он в Голландии.

Пит ван Лун сделал последний глоток кофе и смял жестяную банку. На полу рядом лежал пластиковый пакет с мусором: банки, бутылки, салфетки, упаковки от сэндвичей и батончика мюсли.

Он снизил скорость и позволил нескольким легковушкам обогнать себя. До сих пор он ехал не быстрее восьмидесяти километров в час и поэтому преодолел четыреста пятьдесят километров за семь часов вместо четырех с половиной. Вероятно, его осторожность была излишней, а подозрительность неоправданной, но никто не мог предугадать, получится ли у Френка – несмотря на скрупулезную подготовку – сыграть его роль настолько хорошо, что никто не заметит подмены в первые двадцать четыре часа.

В нескольких сотнях метров перед ним показался голубой знак с желтыми звездами: *Nederland*. Он взглянул в боковое зеркало и посмотрел по сторонам. Никакого полицейского контроля. Никаких подозрительных автомобилей. Никакого патруля с рацией и собаками-ищейками.

Пит опустил козырек от солнца, чтобы камеры не смогли распознать его лицо. Затем открыл окошко в перегородке, которое соединяло кабину водителя с кузовом автофургона. Оттуда пахло мочой.

Он постучал по металлической перегородке.

– Ты как? Все в порядке?

– Я больше не могу стоять, – выдавила Ханна с пересохшим горлом.

Последний раз он давал ей пить час назад. Для этого кляп пришлось вытащить, и он увидел, что ее вырвало, и она чуть не захлебнулась рвотными массами. С тех пор она стонала и плакала, стоя со связанными над головой руками. Иногда, когда ноги ослабевали, она повисала на одних руках. Ее запястья были стерты в кровь. Она даже обмочилась, поэтому в кузове отвратительно пахло мочой. С тех пор он больше не давал ей пить.

– Через пару часов мы будем на месте.

– Я больше не могу, – простонала она. – Пожалуйста, отпусти меня, я обещаю, что никому не скажу...

Он рассмеялся.

– Я даже верю, что ты собираешься так поступить. Честно! Но мы оба знаем, что как только ты окажешься в полицейском участке с чашкой горячего чая и пледом и заговоришь с психологом, то почувствуешь себя в безопасности. Решишь, что я уже ничего тебе не сделаю. Будешь думать, что все позади, разозлишься на меня и заговоришь. Нет, Ханна. Ты останешься со мной. Извини.

– Тогда хотя бы развяжи меня.

– Хочу тебе напомнить, что это ты пришла ко мне в камеру. Ты хотела ответов. И ты их получишь, обещаю. Немного терпения.

До знака пересечения границы с Нидерландами осталось всего несколько метров.

– А сейчас заткнись! – Он закрыл окошко и сконцентрировался на дороге.

Слегка прибавил скорости, чтобы машины позади него не начали гудеть. Никаких патрулей! Никакого преследования! Никакого выборочного контроля! Значит, Френк Бруно отлично играл его роль.

Миновав знак, Пит нажал на педаль газа.

Наконец-то он в ненавистой Голландии. Что за дерьмовая местность! Господи, какое отвращение он испытывал к этой стране!

Пит почувствовал, как его мышцы невольно напряглись, а пальцы впились в руль.

Нидерланды.

Здесь начнется его путь через боль, отчаяния и безумства. С той лишь разницей, что в этот раз он не даст себя остановить – до тех пор, пока не окажется лицом к лицу с отцом. Все-таки у него было время, чтобы научиться на своих ошибках.

*Пятница, 2 октября*

Электрический свет в родительском доме Мартена Снейдера заморгал. И без того тусклые лампочки на мгновение погасли, потом снова вспыхнули.

Сабина испуганно подняла глаза.

– Старая электропроводка. Такое иногда бывает, – объяснил Снейдер.

Сабина взяла тетрадь со стола. Желтоватый картон был в пятнах. На обложке бордовыми и бурыми красками был нарисован гниющий мухомор. Под ним стояли три строчки на датском языке, которые она, однако, легко смогла перевести:

**СКАЗКА О СМЕРТИ**

*Спектакль Пита ван Луна*

*В трех актах и пятнадцати сценах*

– Спектакль назывался «Сказка о смерти?» – спросила Сабина.

– Сказки Андерсена часто заканчиваются смертью. Возьмите хотя бы «Девочку со спичками».

– А почему Пит захотел поставить спектакль именно по сказкам Андерсена?

– Он учился в Копенгагене, там это напрашивалось само собой, – объяснил Снейдер. – И он обожал все виды сказок, историй и саг. Еще в детстве читал классические мифы о Ясоне, Геракле, Одиссее и Персее.

Сабина подумала о своих племянницах.

– И это ему нравилось?

– Да, все-таки Персей был умным парнем, который обезглавил медузу. Еще больше его восхищала история о троянском коне. Но любовь к сказкам, видимо, возникла еще раньше: тогда я часто читал ему перед сном. Гримм, Гауф, Андерсен, Лагерлёф и Эбнер-Эшенбах.

– И затем, молодым человеком, он ставит этот спектакль, чтобы добиться признания своего отца, – предположила Сабина. – Ему уже тогда были важны ваши уважение и признание?

– Вероятно.

– Правда, что спектакль был показан всего три раза и прошел без особого успеха? – спросила она, вспомнив слова Френка Бруно.

– Так и было.

– Вы присутствовали хотя бы на одном представлении?

– Мне помешала работа. Но я слышал, что это было фиаско. Жидкие аплодисменты. Спектакль был слишком мрачным и жестоким.

– И все это в пятнадцати сценах. – Сабина полистала тетрадь. – Можно разобрать ее по листам?

– Если вам это поможет. – Снейдер пожал плечами. – Моей матери уже все равно.

Сабина вырвала листы и разложила их на столе. Три акта по пять сцен. Каждая сцена имела собственные декорации и интерпретировала одну из сказок Андерсена на жуткий лад. Правда, пять сцен не были связаны со сказками. Своего рода обрамляющее действие с ретроспективой: Ганс Христиан Андерсен в своем кабинете за написанием сказок.

– Пит тоже играл в своем спектакле? – спросила Сабина.

– Он был только автором и режиссером. Если верить актерам, он с большим пониманием и чуткостью относился к театральной труппе. Но не справился с разгромными отзывами критиков, которые, по его мнению, не поняли спектакль.

Сабина разложила перед собой листы трех актов. Тексты были написаны на датском языке, но по рисункам можно было понять, о какой сказке идет речь. набросок Снежной королевы был самым жутким, потому что рисунок изображал женщину со стеклянными осколками в сердце и глазах.

– Что здесь написано?

– Я никогда не был силен в датском, – сказал Снейдер. – Но думаю, это просто описание декораций.

Сабина пробежала текст глазами, но не нашла распределения по ролям.

– Никаких диалогов?

– Насколько я знаю, в спектакле не говорили. Пантомима с музыкальным сопровождением.

– Бетховен? – предположила Сабина.

Снейдер кивнул.

– Да, вы правы. Бетховен, Вагнер, Орф и датчанин Карл Нильсен.

Сабина уставилась на листы и мысленно перевела заголовки на немецкий.

## **I Акт**

**01 Принцесса на горошине**

**02 Русалочка**

**03 Гадкий утенок**

**04 Стойкий оловянный солдатик**

**05 Новое платье короля**

## **II Акт**

*06 Сцена из биографии Г. Х. Андерсена*

*07 Сцена из биографии Г. Х. Андерсена*

**08 Огниво**

*09 Сцена из биографии Г. Х. Андерсена*

*10 Сцена из биографии Г. Х. Андерсена*

## **III Акт**

**11 Оле Лукойе**

**12 Нехороший мальчик**

*13 Сцена из биографии Г. Х. Андерсена*

**14 Снежная королева**

**15 Девочка со спичками**

– Это наш план совершенных убийств и тех, которые еще предстоят.

Снейдер кивнул.

– Теперь понятно, почему некоторых цифр не хватает. Например, на жертвах убийств в Вене не было цифры тринадцать. Он берет только сцены со сказками.

– Однако эти цифры не совпадают с убийствами и местами преступлений. Сцена с Русалочкой значит под номером два, а он

вырезал на бедре вашей матери тройку.

– Да, вижу. – Снейдер поднялся, задумчиво поджег сигарету и прошелся по гостиной.

Сладковатый запах марихуаны ударил Сабине в нос. Пока Снейдер расхаживал туда-сюда в клубах дыма, Сабина рассматривала список.

Неожиданно Снейдер щелкнул пальцами и с другого конца комнаты кивнул на листы.

– Цифры на трупах указывают на следующее убийство. Сабина просмотрела листы, чтобы проверить теорию Снейдера.

– Да, точно, – пробормотала она. – Цифра три на трупе вашей матери указывает на следующую сцену, а именно – «Гадкий утенок». У обезображенной судьи на лбу была цифра четыре, что соответствует сказке «Стойкий оловянный солдатик», и так далее. Все сходится. Каждое убийство указывает на следующее преступление.

– А цифры на телах семьи Кесслер в Вене – двенадцать, четырнадцать и пятнадцать – отсылают к трем последним сказкам: «Нехороший мальчик», «Снежная королева» и «Девочка со спичками».

Так и было. Хотя Снейдер не смотрел на стол, он досконально помнил содержание отдельных листов.

– Получается, он убьет еще троих.

– Если уже этого не сделал, – добавил он. – В любом случае теперь мы знаем, как будут убиты следующие жертвы.

Сабина вопросительно на него посмотрела.

– Ну давайте, – торопил он ее. – Вы же прочитали сказки. Как Пит мог бы это реализовать?

Она посмотрела на соответствующие наброски декораций и задумалась.

– Нехороший мальчик мог бы проткнуть кого-нибудь стрелой, Снежную королеву можно разрезать стеклянными осколками, а Девочку со спичками заморозить насмерть.

– Проткнуть, разрезать, заморозить, – повторил Снейдер несколько раз, как мантру. – У нас остается мало времени. После убийств в Вене жуткая игра Пита примет новые масштабы.

– Что вы имеете в виду?

– Подумайте о месте преступления, которое я вам описал. До этого мы находили по одной цифре, которая вела к следующему

преступлению, но в Вене было целых три цифры. Вероятно, последние три убийства произойдут одновременно и выльются в большой финал.

– Может быть, но... – Сабина уставилась на листы и попыталась еще раз реконструировать все, что сейчас сказал Снейдер. Но что-то не сходилось. И вдруг она поняла. – Не хватает первого убийства! «Принцесса на горошине».

– Правильно, и цифры один, которая указывала бы на это первое убийство, – продолжил Снейдер.

Сабине неожиданно стало плохо.

– Я получила эту подсказку.

– Вы? – Снейдер вынул сигарету изо рта и посмотрел на Сабину через густое облако дыма. – Когда?

– Сегодня на острове Остхеверзанд. Двойник Пита ван Луна прижал ладонь к стеклу в комнате для допросов. На ладони была вырезана цифра один.

– Первое убийство Пита. «Принцесса на горошине», – повторил Снейдер. – Значит, он убил кого-то, прежде чем расправился со своей бабушкой. – Снейдер подошел к столу, взял один из листов, перевернул его и вытащил из пиджака ручку.

– Что вы делаете?

– Я ищу место первого преступления. – Он начал что-то чертить на обратной стороне. Пепел с сигареты упал на бумагу.

– Вы уничтожаете доказательства, – запротестовала она.

– Нет! Я пытаюсь понять схему, чтобы предотвратить еще три убийства. – Снейдер закончил рисунок. – Посмотрите! Это Австрия, Германия и Швейцария.

– Вот это должна быть Австрия?

– Избавьте меня от комментариев. – На импровизированной карте он отметил несколько точек. – Остров Остхеверзанд, Роттердам, Дортмунд, Хаген, Берн, Регенсбург и Вена.

Затем он соединил эти точки, и Сабина поняла, что он реконструировал маршрут Пита. Путь вел зигзагом с севера на юг.

– Предположим, вы правы, подмена с Френком Бруно и побег Пита произошли в воскресенье вечером, когда Пит разбил себе лицо. Затем первой целью стал Роттердам. Посмотрите в телефоне, сколько это километров.

Пока Сабина открывала планировщик маршрутов, Снейдер подписал под точками на своем плане дату и время.

– Шестьсот тридцать километров, – сообщила она и сразу внесла в программу данные следующей цели. – Пять лет назад он не спешил, между убийствами были перерывы по две недели. Но не в этот раз! Он чертовски быстро передвигается, и я не понимаю, как он сумел совершить все эти убийства за такое короткое время.

– Да, график плотный, – пробормотал Снейдер. – Но иначе нельзя. Он должен торопиться, пока его побега не заметили.

Сабина продиктовала Снейдеру расстояния между остальными пунктами, и через минуту у них получилась следующая схема:

Воскресенье, 27 сентября – около 23 часов

Остров-тюрьма Остхеверзанд

Побег

Следующая цель: 630 км

Понедельник, 28 сентября – около 21 часа

Роттердам

«Русалочка»: бабушка Пита

Ноги перемолоты в силосорезке

Цифра 3 на бедре

Следующая цель: 250 км

Вторник, 29 сентября – около 20 часов

Дортмунд

«Гадкий утенок»: судья Йоана Бек

Лицо срезано и наклеено на зеркало

Цифра 4 на лбу

Следующая цель: 26 км

Вторник, 29 сентября – между 22 и 2 часами

Хаген

«Стойкий оловянный солдатик»: судебный психолог

Доктор Ашенбах

Ноги отрублены, сама посажена на кол

Цифра 5 на спине



Следующая цель: 620 км

Среда, 30 сентября – между 22 и 2 часами

Берн

«Новое платье короля»: директриса федпола

Никола Висс

Голая подвешена за волосы под мостом

Цифра 8 на животе

Следующая цель: 620 км

Четверг, 1 октября – около 15 часов

«Баварский лес»

«Огниво»: первый друг Снейдера Аре Пеетерс

Сожжен вместе с пнем

Цифра 11 на голове

Следующая цель: 395 км

Четверг, 1 октября – между 21 и 24 часами

Вена

«Оле Лукойе»: граф Эрих фон Кесслер с семьей

Отец третьей жертвы Пита

Заколоты зонтами

Цифры 12, 14 и 15 на груди

Следующая цель: ???

Сабина разглядывала записи Снейдера.

– Когда этот человек спит?

– Вероятно, он принимает амфетамины и болеутоляющие средства, – проворчал Снейдер.

– Получается, свое первое убийство он совершил между побегом с острова Остхеверзанд и прибытием в Роттердам, – заявила она. Другой вариант был просто невозможен.

Снейдер отложил ручку в сторону.

– И я уже знаю, кто был первой жертвой.

Она подняла на него глаза.

– И кто же?

– Они же сказали, что одновременно с побегом Пита исчезла и психотерапевт, – напомнил ей Снейдер.

Сабина вытащила из кармана куртки фотографии Френка Бруно и Ханны Норланд и положила их на стол. Снейдер выругался, когда взглянул на снимки.

– Это Ханна Норланд?

– Да, психотерапевт Пита. Вы знаете эту женщину?

– Конечно, знаю. На самом деле ее зовут Анна ван Лёвен. Она младшая сестра подружки Пита, которая стала его первой жертвой пять лет назад.

– О боже! – вырвалось у Сабины. – Если вы правы, Ханна Норланд теперь его первая жертва, как и ее сестра раньше. Где произошло то убийство?

Снейдер потушил сигарету о стол.

– В квартире Пита в Роттердаме. Вызовите такси!

*Понедельник, 28 сентября*

Ханна почувствовала, что Пит притормозил. Услышала тиканье поворотника. Автофургон переехал через какой-то бордюр и катился все медленнее, пока не остановился. Затем двигатель заглох.

Она попыталась развернуться и взглянуть в окошко в перегородке, но ничего не увидела.

Ее запястья были стерты до крови и горели. На каждом повороте кабельные стяжки все глубже врезались в кожу. По рукам то и дело стекали струйки крови, засыхали и превращались в жесткую корочку. Ноги ее больше не слушались. Если бы она могла, как дикий зверь, перекусить зубами стяжки на руках и, свернувшись, уснуть на полу. Но об этом нечего было и думать – ей все равно не дотянуться так далеко, можно и не пытаться.

Она услышала, как Пит включил радио на всю громкость – и вылез из автофургона.

Ничего не происходило. Целую четверть часа. Наконец она стала звать на помощь, но ей постоянно приходилось сплевывать, потому что рана от выбитого зуба все еще кровоточила. К тому же Ханна пыталась дотянуться связанными ногами до боковой стенки фургона и снова пнуть в нее, хотя на заправке это ни к чему не привело. Но сейчас ноги до стенки уже не доставали.

Спустя несколько минут она перестала и кричать. Это отнимало слишком много сил. Да и радио заглушало все звуки.

Примерно через полчаса радио неожиданно замолчало. Послышался скрип пружин. Пит снова сидел в машине и рылся в бардачке. Затем он вышел и со всей силы захлопнул дверь. Минуту ничего не происходило.

Наконец открылась задняя дверь, и шторка сдвинулась в сторону. Тяжело дыша, перед ней стоял Пит. На лбу у него блестели капли пота.

– Добро пожаловать домой.

Он разрезал кабельные стяжки у нее над головой. Ее руки тут же опустились вниз, и их пронзила невыносимая боль, потому что растянутые и затекшие плечи слишком долго находились в одном положении.

Она хотела закричать, но Пит снова засунул ей в рот кляп. Она повалилась на пол. Наконец-то она могла полежать! Пит подхватил ее. Она осела в его руках и позволила вытащить себя из фургона.

Уже сгустились сумерки, но после стольких часов в темноте даже они ослепили Ханну. Воздух был прохладным, и она ощутила, что штаны в паху все еще влажные.

Она без сил огляделась. Они находились во внутреннем дворе здания из красного кирпича. Дом уходил вверх на четыре этажа. На парковке стояла только машина Пита. Мрачная и жуткая атмосфера здания показалась ей знакомой, но в данный момент ее мозг был настолько притуплен, что она ничего не смогла вспомнить. Она чувствовала близость порта и связывала с этим какое-то дурное воспоминание.

Пит потащил ее от машины к уже открытой двери квартиры, которая выходила прямо во двор. Связанные ноги Ханны волочились по булыжной мостовой.

Пит выругался по-голландски:

– Старая пьяная шлюха!

Если кто-то их случайно увидит или услышит, то подумает, что Пит подцепил ее в каком-то дешевом кабаке и притащил к себе домой.

Она отчаянно пыталась выплюнуть кляп, чтобы позвать на помощь, но в следующий момент уже оказалась в квартире. Пит бросил ее на пол, прикрыл за собой дверь и запер на ключ.

Ханна перекатилась на бок и хотела подняться, но он схватил ее за шиворот и поволок через прихожую. Рядом с входной дверью лежали какие-то посылки, конверты и пакеты. На большинстве из них Ханна заметила немецкие почтовые марки и печати. Затем ее потащили дальше.

Пит проволоч ее через гостиную и, наконец, бросил в спальне на диван. Шторы были задернуты, но она все равно разглядела на полу черную спортивную сумку Френка Бруно. «Эта квартира! Этот паркетный пол! Эти шторы, комоды, картины и абажуры!» Ханне была знакома эта обстановка... и она наконец поняла откуда. Она хотела

выплюнуть кляп изо рта и громко закричать, но Пит ударил ее ладонью по лицу. На мгновение сознание помутилось, но потом вернулось к ней.

Это была квартира Пита в Роттердаме! Последний раз Сара позвонила ей 8 июня пять лет назад – с тех пор прошло почти три месяца, а сестра не подавала никаких признаков жизни. В конце концов Ханна разыскала адрес тогдашнего друга Сары. Этот адрес! Родители советовали ей не вмешиваться в жизнь и дела сестры: по их мнению, Сара была достаточно взрослой, чтобы знать, что делает. Но и Ханна была достаточно взрослой, чтобы знать, что делает. Она не могла поверить, что Сара намеренно так долго не хотела с ней общаться. Поэтому она села в машину и за час доехала до Роттердама, по узким переулкам вдоль каналов, мимо порта – и к этому зданию. К этой квартире.

Сара рассказывала ей о каком-то Пите ван Луне – и «ВАН ЛУН» значилось на табличке над дверным звонком. Но дверь ей никто не открыл.

Больше часа Ханна ждала во внутреннем дворе, на скамейке рядом с мусорными баками, и много раз откидывала крышку над широкой прорезью для писем и через нее заглядывала внутрь квартиры – но не увидела ничего, кроме темной мебели в прихожей. Ни малейшего признака жизни.

Все здание словно вымерло. За исключением одного пожилого мужчины с газетой под мышкой Ханне никто не встретился. Ханна заговорила с ним, хотела расспросить о Пите ван Луне, но старик смог рассказать ей лишь то, что в квартире ван Луна давно никто не появлялся. Уже несколько месяцев.

Когда мужчина с газетой скрылся в своей квартире, Ханна отломала кусок проволоки от старой корзины в мусорном баке, согнула ее и открыла замок.

Она хотела найти хоть какое-то напоминание о Саре – своей любимой сестре, которая просто уехала из дома, оставив ее и Эмму. Она надеялась обнаружить сообщение на автоответчике, мобильный Сары, новый адрес, пару фотографий, билеты в кино или театр, неотправленное письмо для Ханны или чеки из супермаркета, где сестра покупала продукты. Хоть что-нибудь. Крошечный знак, что у Сары все хорошо. Что она счастлива.

После первых безуспешных поисков ее взгляд упал на тихо жужжащий в углу морозильный ящик. Она и сама не знала, почему заглянула туда. Возможно, чтобы посмотреть, не заморозила ли Сара там свои любимые вафли с сиропом, как делала это дома.

Вместо них она нашла в морозильнике саму Сару. Голую, с замороженными волосами, безжизненными глазами, переломанным, раздробленным телом и вырезанной на груди буквой. Остальное было прикрыто газетой. Выпуск от 8 июня, дня рождения Сары.

Долгое время Ханна, как загипнотизированная, смотрела на труп. Ее мозг просто не хотел воспринимать то, что она видела. Уговаривал ее, что это неправда. Что это не может быть реальностью. Но затем Ханна нерешительно коснулась холодной щеки Сары, ее волос и век, из-под которых мутные зрачки уставились в никуда.

Шокированная прикосновением, она закричала, в панике выбежала из квартиры и налетела на высокого лысого мужчину в темном костюме и с пистолетом в руке, который собирался нажать пальцем на звонок. Он поймал ее, буркнув: «*Verdomme!*», иначе она упала бы, запнувшись о собственные ноги.

– Будь как дома, – голос Пита вырвал ее из мрачных мыслей.

Воспоминание Ханны поблекло. «Как дома!» Ее тело напряглось. Здесь умерла ее сестра.

Пит наклонился над диваном и вытащил изо рта Ханны окровавленный кляп.

– Ну, довольна?

– Отпусти меня, – взмолилась она и пощупала языком кратер в десне. Наверное, она проглотила зуб. Кроме того, Пит задел еще и штифтовый зуб, который теперь качался и кровил.

– Ты знаешь, что я этого не сделаю. – Он пошел в прихожую, где что-то разорвал и зашуршал упаковкой. – Как видишь, я подготовился! – крикнул он из прихожей.

В следующий момент он вернулся в спальню с содержимым двух пакетов.

Глаза Ханны расширились.

– Пожалуйста, не надо!

В одной руке он держал молоток, в другой канцелярский нож.

– Плохие воспоминания? – спросил он.

Она сглотнула кровь.

– Не волнуйся, у меня на тебя другие планы. Оглядишься.

Ханна посмотрела в угол комнаты. Там лежала почти полутораметровая стопа грязных, в пятнах матрасов. Нижние продавились под общим весом.

– Тринадцать штук, только для тебя, – объяснил Пит. – Я притащил их из соседних квартир, а некоторые из подвала.

– А что с другими людьми в доме? – прошепелявила она.

– Типичная психолог. Ты всегда сначала заботишься о других. – Он подошел к матрасам и похлопал по верхнему. – Вообще-то это предполагалось для Эммы. Сегодня вечером я собирался забрать твою сестру из отеля твоих родителей. Но теперь ты здесь. Сэкономила мне время – и уменьшила риск быть пойманным в Амстердаме.

Она подумала о кабельных стяжках и кольце на потолке автофургона.

– Ты заранее все подготовил.

– Умная девочка. Во время своих отпусков Френк Бруно часто бывал здесь. Но раз ты жаждешь все узнать, тогда вместо сестры и положишь всему начало.

– Почему ты не можешь оставить нас в покое? – заплакала она.

Он сел рядом с ней.

– Это ты должна была оставить меня в покое, но тебе обязательно хотелось выяснить мою мотивацию. Теперь ты узнаешь ее на собственной шкуре – как тогда твоя сестра. Мне кажется, в этом новом начале есть что-то символическое. Ты так не думаешь?

– Но зачем все эти убийства? – выдавила Ханна.

– Как психотерапевт, ты должна бы знать, что каждое убийство, которое совершает социопат, замещает какую-то форму ненависти, которую он носит в себе.

– Ты считаешь себя социопатом?

– Тебе достаточно прочитать мои документы, что ты наверняка уже сделала.

– И ты ненавидишь женщин?

– Моя мать не смогла удержать моего отца.

– Но почему моя сестра? – всхлипнула Ханна. – Она была твоей подругой!

– Чтобы стать по-настоящему свободным, нужно убить то, что любишь.

– И раздробить ей все кости?

– Умирание – долгий процесс. Сначала я должен был разрушить ее структуры и лишить опоры, чтобы подготовить к самой смерти. Лишь так я мог полностью ее уничтожить.

– А что означала буква А на ее теле? Аборт?

– Аборт? – медленно повторил он.

– Ты не знал, что она была на третьем месяце беременности? – зарыдала Ханна. – Врачи установили это при вскрытии Сары. У нее должен был родиться мальчик.

Пит вытаращил глаза. В его ошарашенном взгляде мелькнули одновременно страх, вина и безумие.

– Значит, я убил тогда... своего сына?

– Да. – Ханна уставилась на него. – И моего племянника. Пит вдруг самодовольно улыбнулся.

– Какая досада. Он мог бы продолжить мое творение.

От такого безжалостного человека, который сунул раздробленное тело своей подруги в морозильную камеру, не стоило ждать раскаяния.

– Но почему? – Ханна смахнула слезы с лица. – Чтобы привлечь внимание?

Он медленно кивнул:

– Да, тогда меня интересовало только это. Своего рода умственное противостояние. После все могло закончиться и измениться к лучшему. Но этого не произошло! Что было не моим решением. И сегодня на кону гораздо больше, чем тогда... речь идет не только о ненависти, но и о разочаровании и возмездии. – Он наклонился к спортивной сумке и вытащил из бокового кармана мятый конверт. – Хочешь послушать, что мой отец написал мне два года назад в тюрьму?

Ханна помотала головой, потому что уже настолько погрузилась в это безумие, что ей казалось, она стоит на краю обрыва и не хочет идти дальше. Но Пит не оставил ей выбора.

Он открыл конверт.

– Я все равно тебе прочитаю. – Медленно развернул написанное от руки письмо. – «Я даже выразить не могу, как сильно ты меня разочаровал. Мы уже были на правильном пути, но оказалось, что я лишь впустую потратил на тебя время. Все усилия напрасны и бессмысленны! И это выводит меня из себя. В очередной раз подтвердилось: преступник всегда остается преступником. Ты



олицетворяешь все, что мне противно. Я больше не могу выносить твоего присутствия...» и дальше в таком же духе.

– Мне очень жаль, но я в этом не виновата, – всхлипывала она.

– Это так, но, лишь страдая, мы открыты для правды, – сказал он. – Раздевайся!

Она помедлила, а потом прижала руки к груди.

– Нет.

Он поднял руку и сжал кулак. Ханна вздрогнула и инстинктивно закрыла лицо руками, потому что в любой момент ждала удара. Но его не последовало.

– Раздевайся! – лишь приказал он и разрезал кабельные стяжки у нее на лодыжках.

Она медленно расстегнула брюки и блузку и сняла их. Когда начала дрожащими пальцами тереть застежку лифчика, он остановил ее.

– Достаточно. – Он поднял ее одежду, смял и швырнул в угол.

От вида своих грязных, потных и обмоченных вещей, которые теперь валялись в углу квартиры, на глаза Ханны навернулись слезы. Точно так же и она будет валяться и гнить здесь. Если не повезет, труп обнаружат полностью разложившимся, когда узнать ее будет уже нельзя. Только идентифицировать по зубам. Родители потеряют двух своих дочерей. Из-за одного и того же сумасшедшего.

– Хватит рыдать! – закричал он.

Она вытерла слезы. «Борись! Ты изучала психологию, – подстегивала она себя. – Нельзя сдаваться!»

– Я... – начала она, но только что пришедшая в голову мысль ускользнула. Ханна попыталась вспомнить, но голова была такой тяжелой. Казалось, что последний день на острове Остхеверзанд был бесконечно давно. Тут она снова вспомнила о документах Ирены Эллинг с подпаленными краями. – Я могла бы помочь тебе раскрыть правду.

Голова Пита была так близко, что она чувствовала его дыхание на своей коже.

– Правду о чем?

– О смерти Эллинг и...

– Я похож на того, кого это интересует?

– А истязания и нанесение тебе телесных повреждений? Это взаимовыгодная ситуация.

– Избавь меня от своего психологического дерьма! Я продолжу свою работу. И на этот раз я подготовил еще более страшную смерть. – Он поднялся. – Но не потому, что я хочу, а потому, что должен. Это мое предназначение. Они все этого хотели.

– Это нечестно!

– Будь это честно, меня бы не возбуждало. Но я дам тебе шанс. Ты его заслужила, потому что ты смелая маленькая женщина.

В ней вспыхнула искра надежды.

– Какой шанс?

– Из насоса стеклоомывателя я вырежу трубки достаточной длины, чтобы ты могла продержаться какое-то время. А потом лишь от тебя и моего отца будет зависеть, выживешь ты или нет.

– Твоего отца? – повторила она.

– Ты с ним уже встречалась. Тогда, пять лет назад, когда нашла Сару. Голландский следователь.

– Он твой отец?

– Я его себе не выбирал. – Пит встал, схватил верхний матрас и бросил его на пол. – Если кто и может тебя спасти, то только он. В случае с твоей сестрой он облажался. Правда, я и не давал ей шанса, как тебе сегодня. Шанс невелик, но тем не менее.

Он передвинул матрас в другой угол комнаты.

– «Жил-был принц, он хотел взять себе в жены принцессу, да только настоящую принцессу». – Пит указал на матрас. – Ложись сюда, принцесса.

Полчаса спустя Ханна оказалась в абсолютной темноте. Ее руки и ноги снова были связаны, а в рот вставлены две гибкие трубки с горьким привкусом. Через одну она получала жидкость, через другую дышала. Поверхностно и медленно. Что, если она подавится или задохнется? Страх охватывал ее все сильнее, и каждая паническая атака длилась дольше, чем предыдущая.

В голове у нее вертелись последние слова Пита, когда она умоляла его не оставлять ее одну в темноте.

– Но я должен, прощай!

– Куда ты идешь?

– Нехороший мальчик навестит свою бабушку.

*Пятница, 2 октября*

Они мчались в такси по узким переулкам Роттердама в квартиру Пита.

В дороге Снейдер наконец-то связался с голландской уголовной полицией. Насколько поняла Сабина, он затребовал следственную группу и криминалистов, чтобы те перевернули дом и участок его матери вверх дном. Между тем у Сабины чесался язык от желания задать новые вопросы.

Наконец Снейдер закончил разговор. И повернулся к ней. Его лицо было еще бледнее, чем раньше, хотя такое казалось почти невозможным.

– Скажите уже, что вы хотите знать?

– Пит сидел пять лет в тюрьме, – начала она. – В его квартиру наверняка кто-то уже вселился.

– Не в эту квартиру. Весь жилой дом, старое здание с пятнадцатью квартирами, принадлежит... принадлежит моей матери. Пит жил в одной из них. Но после убийства Сары ван Лёвен жильцы друг за другом съехали. Никто не хотел вселяться в дом роттердамского убийцы. Два года он пустовал, а потом там иногда размещали беженцев и бездомных, потому что моей матери нужны были деньги.

– Может, нам лучше...

– Нет, – перебил он ее. – Мы приехали! – Он выпрыгнул из машины и поспешил по улице.

«...вызвать полицию», – мысленно закончила фразу Сабина. Но это была родина Снейдера, его семья, его дело – и его правила.

– Пожалуйста, подождите здесь, – по-английски сказала Сабина водителю. Она оставила свою дорожную сумку в багажнике и побежала за Снейдером.

Это здание находилось еще ближе к порту, чем дом родителей Снейдера. Рыбный запах был интенсивнее, и Сабина слышала

приглушенные гудки лодок. Этот район выглядел безотрадно. Как и темное кирпичное здание, во дворе которого исчез Снейдер.

С черепичной крыши на кабеле свисала сломанная спутниковая тарелка, слегка покачиваясь на ветру. Через арку Сабина вошла во внутренний двор. Здесь было темно, потому что свет уличных фонарей практически не попадал внутрь. Сабина разглядела, что к дверям квартир ведет кованая наружная лестница, напоминавшая пожарную. На всех окнах решетки. Видимо, это была опасная местность.

Во дворе стоял старый бурый автофургон с логотипом фирмы-производителя замороженных продуктов и немецкими номерами.

«Из Шлезвиг-Гольштейна!»

Снейдер уже вытащил пистолет из поясной кобуры. В другой руке он держал мобильный телефон и светил им в кабину фургона.

Сабина инстинктивно сжала руку в кулак.

– Это машина, на которой он бежал? – прошептала она.

– Похоже на то.

– Он здесь?

Снейдер взглянул через стекло на пассажирское сиденье.

– Вряд ли. Вчера ночью он совершил три убийства в Вене и не настолько глуп, чтобы затем вернуться сюда.

– Откуда вы знаете, что он вообще был здесь? – спросила Сабина по-прежнему шепотом. – Машина ведь может...

– На пассажирском сиденье лежит карта автомобильных дорог Северной Германии. – Снейдер отошел от машины и целеустремленно направился к двери одной из квартир. Посветил в единственное узкое окно, которое не было зарешечено.

– Это была его квартира?

– Перестаньте говорить шепотом, это заставляет меня нервничать, – шикнул Снейдер. – Да, это была его квартира. Вот окно его ванной, но я не могу ничего разглядеть. – Он снова натянул пару латексных перчаток и нажал на дверную ручку. Заперто. – Вас научили в академии, как открыть такой замок? – Он посветил на замочную скважину.

Значит, Снейдер все еще не умел вскрывать замки. Сабина разглядывала старый цилиндрический замок.

– Да, для этого мне нужно лишь...

– А, у нас нет времени, – перебил он ее. – Лучше вызовите международную службу спасения. Они должны прислать сюда криминалистов. А я пока войду внутрь. – Он сделал шаг назад и со всей силы пнул дверь.

Уже от первого удара дерево затрещало, от второго расшатались шарниры, от третьего погнулась металлическая рама.

В это время Сабине ответили. Она вышла из внутреннего двора, поискала снаружи название улицы и сообщила адрес. Затем по-английски запросила криминалистическую службу. Закончив разговор, она увидела таксиста, который услышал шум, вышел из машины и теперь с любопытством заглядывал во двор.

– Оставайтесь в машине! – приказала она ему. Затем побежала обратно во двор.

Между тем Снейдер уже взломал входную дверь. Задвижка была вырвана, из рамы торчали деревянные щепы. Было бы проще сразу захватить универсальный ключ из дома матери, но, видимо, Снейдер об этом не подумал.

Сабина вошла в квартиру. Снейдер стоял в прихожей. Он нажал на выключатель, и под потолком вспыхнула крохотная лампа.

– В доме еще есть электричество? – удивилась Сабина. Снейдер уже открыл распределительный щиток.

– Видимо, моя мать не отключила электроснабжение. К тому же кто-то заменил предохранители на новые. Видите?

Он прошел в гостиную и включил свет там. Шторы были задернуты. На полу валялось множество вскрытых конвертов и посылок, которые Снейдер просмотрел и изучил адреса отправителей.

– Многие были отправлены из Фленсбурга. Видимо, Пит сам посылал их себе домой, или кто-то приобрел для него эти вещи.

Сабина подумала о разговоре с Френком Бруно и о том, что Пит пообещал ему дом.

– Я думаю, это Френк Бруно. – Она отвернулась и взглянула на большую стену, с которой были сняты все картины. Вместо них на грязных обоях были приклеены карты дорог, флаеры, распечатки электронных писем с адресами, фотографии зданий, планы городов и расписания поездов.

Сабина вслух прочитала названия городов. Ни в одном из них не было совершено убийство.

– Что это?

– Ложный след на случай, если подмена в тюрьме вскрылась бы раньше времени и полиция приехала обыскивать его старую квартиру.

– И поэтому он все это инсценировал?

– Да, чтобы отвлечь нас. В это время он мог бы незаметно совершить убийства в Дортмунде, Хагене, Берне, Регенсбурге и Вене – что он и сделал.

– А где он делал свои приготовления для настоящей серии убийств?

Снейдер постучал пальцем по лбу.

– Вот здесь. Я уверен, что не существует ни одной записи. У Пита было пять лет, чтобы все детально спланировать. А этот Френк Бруно помогал ему.

– И он занимался этим все время?

– Пит мыслит на ином уровне, чем мы с вами. Если он видит нож, то автоматически задается вопросом, кого он может им убить.

– Даже так?

– Еще в детстве он избегал других детей, чтобы не причинять им зла. Иногда он был даже милым мальчиком, но я знал, что каждое облако когда-нибудь вернется с грозой. – Слова Снейдера звучали все ожесточеннее. В конце концов он пнул пустую коробку через всю комнату. – Все это бесполезно. Мерзавец играет с нами, а мы понятия не имеем, где он инсценировал последние убийства.

– Нам все еще не хватает первого убийства, – напомнила ему Сабина. – Я посмотрю, что в других комнатах.

– Будьте готовы ко всему. По моему мнению, убийство должно было произойти в этом здании.

С нехорошим чувством она вышла из гостиной и направилась на кухню. Увиденное там заставило ее отшатнуться. Остатки еды и питья на столе выглядели так, словно кто-то жил здесь несколько дней. В мойке высилась гора посуды. Микроволновая печь была открыта, в ней тоже стояла миска с остатками пищи. Повсюду валялись надорванные упаковки таблеток: аспирин, сильные болеутоляющие, антибиотики, медикаменты для желудка и стимулирующие средства, а также упаковка таблеток с надписью «*Ятрозом*», о которых Сабина никогда не слышала.

Затем ее взгляд упал на ручку морозильного ящика. Так как электричество в доме не отключили, в морозильнике вполне можно было спрятать тело, чтобы предотвратить распространение трупного запаха. Карандашом из нагрудного кармана она поддела ручку и приподняла крышку. Ее тут же обдало холодом. В морозильном ящике включился свет. Сабина была готова увидеть застывшие глаза трупа, но морозильник оказался пустым. Она уронила крышку, осмотрела оставшуюся часть кухни, но, не найдя никаких подсказок, пошла дальше.

В спальне тоже не на что было смотреть. Только полутораметровая стопа матрасов в углу. Пахло фекалиями и мочой. Очень странно!

Она уже хотела выйти из комнаты, как ее взгляд упал на кучу скомканной одежды. Брюки, дождевик и блузка.

Даже необычно шикарная голубая блузка.

С любопытством она разглядывала наряд. Затем ее взгляд переместился к матрасам. «Принцесса на горошине. Конечно!» Сабина тут же опустилась на корточки рядом с матрасами и лишь теперь заметила, что между нижними матрасами торчали две прозрачные пластиковые трубки диаметром около сантиметра. Одна лежала на полу, а другая спускалась в пустой пластиковый контейнер.

Здесь вонь была невыносимой. Теперь Сабина заметила выпуклость, которая сглаживалась в вышину. Выпуклость была приблизительно человеческого размера. Может, там лежит труп?

Нет, типичный трупный запах отсутствовал.

И неожиданно она поняла, для чего эти трубки. Она послунявила пальцы и поднесла к отверстию одной трубки. Однозначно ощущалась воздушная тяга.

– Снейдер! – крикнула она. – Нам нужна машина скорой помощи!

Сабина вскочила, сбросила верхний матрас вниз и хотела перетащить его в другой конец комнаты, но матрас оказался слишком тяжелым. Он свалился на пол, сложился пополам, и Сабина пыталась сдвинуть его на другую сторону. Затем она скинула второй и третий матрасы. На лбу у нее выступил пот. В общей сложности эта стопа должна весить не меньше двухсот пятидесяти килограммов.

В это время в комнату вошел Снейдер. Он держал у уха телефон и говорил с кем-то по-голландски. Сабина услышала, как он назвал

улицу. Затем закончил разговор.

– Под матрасами кто-то лежит. Возможно, уже несколько дней, – прокричала она.

Снейдер подскочил к ней и стал помогать по очереди скидывать матрасы вниз. Когда на полу остались только три штуки, они увидели очертания человека.

– Сейчас осторожно, – сказал Снейдер.

Они подняли третий матрас. Сабине в нос ударил запах крови и гноя.

– Осторожно. – Снейдер поднял нижний край.

Матрас прилипал. Осторожно он потянул матрас вверх с каждой стороны. Послышался женский стон.

– Приглушите свет! – велел он. – Эта женщина провела в абсолютной темноте как минимум четыре дня.

Сабина выключила лампу. Теперь в спальню проникал лишь слабый свет из коридора.

– Я готов. Помогите мне!

Вместе они подняли матрас и отбросили в сторону. Раздалось хлюпанье. Кто-то жалостно застонал. В слабом свете Сабина увидела полуголую связанную женщину. На ее лице и теле виднелись многочисленные раны, синяки и вмятины от матрасов. Кожа была влажной и отливала синим.

Снейдер наклонился к ней и осторожно отодрал лейкопластырь, которым трубки были приклеены к ее губе. Затем вытащил их изо рта.

– Меня зовут Мартен С. Снейдер, БКА Висбаден. Ханна Норланд, верно? Вы в безопасности. – Потом обернулся к Сабине: – Мне нужен нож и стакан воды. Быстро!

Сабина бросилась на кухню, нашла там стаканчик и острый нож для хлеба. Но из крана, под шум и треск труб, выходила только ржавая дрянь. В отчаянии она огляделась: рядом с остатками еды стояла упаковка апельсинового сока, которую она вскрыла. Наполнила стаканчик и побежала в спальню.

Сначала Снейдер взял нож и разрезал кабельные стяжки на лодыжках и запястьях женщины. Затем взял стаканчик.

– Это апельсиновый сок?

– Да.

– Откуда?



– Из запечатанной упаковки тетрапак.

– Вы проверили, нет ли на упаковке следа от иглы?

– Нет, не проверила, – растерянно ответила она. Этот мужчина мыслил так коварно.

– Вперед, чего вы ждете?

Сабина побежала в кухню и нашла еще одну запечатанную упаковку, которую принялась мять и переворачивать во все стороны. Жидкость ниоткуда не выходила. Она вернулась и надорвала упаковку.

– Возьмите эту.

Снейдер попытался усадить женщину и влить ей глоток сока. Но она начала плакать, и Снейдер обнял ее.

– Ханна, все хорошо, вы в безопасности.

Да, она в безопасности, но что-то здесь было не так. Почему Пит не убил женщину сразу, а дал им шанс найти ее живой?

В полутьме Сабина увидела на животе женщины глубокую воспалившуюся резаную рану в форме цифры.

Два.

И инстинкт подсказывал ей, что все продолжится, и на этот раз у них не будет шанса предотвратить остальные убийства.

*Пятница, 2 октября*

Через пять минут наконец приехала «скорая помощь». Снейдер переговорил с врачом и санитарями и повел их в дом. Вскоре они прикатили в квартиру каталку с капельницей.

В это время Сабина расплатилась с таксистом, попросила по-английски достать ее багаж и объяснила, что ему больше не нужно их ждать. Судя по всему, они останутся здесь до поздней ночи.

После того как такси уехало, Сабина сунула руки в карманы куртки и села на корточки в нише стены рядом с уличным фонарем. Ей было холодно, и в желудке урчало. Шел уже одиннадцатый час. Звездное небо было ясным, и это означало, что ночь ожидается чертовски холодной. Идеальные условия для первого снега, который должен скоро выпасть.

Снейдер вышел из дома, встал рядом с ней и закурил.

– Ханну отвезут в реанимацию. У нее обезвоживание, многочисленные ссадины, гематомы и сепсис, но она, вероятно, выживет. Врач подтвердил, что она пролежала там вот так минимум четыре дня. – Он посмотрел на дорожную сумку Сабины, которая стояла у стены. – Где наше такси?

– Я его отпустила. А где криминалисты? Они должны были уже давно прибыть сюда.

Снейдер поднял воротник пальто и подышал на кулак.

– Они приедут. У коллег в Роттердаме не хватает персонала и по горло преступлений, связанных с наркотиками. В прошлый раз мне пришлось ждать двадцать минут, правда тогда было не так холодно.

– Это вы в свое время нашли труп Сары ван Лёвен?

– Ее нашла сестра, а случайно я оказался здесь в то же самое время. Тело Сары лежало с переломанными костями в морозильном ящике.

– Какой ужас. – На мгновение Сабина подумала, как три года назад нашла труп своей матери в Фрауэнкирхе в Мюнхене. Тогда она и

познакомилась с Мартеном Снейдером. Точнее, из-за убийства ее матери. Если бы ее не убили, Сабина никогда не встретила бы со Снейдером, он не устроил бы ее в БКА, она не отучилась бы в академии и не была бы сейчас здесь. Вероятно, она все так же расследовала бы кражи сумок на пешеходных улицах Мюнхена. Возможно, смерть ее матери имела даже этот смысл. По крайней мере, она могла придать ей смысл сейчас – каждый день, когда охотилась за убийцами.

– О чем вы думаете? – спросил Снейдер.

– О том, что мы здесь делаем.

– Разгадываем загадки?

– Не только. – Сабина вспомнила про буквы. – Вам удалось выяснить, что должны были означать буквы Пита ван Луна?

Снейдер посмотрел на нее большими глазами.

– Я думал, вы давно уже догадались.

– Я? – удивилась Сабина. – Буквы располагались в следующем порядке: N-D-E-R-A.

– Неправильно, Белочка. Подумайте! На теле Сары, найденном в морозильнике, стояла буква А. Ее труп обнаружили последним, но на самом деле она была *первой* жертвой Пита.

– Значит, A-N-D-E-R, – переставила буквы Сабина. – Андерсен!

Снейдер кивнул.

– Он уже тогда намекал на свой спектакль. Как давно вы это поняли?

– Когда пять лет назад появились буквы N-D-E-R, я доверился своей интуиции и поехал в квартиру Пита в Роттердаме.

В Сабине опять вспыхнула ярость к Снейдеру из-за его скрытности.

– И вы молчали все это время?

– Только не начинайте снова! Во-первых, вы сами увидели связь с Гансом Христианом Андерсеном...

– Да, и по крайней мере тогда вы должны были что-то сказать!

Теперь и Снейдер повысил голос:

– Пит сидел в тюрьме, по крайней мере, я тогда еще так думал. Поэтому между старой и новой серией убийств не могло быть никакой связи. – Он снова успокоился. – И я хотел защитить личную жизнь Пита.

– Скорее, свою собственную, – едко заметила она. – А теперь я все знаю?

Он бросил на нее долгий взгляд.

– Нет.

– Нет?! – воскликнула она. – Черт побери, что еще вы от меня скрываете? – Если бы она могла, то насквозь пронзила бы Снейдера взглядом. – Кстати, а кто мать Пита?

– Это вас не касается.

– Что? Это просто невероятно! – закричала Сабина.

– Она не имеет ко всему этому никакого отношения.

– Ладно, видимо, мне придется смириться, – выдавила она через стиснутые зубы. Она не знала ни одной голландки по фамилии ван Лун. Видимо, эта женщина действительно не имела ко всему этому никакого отношения, и поэтому Снейдер не хотел ее втягивать.

Он бросил косячок на землю и раздавил его ногой.

– Мне холодно, я пойду внутрь и посмотрю, как там Ханна.

Сабина осталась на улице одна. Через минуту в конце улицы показались две машины с мигалками. Невероятно поздно!

Машины затормозили перед зданием рядом с каретой скорой помощи. Двое полицейских и два следователя в гражданской одежде направились к Сабине. Она предъявила свое удостоверение БКА и по-английски объяснила мужчинам, что они со Снейдером обнаружили в доме.

– Снейдер? – спросил один из полицейских. У него это прозвучало как «Снидер». – Мартен С. Снейдер?

– Да. – Очевидно, в Голландии его еще хорошо помнили, но потом Сабина вспомнила, что Снейдер регулярно сотрудничал с Европолом в Гааге. – Пойдемте!

Мужчины направились за ней во двор.

– Это предположительно автомобиль убийцы, которого мы ищем, – сказала она полицейским.

– Которого вы ищете? – переспросил один из мужчин. Сабина рассказала, что Пит ван Лун сбежал из тюрьмы в Северной Германии. В это время санитары выкатили из дома каталку, на которой лежала Ханна Норланд – укутанная в термоодеяло и с капельницей. На ней была кислородная маска. Глаза Ханны были закрыты – видимо, она потеряла сознание.

– Где Снейдер? – спросил один из следователей.

– В квартире. – Она посмотрела на входную дверь.

В этот момент в узком окне ванной рядом с входной дверью вспыхнул свет. Затем послышался грохот, словно на пол упало жестяное ведро, и лампы в квартире моргнули. Одновременно раздался душераздирающий крик, и Сабина увидела яркие искры в окне.

Пока мужчины стояли во дворе и пялились на окно, Сабина бросилась в дом. По дороге она расстегнула молнию своей куртки и сняла ее.

Дверь ванной комнаты была распахнута. Лампочка все еще моргала. В углу валялись два металлических ведра, а на плитках растеклась лужа воды. В ней лежал Снейдер. За ним из оголенного кабеля сыпались искры. Тело Снейдера дергалось, и он с криком пытался подняться.

Сердце Сабины билось как сумасшедшее, когда она стала подходить ближе. При этом она следила, чтобы не ступить в воду. Когда нога Снейдера в очередной раз дернулась, она набросила свою куртку ему на лодыжку, быстрыми движениями обмотала ткань вокруг икры и потащила Снейдера за ногу из ванной.

Но она представляла себе эту спасательную операцию слишком простой. Электрический ток крепко держал Снейдера в своей власти и ни за что не хотел отдавать. К тому же новые предохранители выдержали напряжение, и чертовы пробки не выбило.

Крики Снейдера затихли. Сабина безуспешно упиралась ногами в паркетный пол. Тут неожиданно появились оба полицейских и подхватили Снейдера. Вместе им удалось вытащить его в прихожую.

Тем временем в квартире собрались санитары и криминалисты. Сабине хотелось наброситься на них. «Сначала приехали слишком поздно, а потом даже помочь не сообразили!»

– Он мертв? – закричала она.

Один из санитаров пощупал пульс.

– Не-е-е.

Врач скорой помощи разорвал рубашку Снейдера и уложил его на бок. На губах Снейдера появились пузырьки пены, а из уголка рта потекла тонкая струйка крови. Видимо, он прикусил язык или губу.

– У него легкие ожоги и нарушение сердечного ритма, – по-английски объяснил врач. Затем потребовал мазь от ожогов,

перевязочный материал и термоодеяло. Санитары бросились к машине скорой помощи.

Сабина склонилась над Снейдером. Наконец он открыл глаза и попытался перевернуться на спину. Его веки дрожали.

– Verdomme! – первое, что он произнес. – Сколько времени я был без сознания?

От облегчения Сабина рассмеялась.

– Вы находите это смешным? – прокричал он. Врач велел ему не разговаривать, но Снейдер, конечно, не послушался.

– Я слишком поздно увидел кабель на полу, – выдавил он и попытался подняться. – Когда я открыл дверь, ведра с водой уже опрокинулись.

Видимо, Питу было недостаточно убить одну только Ханну Норланд. Он и для отца подготовил смертельную ловушку. Но ни то, ни другое не вышло – очевидно, Пит ван Лун был не таким гениальным, как все думали.

Сабина встала. А того, кто совершает ошибки, можно поймать.

### *Пятью годами ранее – Роттердам*

Снейдер приземлился в Роттердаме и забрал свое служебное оружие на таможне. Каждый раз один и тот же спектакль. Сначала нужно было зарегистрировать пистолет в аэропорту, потом его перевозили в безопасном контейнере в грузовом отсеке самолета. «Как изнурительно!»

Затем он отправился на такси прямо в доходный дом своей матери, где у Пита была квартира. Он должен был поговорить с сыном, проверить его подушечки пальцев или по крайней мере взглянуть ему в глаза, чтобы удостовериться, что он не имеет отношения к убийствам в Германии. Ему хотелось наконец-то избавиться от ужасного предчувствия, которое, как злокачественная опухоль, засело внутри его. Но инстинктивно Снейдер знал, что оно оправдается. Поэтому и прихватил служебное оружие.

Подсказки, которые оставил убийца, были прозрачные, но сходились: четыре буквы могли означать многое, в том числе Sneijder или Andersen. А Снейдер много лет назад читал своему мальчику

сказки Андерсена, которые тот позже поставил на сцене в виде жуткого спектакля.

А потом еще этот момент со странными отпечатками пальцев, словно преступник сжег подушечки кислотой. В двенадцать лет у Пита была похожая сумасшедшая идея, которой он с гордостью поделился с отцом. «Папа, когда я вырасту и стану преступником, я удалю себе отпечатки пальцев. Тогда ты никогда меня не поймаешь».

Или же он поймает его именно поэтому!

Когда Снейдер вошел во внутренний двор кирпичного здания, он услышал звук отъезжающего такси. Он остановился перед квартирой Пита и прислушался. Если парень не откроет или его нет дома, Снейдер воспользуется универсальным ключом своей матери. И ей-богу – он всю квартиру перевернет.

Не успел он нажать на кнопку звонка, как дверь распахнулась, и молодая женщина с криком упала ему в руки. Инстинкт, приведший его сюда, не подвел. В квартире должно было произойти нечто ужасное.

Снейдер пытался успокоить девушку, которая не переставала плакать. Он чувствовал, как каждая клеточка ее организма хотела бежать отсюда. «Прочь из этой квартиры и из этого дома!»

Он осторожно проверил, не травмирована ли она, но никаких повреждений не было – по крайней мере, видимых. Затем он отвел ее на улицу, нашел в ее сумочке ключ от автомобиля и усадил на пассажирское сиденье. Маленький красный DAF-66. Голландский автомобиль, ставший уже настоящим олдтаймером. Там он порылся в ее сумочке и нашел водительские права. «Анна ван Лёвен». Младшая сестра Сары, его потенциальной невестки, с которой он до сих пор не познакомился.

– Анна, успокойтесь. Вы в безопасности, – сказал он мягким голосом.

– Мертвая... мертвая, – монотонно повторяла она.

Он немедленно вызвал уголовную полицию, криминалистов и врача, а также психолога – специалиста по работе с людьми, пережившими психологическую травму.

Пока они ждали, он сидел в машине с Анной и пытался ее успокоить. Постоянно поглядывал на внутренний двор жилого дома, потому что убийца все еще мог находиться внутри. И если его

предположение было верным, этот убийца был не кем иным, как... его сыном! Потому что Анна выбежала из квартиры Пита. И девушка выглядела ужасно.

Ее руки дрожали, по лицу текли слезы, она задыхалась и в любой момент могла потерять сознание. Снейдер знал, как ведут себя свидетели убийства. Реакция Анны была еще хуже! В ближайшие часы он не сможет добиться от нее ни одной внятной фразы. И она была слишком взволнованна, чтобы поддаться гипнозу.

Единственное, что он мог делать, – это держать ее за руку и нажимать на точку акупунктуры, чтобы успокоить ее дыхание. Он снова взглянул на дом. Но никто не входил и не выходил из здания.

Через десять минут наконец прибыли машина скорой помощи и психолог. Обменявшись несколькими словами с врачом и оставив Анну на попечение психолога, он направился во двор, надел бахилы и латексные перчатки, которые всегда носил с собой. Достал служебный пистолет и вошел в квартиру.

Уголовная полиция Роттердама еще не приехала, поэтому Снейдер в одиночку заглянул во все комнаты.

Никаких следов Пита.

Наконец он остановился перед открытым морозильным ящиком. Поднимающийся холодный воздух напоминал покидающую тело душу. Душу молодой красивой светловолосой женщины.

Сара ван Лёвен. Он видел ее на фотографиях. Снейдер внезапно осознал, что тоже несет ответственность за это преступление и горе, которое доставил этой семье. Он мог бы громко закричать, ударить кулаком по стене и разломать всю мебель в квартире, но он просто стоял там, сдерживая ярость.

«Успокойся и сконцентрируйся на работе! Это такое же убийство, как любое другое. Ты поймаешь преступника, и он отправится в тюрьму. Все. Конец! Ты делал это уже тысячу раз. И в этот раз сделаешь точно так же!»

Снейдер пару раз глубоко вздохнул и пришел в себя. Как убийца засунул тело женщины в этот морозильник? Он должен был вывихнуть ей плечевые суставы и сломать локти и лодыжки, чтобы свернуть ее как пакет. А напоследок он вырезал ей на груди букву. *Букву А!*

«A-N-D-E-R... sen!



Пит, ну и болван же ты! Зачем? Чтобы проверить, смогу ли я тебя поймать?

Конечно, смогу!

И я это сделаю!

Не следовало бросать мне этот вызов. С этого момента ты для меня такой же убийца, как любой другой. Дай мне пару дней, и я до тебя доберусь».

Снейдер убрал пистолет и хрустнул суставами пальцев. Он будет действовать так, как действовал всегда. Искать следы и пытаться проникнуть в мозг преступника. Вот так просто!

Снейдер вошел в гостиную и посмотрел на стену, где висели карты Нидерландов, Германии, Австрии, Швейцарии и Италии.

– У тебя внушительные планы, – пробормотал он.

Рядом со столом стояло мусорное ведро, в котором валялись салфетки, смятый банковский конверт и раздавленные банки из-под напитков. На столе стопой лежали многочисленные книги о различных городах, а также брошюры с туристическими маршрутами, информация об отелях и расписания поездов. Но не было конкретных указаний на Ганновер, Кёльн, Франкфурт или Штутгарт, где произошли четыре убийства – со второго по пятое. Вероятно, Пит путешествовал на общественном транспорте и спонтанно решал, где совершить очередное преступление. Денег у него с собой наверняка было достаточно.

«И куда же ты направляешься сейчас?»

До сих пор маршрут Пита вел с севера на юг. Скоро он доберется до Австрии или Швейцарии, а оттуда поедет в Италию. Значит, им нужно усилить розыскные мероприятия на границе и не допустить, чтобы все это переросло в еще большую международную проблему. Хотя она уже возникла – с учетом этого первого убийства в Роттердаме!

Вероятно, Пит добивался именно этого – вовлечь в расследование как можно больше стран. С сегодняшнего дня помимо Германии в нем участвует и Голландия. Другие скоро присоединятся. И чем больше стран-участников, тем сложнее будет координировать расследование.

Пит знал, что его отец может работать лишь тогда, когда свободен и не испытывает давления со стороны бюрократического аппарата. Это была гонка со временем, и чем больше Снейдер об этом думал, тем

сильнее утверждался в мысли, что следующее убийство произойдет в другой стране.

«Австрия или Швейцария? Куда ты направляешься?»

Отрешенно Снейдер подошел к стационарному телефонному аппарату, поднял трубку и нажал на кнопку повторного набора. Спустя несколько гудков приятный женский голос ответил:

– Голландское посольство в Вене. К сожалению, в настоящий момент...

Автоответчик! Снейдер положил трубку.

Значит, Австрия.

Но Австрия была уже косвенно вовлечена в расследование, потому что третьей жертвой Пита стала молодая стюардесса в Кёльне – дочь графа Эриха фон Кесслера. И венец уже делал все возможное и невозможное, чтобы убийцу его дочери схватили.

То есть Австрия была уже в деле.

Снейдер уставился на телефонный аппарат. Тогда зачем оставлять эту подсказку? Пит, это не твой стиль. Ты слишком умен для этого. Двойная работа. Возможно, это ложный след, чтобы отвлечь Снейдера и выиграть время.

«Значит, все-таки Швейцария?»

Или я просто должен так думать?»

Голова Снейдера была словно ватная.

Тут он услышал звук сирены, визжание автомобильных шин и хлопанье дверей. Это наконец-то появилась голландская уголовная полиция. Двое мужчин и одна женщина. Они выглядели так, словно работали под прикрытием в наркобизнесе. Небритые, с растрепанными волосами, в мятой гражданской одежде. Они ворвались с оружием в квартиру и, увидев перчатки Снейдера и кобуру у него на поясе, начали кричать и наставили на него свои пистолеты.

– Спокойно, ребята, – сказал он по-голландски и хотел достать из кармана свое удостоверение.

Но женщина тут же заломила ему руку за спину и выхватила удостоверение, в то время как другой полицейский прижимал дуло оружия ему к затылку. Они заставили его опуститься на колени и надели наручники.

– Меня зовут Мартен С. Снейдер. Я из немецкого БКА в Висбадене, – объяснял он, но его коллег это не интересовало.

Однако хотя бы руки ему связали не за спиной, а впереди. Они даже не вывели Снейдера на улицу к машине, а присели перед ним на корточки и начали допрашивать прямо на месте в гостинной.

Пока одна коллега обнаружила труп в морозильнике, а другой полицейский звонил по телефону, чтобы проверить личность Снейдера, третий вытащил магазин из пистолета Снейдера и бомбардировал его вопросами. И все трое уничтожали большое количество следов и отпечатков, потому что не надели ни перчаток, ни бахил.

Кучка идиотов. Ему становилось нехорошо при мысли, что с этого момента придется работать с голландской уголовной полицией. Пока интернациональное бюрократическое колесо медленно, через все уровни иерархии, придет в движение, Пит совершенно спокойно может продолжать дело Неуча.

«Какой хитрый ход, мерзавец!»

Мысленно находясь уже в будущем – на день-два впереди, – Снейдер терпеливо отвечал на вопросы, которые ему задавали абсолютно бесцельно и хаотично. Спустя целую вечность к нему подошел один из полицейских и поднес к уху телефон. Снейдер зажал трубку между щекой и плечом.

– Да? – устало произнес он.

Если повезет, это окажется руководитель Службы национальной безопасности – уголовной полиции Нидерландов – или вице-директор Европола в Гааге, которых он знал. Но Снейдер ошибся. Звонивший говорил по-немецки.

– Упрямый осел! – закричал знакомый голос в трубке. – Что ты опять устроил?

Дитрих Хесс был вне себя. В очередной раз.

– Я... – хотел было объяснить Снейдер.

– Меня это не интересует! Коллеги в Нидерландах задержали тебя, потому что ты незаконно проник в квартиру без ордера на обыск.

– Это квартира моего... – «сына», хотел сказать он, но не успел, потому что Хесс все равно не слушал, а продолжал орать:

– Ты не проинформировал ни международный отдел БКА, ни голландских коллег о своих намерениях действовать в одиночку. О чем ты думал?

«Если бы я проинформировал, это было бы уже не в одиночку!»

– Промедление было чревато опасностью и...

– Мне на это насрать! А что у нас происходит, тебя не интересует! Ты просто бросаешь все и уезжаешь за границу! И никто не знает, где ты.

– Я...

– И свой чертов пистолет ты тоже взял с собой? Тебе вообще можно помочь?

– Я...

– Поездка не была согласована! – гаркнул Хесс.

Снейдер услышал, как тот ударил кулаком по столу.

– Не надо мне рассказывать о согласовании! – вспылил Снейдер в ответ. С него было достаточно. – Твое ложное заявление прессе тоже было не согласовано – однако мое расследование продвинуло нас дальше, а твое вранье-сообщение нет!

Голландские полицейские отошли на шаг назад и, хотя мало что понимали, напряженно прислушивались к разговору.

Но Хесс не позволял загнать себя в угол, а продолжал орать. Правда, Снейдер больше не слушал. Его взгляд снова упал на стол в гостиной, где лежали итальянские, австрийские и швейцарские путеводители.

Австрия, Италия, Нидерланды и Германия имели одну валюту – евро. А Швейцария нет! Там Питу пришлось бы расплачиваться франками.

– Ты меня вообще слушаешь? – крикнул Хесс.

Телефон все еще был зажат между щекой и плечом, но Снейдер больше не отвечал. Швейцарские франки! Снейдер еще раз посмотрел в мусорное ведро рядом со столом. В нем между салфеток и банок из-под напитков валялся смятый конверт Рабобанка, самого крупного голландского кредитного института. Бумажный конверт, в каких обычно выдают наличные или выписки со счета. Зачем это Питу?

Или иностранную валюту!

Звонок в голландское посольство в Вене был ложным следом.

Пит приобрел франки!

Значит, Швейцария!

Через Швейцарию он поедет затем в Италию.

Сразу из Штутгарта, предположительно через Цюрих или Берн, в Италию.

– Я спросил, слушаешь ли ты еще?

Снейдер проигнорировал вопрос. Он уронил сотовый в связанные руки, быстро разорвал соединение и набрал новый номер.

– Верните мне телефон! – потребовал полицейский по-голландски.

– Мне полагается один телефонный звонок! – сказал Снейдер и продолжил набирать.

– У вас минута.

– Да! – Он поднес телефон к уху и дождался гудка.

«Подойди же!»

После пяти гудков наконец-то ответили:

– Хоровитц!

– Алло, это Снейдер, мне нужна твоя помощь, – заявил он без обиняков.

– Ты объявляешься раз в год, и сразу как на пожар, – вздохнул Хоровитц.

– Нет времени на светские беседы, – перебил его Снейдер. – Мой сын едет из Германии в Швейцарию. Как только он окажется в стране, он совершит убийство.

– У тебя есть сын?

– Его зовут Пит ван Лун. Вы должны объявить его в розыск.

– Это плохо, – сказал Хоровитц.

– Предположительно, он уже совершил пять убийств, одно в Роттердаме и четыре в Германии.

– Скажи, речь идет о Неуче?

Снейдер промолчал.

– Это очень плохо, – повторил Хоровитц. – Когда ты приедешь в Берн?

Снейдер поднял глаза и посмотрел на голландских коллег, которые полукругом стояли перед ним.

– Как только разберусь с этим дерьмом в Роттердаме.

**Часть шестая**  
**Франкфурт**

*Суббота, 3 октября*

Сабина сидела одна с чашкой кофе в зоне для завтраков роттердамского отеля при аэропорте. Она с трудом проглотила тост, у нее не было аппетита.

Пока она задумчиво мешала кофе, по лестнице фойе спустился Снейдер и вошел в комнату для завтраков. На нем был новехонький дизайнерский костюм и пара черных блестящих новых ботинок. Сколько комплектов он возил с собой в чемодане?

Он поискал взглядом Сабину и, обнаружив в нише, приободрился и направился к ее столику.

– Доброе утро.

– Доброе. – Она пододвинула к нему чашку свежего кофе.

– Спасибо, – отказался он и оставил чашку нетронутой. – У них здесь чертовски вкусный ванильный чай. Я уже заказал себе. Вам тоже следует попробовать.

В этот момент к их столу подошел официант.

– Господин Снейдер. – Он поставил поднос с чайником, и от запаха ванильных стручков Снейдер, казалось, пробудился к новой жизни.

Он торжественно налил себе чай и почти трепетно приник губами к чашке.

– Наш рейс во Франкфурт в десять часов. – Его веко дергалось.

– Уже пора, потому что я не рассчитывала на такую длительную поездку. У меня заканчивается свежая одежда.

– В любом крупном отеле есть прачечная, к тому же вам стоит привыкнуть ездить с большим чемоданом-шкафом.

– Наверное, в следующий раз. – Сабина потерла глаза и подавила зевок. Она легла спать в четвертом часу утра.

После того как Снейдера ударило током в квартире Пита, его на «скорой помощи» отвезли в больницу. Помимо того, что он не хотел никуда ехать, Снейдер должен был оставаться там под наблюдением

двадцать четыре часа. Но уже во время осмотра кардиологом Снейдер занервничал. Под предлогом того, что им срочно нужно вернуться в БКА в Висбаден, чтобы предотвратить три запланированных убийства, он отказался от стационара и любого лечения и, подписав соответствующий документ, покинул больницу. Затем в своем грязном, пришедшем в полную негодность костюме доехал на такси до отеля в аэропорту. Тем временем Сабина забрала его чемодан из камеры хранения и встретила со Снейдером в фойе отеля, где он уже забронировал для них два номера.

– А почему не двухместный, Мартен? – съязвила она, на что Снейдер лишь устало улыбнулся. Вскоре после этого она без сил упала в кровать, даже не приняв душ.

И вот она снова сидит напротив Снейдера. Несмотря на то что он всю ночь работал, сделал бесчисленное количество телефонных звонков и почти не спал – Сабина была в этом уверена, – Снейдер выглядел бодрее, чем накануне.

Они вышли на след, а чем ближе были к убийце, тем более здоровый цвет приобретало лицо Снейдера. Охота за убийцей наполняла его свежей энергией и возвращала к жизни.

Все как всегда – лишь с той разницей, что на этот раз они охотились не за простым киллером, а за сыном Снейдера. И это был единственный элемент уравнения, который Сабина не могла оценить. Как поведет себя Снейдер, если они окажутся лицом к лицу с Питом?

Снейдер уже был в такой ситуации пять лет назад в Берне. Правда, тогда Хоровитц получил пулю в позвоночник и с тех пор сидел в инвалидном кресле. Сабина надеялась, что в следующий раз Снейдер без колебаний нейтрализует сына, если у него будет такая возможность – потому что ей не хотелось закончить так же, как Хоровитц.

Пока Сабина пила кофе, Снейдер снова разговаривал по телефону, очевидно с группой розыска БКА.

– Я не хочу знать, чего вы не можете. Что вы можете сделать? – кричал Снейдер в трубку. Он немного подождал, барабанил пальцами по столу, затем не выдержал и перебил собеседника: – Да, я сам знаю, что он сбежал всего пять дней назад, но за это время он совершил убийство и попытку убийства в Роттердаме. Его след ведет в Дортмунд, Хаген, Берн, Баварию и Вену. И повсюду он... – Снейдер помассировал переносицу.



Сабина бросила на него взгляд, и он закатил глаза.

– Нет! – снова перебил Снейдер собеседника. – Вы что, не понимаете? У него очень большое преимущество по времени и... – Снейдер понизил голос и прошипел в телефон: – Вы вообще представляете, что Пит ван Лун может натворить за пять дней? На что он способен? Я знаю! Я видел его в действии... Да, сделайте это. Я хочу, чтобы у каждого чертова полицейского в Шенгенской зоне была его фотография, и ни единого слова прессе. Я понятно выразился? Ни единого слова! Он не должен узнать, что мы напали на его след. – Снейдер опустил телефон.

– Кто это был? – спросила Сабина.

– Дирк ван Нистельрой из Европола, самодовольный наглый говнюк. – Он сделал глоток чая, потом взглянул на Сабину. – Сегодня утром я звонил в тюрьму на Остхеверзанде. Френк Бруно не пытался установить контакт с Питом. Кроме того, я разговаривал с больницей. Ханна все еще остается в реанимации. Возможно, уже сегодня вечером с ней смогут поговорить голландские коллеги. Еще мне звонил Хоровитц, но теперь я не могу до него дозвониться. – Он допил чай и поднялся.

– Вы закончили завтракать? – спросила она.

– Да, и мы уже зарегистрированы на рейс. Пойдемте к нашему выходу на посадку.

Снейдер заказал перелет в бизнес-классе. Как только самолет поднялся в воздух и табло «Пристегнуть ремни» погасло, он подключил свой ноутбук к розетке и загрузил его.

По многочисленным открытым окнам на его мониторе Сабина поняла, что Снейдер был на связи с коллегами, и они обменивались результатами расследования и розысков.

Когда они пролетали грозовую зону и самолет стало порядочно трясти, стюардесса попросила Снейдера выключить его электронный прибор. Но Снейдер никак не отреагировал.

Прежде чем стюардесса успела что-то сказать, Сабина перебила ее:

– Забудьте! Он вас не слушает. Лучше позаботьтесь о других пассажирах.

Спустя три четверти часа Снейдер закончил свою работу. Он захлопнул ноутбук и заказал «Кровавую Мэри».

– Мы уже снижаемся, – заметила стюардесса.

– И что? – Снейдер пожал плечами и вопросительно посмотрел на нее.

– Я просто...

– «Кровавую Мэри», и побольше водки, – повторил он. – Если можно, до посадки.

Стюардесса ушла.

Сабина застонала.

– Есть что-нибудь новое? – спросила она, хотя сейчас был не лучший момент задавать вопросы.

Снейдер долго смотрел в окно, прежде чем заговорил:

– Подготовка идет полным ходом. Три запланированных убийства еще предстоят, если уже не произошли... – Он замолчал при виде стюардессы, которая на подносе несла томатный сок Снейдера.

В бизнес-классе напитки обычно подавались в стеклянных стаканах. На подносе же стоял пластиковый стаканчик. Снейдер не взял его, а просто смотрел.

Затем поднял взгляд.

– Вы раньше занимались химией?

– Нет, а почему вы так решили?

– Потому что этот напиток выглядит как неудачный лабораторный эксперимент. Где лед?

– Вы не сказали, что...

– Тогда я говорю сейчас. Со льдом! Вам записать?

– Вы не сказали, но это не проблема, я...

Снейдер поднял руку.

– Знаете, почему Бог создал два уха и только один рот? Чтобы вы могли слышать в два раза лучше, чем говорить. А теперь напиток, и если можно – со льдом! В стакане! До посадки!

Стюардесса без комментариев удалилась.

– Вы этого не сказали, – шепнула ему Сабина. – А стюардесса не виновата, что ваш сын разгуливает на свободе и убивает людей, поэтому будьте с ней полюбезнее.

– Можно со всеми быть любезным. Искусство состоит в том, чтобы этого избегать. Хотите узнать актуальное состояние

расследования?

Она кивнула:

– Если вас не затруднит.

– Сотрудники БКА поддерживают контакт с земельными управлениями уголовной полиции и пытаются обеспечить безопасность всех людей, которые когда-либо были в близком контакте со мной или Питом – но таких чертовски много.

– И он это знает.

Снейдер кивнул.

– Пит променял Содом на Гоморру. Он торопится завершить свой труд. Вопрос в том, что он приберег для финала?

– У вас есть еще родственники, о которых я не знаю? Брат, сестра, кузен?

– Нет.

– Тогда я бы сказала, что директор тюрьмы Холландер или президент БКА Хесс хорошо подойдут на эту роль.

– Я тоже об этом думал. Мы также должны поразмыслить, где он совершит убийство.

Сабина подумала о маршруте Пита, который Снейдер набросал на обратной стороне листа.

– Вероятно, из Вены он поедет дальше на юг.

– Италия, – пробормотал Снейдер. – По крайней мере, таким был его план пять лет назад: Нидерланды, Германия, Швейцария, Австрия и Италия. Но в тот раз дело до этого не дошло. Сейчас он организует все умнее, чтобы выполнить свой план.

– Какую ошибку он совершил тогда?

– Он дал мне подсказку со Швейцарией. На этот раз он оставил в квартире только ложные следы. Решающее значение имеет не ошибка, а то, какие мы сделаем выводы.

– Возможно, именно по этой причине он откажется от Италии?

– Может быть. Я бы сказал, шансы пятьдесят на пятьдесят.

– Отлично.

Стюардесса принесла Снейдеру томатный сок в большом стакане, который до верха был наполнен льдом. Сабина улыбнулась про себя, но Снейдер и бровью не повел.

– Есть еще один факт, который я должна знать, – сказала она, когда стюардесса ушла, а Снейдер сделал первый глоток. – И до того,

как я напишу отчет. Кто мать Пита?

Он бросил на нее долгий взгляд и наконец сказал:

– Но ее нельзя упоминать в отчете.

Сабина кивнула и вдруг поняла, что ответ ей не понравится.

– Кто она?

– Вы знаете эту женщину, это Диана Хесс.

– Жена президента БКА Хесса? – Она приподнялась в кресле. –

Вы... вы издеваетесь?

– Вы бы это заметили.

– Она голландка?

Снейдер кивнул.

– Ее девичья фамилия ван Лун.

Сабина никогда не замечала акцента у Дианы Хесс. Неожиданно она поняла, почему Диана Хесс всегда так оберегала Снейдера, и даже Хесс не мог уволить его за странные выходки и причуды. Не потому, что Снейдер много лет назад спас ей жизнь – ну, из-за этого, конечно, тоже, – но прежде всего потому, что она была любовью его молодости и у них был общий сын.

Сабина уставилась на него. В голове у нее вертелось множество вопросов, но она должна была сконцентрироваться на основном.

– Я... – Она вдруг осеклась, потому что вспомнила одну деталь. Остров Остхеверзанд. Тюрьма «Штайнфельз». Протокол посещений. – Вы меня обманули! – набросилась она на Снейдера.

– Что? Я...

Она остановила его резким движением руки.

– Вы можете совершить много добра, если сейчас замолчите и просто ответите на мой вопрос. – Она ненавидела себя за этот тон, прежде всего потому, что не хотела становиться такой, как Снейдер, но замечала, что все больше копирует его поведение. Как там говорится? Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть в тебя.

Снейдер взглянул на нее и часто заморгал.

– Хорошо, – тихо сказал он. Видимо, по ее взгляду он понял, что сейчас не лучший момент для спора.

– Вымаранное имя в протоколе посетителей Пита с инициалами Д. Х. – это не Дитрих Хесс, а Диана Хесс, верно?

Снейдер кивнул.

– Диана навещала сына, но по указанию Хесса ее имя удалили. Чтобы никто не узнал, что сын его жены убийца.

О боже! Сабине нужно было все это сначала переварить.

– Я пытаюсь взглянуть на ситуацию глазами Пита. Его отец профайлер, а отчим президент БКА. – Все это звучало невероятно. – Но когда... – Ей не хватало слов.

– Когда Диана и Хесс познакомились? На одном полицейском бале в Висбадене. Это я познакомил их. Они поженились, когда Питу было двенадцать лет.

– Как Хесс вообще ладил с таким пасынком, как Пит? Снейдер посмотрел на нее долгим проницательным взглядом.

– Никак, – вдруг ответил он. – Пит просто не похож на других детей. Хесс терпел его в своем доме, но никогда по-настоящему не принял – и все равно для Дианы так было лучше... и для Пита. По крайней мере, я так думал еще пять лет назад.

– Наверное, это ужасно для Дианы – знать, что ее сын в тюрьме.

– Как и для любой матери, – ответил Снейдер. – Мы с Дианой очень часто навещали его в тюрьме, поддерживали его терапию и наблюдали за прогрессом на фоне медикаментозного лечения. За три года он изменился в лучшую сторону! У нас бы все получилось, но затем на должность директора пришел Холландер, и Пит снова стал агрессивным. Из-за запрета посещений он и вовсе отдалился от нас.

Несмотря на свою злость на Снейдера, она вдруг поняла, почему он скрывал родство с Питом после его ареста и не посвятил ее в это с самого начала. Дело было не только в его личной сфере, но и частной жизни Дианы Хесс и собственного начальника.

Все, что Сабина узнала о прошлом Снейдера, ужасно ее угнетало – и она с удовольствием стерла бы это из памяти. Но без этого знания дело не раскрыть. Поэтому она решила отставить в сторону чувства и эмоции и просто работать дальше.

– Где рос Пит? – спросила она.

– Частично у своей матери, частично у бабушки.

– У той, которую убил несколько дней назад?

Взгляда Снейдера было достаточно.

– Она плохо обращалась не только со мной и моим отцом, но и с Питом – и лишь из-за интереса к театральному искусству она обвиняла его в том, что он гомосексуалист, как и я.

– О господи! – застонала Сабина. – Значит, поэтому она стала персонажем его «Сказки о смерти».

Объявление по громкой связи прервало ее мысли. Сабина уже заметила, что самолет готовился совершить посадку. Теперь пассажиров попросили пристегнуть ремни и не вставать со своих мест.

В этот момент зазвонил мобильный Снейдера. Разумеется, он ответил, и любимая стюардесса Снейдера тут же подскочила к нему.

– Выключите мобильный телефон! – потребовала она. Снейдер поднял руку, даже не взглянув на женщину.

– Когда и где?

– Выключите телефон!

Снейдер поднял голову.

– Вы препятствуете текущему расследованию, – шикнул он и тут же продолжил разговор.

– Вы!.. – закричала стюардесса и едва устояла на ногах, потому что самолет провалился в воздушную яму.

Снейдер говорил еще минуту.

– До скорого, – наконец сказал он и закончил разговор.

В следующий момент машину тряхнуло, где-то позади послышался женский вскрик, и самолет жестко приземлился на посадочную полосу.

– *Verdomme!* – выругался Снейдер и выключил мобильник. – В очередной раз повезло. – Затем обратился к Сабине: – Это был Хоровитц. Швейцарская полиция вышла на след. Хоровитц только что приземлился во Франкфурте. Мы встречаемся с ним здесь, в аэропорту.

*Суббота, 3 октября*

Доктор Гроен, который разменял шестой десяток, был высоким, спортивным, с благородной сединой в волосах. Возможно, поэтому все медсестры оборачивались в его сторону, как только он входил в отделение, – что зачастую его раздражало.

В данный момент он проводил утренний обход в больнице Святого Лоуренса в Роттердаме. В палате номер один он достал очки из нагрудного кармана халата и взглянул на медицинскую карту Ханны Норланд. Под фамилией пациентки от руки было написано второе имя: Анна ван Лёвен.

Гроен обратился к врачу-ассистентке, которая дежурила ночью в больнице.

– Два имени?

– На водительском удостоверении стоит имя Ханна Норланд, но в полицейских актах она проходит как Анна ван Лёвен, – объяснила врач.

Гроен вспомнил полицейскую машину перед больницей и сотрудника, который сидел в коридоре и охранял палату.

Ван Лёвен! Эта фамилия была ему знакома. Пять лет назад в Роттердаме была жестоко убита молодая женщина с такой же фамилией. Он знал это, потому что его коллега из Института судебной медицины проводил вскрытие тела и рассказывал ему о многочисленных переломах костей.

Гроен пролистал медицинскую карту. Вообще-то пациентку должны были отвезти в университетскую клинику, но больница Святого Лоуренса оказалась ближе и поэтому «скорая помощь» приехала прошлой ночью сюда. Все-таки у них была реанимация – иначе пациентка бы не выжила. Гроен рассматривал лицо женщины, ее ввалившиеся щеки, глубоко запавшие глаза и бледную кожу. Она была без сознания. На ее же счастье. Он провел рукой по ее щеке.

– Как она себя чувствует?

– Она четыре дня пролежала под грудой матрасов и сильно истощена.

Гроен кивнул.

– Что вы дали этой женщине?

– Врач скорой помощи ввел ей плазмозаменитель еще по дороге сюда.

Гроен кивнул. Он сделал бы то же самое. Стабилизация кровообращения. Это самое главное.

– После обследования мы ввели ей пятипроцентный раствор глюкозы, – добавила врач.

Раствор повышал уровень сахара в крови и снабжал мозг энергией.

– Она уже при поступлении была без сознания? – спросил он.

Врач-ассистентка помотала головой.

– Только последние полчаса.

– И вы меня не вызвали? – Гроен взглянул на дисплеи приборов, затем на синие руки пациентки, поднял одеяло и увидел такие же синие ноги.

– Мы обработали резаные раны на животе и остановили сепсис. А также ввели препарат против тромбоза.

– Да, – пробормотал Гроен. Но все равно было неясно, выживет ли пациентка. Ее кровообращение оставалось нестабильным, и в настоящий момент было не похоже, что ситуация улучшается.

– Подготовьте еще одну капельницу, – распорядился он, приняв решение о дальнейших действиях. – Мы переведем ее на искусственное питание. Специальный питательный раствор с аминокислотами, электролитами и витаминами. Больничная аптека должна подготовить соответствующую смесь.

– Вы действительно считаете, что это необходимо?

– Да. И поставьте ей еще вторую капельницу с жирами. Срочно! – Гроен снова посмотрел на мониторы.

Он подумал об убитой сестре Ханны и полицейском перед дверью. Интуиция подсказывала ему, что в случае Ханны Норланд речь идет не об обычной жертве насилия. Эта женщина что-то знала, поэтому было особенно важно ее спасти.



*Суббота, 3 октября*

Сабина и Снейдер наконец-то вышли из самолета и напрямиком направились к пункту выдачи багажа. Сабина пристроила свою сумку рядом с бетонной колонной.

Снейдер стоял рядом, потирал глаза и ждал, когда транспортерная лента придет в движение. В какой-то момент он схватился за колонну.

– Вам нехорошо? – спросила Сабина.

– В глазах потемнело, – коротко ответил он.

– Вам следовало послушать врачей и остаться в больнице.

– А потом голландская уголовная полиция задержала бы меня еще на пару дней.

«А он прав».

– Кстати, вам вернули ваш пистолет?

– Вы шутите! – Снейдер помотал головой. – Это будет мучительный бюрократический процесс – и в конце пистолет навсегда останется в камере вещественных доказательств. – Снейдер снова оперся о колонну и, лишь когда транспортерная лента поехала, сделал несколько шагов вперед, чтобы не пропустить свой чемодан.

Если он будет продолжать в том же духе и не щадить себя, однажды он просто не выдержит. Тогда каждый – несмотря на недостаток сна или кластерные головные боли – будет винить в этом марихуану. А у Хесса появится причина, чтобы окончательно убрать его из БКА. А это будет означать конец для Снейдера – для человека, который умел только одно и хотел лишь этого: ловить убийц.

Сабина осознала, что докопалась до причины бесконечного соперничества между Хессом и Снейдером, которого она никогда по-настоящему не понимала. Оба мужчины, пусть Снейдер и платонически, любили одну и ту же женщину – Диану Хесс.

Сабина представила высокую и сильную женщину, которой она была обязана тем, что ей разрешили доучиться, после того как Хесс вышвырнул ее из академии. Как отреагирует Диана, когда узнает, что

ее сын сбежал из тюрьмы, чтобы продолжить убивать? И что Снейдер будет до последнего охотиться за ним? Расскажет ли ей Снейдер, что Пит в своей квартире подготовил для него смертельную ловушку?

Она наблюдала за Снейдером, как он стоял у транспортера и смотрел на выезжающие чемоданы.

«Вообще-то любой мог зайти в ванную комнату», – подумала Сабина. Врач, санитар, голландский следователь. Как только Пит мог быть уверен, что в ловушку попадет его отец? Она нахмурилась. Единственный правильный ответ: да никак!

Она выпустила ручку сумки и хрустнула пальцами. Зачем Пит вообще устраивать ловушку для отца, если он просто хотел его внимания? Возможно, Пит ненавидел своего отца, так как чувствовал себя покинутым в детстве. Но, вместе с тем, он его любил. Иначе вряд ли бы стал тратить столько энергии на то, чтобы отец полностью посвятил себя его планам мести.

И того, кого любят, не убивают. Пит мог бы устроить это гораздо проще: визит в дом Снейдера на краю леса, ночной налет, две пули в голову. Все! Готово! Но он этого не сделал.

Вместо этого подготовил ловушку с током. Но для кого, черт возьми? Такой человек, как Пит, не полагался на случай, а планировал все до мельчайшей детали. Так кто же должен был зайти в ванную и попасть в ловушку?

Существовал только один ответ: Ханна Норланд.

Если бы ей как-то удалось выбраться из-под матрасов, она попыталась бы покинуть дом. Сначала поискала бы на кухне нож, чтобы разрезать кабельные стяжки на руках и ногах. Затем, наверное, попила, оделась и попыталась бы позвонить. Но телефон в гостиной уже давно не работал.

Входная дверь была заперта. Поэтому Ханна стала бы искать окно, чтобы вылезти наружу. Но все окна были зарешечены – кроме одного: в ванной комнате!

Следовательно, Ханна Норланд пошла бы в ванную... и умерла, потому что разомкнуть электрическую цепь было бы некому.

Пит ван Лун не сразу убил Ханну, как все свои жертвы до и после, а оставил ей шанс выжить. Правда, фальшивый шанс! Ложную надежду! На самом деле он хотел, чтобы она умерла, как и все остальные. Так должно было быть! Он определенно запланировал ее

смерть. Уже хотя бы потому, что это было первое преступление после его побега. Начало новой серии убийств. А такой, как Пит, не допустил бы позорной оплошности.

А если бы и этот его план провалился?

А он провалился, потому что в ловушку попал Снейдер. Вопрос в том, подстраховался ли Пит на этот случай?

– Что случилось? Похоже, в голове у вас вертятся ужасные мысли.

Сабина подняла глаза. Сфокусировала взгляд. Она лишь сейчас заметила, насколько глубоко погрузилась в свои мысли. Снейдер стоял рядом со своим чемоданом-шкафом и озабоченно смотрел на нее.

– Ханна Норланд в смертельной опасности.

– У нее все хорошо, – возразил Снейдер.

– Вы не понимаете! – воскликнула Сабина. – Ее жизни угрожает опасность. Удар током предназначался не вам, а Ханне.

Снейдер подумал и кивнул.

– Но Пит не настолько сумасшедший, чтобы вернуться в Нидерланды второй раз и убить Ханну.

– Я знаю, – пробормотала Ханна. – И поэтому он мог устроить еще одну ловушку.

– Где?

– Я не знаю. Я должна позвонить в больницу. У вас есть номер?

Снейдер достал мобильник и набрал номер. Спустя полминуты ответили, и Сабина услышала, как он потребовал врача, который говорит по-немецки. Затем передал ей телефон.

– Алло, это доктор Гроен, – услышала Сабина мужской голос с сильным голландским акцентом.

Сабина представилась и объяснила врачу, кто она и что это она нашла Ханну Норланд.

– Я хочу попросить вас следить за Ханной, потому что у меня есть обоснованные подозрения, что с ней может что-то случиться.

– Что вы имеете в виду?

– Нельзя слишком рано выписывать Ханну. Возможно, ее поджидает смертельная ловушка. По дороге домой, в подземном гараже, в ее машине или квартире – я не знаю. Лучше всего, если вы поговорите с уголовной полицией, чтобы к Ханне приставили охрану.

– Перед дверью ее палаты дежурит полицейский.

– Хорошо. Его коллеги должны следить за обстановкой.

– Но что мне им сказать?

– Мою фамилию и что я опасаясь покушения на ее жизнь.

– Хорошо. – Гроен сглотнул. – Я позабочусь об этом. Подождите секунду... не кладите трубку.

Сабина услышала возбужденные крики и шум. Наконец врач снова подошел к аппарату. Он тяжело дышал.

– У пациентки стремительно падает давление. Мы не знаем причины, но можем потерять ее в любой момент.

*Суббота, 3 октября*

Проклятье! Гроен отложил телефон в сторону. Сердечно-сосудистая система Ханны Норланд отказывала. Хотя они ввели ей все необходимые препараты. Черт возьми, что они сделали не так?

Команда из ассистентов, санитаров и медсестер с ожиданием смотрели на Гроена.

– О'кей, всем внимание! – воскликнул Гроен. – Мы введем ее в искусственную кому. Подготовьте все для наркоза.

Врачи зашевелились. Сначала Ханне поставили опиат от боли и рвоты, который дозировался и подавался автоматическим насосом в вену. А через второй насос – снотворное, чтобы ввести ее в искусственную кому.

В конце добавили релаксант, который расслабил мускулатуру, и челюсть Ханны расслабилась и обвисла. Через две минуты средство начало действовать. Ханна перестала дышать самостоятельно. В обычных условиях это означало смерть в течение нескольких секунд.

– О'кей – интубируйте. Немедленно! – Гроен поторопил свою команду нетерпеливым жестом.

Его ассистентка ввела Ханне в рот интубационный шпатель до самого зева. Затем осторожно, чтобы не повредить голосовые связки, просунула интубационную трубку в рот и трахею, закрепила трубку пластырем у рта. Теперь Ханна была подключена к аппарату искусственного дыхания.

Гроен подождал минуту, внимательно наблюдая за показаниями на дисплеях. Давление по-прежнему было очень низким. Им нужно было простимулировать ее сердечнососудистую систему. Иначе... Гроен уставился на монитор. «Черт, мы ее теряем!»

– Подготовьте третий перфузор, – пробормотал он.

– Что мы ей введем?

– Норадреналин.

Врач уставилась на него.

– Скорее! – крикнул он. Они должны были повысить ее давление адреналином.

Пациентку подключили к третьей капельнице, но ее состояние не улучшилось.

«Вот черт!» – выругался про себя Гроен. Ее пульс практически пропал. За ним упадет давление, а потом наступит остановка сердца.

– Что будем делать? – спросила одна из ассистенток.

– Я... – Он выдохнул. – Не знаю. – Гроен почувствовал, что его команда запаниковала, и это состояние передалось ему. Он никогда не был в подобной ситуации. Врач заметил, что кто-то открыл дверь.

На пороге стоял полицейский и заглядывал в комнату.

– Вон! – закричал Гроен.

Давление не должно упасть! Этого просто не может быть. Оно должно подняться! Но этого не происходило. И объяснения тому не было.

Или все-таки...

– О боже, – вырвалось у Гроена. Он взглянул на стол, куда положил сотовый. Быстро подбежал к нему и прижал телефон к уху. – Вы еще там? – спросил он по-немецки.

– Да, где вы так долго были? – ответила женщина, которая представилась Сабиной Немез. – Что с Ханной?

– Вы сказали, что... – Он поднял руку, призывая коллег к тишине. – Что вы нашли Ханну Норланд?

– Да.

– Послушайте меня внимательно! Мы потеряем Ханну Норланд в ближайшие минуты. Поэтому важно, чтобы вы сконцентрировались.

– Что случилось?

Гроен проигнорировал вопрос.

– Пациентка что-нибудь принимала после того, как вы ее нашли?

– Только глоток апельсинового сока.

– Больше ничего? Вы при этом присутствовали?

– Да, и упаковка была запечатана, – подтвердила Сабина.

– Но у пациентки не было полного обезвоживания. Она должна была что-то пить эти четыре дня.

– Это невозможно. Она лежала под горой матрасов с одной лишь дыхательной трубкой...

– Не может быть. Подумайте! – требовал Гроен.

– Момент... Вы правы, там было две трубки. Одна находилась в пустой пластиковой емкости.

– Внутри была какая-то жидкость?

– Когда мы ее нашли, нет. Возможно, до этого.

– Там должна была находиться какая-то жидкость. Попробуйте сконцентрироваться! Вы видели в квартире какие-нибудь медикаменты?

Тишина.

Гроен посмотрел на больничную койку. Пульса практически не было. Если он ничего сейчас не придумает, она умрет.

– Да, на кухне лежало много упаковок из-под лекарств.

– Что на них было написано?

– О боже... я... – Сабина Немез сделала паузу. – Аспирин, сильные болеутоляющие средства, антибиотики, таблетки для желудка и что-то под названием «Етрозом»... «Етрозан»... или как-то так.

– «Ятрозом»! – воскликнул Гроен. – Черт возьми. Почему вы не сказали это врачу скорой помощи?

– Откуда я могла знать, что это важно? На что он влияет?

– «Ятрозом» – антидепрессант, который понижает давление. Сколько миллиграмм стояло на упаковке?

– Мне кажется, двадцать. И упаковка была пуста!

– Еще и это. – Видимо, таблетки растворили в воде и дали пациентке. – Медикаменты, которые Ханна Норланд получила в клинике, ей противопоказаны.

– Что именно вы имеете в виду?

– «Ятрозом» несовместим с опиатами и норадреналином. Их взаимодействие смертельно. Не могу больше говорить! – Он закончил разговор и бросил телефон на стол.

В тот же момент послышался монотонный сигнал остановки сердца.

Он повернулся к команде врачей, которые все это время растерянно смотрели на него.

– Немедленно прекратите подачу всех медикаментов и начинайте реанимацию.

Даже если бы они не ввели пациентку в кому с помощью опиата, а просто поставили адреналин, рано или поздно он все равно пришел во взаимодействие с «Ятрозомом».

Какой бы мерзавец не сделал это с Ханной Норланд – он дважды перестраховался с антидепрессантами.

Какой коварный подонок!



*Суббота, 3 октября*

Выругавшись, Сабина опустила телефон.

– Связь оборвалась.

Снейдер побледнел. Он слушал ее разговор.

– Я тоже не предполагал такой реакции. Но врач скорой помощи должен был знать и спросить! Халтурщик! – Он заскрипел зубами.

Сабина подняла руку с мобильником Снейдера.

– Может, еще раз попытаться?

– Подождите. Они сейчас борются за жизнь Ханны. Будем надеяться на лучшее.

Сабина вернула ему телефон, Снейдер сунул его в карман, схватился за ручку чемодана и направился к выходу в зал прилетов. Там Снейдер огляделся.

– Хоровитц должен скоро появиться.

Сабина не могла спокойно стоять на месте.

– Я больше не выдержу. Мне...

– Я чувствую себя точно так же, – успокоил ее Снейдер. – Полагаю, нам позвонят из больницы, как только... – В тот же момент его телефон зазвонил.

Он немедленно ответил, сказал пару предложений, затем перешел на голландский. Спустя полминуты положил трубку.

По выражению лица Снейдера Сабина догадалась, что произошло.

– Она мертва?

Он лишь кивнул.

Сабина почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

– Это Пит ее убил.

Снейдер кивнул.

– Достаточно основательно. – Его рука сжалась в кулак так сильно, что хрустнули суставы. «И все лишь для того, чтобы я обратил

на тебя внимание», – словно говорил его взгляд, в котором было столько ненависти, грусти, вины и осознания собственного провала.

Сабина заметила, что на лбу Снейдера выступила испарина. Его веки непроизвольно дергались.

– Извините меня, – выдавил он, оставил свой чемодан Сабине и направился к туалетам в другом конце зала. Наверное, ему нужно было немного побыть наедине с собой. Может, он воткнет себе в руки пару акупунктурных иголок, или его вырвет в унитаза. Главное, чтобы это помогло!

Сабина смотрела ему вслед, пока знакомый голос не вывел ее из задумчивости:

– Добрый день! Фрау Немез!

Она оглянулась – по залу к ней на инвалидном кресле катился Хоровитц. На спинке кресла висел узкий жесткий чемодан.

Хоровитц затормозил перед ней и протянул руку.

– Где Мартен?

– Не совсем здоров. – Она кивнула в сторону туалетов. Затем вкратце рассказала Хоровитцу, что они выяснили в Регенсбурге, Вене, на острове Остхеверзанд и в Роттердаме.

Хоровитц внимательно слушал и ни разу не перебил. Он тоже был немного удивлен, когда она упомянула о побеге Пита и убийстве матери Снейдера.

– Если он верен своему сценарию, то остались еще три убийства, – завершила она свой доклад. – А вас что сюда привело?

– Криминалисты изучили машину, которую убийца угнал в Берне на Центральном вокзале, чтобы похитить Николу Висс из ее квартиры и привезти к мосту у Нижних ворот.

– Какие-то следы?

– Да, мы обнаружили фрагмент отпечатка пальца на задней двери. Край идентичен с отпечатком указательного пальца Пита, сожженного кислотой.

– Он оставил отпечаток пальца? – удивилась Сабина. Не похоже на Пита, который планировал все до деталей.

– Вероятно, это произошло, когда он прислонился к машине. А может, случайно задел рукой, когда засовывал Висс в багажник. Во всяком случае, мы узнали о побеге Пита. В Швейцарии уже ведется его розыск.

– Он не в Швейцарии.

– Поэтому я здесь, – сказал Хоровитц. – В угнанной машине был навигатор. Архив и буферная память стерты, но техники сумели восстановить данные.

– Пит пользовался навигатором?

– Он рассчитывал на нем самые быстрые маршруты из Берна в Регенсбург, а оттуда в Вену.

– Дайте угадаю. От озера Хельхорн до виллы графа Эриха фон Кесслера?

– Правильно. А затем от Вены до Будапешта.

– Венгрия? – удивилась Сабина. – И поэтому вы здесь? Мы могли обсудить это по телефону.

– Я знаю, но прокурор Бергер посчитал, что лучше прилететь сюда, и я согласился. К тому же в моих личных интересах поймать Пита. – Он вцепился в подлокотник кресла. – Я должен поддержать Мартена, потому что, боюсь, ему нужна сейчас помощь.

– Понимаю. – Сабина задумалась. – Значит, Пит хочет пересмотреть свой старый план и направиться на юг. На этот раз через Регенсбург, Вену и Будапешт. Он следует по течению Дуная.

– Похоже на то... – Хоровитц уставился куда-то вдаль. Она обернулась и увидела, как Снейдер, спотыкаясь, вышел из туалета.

– Выглядит не очень, – заметил Хоровитц.

– Очень он еще никогда не выглядел, – сухо заметила Сабина.

– Я имею в виду, по-настоящему хреново. Но кто бы выглядел иначе в его ситуации?

– В Роттердаме, на месте преступления, он получил сильный удар током. После этого у него началась мерцательная аритмия. Вообще-то он должен еще лежать в больнице, но вы его знаете.

– Да, достаточно хорошо, – вздохнул Хоровитц. – Он ненавидит врачей так же, как... – Он осекся.

У Сабины перехватило дыхание.

Снейдер неуверенно попятился к туалетной двери, попытался схватиться за ручку, но промахнулся и повалился вниз. Прямой, как доска, он упал лицом на пол, на глазах опешивших людей.

***Пятью годами ранее – Берн***

Сразу после событий в квартире Пита в Роттердаме Снейдер приземлился в Берне и на такси доехал до главного здания уголовной полиции. Там Хоровитц уже собрал специальную комиссию.

Молодая коллега проводила Снейдера в конференц-зал на четвертом этаже.

– Сюда пожалуйста, – сказала она и открыла дверь. Снейдер вошел внутрь.

В комнате были опущены жалюзи. Пахло кофе, и горело несколько настольных ламп. Пятеро мужчин и три женщины сидели вокруг длинного овального стола. Перед каждым жужжал ноутбук, а в центре стола находился аппарат для телефонных конференций. Проектор показывал на стене карту Швейцарии, а в верхнем углу – фотографию Пита.

Рудольф Хоровитц поднялся и подошел к Снейдеру.

– Давно не виделись, – сказал он с сильным швейцарским акцентом и пожал Снейдеру руку. – Мы ждали тебя раньше.

– Коллеги в Роттердаме не хотели меня отпускать. Хоровитц махнул молодой сотруднице, которая привела Снейдера в комнату.

– Чайник ванильного чая для нашего гостя. – Потом шепнул Снейдеру: – Здесь никакой марихуаны и держи себя в руках. Коллеги вызвались добровольно и работают сверхурочно.

– Посмотрим, – пробормотал Снейдер.

Он не стал тратить время на приветствие, направился к столу и сразу перешел к делу.

– Если вы постараетесь говорить на более или менее приемлемом литературном немецком, я смогу вас лучше понимать, это сэкономит мне время, и мы быстрее продвинемся в расследовании. Полагаю, вы уже знаете, кто я и о чем речь.

Некоторые закивали, другие настороженно смотрели на Снейдера.

Снейдер указал на фотографию Пита.

– Этот мужчина совершил пять убийств, и следующее должно произойти в Швейцарии. – Он взглянул на сидящих перед собой. – Вы успеваете за моей мыслью? – Он щелкнул пальцами.

– Да, – пробормотали некоторые.

– Хорошо. Разыскная операция что-то дала?

– Нет, – сказал Хоровитц и бросил Снейдеру предупреждающий взгляд.

– Значит, мы опоздали, и он уже в стране. Можете отозвать дополнительных людей с пунктов пограничного контроля. Предположительно, Пит угнал в Штутгарте машину и пересек на ней границу. Полагаю, он направился или в Цюрих, Берн, Базель или Женеву. После запланированного убийства, если оно уже не произошло, он снова угонит автомобиль и поедет дальше на юг.

Снейдер сделал паузу и помассировал виски. «Проклятая головная боль!» Он снова поднял глаза, чтобы не подать и виду.

– Нам необходимо связаться со штутгартской уголовной полицией и запросить информацию по всем транспортным средствам, которые были угнаны там за последние пять дней, особенно автокемперы и минивэны. Затем проверьте записи видеокамер на границе, не въехала ли одна из этих машин в Швейцарию.

Одна дама подняла руку и хотела что-то сказать.

– Во-вторых! – перебил ее Снейдер. – Составьте список всех машин, угнанных в Швейцарии за последние два дня, и усильте контроль на границе с Италией. Предположительно, затем он направится туда. Вопросы?

Женщина помотала головой.

– Уже не актуально.

– Хорошо, следующий шаг! Нам необходим доступ ко всем дорожным камерам во всех крупных городах Швейцарии. Это возможно?

– Да, – ответил один мужчина.

– У вас есть программа распознавания лиц, которую мы можем установить на камерах наблюдения на остановках и автобусных вокзалах?

– Да, но для этого нам необходимо судебное...

– Господи боже мой! – вскричал Снейдер. – Мы знаем, как выглядит этот мужчина. И мы знаем, что он собирается совершить еще одно убийство. Если сейчас сидеть сложа руки и ждать выдачи каких-то разрешений, у нас будет еще один труп. И я даже могу сказать вам, что он сделает: он выберет молодую женщину в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, красивую, стройную, с длинными светлыми волосами. Возможно, даже публичную личность. Опасно ранит ее ножом, затем раздробит ей молотком все кости в теле. А напоследок вырежет на коже какую-нибудь букву. Вот его послание

нам! И он будет продолжать делать это, пока мы его не остановим. И если не остановить его сейчас, одному богу известно, куда он скроется.

Хоровитц поднялся.

– Мартен, успокойся!

– Да, обязательно. Как только мы его схватим! До тех пор мне необходима ваша помощь в сравнении и синхронизации данных. Мы должны выявить тех людей, которые могут стать одной из жертв Пита. – У Снейдера болели глаза. Он размыто видел, как та же женщина снова подняла руку. – Да? – пробурчал он.

– Насколько вы уверены, что все произойдет именно так, здесь и сейчас?

– Честно говоря – я не знаю, но это наш единственный шанс. – Он оперся руками о стол и опустился в кресло.

Шесть часов спустя Снейдер стоял в маленькой кухне на пятом этаже и, высунувшись в окно, курил косячок.

Еще никогда время не тянулось так медленно, как сегодня. Он услышал голоса в коридоре и сделал еще одну затяжку. В голове у него постоянно вертелся вопрос, не упустил ли он чего-то. Но он не мог придумать, что бы это могло быть. Он предпринял все возможное – теперь нужно просто ждать. Но эта деятельность сводила его с ума.

Наконец дверь открылась, и в кухню вошел Хоровитц. С мобильным телефоном в нагрудном кармане и свернутой папкой в руке. Он выглядел измотанным, с закатанными рукавами, щетиной и темными кругами под глазами, которых Снейдер раньше не замечал. Но, наверное, и он сам выглядел не лучше.

– Плохие новости, – сказал Хоровитц и подошел к Снейдеру. – Заявленный в угон автомобиль со штутгартскими номерами попал на камеру в центре Берна.

– Это хорошие новости. – Снейдер затушил сигарету об оконный карниз и щелчком выбросил бычок во внутренний двор. – Это он!

Хоровитц посмотрел в окно, глубоко вздохнул, но ничего не сказал.

– Дальше?

– Мы потеряли автомобиль из вида, но розыск уже ведется.

Снейдер подошел к пустой стене рядом с мини-кухней, где висела полутораметровая карта Берна.

– Где именно?

Хоровитц указал на место в центре города.

– Вот здесь, недалеко от Центрального вокзала. Один из моих людей, видимо, проникся твоей речью и загрузил программу распознавания лиц на камеры в этом районе. Без решения суда! Ты знаешь, что это означает?

– Не обязательно об этом всем сообщать. И что дальше?

– Мы нашли Пита ван Луна.

На секунду у Снейдера остановилось сердце. До этого момента он не был уверен, правильны ли вообще его предположения.

– Где?

Хоровитц показал ему улицу рядом с Центральным вокзалом.

– Здесь. Он был замечен десять минут назад. Потом исчез.

– О'кей, давай подумаем. Сначала нужно убрать из этого района всех полицейских в форме, чтобы не спугнуть его.

– Я уже распорядился.

– Хорошо. – Снейдер закрыл глаза. – Персональные данные проанализированы?

– Да. Другие города нас больше не интересуют. В одном Берне мы нашли восемнадцать тысяч потенциальных жертв.

– Хорошо, нам необходимы все совпадения в радиусе пятисот метров от этой точки. – Снейдер открыл глаза и ткнул указательным пальцем в место, где в последний раз видели Пита.

– Это займет какое-то время.

– Поторопитесь! А пока выведи на улицы как можно больше полицейских в гражданском, чтобы они могли наблюдать за всеми, кто соответствует описанию.

– Мартен, откуда мне взять столько людей?

Снейдер пожал плечами.

– Кто главный профайлер в Швейцарии, я или ты?

Хоровитц возмущенно выпустил воздух.

– Ты не хуже меня знаешь, что это абсолютно нереалистично и у меня нет столько людей, чтобы обеспечить персональную охрану всем потенциальным жертвам.

– Я не говорю о том, чтобы к каждой была круглосуточно приставлена боевая или оперативная группа.

– А что тогда?

– Один человек следит за домом и высматривает Пита. Если тот появится, происходит захват.

– Черт! Даже это требует невероятного количества полицейских под прикрытием и оперативной группы в постоянной боевой готовности.

Снейдер нахмурился.

– Мне кажется, ты не до конца понял, о чем речь! Это наш шанс поймать его сейчас. Но если он ускользнет от нас или заметит, что мы следуем за ним по пятам, то заляжет на дно и станет еще осторожнее. И в следующий раз нам уж точно не повезет так, как сегодня. Соберешь пятьдесят полицейских?

Хоровитц засопел.

– Да, возможно. А что, если Пит приехал в этот район, просто чтобы поужинать или искал где переночевать?

– Или он уже проник в одну из квартир и раздробил какой-нибудь девушке все кости и выбил зубы, – холодно сказал Снейдер.

Когда Снейдер и Хоровитц добрались на машине уголовной полиции до переулка Нэгелигассе, у швейцарца зажужжал телефон. Хоровитц нашел парковочное место и остановился.

В следующий момент мимо них, дребезжа, проехал трамвай и со скрежетом затормозил. Уже смеркалось, на улицах зажглись фонари. На трамвайной остановке было оживленно.

– Наконец готов результат запроса в базе данных. – Хоровитц поднял телефон, чтобы Снейдер мог взглянуть на дисплей, и прокрутил в начало списка. – Коллеги смогли ограничить число возможных жертв в интересующем нас радиусе до двадцати одной.

– Всего двадцать одна?

– Посмотри вокруг. Центр. В этом районе живут почти одни старики. Молодым квартиры здесь не по карману.

Снейдер пробежал глазами по фамилиям, возрастам, адресам и профессиям, которые были указаны в некоторых строчках.

– Кто эта магистр Хеди Цан? – спросил Снейдер.

– Одна молодая радиоведущая.

– Она дома?



– Возможно. Насколько я знаю, ее передача в прямом эфире начинается в двадцать три часа.

– Хорошо, мы с тобой поедem к ней, а твои коллеги пусть займутся оставшимися двадцатью адресами.

Хоровитц отправил эсмэс, потом переключил передачу и, проехав несколько улиц, припарковался. Когда он хотел достать из бокового отделения на двери табличку «уголовная полиция», чтобы положить на приборную панель, Снейдер остановил его движение.

– Без таблички! – Снейдер оглядел улицу, посмотрел в зеркало заднего вида, а затем поднял глаза на фасад дома. Четыре этажа, на первом находился вход в филиал супермаркета «Мигрос». – Мне нужен пистолет.

– Мартен! – Голос Хоровитца прозвучал напряженно. – Ты знаешь, что не получишь его от меня.

– А ты знаешь, что я буду сопровождать тебя только с оружием. Так что давай не будем терять время на ненужные дискуссии. Где твой запасной пистолет?

Хоровитц взглянул на бардачок.

Снейдер открыл его и вытащил малокалиберный «вальтер». По весу он заметил, что магазина в рукоятке не было.

– Что я должен с ним делать? Бросить Питу в висок?

Хоровитц потянулся к поясу и передал Мартену магазин.

– Ты стреляешь только в порядке самообороны, мы друг друга поняли?

– Этого я не могу тебе обещать.

– Господи, вот говнюк! – выругался Хоровитц. – Ладно, надень это. – Он развернулся к заднему сиденью и достал черную бейсбольную кепку. – Это мой талисман, принадлежит внуку. Ты не самого маленького роста, и если Пит заметит твою лысину...

– Ты прав. – Снейдер надел кепку. – Идем!

Хоровитц вылез из машины и пошел первым. Снейдер вставил магазин в «вальтер» и тоже вышел. Сунув пистолет за пояс и прикрыв пиджаком, он надвинул кепку на лицо, чуть пригнулся и последовал за Хоровитцем вниз по улице. Они прошли мимо филиала «Мигрос» и остановились перед домом номер пятнадцать – старой постройкой, с внутренним двором, в котором стояли детские коляски, велосипеды и несколько полных до краев мусорных баков.

– Хеди Цан живет на четвертом этаже, – сказал Хоровитц.  
– Как далеко отсюда находится следующая возможная жертва?  
Хоровитц посмотрел на свой телефон.

– Около ста метров вниз по улице и налево в переулок... студентка.

– Твои парни уже там?

– Да. А теперь хочешь подняться к Хеди Цан и позвонить в дверь?  
Снейдер огляделся. В доме не было домофона.

– Ты поднимешься. Но сначала позвони к соседям. Зайди к ним и узнай, не заметили ли они чего-нибудь подозрительного в квартире рядом. Затем позвони Хеди Цан с телефона соседей и посмотри, подойдет ли она.

– А ты? – спросил Хоровитц.

– Я пока останусь внизу во внутреннем дворе и буду наблюдать за улицей. – Снейдер заметил, как взгляд Хоровитца застыл. – Что?

– Твою мать! – вырвалось у Хоровитца. – Не оборачивайся. Пит только что вышел из дома на противоположной стороне улицы.

– Ты шутишь?

– Мне сейчас не до шуток.

– Напротив? Что он там делает? – спросил Снейдер.

– В дом только что вошла пожилая дама с покупками. Пит просто стоит там, осматривается и зажигает сигарету.

Снейдер сдерживался изо всех сил, чтобы не обернуться.

– В том доме есть отель или пансион, где можно снять комнату?

Хоровитц поискал взглядом.

– Насколько я вижу, нет. И, судя по нашей информации, в этом доме не живет ни одна из тех женщин, кто вписывался бы в схему предыдущих убийств.

– Значит, он изменил свою схему.

– Или наш анализ данных – дерьмо!

– То, что мы наткнулись на него здесь и сейчас, возможно, просто невероятная случайность, – пробормотал Снейдер. – Правда, и он допустил несколько ошибок. Но если уйдет от нас сейчас, то уже никогда не повторит этой ошибки.

– Я знаю. Он быстро учится.

Снейдер посмотрел на Хоровитца.

– Почему ты так решил?

- Все-таки он твой сын.
- Ты знаешь это лишь потому, что я рассказал тебе по телефону.
- Я знаю это с тех пор, как взглянул ему в глаза.
- Он?..
- Не двигайся. Он нас еще не заметил.
- Что он делает?
- По-прежнему стоит и курит. – Хоровитц схватился за телефон.
- Нет! – шикнул Снейдер. – Если он заметит, что ты звонишь по телефону, то убежит, а мы слишком стары для погони.
- Что будем делать?
- Ты пойдешь налево, я направо. Через несколько метров пересечем улицу и зажмем его с обеих сторон. – Снейдер подумал о «вальтере» за поясом и тронулся с места.

**Часть седьмая**

**Висбаден**

*Суббота, 3 октября*

После того как Мартен Снейдер упал в обморок перед туалетом в аэропорту, его, по просьбе Сабины, отвезли в больницу Висбадена. Она поехала с ним в машине скорой помощи, а Хоровитц взял такси и тоже направился в Висбаден, чтобы разместиться в гостинице недалеко от БКА.

Когда врачи стабилизировали давление Снейдера и он пришел в себя, Сабине разрешили увидеть его. Она зашла в палату и села на край кровати. Снейдер был подключен к множеству аппаратов, голова была перевязана.

– Где я?

– В Висбадене.

– Я не помню, как мы доехали.

– Так даже лучше. При падении вы разбили себе лоб, рану пришлось зашивать. К тому же вы повредили колено, не говоря уже о...

– Белочка, – прохрипел он и поднял три пальца. – Врачи вас сейчас вышвырнут отсюда. Скажите, зачем приехал Хоровитц?

Она в двух словах рассказала про отпечаток пальца на машине и данные в навигаторе, которые восстановила швейцарская уголовная полиция.

Снейдер задумался.

– Пит никогда не допустил бы такую ошибку.

– Я тоже так думала, но он допустил.

Как Снейдер и предсказывал, в палату вошла медсестра и попросила Сабину покинуть помещение.

Она поднялась.

– Отдыхайте... партнер.

Он улыбнулся.

– Сегодня вечером я снова буду в форме... обещаю.

«Только не перестарайся!» Она вышла из палаты и проследовала мимо двух полицейских в коридоре, которых направили сюда для безопасности Снейдера.

– Хорошенько следите за мужчиной в палате, – сказала Сабина.

– Не беспокойтесь, пока мы здесь, с ним ничего не случится.

– Я имею в виду, чтобы он не сбежал, – добавила она, и мужчины непонимающе переглянулись.

Только она дошла до лифта, как зазвонил ее телефон. Это был номер секретарши президента Хесса. Она тут же ответила:

– Сабина Немез.

– Президент Хесс хочет срочно поговорить с вами у себя в кабинете.

– Я думала, он проводит выходные в своем загородном доме.

Сабина услышала сопение секретарши.

– Все сложилось иначе. Поторопитесь.

Через полчаса Сабина вошла в приемную президента. Секретарша на секунду оторвала взгляд от экрана.

– Наконец-то!

– Он свободен?

– Да, входите. Господа уже ждут вас.

Господа?

Сабина вошла и сразу почувствовала прохладную атмосферу в бюро. Президент Хесс сидел за своим письменным столом, в черном с полосками костюме и с ослабленным галстуком. Его тяжелые часы «Rolex» лежали рядом с телефоном. Одной рукой он печатал в компьютере, другой крутил перьевую ручку. Видимо, он был еще более напряжен, чем Сабина.

За Хессом стоял высокий худой мужчина лет пятидесяти, в серой тройке. У него было угловатое загорелое лицо, на подбородке и щеках шрамы от акне. Совершенно невозмутимо он держал в руке блюдце с чашкой, из которой то и дело отхлебывал кофе.

– Это Сабина Немез, – сказал Хесс мужчине, который смотрел ему через плечо. Потом обратился к Сабине: – Садитесь!

Сабина села и почувствовала, как незнакомец свысока изучает ее через стекла своих очков в стальной оправе, водя пальцем по краю чашки. Она еще никогда не видела этого седого мужчину.

– Короче говоря, – начал Хесс, – поступила жалоба, что мои люди повсюду в Европе сеют хаос.

Кто, черт возьми, мог это сделать? Лишь немногие имели такие полномочия. Сабина покосилась на мужчину с рябым лицом. Прочистила горло.

– Вы ведь сейчас говорите не обо мне и моих расследованиях?

– Ах нет? – Хесс повысил голос. – В Вене Снейдер загипнотизировал малолетнего свидетеля против воли его родителей! Такое вмешательство в частную сферу неприемлемо! В Роттердаме он взломал дверь без ордера на обыск. Затем – в очередной раз – был задержан с оружием в другом государстве. Господи, вы его партнерша! А сейчас он лежит с сосудистым кризом в больнице под наблюдением.

– Но дом принадлежит...

– Не перебивайте меня! – закричал Хесс. – Вы без согласования допросили заключенного на Остхеверзанде и, как я только что узнал, привлекли к своей работе швейцарского криминалиста-пенсионера. Вы теперь собираете собственную команду и расследуете дела самостоятельно?

Сабина почувствовала, как на ее шее надулись вены. Она сжала кулаки. Невольно ее опущенный взгляд упал на письменный стол. Перед ней стояла рамка с фотографией Дианы Хесс, и Сабина грустно подумала о том, что Диана уже не раз спасала ее от гнева своего мужа. Но затем ее мысли перенеслись к Питу, пасынку президента Хесса. Наверное, по этой причине ситуация была особенно сложной для Хесса – и он выходил из себя.

– Могу я высказать свое мнение? – спросила Сабина.

– Нет! – заорал Хесс. – Ваша коллега Тина Мартинелли лежит тяжело раненная в больнице, но это не мешает вам звонить ей. Вы обходите стандартные процедуры и тем самым подрываете мораль и дисциплину в отделах!

– Вы замечаете это по мне или по морали в отделах? – спросила Сабина и тут же пожалела, что раскрыла рот.

Теперь пришла очередь мужчины. Он отставил чашку, поправил запонки и посмотрел на Сабину.

– Тому, кто хочет быстрых результатов, нечего делать в криминалистическом анализе. – У него, как и у Снейдера, был голландский акцент.

Сабине тут же пришла в голову мысль: хочешь узнать характер человека, дай ему власть – и казалось, что этот мужчина олицетворяет собой понятие власти.

– Я отстранена от службы? – спросила она.

– Нет, от этого дела!

– А Снейдер? Хесс рассмеялся:

– Я вас умоляю! Он непригоден к службе. Я только что разговаривал с ним по телефону. Он развалина.

– Кому вы передаете расследование?

Хесс хотел ответить, но незнакомец сделал шаг вперед.

– Вы не поняли вашего начальника, поэтому я не буду отвечать на ваш вопрос. БКА больше не ведет это дело.

«Это еще что за дерьмо?» Сабина поднялась со стула и посмотрела на Хесса.

– И вы это допустите?

Президент БКА подчинялся лишь указаниям министра внутренних дел и его секретаря; но не похоже, чтобы этот голландец имел отношение к правительству Германии. Даже Генеральный прокурор или Федеральная разведывательная служба не могли отстранить БКА от начатого расследования. Что все это значило?

– Сядьте на место! – приказал Хесс. – Это Дирк ван Нистельрой из Гааги. С данного момента расследованием займется Интерпол. Мы и БКА других стран будем оказывать поддержку.

– Европол? Но...

– Я вызвал вас сюда не для препирательств, – перебил ее Дирк ван Нистельрой. – В серию убийств вовлечены Нидерланды, Швейцария, Австрия и Германия. Пришло время, чтобы за дело взялись профессионалы.

Профессионалы? Без расследований Снейдера, Хоровитца, Тины и ее самой никто бы не установил так быстро взаимосвязь между убийствами.

– Немез, немедленно напишите отчет и предоставьте коллегам из Европола всю имеющуюся информацию, – сказал Хесс. – Полагаю, это займет не много времени, потому что Снейдер проинформировал нас в последние дни практически обо всем. Нам необходимы только ваши сведения.

Сабина чувствовала, как повышается ее давление.



– А затем это дело меня больше не касается?

– Вы ухватили мысль! И не вздумайте что-то приукрасить или тормозить расследование, – предупредил ее Хесс. – Вы опозорите меня перед Европоллом, а я не думаю, что вы этого хотите.

– Нет, я этого не хочу, – ответила Сабина, скрипя зубами. Она посмотрела на Нистельроя и вспомнила, что Снейдер назвал его самодовольным наглым говнюком. Похоже, в этом исключительном случае Снейдер выразился слишком мягко. – И что же вы собираетесь предпринять в этом деле?

– Вы считаете, что после всего хаоса, который вы устроили, у вас есть право интересоваться, как мы будем координировать расследование?

– Да, я так думаю. Все-таки это я выяснила, что убийства связаны между...

– Ладно! – перебил ее Нистельрой. – Я не против, чтобы вы поучились у опытных профессионалов. – Он сунул одну руку в карман брюк, обошел вокруг стола и посмотрел в окно. – Мы знаем, что Пит ван Лун снова совершит убийство. Но наживка должна быть по вкусу рыбе. Поэтому мы взяли под охрану сто пятьдесят человек по всей Европе, которые, на наш взгляд, являются потенциальными жертвами. Мы расставили ловушки, и Пит ван Лун попадет в одну из них.

– Вы понятия не имеете, куда он направится в следующий раз.

– Ошибаетесь. Наши криминалисты проанализировали факты и пришли к выводу, что он продолжит свою серию убийств, скорее всего, в Венгрии.

– Бывшая владелица Gjellerup в Копенгагене, где Пит показывал свой спектакль, живет сегодня в...

– Спасибо, мы это знаем, у наших статистиков все под контролем, – перебил ее Нистельрой.

– Статистика, – пренебрежительно повторила Сабина.

– Да, статистика. Похоже, вы невысокого мнения о стандартных процедурах, оценке фактов и статистическом анализе?

Хесс едва заметно покачал головой, давая Сабине понять, чтобы она закрыла рот. Но она не могла. Не в этой ситуации и не перед этим самодовольным типом!

Она склонила голову набок.

– О нет, статистика невероятно полезна. Если я встану в ледяную воду, а задницей сяду на горячую плиту, средняя температура тела будет очень даже приятная. Это на тему статистики.

Хесс закатил глаза.

Нистельрой отвернулся от окна.

– Это сравнение говорит о вашем уровне.

– О'кей, хотите уровень повыше, – сказала Сабина, – тогда я расскажу вам о Пите ван Луне. Это очень точно и структурированно мыслящий человек, который всегда был на шаг впереди нас.

– Вы встречались с ним лично?

– Конеч... – начала Сабина, но замолчала, когда вспомнила, что на Остхеверзанде разговаривала лишь с его двойником. – Нет, не встречалась. Но, судя по всему, что я о нем знаю, он коварный...

– Возможно, – перебил ее Нистельрой. – Но даже самый коварный говнюк превращает многолетнее «Каберне Совиньон» в обыкновенную мочу. И вы должны всегда это помнить. Разговор окончен. У нас дела.

«Спасибо за этот наглядный интеллектуальный пример».

Сабина поднялась и, выходя из кабинета, подумала об экспертах и статистиках, которые, очевидно, все были одного мнения. Но предыдущий опыт научил ее: как только все эксперты сходятся во мнении, что-нибудь обязательно остается без внимания – и именно тогда необходима осторожность.

*Суббота, 3 октября*

Без комментариев Сабина покинула кабинеты Хесса и его секретарши и направилась к лифтам. Тут дверь одного лифта открылась, и в коридор вышла высокая женщина в кашемировом пальто и с собранными наверх седыми волосами.

Диана Хесс!

– Добрый день, – сказала Сабина и пожала протянутую ей руку. – Что вы здесь делаете?

– Наши планы на выходные внезапно изменились. Возможно, так даже лучше при этой погоде. Становится все холоднее... бр-р-р! Я лишь хочу забрать кое-какие вещи из кабинета моего мужа.

Ввиду обстоятельств, будет, несомненно, лучше, если Диана Хесс проведет следующие дни в доме, который находится на территории БКА.

– А вы сами как? Уже вернулись из Швейцарии, как я вижу. – Хесс хотела казаться спокойной, но у нее получалось не очень убедительно.

– Не только, – ответила Сабина. – Я была в Баварии, на Балтийском море и со Снейдером в Роттердаме.

Диана Хесс кивнула. Видимо, она уже обо всем знала: Снейдер наверняка позвонил ей, чтобы рассказать о смерти своей матери и побеге их общего сына. Озабоченное и печальное лицо Дианы подтверждало догадку Сабины.

– Мне очень жаль, что все так случилось, – сказала Сабина.

Она сжала узкие губы.

– Мартен рассказал вам про Пита?

Сабина кивнула:

– Да, все. Мне искренне жаль.

– Все в порядке. – Ее глаза наполнились слезами. – Если я как-то могу помочь вам в расследовании, то... В чем дело?

– Нас отстранили от расследования. Дирк ван Нистельрой сейчас в кабинете вашего мужа.

– Европол? – удивилась она. – Господи! Нистельрой же... – Она замолчала, но ее взгляд говорил многое.

«Самодовольный наглый говнюк?» – Сабина мысленно закончила за нее фразу.

– Я поговорю об этом с мужем.

– Нет, только не это, – попросила Сабина. – Не в этот раз.

– Вы уже повздорили?

– К сожалению.

– Вам нужно постараться поладить с Нистельроем. Между нами... – Диана Хесс понизила голос: – Он рассматривается как возможный преемник президента БКА, когда мой муж уйдет на пенсию.

Еще и это.

– Боюсь, я все испортила.

– Выше голову. – Диана кивнула ей и исчезла в коридоре.

Когда Сабина шагнула в лифт, пришла эсэмэска от Хоровитца. Аккумулятор ее мобильного был почти разряжен, но прочитать сообщение она успела.

«У вас есть время? Я в столовой академии».

В главное здание БКА Рудольфа Хоровитца ни за что бы не пропустили без специального разрешения, а вот расположенная напротив столовая Академии для высокоодаренных молодых кадров была доступна как для гостей, так и для бывших следователей уголовной полиции.

Сабина вышла из здания БКА, и ледяной ветер тут же начал задувать ей в уши. За последние часы стало значительно холоднее. Она подняла воротник куртки и сунула руки в карманы брюк.

Переходя дорогу к академии, она заметила усиленные меры безопасности. Рядом с постом вахтера у турникетов стояли вооруженные сотрудники внутренней службы безопасности, как и на улице вдоль забора через каждые двести метров. К тому же она слышала хриплый собачий лай. Видимо, на территории находились специалисты кинологической службы.

От здания академии ей навстречу шел начальник службы безопасности и оперативной группы с рацией. Сабина познакомилась с Ломаном больше двух лет назад на первой же неделе в академии. Он был одним из самых старых и надежных коллег Снейдера и, возможно, поэтому относился к ней немного лучше, чем многие другие в БКА.

Когда они поравнялись, Ломан опустил рацию.

– Какая здесь суета, – заметила Сабина.

– Уже час действуют усиленные меры безопасности. Деталей пока не знаю – будь осторожна, девочка.

Типичный Ломан! Всегда лаконичен. И тут же исчез.

Сабина вошла в столовую. В предвечернее время, после занятий, здесь было не очень многолюдно и не так шумно. Несколько студентов стояли перед автоматами с напитками или болтали за чашкой кофе, устроившись за столиками. Хоровитц одиноко сидел в своем инвалидном кресле перед подносом и ковырялся в тарелке.

Сабина подошла к его столику и присела. Сначала она, понизив голос, рассказала Хоровитцу о состоянии Снейдера, а потом о своем разговоре у президента Хесса – и уж тут она выпустила пар.

– Нистельрой и его команда статистиков производят на меня впечатление людей, которые хотят отличиться любой ценой, – закончила она свой рассказ.

– Ничего нового, – прокомментировал Хоровитц. – Это кучка пачкунов, которых интересует только собственное мнение. Но по крайней мере, они делают свою работу уже много лет.

– Да, будем надеяться на лучшее, – вздохнула она. – К сожалению, я должна попрощаться. Мне нужно написать отчет для коллег из Европола. – Сабина уже собиралась встать.

– Я мог бы вам помочь.

Она улыбнулась.

– Спасибо, но боюсь, вас не пропустят в крепость БКА.

– Я не бездействовал. – Хоровитц вытащил пропуск и гостевое удостоверение из внутреннего кармана пиджака.

– Как вам это удалось?

– Раньше фэдпол часто сотрудничал с БКА. Я много лет знаю не только Снейдера, но и других коллег, в том числе Ломана.

– Он выдал вам гостевое удостоверение?

Хоровитц кивнул.

Сабина подвинулась со стулом ближе к столу.

– Как известно, одна голова хорошо, а две лучше. Поэтому я с удовольствием принимаю ваше предложение – даже если Хессу и Нистельрою это не понравится.

– Смелая девочка! Получу ли я у вас в кабинете чашку горячего какао с медом?

Сабина мысленно перебрала запасы в своем столе.

– Организуем.

– Хорошо, тогда не будем терять времени и вместе пошевелим мозгами, чтобы завершить то, что Мартен начал пять лет назад. Ради него.

Все это прозвучало немного театрально. Сабина поднялась.

– Снейдер рассказал мне, что вы вышли на след Пита лишь потому, что тот допустил ошибку.

Хоровитц отъехал от стола, развернулся, крутанул колеса и покатыл к боковому выходу.

– Верно, к тому же мы поймали его не благодаря Мартену, а по счастливой случайности.

Сабина придержала дверь столовой для Хоровитца.

– Он упоминал что-то подобное. И это не дает покоя его эго, верно?

– Да. Ведь Снейдер не может облажаться.

Сабина вышла на холод и подумала о своем партнере, который лежал в больнице, и о Пите ван Луне, который разъезжал где-то на свободе.

*Суббота, 3 октября*

В восемь вечера Сабина наконец дописала свой отчет. Факты и обстоятельства дела, причины их поездок и результаты были задокументированы, показания свидетелей записаны, все документы отсканированы и вместе с фотографиями загружены в архив. Она закрыла ноутбук.

– Спасибо, что вы мне помогли.

Хоровитц сидел напротив и смотрел в темноту за окном.

– Не за что. – Он оторвал взгляд от уличных фонарей и поднял чашку.

– Спасибо. Куда ее?

– Просто оставьте на столе.

Теперь, когда они с Хоровитцем подытожили события последних дней, она впервые взглянула на все нейтральным взглядом, так сказать, с высоты птичьего полета. Возможно, дело было в том, что Хесс отстранил ее, и лишь сейчас она могла соблюсти необходимую эмоциональную дистанцию. И отсюда, с этой новой точки, что-то казалось не так.

Она прочистила горло.

– Хотя все указывает на то, что Пит направился в Венгрию, я не очень в это верю.

Хоровитц с любопытством взглянул на нее.

– Почему?

– Именно потому, что все на это указывает.

– Я тоже все меньше верю в эту теорию с Венгрией.

Теперь удивилась Сабина.

– А почему?

Он помял пальцами нижнюю губу.

– Когда пять лет назад нам удалось схватить Пита, мы пошли на все и смирились с сопутствующими потерями. Сегодня мы бы, наверное, поступили иначе, потому что мы учимся не на успехах, а на

поражениях. Но то же самое касается и Пита. Тогда он не заметил подсказку, которая привела Мартена в Швейцарию. Допустил бы Пит такую ошибку еще раз?

– Вероятно, нет.

– Именно. Я спрашиваю себя, настолько ли он неосторожен, чтобы оставить на машине отпечаток пальца. Или пользоваться навигатором, хотя знает, что техники в состоянии восстановить последние введенные данные?

Сабина подскочила на стуле.

– Знаете, что это означает? Если мы правы, Пит может совершить следующее убийство где угодно. Снова в Швейцарии, в Австрии или в Германии. – Она уставилась на ноутбук. – Вы задумывались, кто может стать тремя его последними жертвами?

– С тех пор как вы рассказали мне о спектакле Пита и связях с предыдущими жертвами, у меня из головы никак не выходит одна мысль. – Хоровитц подкатился ближе и поднял руку. – Это должны быть три человека, которых Пит ненавидит по личным причинам.

– Директор Холландер, доктор Кемпен и, возможно, кто-то из охранников тюрьмы?

Хоровитц помотал головой.

– Тот, кто ему очень близок. А кто ему ближе семьи?

– Его мать, – подумала Сабина. – Его отчим... и его родной отец.

– Правильно. Диана и Дитрих Хесс и Мартен Снейдер, – закончил мысль Хоровитц. – Вы уже знаете историю семьи Мартена. Пит обожает своего отца, но в то же время и ненавидит его. Он также презирает мать за то, что она не удержала Мартена и через несколько лет сошлась с новым мужчиной. К тому же с Дитрихом Хессом. Он и Снейдер поймали тогда Пита.

– Но и вы тоже?

Хоровитц улыбнулся.

– Я лишь второстепенная фигура. К тому же посмотрите на меня. – Он похлопал себя по безжизненным коленям. – Мне уже бесполезно мстить. Я влачу жалкое существование в инвалидном кресле.

– Не преувеличивайте, у вас по-прежнему непревзойденный ум. – Сабина помолчала. – В этой теории что-то есть. Но если Пит действительно хочет осуществить данный план, то это будет непросто.



Его отец лежит в больнице под охраной, а Диана и Дитрих Хесс в полной безопасности в своем бунгало на территории БКА. Все-таки президент БКА один из самых охраняемых людей в стране.

Хоровитц пожал плечами:

– Вы спросили мое мнение.

– Да, но, к сожалению, кроме меня, оно никого не интересует. Именно поэтому я должна попытаться проинформировать об этом Хесса.

Она схватила телефон и набрала номер своего начальника. Секретарша Хесса ответила и, как только поняла, что это Сабина, тут же соединила ее с президентом БКА.

– Я закончила отчет. Все в системе. Но я думаю...

– Послушайте... – перебил ее Хесс и замолчал. Его голос вдруг зазвучал примирительно; по крайней мере, более миролюбиво, чем когда он орал на нее в бюро. – Завтра воскресенье, возьмите выходной.

– Откуда столько чуткости?

– Ввиду многих нарушений субординации, которые вы совершили в последние дни, я никогда бы не сказал этого при Дирке ван Нистельрое, но тем не менее вы... – он сделал глубокий вдох, – хорошо поработали.

Сабина опешила.

– Спасибо.

– И вот еще что, Немез. Мы обнаружили новый след, ведущий к Питу ван Луну. Момент, я переключу вас на другой аппарат.

Она услышала щелчок, затем снова послышался голос Хесса, но уже более приглушенный.

– Он совершил еще одно убийство.

– Снейдер? – вырвалось у нее.

– Нет, молодая женщина. Сегодня днем, в пригороде Будапешта. Однозначно почерк ван Луна.

«Нехороший мальчик» – тут же мелькнуло в голове у Сабины.

– Женщину проткнули стрелой?

– Посадили на кол.

Сердце у Сабины забило быстрее. Это соответствовало сценарию Пита. Будапешт! Все-таки он пробрался на юг.

– Жертва находилась под охраной?

– Ее фамилия стояла в списке возможных целей, но мы не успели. Молодая женщина руководила кукольным театром. Пит знал ее и, видимо, ненавидел.

Сабина поразмыслила.

– Лерке Ульфельдт, бывшая владелица арт-кафе Gjellerup в Копенгагене?

– Да, черт возьми. Вы об этом догадывались, верно? Аккумулятор ее мобильного пикнул.

– Да, я узнала о ней во время визита на остров Остхеверзанд. Она задолжала Питу триста пятьдесят крон. Остальные детали вы найдете в моем отчете. – Сабина услышала, как на заднем плане в кабинете Хесса зазвонил телефон. – Но вы уверены, что это дело рук Пита, а не убийцы-подражателя?

– У убитой на затылке резаная рана. Цифра шестнадцать. Ко мне пришли, и я не могу больше говорить. – Хесс положил трубку.

Сабина убрала телефон и долгое время смотрела в пустоту, пока голос Хоровитца не прервал ее размышления:

– Что случилось?

– Пит ван Лун убил молодую женщину, владелицу театра, в Венгрии, – сообщила она.

– Все-таки там! Значит, мы ошиблись во всех пунктах. – Хоровитц барабанил пальцами по пустой чашке.

– Вы полетите в Венгрию?

– В Венгрию? – Хоровитц задумался. – Я уже слишком стар для такой работы. К тому же расследованием сейчас занимается Дирк ван Нистельрой. Европол обо всем позаботится. Если они уже вышли на след и наступают Питу на пятки, то схватят его в течение суток.

Сабина задумчиво убрала ноутбук в чехол и выключила настольную лампу.

– На коже жертвы вырезана цифра шестнадцать, – пробормотала она.

– И что? Подходит же?

В том-то и дело, что нет!

– В спектакле лишь пятнадцать сцен, и остались только три последних убийства. По мнению Снейдера, они даже произойдут одновременно – но ничто на этих жертвах не должно указывать на следующее преступление.

– Значит, Пит изменил свой план.

– Перед самым финалом?

Шестнадцать! С учетом всего, что они до сих пор выяснили, это было невозможно. Просто не имело никакого смысла. Вероятно, эта жертва не была по-настоящему связана с серией убийств Пита, хотя все на это указывало.

– Зачем Питу выбирать для финала какую-то бывшую коллегу по сцене, которая не была ему по-настоящему близка? – пробормотала Сабина. – Потому что она сняла его спектакль с репертуара после трех представлений и задолжала деньги?

– Может, потому, что это так неправдоподобно, – предположил Хоровитц.

– Нет. – Она помотала головой. – К тому же Пит велел Френку дать мне эту подсказку. – Она придержала дверь, и Хоровитц выехал в коридор.

Нужно позвонить Снейдеру и поговорить с ним об этом. Она взглянула на дисплей телефона. Черт! Аккумулятор разрядился. Сабина вставила телефон в док-станцию на письменном столе. Что ж, придется нанести спонтанный визит в больницу.

Она взяла куртку и заперла дверь кабинета.

*Суббота, 3 октября*

«Какая мерзкая погода», – подумал Гомез и посмотрел через забор, который окружал территорию БКА. Хотя на Гомезе была шерстяная шапка и самая теплая служебная куртка, он топтался на месте и иногда прохаживался вдоль забора, чтобы согреться.

В этом месте уличные фонари не светили, и он находился в темноте, регулярно осматривал дорогу в обе стороны и каждые пятнадцать минут передавал сигнал по рации.

Скукотища. В это время суток машины проезжали очень редко, а пешеходов и вовсе не было. Тем более такой ночью. Температура приближалась к нулю, и пахло снегом. С неба вот-вот упадут первые снежинки.

Гомез услышал треск рации и прислушался к разговору двух коллег, которые общались на своей частоте. Через три часа его сменят. И уже другому придется морозить себе задницу на этом посту.

Гомез сунул руки в карманы куртки и прошелся туда-сюда. Ближайшие камеры на заборе находились в ста пятидесяти метрах и снимали дорогу. Здесь было припарковано всего несколько машин. В том числе белый автофургон с логотипом стекольной фирмы, который стоял на этом месте весь вечер. Большие стекла, установленные снаружи на специальной раме, дребезжали на ветру, и Гомез время от времени становился за ними, чтобы укрыться от сильных порывов ветра.

Он задавался вопросом, сколько еще продлятся усиленные меры безопасности. Два, три дня?

Тут он услышал шорох. Шаги. Через улицу к нему направлялся мужчина в длинном черном пальто. Гомез тут же включил рацию, которая висела у него на поясе.

– Это Гомез. У меня гость.

– Симпатичная? – спросил коллега.

– Дурак! – ответил Гомез.

Мужчина пересек темный участок дороги, и Гомез заметил, что он хромает на одну ногу, как будто у него повреждено колено.

В свете фар проехавшего мимо автомобиля Гомез увидел лысину и узкие черные бакенбарды, доходившие до подбородка. Снейдер! Что он здесь делает? Два года назад Гомез пришел в Академию БКА из Земельного управления уголовной полиции и даже имел второй по величине показатель IQ в группе Снейдера. Правда, это ему не помогло, потому что профессия предполагала также стальную психику. И после двух семестров он бросил обучение на профайлера и теперь работал во внутренней службе безопасности Ломана – работа не изматывала столько нервов, но все равно хорошо оплачивалась.

– Отбой, – сказал Гомез. – Это Снейдер.

– Не позволяй старику втянуть тебя в разговор, – сострил один из коллег.

– Мартен С. Снейдер, – пробурчал Снейдер со своим характерным голландским акцентом, подойдя ближе.

– Да, извините. – Гомез хорошо знал пунктики Снейдера. – Как вы себя чувствуете? Я слышал, вы были в больнице?

«Жаль, что они тебя там не оставили!»

– Я уже в форме, – пробурчал Снейдер и наклонил голову. В следующий момент вспыхнула спичка, и он сунул в рот сигарету.

Вскоре Гомез почувствовал запах травки.

– Вы тоже? – спросил Снейдер.

– Нет, спасибо, я на службе.

Снейдер кивнул в сторону автофургона с фирменным логотипом.

– Что это за машина?

– Стоит здесь уже полдня.

– Я не это спросил. Вы проверили номера?

– Да, все легально, в угнанных не значится.

– Сегодня суббота, возможно, угона еще никто не заметил.

Водителя и фирму тоже проверили?

– Нет. А мне нужно?

– Конечно, нужно! Но после того, как я уйду, – сказал Снейдер. – Если вам что-то покажется подозрительным, сразу же звоните Ломану.

– Ясно. А что мы вообще высматриваем? – спросил Гомез, хотя и не рассчитывал на ответ Снейдера.

– Пита ван Луна. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Я о нем слышал.

– Он сбежал из тюрьмы, и Европол предполагает, что совершит здесь убийство. Но сегодня он уже был в Будапеште. Так что сюда вряд ли вернется.

– Значит, отбой?

– Еще рано. Будьте начеку! – Снейдер затаился и бросил сигарету на землю.

В тот же момент Снейдер сделал шаг в сторону, и его пальто распахнулось. Гомез бросил туда взгляд, увидел, как что-то блеснуло, и инстинктивно схватился за оружие.

Но тут же почувствовал боль – тонкая сталь глубоко вошла в его тело сбоку. Ему даже показалось, он услышал хруст ребер, когда острое лезвие воткнулось рядом с краем пуленепробиваемого жилета. Он пытался вытащить оружие, но Снейдер уже схватил его за руку.

– Сейчас все закончится, – прошептал Снейдер и подтолкнул его к задней двери автофургона.

Пальцы Гомеза начали неметь. В следующий момент его ноги подогнулись, но, прежде чем он упал на землю, Снейдер сильным рывком подхватил его и прислонил к машине.

– Что вы делаете? – выдавил Гомез и попытался пошевелить пальцами, чтобы дотянуться до рации.

– Нет, нет, нет, – забормотал Снейдер, сорвал рацию с пояса Гомеза, пристегнул себе и сорвал у него с головы наушники. Затем открыл заднюю дверь автофургона.

– Что за... – задыхался Гомез. Он был весь в поту и только сейчас понял, что Снейдер проткнул ему стилетом легкое, которое теперь наполнялось кровью. С каждой секундой все больше. Он закашлялся.

– Скоро все закончится, – мягко произнес Снейдер, втолкнул Гомеза в фургон, залез в кабину и закрыл за собой дверь.

В следующий момент зажегся верхний свет. Гомез уставился на лампу. Закашлялся кровью. В уголках рта собирались маленькие пузырьки, а у него не было сил, чтобы поднять руку и вытереть кровь с губ.

Но рефлекс выживания еще работали. Инстинктивно он пытался нащупать оружие. Тут он почувствовал, как Снейдер отстегнул его пояс с кобурой. Снял с него обувь, брюки, куртку и рубашку.

«Получается, сегодня ночью ты умрешь». Он сдохнет в этом фургоне, и уже в ближайшие секунды, если срочно что-нибудь не сделает и не позовет на помощь. Его охватила паника. Пульс ускорился еще больше, он жадно вдыхал воздух и вдруг всем телом почувствовал странное тепло. «Значит, вот как это бывает, когда...»

Его голова откинулась в сторону, он видел оконные стекла и много узких стеклянных элементов. Взгляд не фокусировался. Гомез закрыл глаза и ждал смерти.

Вдалеке слышался голос. На этот раз без голландского акцента, а имитирующий его собственный гессенский диалект.

– Это Гомез, северная сторона. Все в порядке.

*Суббота, 3 октября*

Свет в коридоре автоматически зажегся, когда Сабина направилась к лифтам. За ее спиной скрипели колеса инвалидного кресла Хоровитца. Она нажала кнопку, чтобы спуститься на первый этаж.

– Чертовски тихо здесь, – заметил Хоровитц.

– Угу, – задумчиво пробурчала Сабина. Верно! Было чертовски тихо. «Даже слишком тихо, если быть точной».

Сабина посмотрела в конец стеклянного коридора, через который она могла видеть соседнее здание. Потом на часы у входа. Пять минут десятого. Обычно в это время в кабинетах сотрудников еще горит свет, потому что коллеги пишут отчеты. Но не сегодня. Она взглянула в другую сторону. И там окна темные. Никого.

Неудивительно. Европол привлек к работе столько отделов БКА, чтобы обеспечить охрану потенциальным жертвам Пита, что наверняка несколько сотен коллег координировали сейчас действия земельной полиции на местах. С этой точки зрения Пит добился всеобщей полной занятости.

– Лифт уже приехал.

Сабина подняла глаза. Хоровитц ждал ее в кабине, а она даже не заметила.

– Что у вас? – спросил он.

– Все коллеги из БКА и Европола сконцентрированы на том, что Пит совершит убийство где-то в другой стране.

– Что он и сделал.

«*Что он и сделал*», – мысленно повторила Сабина.

– И вы тоже так думаете?

– Я не думал, что это возможно, но...

– Именно! Я тоже. И цифра шестнадцать на жертве не вписывается в схему, которую мы установили. Что-то здесь не так.



– По крайней мере, это убийство в Будапеште приведет к снижению мер безопасности в БКА, – сказал Хоровитц.

– Вы правы. Все заняты другой страной, и после фазы усиленного контроля все вернется в обычный режим. По опыту, при таких ситуациях в системе безопасности возникает слабое место. Возможно, Пит попытается воспользоваться этим моментом... На его месте я бы так и сделала, – вслух подумала она.

Дверь начала автоматически закрываться, но Хоровитц вытянул руку, закрыв оптический датчик, и кабина тихо загудела.

– Вы идете?

– Подождите секунду. – Сабина задумалась. Возможно, все меры, принятые для охраны потенциальных жертв, и ловушки, расставленные людьми Нистельроя, были напрасны. Неужели Пит настолько глуп, чтобы попасться в одну из них? Точно нет. Он был намного умнее – как Персей или Одиссей.

Неожиданно у Сабины возникла ассоциация с древними мифами, о которых рассказывал ей Снейдер.

«Еще больше его восхищала история о троянском коне». Сабина уставилась на Хоровитца.

– Пит – это троянский конь!

– Что вы имеете в виду?

– Я уверена: он уже на территории БКА.

– Вы серьезно?

– Да! Он хочет убить всю свою семью и считает, что здесь расправится со всеми троими разом. Мы должны разделиться. Поезжайте в кабинет президента Хесса. Поговорите с ним или с его секретаршей. Если никого из них не застанете, позвоните Ломану. У вас есть его номер?

– Да. А вы что собираетесь делать?

– Я побегу в дом Дианы Хесс.

### *Пятью годами ранее – Берн*

Снейдер надвинул бейсболку на лицо, слегка согнул ноги в коленях, чтобы казаться ниже, и направился по Нэгелигассе.

В нескольких метрах перед ним стоял Пит. Снейдер мог уже разглядеть ботинки и штанины сына, но выше поднимать взгляд не решался.

Пит курил. Сделав еще шаг, Снейдер почувствовал сигаретный дым. Медленно сунул руку под пиджак и нащупал на спине за поясом «вальтер».

Всего несколько шагов отделяли его от входной двери, перед которой стоял Пит. На мгновение Снейдер засомневался. А что, если Хоровитц ошибся? Или он и правда натолкнется там на своего сына?

Снейдер быстро поднял глаза.

И увидел Пита.

Впервые за долгое время. Высокий, мускулистый, со светлыми взъерошенными волосами. Его лицо стало более угловатым, взгляд серьезным. Почти меланхоличным. «Что же творится в твоей голове? Почему ты убил всех этих женщин?»

Их разделяло лишь два метра. Со спины к Питу приближался Хоровитц. На мгновение взгляды Снейдера и Хоровитца встретились. В этот момент Хоровитц схватился за кобуру под пиджаком.

Слишком рано!

Пит заметил его движение. Он метнул быстрый взгляд на Хоровитца и бросился было в другую сторону. Но тут увидел Снейдера. Он затормозил и посмотрел ему в глаза. Это длилось какую-то долю секунды – но для Снейдера время тянулось бесконечно. Сначала на лице Пита отразилось недоумение, затем ненависть и неожиданно отчаяние. Он запаниковал, осознав, что они раскрыли все, что он совершил и еще собирался сделать.

В этот момент время для Снейдера снова вернулось к обычному темпу. Пит развернулся на пятках и исчез за дверью жилого дома.

Хоровитц тут же вытащил сотовый. Снейдер еще услышал, как он вызвал подкрепление, затем Снейдер бросился в подъезд вслед за Питом. На бегу вытащил пистолет и снял с предохранителя.

Узкая лестница освещалась тусклыми лампочками, лифта в подъезде не было. Снейдер услышал шаги Пита на втором этаже и последовал за ним.

– Пит! Тебе отсюда не выбраться! – переводя дыхание, крикнул он. – Не делай все еще хуже.

Нет ответа!

Пит бежал дальше.

– Сдайся, мой мальчик! Я помогу тебе. Вместе мы справимся.

Нет ответа!

– Полиция и спецназ будут здесь через несколько минут. Они тебя застрелят!

Никакой реакции!

«Что за идиот!»

От женского крика с верхнего этажа у Снейдера застыла кровь в жилах. Он добрался до площадки четвертого этажа и замер на месте.

На ступенях стояла седоволосая женщина, которая, видимо, собиралась войти со своими покупками в квартиру. Пит схватил ее за ворот блузки, развернул и прижал ей к горлу канцелярский нож.

Снейдер слышал, как Хоровитц все еще разговаривал внизу по телефону, но пытался абстрагироваться от его голоса. Он прицелился в Пита.

– Отпусти женщину!

– Опустит оружие! – прошипел Пит. Он даже не задыхался.

Женщина жалобно стонала и в панике сжимала ручку корзины. Лишь когда Пит сильнее прижал лезвие к горлу, корзина выскользнула у нее из пальцев, упала на ступени и перевернулась.

Краем глаза Снейдер видел, как яблоки и апельсины выкатились и запрыгали мимо него вниз по ступеням.

– Отпусти женщину!

В этот момент автоматический свет в подъезде отключился. Женщина закричала, и Снейдер выстрелил.

Оглушительный хлопок еще несколько секунд эхом звучал в подъезде. В свете дульной вспышки Снейдер увидел, что пуля задела женщину. Касательное ранение в шею. Однако за ней пуля все-таки ранила Пита в плечо.

Женщина кричала, но Пит не произносил ни звука. В потемках Снейдер увидел, как Пит оттолкнул от себя женщину и побежал вверх по ступеням.

Снейдер успел подхватить женщину, прежде чем та упала на лестницу. Он усадил ее на ступени и прислонил к стене. Затем сорвал с себя кепку, свернул ее и прижал к ране на шее женщины. Ткань тут же пропиталась кровью.

– Меня зовут Мартен С. Снейдер, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена. Мне очень жаль, что я вас ранил, но вашей жизни ничего не угрожает.

– Болван! – выругалась женщина на швейцарском диалекте.

– Не двигайтесь! – Снейдер надавил на рану и посмотрел вверх.

Пита не было видно.

Свободной рукой Снейдер достал телефон, набрал номер экстренной службы и потребовал прислать «скорую помощь».

– Какой номер дома? – спросил он женщину.

Она назвала номер, он передал диспетчеру, и в этот момент в подъезде зажегся свет.

Затем на лестнице появился Хоровитц.

– Улица перекрыта, – тяжело дыша, сообщил он. – Спецназ появится через... о господи! – Он уставился на окровавленную руку Снейдера. – Ты ранен?

– Нет, но я задел эту женщину.

– Ты? Вот черт!

– Пит наверху! – крикнул Снейдер.

Хоровитц обхватил пистолет обеими руками и побежал на последний этаж.

– Этот мужчина тоже из полиции? – спросила женщина.

– Да, уголовная полиция Берна.

– Идите за ним.

– Я не оставлю вас одну.

– Не глупите. – Женщина схватила кепку и прижала пропитанную кровью ткань к ране. – Я и одна справлюсь. Идите за ним. Только пообещайте, что не промахнетесь!

– Обещаю. – Снейдер поднялся и побежал вверх. На последнем этаже было только три квартиры. Одна из дверей была распахнута. Из темноты доносились звуки. Пит был в ловушке! Отсюда ему не выбраться.

Снейдер взглянул на замок и деревянную раму. Дверь не была взломана. «Почему именно эта квартира?»

Когда Снейдер вошел в прихожую, а затем в гостиную, он увидел ответ. В углу горел торшер. Его свет падал на диван, на котором лежала полуголая молодая девушка в одних трусиках. «О боже!» Из

множества ножевых ран у нее текла кровь, а тело выглядело так, словно все кости раздробили молотком.

Снейдер огляделся. Никаких следов Хоровитца или Пита! Он прошел по ковру к дивану и опустился на колени. Осторожно вытащил кляп у женщины изо рта и пощупал пульс.

Чудесным образом она была жива! Правда, сердце билось очень слабо, но она дышала и шевелила губами. Снейдер откинул ей со лба черные пряди волос. «Она темноволосая!» Поэтому они не включили ее в круг возможных жертв.

– «Скорая помощь» уже едет, – прошептал он, взял покрывало и прикрыл ее тело.

Снейдер обратил внимание, что Пит не вырезал ей никакой буквы на груди. Почему он не довел дело до конца? Видимо, ненадолго вышел на улицу, чтобы оглядеться, подышать свежим воздухом и выкурить сигарету. Наверное, раньше он тоже ждал и смотрел на предсмертную агонию своих жертв. Возможно, эта женщина выживет именно поэтому.

– Держитесь! – прошептал Снейдер.

И, словно пытаясь подать ему знак, женщина обратила панический взгляд на дверь рядом с телевизором, где был вход в еще одно помещение.

В этот момент Снейдер услышал шум из той комнаты.

Он поднялся, выставил перед собой руку с пистолетом и носком ботинка осторожно толкнул дверь. Спальня. Рядом с кроватью горела лавовая красно-фиолетовая лампа, на балконе – наружное освещение. Ветер раскачивал занавеску перед открытой балконной дверью. Перед ней, спиной к Снейдеру, стоял Рудольф Хоровитц. В опущенной руке он держал оружие.

– Рудольф? Что?.. – Снейдер умолк.

Перед Хоровитцем, лицом к лицу, стоял Пит, одной ногой на балконе. Рядом вниз вела пожарная лестница.

«Одной ногой на свободе. Значит, вот почему ты вернулся в эту квартиру!»

Одной рукой Пит прижимал к горлу Хоровитца канцелярский нож, другой фиксировал его руку с пистолетом. Поэтому Хоровитц не двигался с места и стоял как вкопанный.

– Оружие не бросать! – шикнул Пит. – А теперь медленно разворачивайся.

Хоровитц начал поворачиваться.

Снейдер увидел кровоточащую рану Пита. Снова прицелился ему в плечо, потом в грудь. Это был удобный момент для выстрела. Но вместо того, чтобы нажать на спусковой крючок, он взглянул на Хоровитца. Тот уже развернулся и губами артикулировал одно слово: «Стреляй!»

Снейдер положил палец на спусковой крючок. Все еще подходящий момент.

Губы Хоровитца снова зашевелились: «Стреляй же!»

Снейдер хотел выстрелить, но медлил.

– Отец, я никогда не думал, что ты сможешь в меня выстрелить.

Перед глазами Снейдера всплыла картинка, как он ранил в шею пожилую женщину. Пулю из этого проклятого пистолета увело влево. Стоит ли рискнуть еще раз? Или его просто заблокировала сама мысль – выстрелить в собственного сына? Уже, возможно, со смертельным исходом. С его рукой происходило то, чего никогда не случалось в подобной ситуации – она дрожала.

В следующий момент Пит полностью скрылся за Хоровитцем. Он нащупал пистолет Хоровитца и выхватил у него из руки.

Снейдер слишком долго ждал. Его пальцы с хрустом обхватили рукоятку «вальтера».

– Пит, это патовая ситуация. Сдайся!

Пит опустил канцелярский нож, но теперь прижал дуло пистолета Хоровитцу к спине.

– Это не патовая ситуация, отец. Что бы ты сейчас ни сделал, на что бы ни решился, – ты проиграешь.

От громкого выстрела Снейдер оцепенел. В голове пронеслись сотни мыслей, когда он увидел искаженное болью лицо Хоровитца, стиснутые зубы, как силой удара пули его отбросило вперед, и он ничком повалился на пол.

Хоровитц неподвижно лежал с кровавой раной в позвоночнике, а Пит снова целился в него. На этот раз выше, чтобы попасть в голову.

Лавовая лампа окрасила комнату в красные тона. Тут Снейдер нажал на спуск. Пуля вошла сыну в грудь и откинула его назад, на

балконное ограждение рядом с пожарной лестницей. Пистолет выпал из руки и, звонко ударившись о металлический подкос, полетел вниз.

Снейдер опустился на колени рядом с Хоровитцем и ладонью зажал ему рану. Другой рукой вытащил телефон и нажал на кнопку повторного набора.

Одной машины скорой помощи им уже будет мало.

**Часть восьмая**  
**Гайсберг**



*Суббота, 3 октября*

Холод иголками впивался Сабине в лицо, когда она бежала по тренировочным площадкам БКА. Лесная дорожка, словно змея, извивалась перед ней в лунном свете.

Здесь изгиб, вон там еще изгиб.

У Сабины закололо в боку. Все равно ее прежний тренер в академии гордился бы ею, потому что даже в своей лучшей физической форме она никогда не пробегала этот путь в таком темпе.

Тяжело дыша, она добралась до бунгало рядом с канатно-веревочной трассой. Дом семьи Хесс тонул в темноте. Черт! Автоматическое наружное освещение почему-то не горело. К тому же не было и охранника, который обычно дежурил перед домом. Плохой знак.

Сабина пробежала по засыпанной еловыми иголками дорожке к террасной двери и остановилась под козырьком, переводя дыхание. Вытерла испарину со лба. По спине тоже стекала тонкая струйка пота. Лишь сейчас она почувствовала, как мерзнет на ветру.

Инстинктивно она потянулась к поясу. Кобуры нет! Ее служебный пистолет остался висеть в оружейном шкафу. Черт возьми, нужно было забрать его оттуда, прежде чем бежать сюда сломя голову. Но ее подгоняли худшие опасения, и она все еще надеялась, что это была ложная тревога.

Сабина встала на цыпочки и достала стеклянный плафон из крепления над дверью. Проклятье! Она оказалась права. Лампочка была немного вывернута из цоколя.

Сабина поставила плафон на землю рядом с входной дверью и нажала на ручку. Не заперто! Внутри царила крошечная тьма, как и за окнами бунгало. Дома действительно никого не было? Вообще-то при открывании двери должна сработать сигнализация. Но ничего не произошло.

Сабина сунула руку в карман куртки. Пусто! Ее сотовый заряжался в кабинете. Она надеялась, что за это время Хоровитц уже поднял всех на ноги.

А пока она будет следить за порядком в бунгало. Но без оружия? Нет, нужно вернуться в главное здание, чтобы позвонить и забрать пистолет из оружейного шкафа. Она уже собиралась развернуться, как услышала где-то рядом kloкочущие звуки. Но они доносились не из дома, а откуда-то сбоку из кустов.

Сабина снова встала на цыпочки, потянулась и вкрутила лампочку в цоколь. Стекло тут же стало горячим, и ее ослепил яркий свет. Она прикрыла глаза рукой и побежала к кустам. Там кто-то лежал на боку, вытянувшись во всю длину, щекой на земле. Диана Хесс?

Нет. Сабина увидела блестящие ботинки и голубые форменные штаны. Полицейский! Он закашлялся и сплюнул кровь.

Сабина тут же склонилась к нему и нащупала кровавую рану рядом с лопаткой. Помощь подоспела слишком поздно. Мужчина захлебывался собственной кровью. Его лицо посинело. Он хотел что-то сказать, но лишь хрипел, пока из носа и рта не хлынула новая порция крови.

Он все чаще ловил воздух ртом и пытался дышать. Мысли Сабины скакали как сумасшедшие. Похоже, у него серьезное ножевое ранение легкого. Как у Тины Мартинелли. С каждым вдохом в поврежденную грудную клетку будет попадать все больше воздуха и крови и сдавливать сердце. Необходимо сделать дренаж, чтобы слить кровь. Это был его единственный шанс. Но где ей сейчас взять гибкую трубку?

«Черт, мне нужен опытный врач!»

Сабина чувствовала себя беспомощной, в следующий момент мужчина замер в последнем движении и замолк. Его голова безжизненно откинулась набок.

У Сабины замерло сердце, когда она сделала логическое заключение. Пит действительно здесь! «Я была права, черт возьми!» И вероятно, Диана Хесс тоже уже мертва, как этот коллега. Сабина расстегнула куртку мужчины и ощупала его пояс. Рации не было. Как и служебного оружия.

Она вскочила, побежала к входу, распахнула дверь, вошла в дом и нащупала на стене выключатель. Неужели Пит инсценировал в этих

комнатах свою следующую сказку? «Нехороший мальчик». Сабина вспомнила историю о старом поэте, который в непогоду впустил к себе нехорошего мальчика. Старик усадил золотоволосого продрогшего мальчика к камину, обогрел его и угостил яблоком. А мальчик схватил свой лук, натянул тетиву и пустил стрелу старому поэту прямо в сердце.

«Нехороший мальчик! Выстрелить в старого поэта, который впустил его к себе. Я был так добр к нему».

Лампа зажглась, и Сабина увидела перед собой вытянутую прихожую. На стенах висели свидетельства, грамоты и медали, а на стеллаже стояли многочисленные кубки. В конце этой коллекции трофеев находилась гостиная.

Сабина схватила самый большой и тяжелый кубок. «Дитрих Хесс – 1-е место в соревнованиях по снайперской стрельбе» – было написано на основании. Замахнувшись тяжелым предметом, она вошла в гостиную. Нашла выключатель рядом с дверной рамой, зажгла свет и огляделась. Ничего необычного. Гостиная с барной стойкой, мягкой мебелью и фортепиано. Сабина еще никогда не видела это бунгало изнутри и удивилась простой обстановке, в которой жил президент БКА.

Вот! Кровавый след на ковролине: он начинался с отдельных капель и становился все шире. Сабина наклонилась и потрогала пальцем кровь. Еще не до конца свернулась. След тянулся через всю гостиную в соседнюю комнату.

Сабина распахнула приоткрытую дверь, включила свет и отшатнулась. Спальня. Никаких следов Дианы Хесс. Но на двухместной кровати на окровавленных простынях лежал Дитрих Хесс. Из живота у него торчал полуметровый металлический стержень.

Сабина никогда бы не подумала, что с таким ранением Хесс мог быть еще жив. Но он был жив. Он ловил ртом воздух, одной рукой держал металлический стержень – который, видимо, должен был символизировать стрелу мальчика, – чтобы тот не опрокинулся, а другой пытался зажать рану, чтобы остановить кровотечение.

Сабина сначала осмотрелась в комнате и заглянула за дверь. Никого. Тогда она бросила кубок на пол, подбежала к окну и опустила жалюзи. Драгоценные секунды шли. Но она не хотела становиться

очередной мишенью Пита, который, наверное, прятался где-то снаружи – если вообще покинул дом.

И лишь теперь она переключилась на Хесса.

– Видимо, Пит был здесь. – Она расстегнула наволочку и вытащила из нее подушку.

Хесс не ответил, но по его взгляду она поняла, что так и было. Убийство в Будапеште оказалось лишь отвлекающим маневром!

Она прижала наволочку к ране Хесса и другой рукой стащила простыню со второй кровати.

– Оставьте! – выдавил Хесс через стиснутые зубы. Его лицо было белым. – Он забрал Диану с собой.

Сабина хотела наложить ему тугую повязку, чтобы остановить кровотечение, но Хесс воспротивился.

– Вы должны его догнать!

– Не двигайтесь! Я не могу оставить вас в таком состоянии. Вы истечете кровью.

– В сейфе лежит мой пистолет. Верните Диану!

Сабина колебалась.

– Немез, это приказ, черт возьми! – Он посмотрел в окно. – Я видел, как он потащил ее в сторону восточных ворот. Она так плакала...

– К восточным воротам? – Сабина поразмыслила. Это около километра по лесу до дороги. – Наверное, они уже давно...

– Вы сможете их нагнать! Во время борьбы с Питом Диана повредила ногу.

– Хорошо. – Сабина встала и вытерла дрожащие окровавленные руки о джинсы. Огляделась, но сейфа нигде не нашла. Хесс указал взглядом на тумбочку рядом с кроватью. Сабина отодвинула ее в сторону, за ней в стену был врезан сейф. Хесс продиктовал комбинацию, и она открыла дверцу. В верхнем отделении лежали паспорт, кредитные карты, украшения и пачка денег. В нижнем – «глок» и магазин, который она сразу вставила в пистолет. Закрыв сейф, она увидела, что за тумбочкой на полу валяется телефон.

– Идите!

– Секунду. – Она подняла телефон, увидела, что экран не заблокирован, и набрала номер Ломана. Звонок перевелся, и Сабине ответила заместительница Ломана.

Сабина не дала сказать женщине ни слова, а сразу назвала свою фамилию и служебный номер.

– Президент Хесс лежит с серьезной травмой живота в спальне у себя в бунгало. Нам срочно нужен врач, санитары и вертолет. И... нет, выслушайте меня! Кроме того, на территории находится Пит ван Лун, и он продвигается в направлении восточных ворот. Объявите тревогу! Я начинаю преследование. Это все. – Она опустила сотовый и посмотрела на Хесса. – Вы уверены, что...

– Да, я справлюсь. Идите! – Хесс приподнялся. – Но будьте осторожны. Пит вооружен. И на нем полицейская форма.

Сабина оттянула затвор пистолета.

– Я найду его. – Она хотела взять и телефон, но потом увидела, как дрожат веки Хесса. – Вы можете разговаривать по телефону?

– Да, – выдавил он.

Она включила громкую связь и сунула телефон ему в руку.

– Оставайтесь в сознании! И говорите!

Пока Хесс окровавленными пальцами пытался удержать телефон в руке, Сабина выбежала через гостиную и прихожую наружу. И сразу же бросилась по лесной тропинке на восток.

Тут она заметила, что с неба падают первые нежные снежинки. И в тот же момент на территории БКА завывла сирена.

*Суббота, 3 октября*

Как при пожарной тревоге, завывающий звук сирены разносился по всей округе. Через несколько минут служба безопасности блокирует территорию БКА и будет постепенно продвигаться к восточным воротам. Правда, им придется прочесать несколько гектаров леса.

Преодолев отрезок примерно в четыреста метров, Сабина добралась до лесной развилки. Направо дорожка шла дальше к восточным воротам, налево узкая тропа вела через весь лес к северным воротам. Тяжело дыша, она остановилась, наклонилась вперед, оперлась руками о колени и уставилась на развилку перед собой. У нее колело в боку. «Ты должна бежать дальше!» Тут она услышала сдавленный крик где-то в лесу. Диана! Звук донесся слева. Слева?

Сабина наплевала на предположение Хесса и, недолго думая, побежала в направлении северных ворот. Еще через четыреста метров она достигла возвышенности, за которой открывалась небольшая поляна. Здесь, уже довольно слабый, звук сирены частично заглушался хрустом веток.

Падающие с неба снежинки пролетали между ветвями хвойных деревьев и, коснувшись земли, вскоре таяли. На этом полупрозрачном, исчезающем белом покрове Сабина заметила человеческие следы. Один выглядел так, словно кто-то волочил ногу.

Она добежала до края поляны. На траве уже образовался тончайший слой снега, который нежно поблескивал в лунном свете. Перед собой она увидела две фигуры. Хотя она не совсем узнала мужчину – это должен быть Пит ван Лун. На нем была полицейская кепка и теплая форменная куртка службы безопасности Ломана. На поясе болталась рация. За собой он тащил женщину. Она была босая, в одной легкой ночной рубашке и сопротивлялась так, что даже Питу стоило усилий ее сдерживать. Сабина не могла выстрелить ему в ногу, не рискуя задеть женщину.

Диана упала, но Пит снова поднял ее. Теперь Сабина ясно увидела, что Диана хромала и явно испытывала боль, потому что припадала на одну ногу при каждом шаге.

В одиночку Пит шел бы гораздо быстрее. Но он все равно решился на этот совместный сложный путь. Либо, несмотря на тревогу, он все еще хотел убить свою мать точно в соответствии с собственным планом, либо знал, что для побега с территории ему потребуется заложник.

Как бы то ни было – Сабина сделала предупредительный выстрел в воздух, чтобы остановить Пита. Одновременно она хотела дать сигнал своим коллегам и надеялась, что они услышали выстрел, несмотря на сирену.

– Пит ван Лун! – крикнула она. – Я...

Пит обернулся и без предупреждения выстрелил. Рядом с Сабиной разорвалась кора дерева. В тот же момент что-то прошло сквозь ткань ее брюк и врезалось в бедро. Сабина бросилась за дерево.

Она потрогала бедро и нащупала длинный острый обломок древесины. Проклятье! По ноге стекала теплая кровь.

То, что Пит не выстрелил второй раз, означало, что он берег патроны. Наверняка он догадывался, насколько сложнее будет уйти живым с территории после объявления тревоги.

Инстинктивно Сабина хотела вытащить щепу, но это лишь усилило бы кровотечение. Так что она стиснула зубы и оставила обломок древесины торчать в ноге.

«Ладно, ублюдок! Ты сам этого хотел!» Она не будет церемониться с этим подонком – особенно после того, что он сегодня сделал с Дитрихом Хессом, хотя иногда она и проклинала своего начальника.

Тут вспыхнул голубой свет фонарика, луч поблуждал по поляне и остановился у ее дерева. Пит прикрепил себе на униформу полицейский фонарь-лазер. Предназначенная для него липучка находилась обычно на левом плече, чтобы правши не отбрасывали тень при стрельбе.

Наверняка он прикрывался Дианой, как щитом. Но как только Сабина увидит прямой свет его фонаря, у нее появится мишень.

– Вы переговорщик? – крикнул Пит.

– Договариваться не о чем. – В тот же момент она выскочила с пистолетом на изготовку и прицелилась в фонарь.

– Сейчас! – крикнула Диана и развернулась в сторону.

Левое плечо! Свободный сектор обстрела!

Сабина выстрелила и снова спряталась в укрытии за деревом. Пит тоже выстрелил, но на долю секунды позже, и попал лишь в ствол дерева. Кора и щепы разлетелись в разные стороны.

Пит застонал.

– Диана, вы ранены? – крикнула Сабина.

– Нет, – задыхаясь, ответила Диана.

Видимо, Сабина задела Пита в плечо, так что пулей ему разорвало куртку и липучку. Отброшенный в сторону фонарь лежал в нескольких метрах на земле в ветвях и светил наискосок в небо, захватывая Пита и Диану.

«О’кей, мерзавец!»

Она вышла из укрытия и прицелилась в Пита. Его левая рука безжизненно свисала вниз. Сабина быстро перебежала через поляну и встала позади фонаря. Луч ослеплял Пита, и он не мог точно разглядеть, где она.

– Сейчас мы можем поговорить, – сказала Сабина.

– Отвали, иначе я убью заложницу, – пригрозил Пит. – Это жена президента.

– Мне это известно, Пит, – спокойно сказала Сабина. – К тому же я знаю, что она ваша мать.

Похоже, это ненадолго смутило Пита, и Сабина воспользовалась моментом, чтобы повнимательнее его разглядеть. На нем была головная гарнитура. Лицо было все еще опухшим, но синяки густо замазаны светлым тональным кремом, что напоминало болезненную бледность Снейдера, когда у него начинались кластерные головные боли. К тому же Пит носил такие же узкие черные бакенбарды, как его отец, правда они выглядели нарисованными. Из-под полицейской кепки выглядывала лысина. Без головного убора его запросто можно было спутать со Снейдером.

«Мерзавец, ты выдал себя за своего отца, потом убил одного из коллег и в его форме проник на территорию».

Из-за одного того, что он ранил ее коллегу Тину Мартинелли в замке Хоэнлибург, она с удовольствием застрелила бы его на месте.



Ему стоило лишь поднять руку с пистолетом и навести на нее, и Сабина хладнокровно нажала бы на спусковой крючок. «Сделай мне такое одолжение, подонок!»

Но он поступил иначе. Он прикрылся Дианой и приставил ей к виску пистолет.

– Откуда она это знает? – спросил он свою мать.

– Я все о тебе знаю, Пит, – быстро сказала Сабина, прежде чем Диана успела что-либо ответить.

Как ее учили действовать в случае захвата заложников? «Уважай собеседника, поставь себя на его место и заслужи доверие».

Плевать! Типы, которые выдумали эти правила, никогда не сталкивались с таким, как Пит. Сабина вспомнила слова директора Холландера.

«Он проникнет в вашу голову быстрее, чем вы успеете опомниться».

Значит, нельзя допустить, чтобы он опередил ее мысли. И она должна выиграть время, чтобы коллеги смогли найти их в лесу.

– Вы сами совершили убийство в Будапеште или кого-то наняли, чтобы отвлечь нас?

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Все выглядело идеально, но цифра шестнадцать не вписывалась в концепт вашего спектакля.

– Вы знаете о нем?

– Отвратительная низкопробная мерзость, по праву раскритикованная в пух и прах, – как и вы! У вас ничего не вышло. – Она продолжала провоцировать его. – Френк Бруно плохой актер, и Ханна Норланд выжила в больнице, хотя вы постарались с антидепрессантами и даже подстроили ловушку с электрическим током.

– Ни за что не поверю!

– Да! – лгала она. – Вы облажались по полной, потому что Дитрих Хесс тоже выжил. Слышите сирену? Он уже на пути в больницу.

– Ты, тупая шлюха, думаешь, что сможешь сломить меня, и я на это поведусь? Тогда где твои коллеги, если ты такая умная, все выяснила и держишь ситуацию под контролем?

– Территория окружена, у вас нет шансов.

– Я убью ее, я не шучу! – заорал он.

– Единственную заложницу? – крикнула Сабина. – Тогда вам точно не уйти!

Пит рассмеялся:

– Ты заблуждаешься!

«Черт возьми, что он задумал?» Она вспомнила о «Снежной королеве» Андерсена и жутком рисунке в манускрипте Пита: женщина со стеклянными осколками в глазах. «Давным-давно дьявол смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, а все отвратительное становилось еще безобразнее. Однажды зеркало разбилось на несметное количество осколков, и эти осколки попали людям в глаза и сердца. И их сердца превратились в куски льда, а все вокруг стало казаться людям злым и уродливым».

– Что вы задумали со Снежной королевой? – Сабина не стала дожидаться ответа Пита. – До северных ворот еще далеко, но стоит вам пошевелиться, я вас застрелю, Пит ван Лун!

– Пит, я знаю эту женщину, – прошептала Диана. – Она сделает это, ради всего святого, прекрати!

Сабина прищурила один глаз. Мушка прицела расплылась, и на заднем плане четко вырисовывалась ее цель. Так их учили в академии. Точный выстрел в голову. И ни секунды колебания.

«Он сын твоего преподавателя!

И сын Дианы Хесс!

Не думай об этом! Сконцентрируйся! Он серийный убийца. Извращенец, которого нужно обезвредить, прежде чем убьет еще кого-то».

В худшем случае он умрет на глазах своей матери. Если она сейчас выстрелит и попадет в него, то даже в случае смертельного ранения есть риск, что он рефлекторно нажмет на спусковой крючок.

Снег усилился. Неожиданно сирена замолкла, и лес погрузился в непривычную тишину. Кристаллы мирно поблескивали в лунном свете.

Пит схватил свою мать и потащил за собой в глубь леса. Тут Сабина заметила, что он тоже хромает. Видимо, этим ранением он был обязан Тине Мартинелли, которая выстрелила Питу в ногу в замке Хоэнлибург.

– Я хочу вам кое-что предложить, – сказала Сабина. – Ваша мать тяжело ранена. С ней вам до северных ворот не добраться. До них еще несколько километров. Коллеги скоро нагонят вас и возьмут в окружение.

Он слушал.

– Дальше!

– Если вы оставите вашу мать в живых, я предлагаю вам себя в качестве заложницы.

– Мой план этого не предусматривает.

– Со мной вы будете передвигаться быстрее, – добавила Сабина. – К тому же я приведу вас к вашей последней цели: Мартену С. Снейдеру.

– Его нет ни дома, ни в бюро, на телефонные звонки он тоже не отвечает. Я слышал, он в больнице. В какой?

– Вот сделка: вы оставляете Диану в живых, а я отведу вас к Снейдеру. Я знаю, где он.

– Сабина, вы не должны этого делать, – взмолилась Диана.

– Помолчите! – оборвала ее Сабина. – Пит, вы не можете получить все. Вам придется выбрать. Сейчас! Кто вам важнее? Ваша мать или ваш отец?

Она знала, что выберет Пит. Он медлил, и Сабина поняла, что он действительно рассматривает такой вариант. Значит, он уже отказался от своего плана довести до конца серию убийств и думал только о побеге и своей последней цели.

– Вы опытная сотрудница БКА, – засомневался он. – Это слишком рискованно для меня.

При мысли о том, что она сейчас собиралась сделать, у Сабины сердце выпрыгивало из груди. Несмотря на мороз, из-за резкого выброса адреналина ей стало жарко.

«Ты сумасшедшая, если сделаешь это, – говорила она себе. – Пит стилетом проткнул легкое Тине Мартинелли, убил как минимум одного коллегу и также не задумываясь убьет тебя или свою мать». Но она все равно рискнет. Потому что без Дианы Хесс ее бы здесь не было – и наконец у нее появилась возможность отблагодарить Диану.

Сабина вышла на свет, осторожно подняла руку с пистолетом и отбросила оружие на несколько метров в лес. У нее промелькнула мысль, что Пит сейчас выстрелит в нее, но он этого не сделал. Он знал,

что находится в отчаянном положении. К тому же с ранением в плечо. И если он не сумасшедший, то с ее помощью попытается выбраться отсюда, чтобы завершить свой труд.

– Куртку! – приказал он.

Она расстегнула молнию, сняла куртку и бросила ее на землю, чтобы он видел, что у нее нет запасного оружия, тазера или газового баллончика.

– Футболку!

Он хотел перестраховаться. На его месте она поступила бы точно так же. Сабина сняла футболку и осталась в одном бюстгальтере и джинсах. Мороз тут же пробрал ее до самых костей. Кожа покрылась мурашками, как только снежинки начали касаться ее плеч и таять, оставляя холодный след.

Пит отстегнул пару наручников с пояса и бросил ей под ноги.

– Надевай! – приказал он.

Черт! Похоже, она его недооценила. Сабина медленно наклонилась и подняла наручники. Вдалеке послышался собачий лай.

– Быстрее! – торопил он ее.

Она надела один наручник, затянула его и уже хотела просунуть другую руку, как Пит ее остановил.

– Руки за спину!

– Нет!

– Я сказал – за спину!

Сабина завела руки за спину и защелкнула второй наручник. Потом направилась к Пити. Их разделяло всего несколько метров.

Пит включил рацию.

– Это Гомез, северная сторона. Все в порядке, – произнес он с гессенским акцентом, затем снова выключил прибор. Его корпус подался вперед, немного выдвинувшись из-за Дианы, и Сабина успела бросить взгляд на грудь. На форменной куртке она увидела табличку с фамилией.

«А. Гомез».

Сабина сглотнула внезапно подступившую горечь. Это означало, что Гомез, с которым они учились первые семестры в академии, тоже был мертв, как и охранник перед бунгалом. Убит ударом ножа в легкое.

Стиснув от боли зубы, Пит продолжал целиться в свою мать. Сабина начала опасаться, что он все равно ее застрелит, но тут между

деревьями замелькали фонари и собачий лай стал приближаться. Коллеги были уже совсем рядом. Пит медлил. Видимо, он не хотел привлекать внимание полицейских еще одним выстрелом.

Вдруг он размахнулся и рукояткой пистолета ударил мать в висок, так что она споткнулась и без сознания упала на землю. При этом ее ночная рубашка задралась, и в лунном свете Сабина увидела ее сильно поврежденную икру.

Затем Пит навел пистолет на Сабину. Сделал шаг к ней, схватил за предплечье, развернул, проверил наручники. Потом подтолкнул Сабину вперед.

– Ты знаешь дорогу! Вперед! – приказал он ей и приставил дуло пистолета к спине.

Они побежали через лес в сторону северных ворот. Отсюда до цели было около километра. Сабина задыхалась от мороза, кашляла и дрожала всем телом.

– Быстрее! – то и дело поторапливал ее Пит.

Трясаясь от холода, она сжимала кулаки и бежала дальше. Спустя несколько минут начавшаяся вьюга скрыла обзор, но вскоре перед ней появились северные ворота.

– Направо, в лес! – приказал Пит.

Они сошли с тропы и побежали между кустарниками по корням и замшелым камням. Через несколько метров они достигли забора. За ним на улице стоял светлый автофургон. Вероятно, на нем Пит и совершил побег. Лунный свет отражался от кузова и стекол, которые были установлены на раме с одной стороны. Машина стекольной фирмы!

«Стекло! Снежная королева!»

Внутри автофургона было полно стекла. Значит, вот куда он собирался привести Диану. Поблизости не было ни полицейских, ни собак, ни автомобилей с мигалками.

Теперь Питу нужно было лишь преодолеть колючий забор в два с половиной метра, и он мог бы сбежать и без заложника. Со связанными за спиной руками ей все равно не перелезть на ту сторону.

Он направил на нее пистолет.

– Ложись вон там на землю перед забором!

Сабине стало не по себе.

– Зачем?

– Давай! В том месте, где стоит машина, забор можно приподнять. Пролезай под ним.

– Со связанными руками?

– Тебе нужно просто подлезть под ним! – прикрикнул он на нее.

Вдали снова послышался лай. Наверное, собаки взяли след Дианы Хесс, уже достигли поляны и нашли женщину. Затем они пойдут по их с Питом следам. Сабина опустилась на колени рядом с проволочным забором. Теперь она снова ощутила деревянную щепу в пульсирующей ране в бедре, но пыталась не обращать внимания на боль. Она уже собиралась лечь на холодную землю, как услышала в нескольких метрах от забора треск ветвей. Она повернула голову, но ничего не увидела за снежной пеленой. Ветер закручивал снежинки в плотном вихре над землей.

Пит тоже услышал этот звук. Не раздумывая, он тут же схватил Сабину сзади за волосы, поднял и прижал дуло пистолета к спине. Холодный металл ствола упирался ей в позвоночник, заставляя дрожать еще сильнее.

– Молчи! – прошипел он. Быстро повернул голову в сторону автофургона, стоящего за забором, потом снова посмотрел вперед.

Сабина тоже всматривалась в снежную пелену. Наконец показались очертания высокой фигуры. Сабина увидела мужчину в длинном пальто, который, хромя, направлялся к ним. Теперь она различала пар от дыхания и слышала, как мужчина тяжело дышит.

Мужчина вышел из снежного вихря, вытер свободной ладонью лицо, вытянул перед собой другую руку и направил на них оружие. Он был на пределе своих сил.

Теперь она разглядела его лицо.

Это был Мартен С. Снейдер.

*Суббота, 3 октября*

Время для Сабины неожиданно остановилось – и все снежинки застыли в воздухе, как подвешенные. Тонкий снежный покров мирно блестел в лунном свете. Воцарился покой. Сабина почему-то вспомнила «Девочку со спичками» – сказку, которую они ставили в школьном театре и в которой она играла дерево, без устали раскачивая покрытые снегом ветви и изображая ветер. Правда, тогда она не мерзла, как сегодня.

В той истории голодная замерзшая девочка сидела, съезжившись, в закоулке между домами. Ее маленькие ручки посинели от холода, и, вместо того чтобы продавать спички, она начала зажигать одну за другой, чтобы согреться и не замерзнуть насмерть. История была такая грустная, что Сабина плакала даже во время представления. Девочке было настолько холодно, что она попросила свою умершую бабушку забрать ее к себе на небо.

«Эта история здесь тоже закончится плохо».

Снейдер снял повязку со лба. В одной руке он держал пистолет, другой вытирал пот. Его дыхание превращалось на морозе в пар. Он стоял криво, почти согнувшись, словно не хотел нагружать свое поврежденное колено.

– Ситуация мне уже знакома, отец! – крикнул Пит. – Что бы ты ни сделал, ты проиграешь.

– Ты цитируешь самого себя, – прохрипел Снейдер.

– Это делает наш разговор еще приятнее, не находишь?

Снейдер захромал вдоль забора в их сторону, не переставая целиться в Пита. Выражение лица Снейдера было таким агрессивным, что Сабина и правда думала, что он в любой момент нажмет на спусковой крючок. И лишь надеялась, что прошлое не повторится и ей не придется оказаться в инвалидном кресле с простреленным позвоночником.

– Он вооружен! – предупредила его Сабина.

– Заткнись! – крикнул Пит.

– Я знаю, – сказал Снейдер, не сводя с Пита глаз. – Ты арестован!

Пит рассмеялся и еще сильнее вдавил пистолет Сабине в спину, так что она стиснула зубы и застонала. Но Снейдер даже бровью не повел.

– Отец, ты забываешь, у меня тоже есть права. Снейдер остановился в нескольких метрах от них.

– У тебя есть право с поднятыми руками опуститься на колени и лечь на землю лицом вниз! – выкрикнул он. – Я выбью из тебя все, что ты скрываешь. Мне плевать на твоего адвоката, мне плевать на твою заложницу, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы причинить тебе боль. Ты понял свои права?

Сабина вдруг почувствовала резкий приступ тошноты. Пит все еще держал ее за волосы и не отступал ни на шаг.

– Ты понял свои права, подонок? – повысил голос Снейдер.

– Брось мне свое оружие, или эта женщина умрет.

– Пит, мне плевать на эту женщину. Территория окружена. Мы завершим все здесь и сейчас. С трупом или без, тебе решать.

– Ты никогда не умел блефовать.

– Это не блеф, парень.

Голос Снейдера звучал серьезно, был полон ожесточения и злобы. Сабина еще никогда не слышала, чтобы он говорил в таком тоне. Может, в данной ситуации она действительно была ему абсолютно безразлична и он принимал в расчет ее смерть. Если у него хватит внутренней жесткости, он застрелит собственного сына одним прицельным выстрелом. Сабина зажмурилась, она чувствовала лишь холод и подумала о девочке со спичками и, неожиданно, о своей матери. Если Снейдер промедлит, промахнется или оплошает как-то еще, она сыграет роль очередного жертвенного ягненка. «Пожалуйста, пусть все произойдет быстро!»

– Ты ужасно выглядишь, – сказал Пит. – Из какой клиники тебя выпустили?

Лицо Снейдера словно окаменело.

– Когда я понял, кто должен стать твоей последней жертвой, я сбежал из больницы.

Пит огляделся по сторонам.

– И твой инстинкт привел тебя именно сюда?



– Я поговорил с людьми из внутренней службы безопасности и случайно узнал, что один коллега сообщил по рации, что якобы видел меня у северных ворот, – продолжал Снейдер. – Но в тот момент я только выходил из больницы. Так что я пришел сюда, чтобы поговорить с тем мужчиной. Но его уже не было на посту. – Снейдер кивнул в сторону автофургона, не отводя взгляда от Пита. – Идеальное место, темно, никаких камер и только один постовой. Я бы тоже выбрал это место, чтобы проникнуть на территорию.

– Брось пистолет, иначе я всажу ей пулю в спину! Снейдер проигнорировал угрозу.

– Я взломал дверь машины и нашел там труп. – Снейдер посмотрел на куртку Пита. – Я знал парня, чья форма сейчас на тебе. Его звали Гомез. Тогда я вытащил свечи зажигания.

– Ты лжешь! Брось оружие!

– Ты в ловушке. Снаружи ждет группа спецназа. – Снейдер поднял руку.

Сабина краем глаза увидела, как в ответ на этот знак на противоположной стороне улицы вспыхнули два огня.

Пит взглянул в ту сторону, и в этот момент Снейдер выстрелил. Сабина почувствовала, как пуля пронзила воздух, просвистела рядом с ее волосами и вошла Питу в голову.

В тот же миг Сабина услышала звук выстрела из пистолета Пита и вздрогнула. Ее тело напряглось, и она морально готовилась получить пулю в спину, но не ощутила никакой боли. Лишь спустя несколько секунд она поняла, что выстрел Снейдера отбросил Пита назад и выпущенная им пуля прошла рядом с ее бедром. Вместо этого она с металлическим звоном пробила кузов автофургона и разнесла стекла на тысячи мелких осколков, которые посыпались на асфальт.

Преодолев ступор, Сабина обернулась. Пит лежал на земле. Пуля из пистолета Снейдера угодила ему в голову, вырвав глаз и часть скулы.

*«Господи, он действительно выстрелил в своего сына!»* Снег вокруг головы Пита окрасился в красный цвет. Его ноги дергались, а оставшийся глаз смотрел в небо. Но он был еще жив.

На ватных ногах Сабина подошла к Питу и выбила пистолет из его руки. Снейдер был уже рядом и сунул ей в ладонь ключ от наручников. Пока Сабина осторожно нащупывала замок, вставляла

ключ в отверстие и расстегивала наручники, Снейдер снял с себя пальто и накинул ей на плечи. Затем он опустился рядом с Питом, взял его окровавленную голову и положил себе на колени.

– Ты это сделал... – пораженно прохрипел Пит. – Я инсценировал все это лишь для тебя... Со всеми посланиями, которые я тебе оставил.

Сабина по-прежнему мерзла. Она просунула руки в рукава пальто, наклонилась и подняла пистолет Пита. Негнувшись пальцами проверила магазин.

– У вас нет телефона? – Она обыскала карманы пальто Снейдера. – Я могла бы вызвать скорую.

– Он остался в больнице, – пробормотал Снейдер, не поднимая глаз. – Это все равно бессмысленно. – Он погладил сына по лбу. – Он неизлечимо болен. Пока он жив, убийства будут продолжаться. – Глаза Снейдера заблестели в лунном свете.

Сабина встала рядом с Питом и направила на него пистолет, хотя знала, что он уже не опасен.

Пит попытался сглотнуть.

– Я так и не добился твоего уважения. Тебе сначала нужно было доказать, что я его достоин. По-другому я не смог бы заставить тебя взглянуть на мой труд.

– Твой труд, – презрительно повторил Снейдер. Он склонил голову к своему сыну. – В тебе все еще столько ненависти.

– Тебя это удивляет? Неужели было так сложно хотя бы раз уделить мне внимание? – выдавил Пит. – Или посмотреть мой спектакль?

– Я был в театре, – сказал Снейдер.

Пит тяжело дышал.

– Лживый ублюдок!

– Я смог прийти лишь на третье представление. Правда, я опоздал. Я стоял в нише рядом с запасным выходом и видел последние двадцать минут спектакля, но ты меня не заметил.

– И ты говоришь мне это только сейчас? С тобой вечно так. Ты всегда был на первом месте. К тому же ты скрывал ото всех, что я твой сын, потому что стыдился меня.

– Ты знаешь, что я хотел защитить твою мать.

– О да, ее и ее сраную консервативную жизнь, – презрительно сказал Пит. – Ты не только бросил ее, но и допустил, чтобы охранники

в тюрьме истязали меня.

– Я знаю...

– Ни хрена ты не знаешь! Холландер изменил мое медикаментозное лечение, и у меня снова появились головные боли. Но каждый раз, когда я отказывался принимать лекарства, меня избивали. Знаешь, каково это, когда тебя бьют по почкам?

– Мне очень жаль.

– Почему ты бросил меня в беде именно тогда?

– Я хотел тебе помочь и выяснить, почему с тобой жестко обращаются.

– Ты хотел мне помочь? – Пит приподнялся. – Я бы выдержал прием психотропных средств, головные боли, прерывание терапии, побои и даже то, что мне раздавили яички. Все это и даже больше. Но прекращение твоих визитов и письмо, в котором ты написал, что презираешь меня, заставили окончательно сдаться. В то время спасала лишь одна мысль: однажды я выйду отсюда. И на это мне потребовалось два года.

Снейдер молчал. Его взгляд говорил, что он никогда не писал такого письма.

– Видимо, кто-то перехватил мое настоящее письмо и подменил его.

– Отец, я знаю твой почерк. – Пит попытался дотянуться до нагрудного кармана, но ему не хватило сил. – Там твое письмо... и кое-что еще.

Снейдер расстегнул куртку Пита и вытащил из кармана толстую пачку сложенных листов.

– Холландер получил деньги от Кесслера. Они все подстроили. С помощью этих документов Ирена Эллинг могла бы все доказать, но Холландер вытолкнул ее в окно. В конце я хотел добраться и до Холландера... но уже не смогу.

– Я позабочусь об этом.

Пит начал кашлять. Кровь из раны на голове по-прежнему текла на руки и колени Снейдера.

– Каждое утро в Кении просыпается газель, – прошептал он на исходе своих сил. – И она знает, что если не хочет быть съеденной, то должна бежать быстрее льва.

– Я знаю, мой мальчик, это дерьмовая жизнь.

– Но также каждое утро в Кении просыпается лев, и он знает, что, если не хочет умереть от голода, он должен бежать быстрее... – Пит замолк.

– Я знаю. – Снейдер положил ладонь на лицо Пита и нежно закрыл ему глаз. Потом согнулся и крепко прижал сына к себе, словно хотел уберечь его от последней глупости.

Услышав громкий лай, Сабина обернулась и увидела мелькание фонарей между деревьями.

Она подняла руку, выкрикнула свой служебный номер и свою и Снейдера фамилии.

– Мы здесь, опасности нет!

Потом она посмотрела сквозь забор на другую сторону темной улицы, где по-прежнему не было никакого движения.

– А где спецназ?

– Вы правда думали, что они там? – спросил Снейдер.

– А как же огни?

Снейдер раскрыл ладонь и выронил в снег автомобильный ключ.

– Я угнал машину главврача, чтобы быстрее сюда добраться.

– А откуда у вас пистолет?

– Одолжил у одного из полицейских, которые все еще стоят у моей палаты.

Одолжил? О боже! Тогда, очевидно, история про взлом автофургона и свечи зажигания тоже была блефом. Что действительно окажется жестокой реальностью – так это труп Гомеза в машине.

– Почему вы пришли без подкрепления?

– Это сугубо личное дело. Я не просто хотел это сделать – я хотел сделать это правильно. – Снейдер погладил сына по голове.

– Мне очень жаль, – сказала Сабина.

Снейдер кивнул.

– Вы поняли, что Пит хотел сказать мне в конце?

– Я... нет, – неуверенно ответила она.

Снейдер закрыл глаза.

– Не важно, лев ты или газель, – прошептал он. – Когда солнце взошло, нужно бежать.

Сабина посмотрела на Пита.

– Вы тогда правда были в театре?

Снейдер попытался отвернуться, но по выражению лица она увидела, что его душа разрывалась на части.

– Нет, не был.

## Эпилог

### *Неделю спустя*

Сабина стояла в тамбуре между вагонами. Под ней стучали межвагонные сцепления, но она не обращала внимания на шум, а смотрела в окно. Поезд трясся по дамбе, и мимо Сабины тянулось бурное море.

– Твою мать, – выругалась Тина Мартинелли. – И это при том, что ты стояла перед ним?

– Да, – проскрежетала Сабина. Она все еще не могла поверить, что Снейдер рисковал ее жизнью. «Неужели он пожертвовал бы тобой?» Видимо, этот вопрос навсегда останется невыясненным между ними.

– А кто совершил убийство в Будапеште? – спросила Тина.

Сабина вспомнила результаты расследования венгерской уголовной полиции.

– Пит действительно поручил это наемному убийце. Грязная работа. На основании показаний свидетелей мужчину схватили, и анализ сотового показал, что Пит давал ему последние указания по телефону.

– Сколько Пит за это заплатил?

– Это была дружеская услуга одного бывшего зэка – три тысячи евро.

– Rogsa puttana!<sup>[16]</sup> – вырвалось у Тины.

Сабина не смогла сдержать улыбку. Ее коллега все еще находилась в больнице, но уже начала курс реабилитации. Предположительно, через месяц она снова будет в строю.

– Кстати, Дитрих Хесс тоже здесь, через две палаты, – рассказала Тина. – Его жена недавно приходила на костылях, навестила его и меня.

– Как у него дела?

– Еще хуже, чем у меня, но он выживет, старый хрен. А жаль! Где ты вообще? – спросила Тина. – У тебя так шумно.

Сабина зажала ухо и заговорила громче:

– Снейдер попросил меня съездить с ним на остров Остхеверзанд. Мы как раз в поезде.

– И как дела у Снейдера? – спросила Тина.

– Не очень. – Сабина увидела, что поезд достиг острова и подъехал к железнодорожной станции. – Я не могу больше говорить. – Она закончила разговор и убрала телефон.

Снейдер вышел из купе.

– С кем вы разговаривали?

Типичный Снейдер! Должен все и всегда знать.

– С Мартинелли. Она ругается, как сицилийский мафиозо.

Снейдер улыбнулся.

– Значит, ей уже лучше.

Поезд остановился, и они сошли.

Снейдер пошел первым.

– Лучше всего, если мы будем ждать перед железнодорожной станцией. За нами должна приехать машина.

– А теперь я узнаю, почему мы здесь?

Снейдер на ходу вытащил из кармана пальто пожелтевший надорванный конверт.

– Это письмо из вашего сейфа в Роттердаме? – спросила она.

– Да, записка от Пита, в тот день, когда его привезли в Остхеверзанд.

– Это было больше пяти лет назад, – заметила Сабина. – Что там написано?

Без комментариев Снейдер протянул ей конверт, и она вытащила оттуда письмо, такое мятое, словно за эти пять лет Снейдер перечитывал его сотни раз. Сообщение состояло всего из одного абзаца, правда, по-голландски.

– Спасибо большое, мне это очень помогло. – Сабина вернула Снейдеру письмо непрочитанным.

– «Отец, мне пришлось сперва стать убийцей, чтобы ты занялся мною, – перевел Снейдер по памяти. – Так мы оба добились того, чего хотели. Ты поймал убийцу – а я хотел, чтобы ты уделил мне свое время. Но мы измотали друг друга. Ты охотился за самим собой, а я убегал от самого себя. Может, сейчас у нас будут нормальные отношения». Больше там нет ничего.

– Своего рода крик о помощи, – задумалась Сабина. – Удели мне время, и я изменюсь.

– Мы с Дианой пытались. И у нас почти получилось.

Сабина посмотрела на здание тюрьмы на возвышенности.

– И поэтому мы здесь?

– Чемодан Ханны лежал в квартире Пита. На ее ноутбуке был обнаружен фрагмент записи с камеры наблюдения из тюрьмы «Штайнфельз». Уголовная полиция нашла запись целиком в сейфе доктора Кемпен, на диске с последним сеансом терапии Ирены Эллинг. Таким образом, Кемпен знала об убийстве Эллинг.

– Ее убил Холландер? – спросила Сабина.

– Вероятно. Расследование еще ведется. Кемпен терпеть не могла своего начальника. Скорее всего, она шантажировала его этой записью. В пытках заключенных она не участвовала, но старалась скрыть их последствия и, как и Холландер, получала за это деньги. Но, видимо, она захотела кусок пирога побольше. Возможно, документы Ирены Эллинг прольют свет на это дело. – Снейдер замолчал, когда к станции подъехал старый «фольксваген-жук» и остановился перед ними.

На этот раз их забрал не директор Холландер и не Френк Бруно, который сидел в следственном изоляторе за помощь в совершении побега, а новый тюремный библиотекарь.

Спустя пятнадцать минут Снейдер и Сабина без стука вошли в кабинет секретарши Холландера.

Морена удивленно посмотрела на них и отложила журнал в сторону.

– Я знала, что приедет кто-то из уголовной полиции, но вы?.. – вырвалось у нее. – Я думала, судья Бек ясно распорядилась, чтобы вы...

– Судья Бек мертва, – без каких-либо эмоций перебил ее Снейдер.

– Если вы к директору, то он разговаривает по телефону.

– Если он не дурак, то с адвокатом. – Снейдер одарил ее своей презрительной улыбкой. – Подождите снаружи! И никого к нам не впускайте.

– Но я...



– Немедленно! – Снейдер откинул полу пальто, чтобы был виден его пистолет в кобуре.

Морена поднялась.

– Как хотите! Но я проинформирую службу безопасности, – пробурчала она, протискиваясь мимо Снейдера и выходя из кабинета.

После того как она закрыла за собой дверь и Сабина со Снейдером остались вдвоем, он протянул ей пару наручников.

– Держите. Вам предстоит провести арест.

Сабина с удивлением взглянула на него.

– А ордер у вас есть? – Все это казалось ей слишком поспешным и непродуманным.

– Он нам не понадобится. – Снейдер открыл дверь в кабинет Холландера и вошел внутрь.

Холландер вальяжно развалился за письменным столом, положив ноги на комод, и разговаривал по телефону, повернувшись к ним спиной и глядя в окно. Снейдер молча заблокировал ручку двери, подставив под нее стул для посетителей.

В это время Холландер опустил ноги, развернулся на кресле и недоуменно уставился на Снейдера.

– Вы?

Снейдер подошел к нему, выхватил из руки телефонную трубку и со всего размаху опустил ее на аппарат.

– Можно минуту вашего внимания?

– Что вы задумали? – проворчал Холландер и посмотрел на подставленный под дверную ручку стул. – Вы никогда не соблюдали правила – и, честно говоря, ничего другого я от вас не ожидал.

– А ведь при этом можно подумать, что мы похожи, мы ведь отстаиваем одинаковые взгляды: общество необходимо защищать от отдельных людей. – Снейдер перегнулся через стол. – Но я спрошу вас: кто защитит отдельных людей от общества?

Холландер сверкнул на него глазами.

– На что вы намекаете?

– Ваш предшественник был неподкупен и отвергал все попытки графа Эриха фон Кесслера. В отличие от вас.

– Черт возьми, о чем вы говорите?

– Я говорю о неплохом дополнительном доходе, который вы скрываете от трех бывших жен, которые уже много лет вытягивают из

вас последние деньги.

– Красивая теория!

– Ирена Эллинг раскрыла, что творилось в вашей тюрьме. Пять тысяч евро за каждый синяк, десять тысяч евро за ушиб, сто тысяч евро за прерывание психотерапии ввиду агрессивного поведения, – перечислял Снейдер. – Что вы сделали с тремя миллионами, которые Эрих фон Кесслер выплатил вам в течение трех лет?

– Завидуете, потому что сами получаете в БКА мизерную зарплату? А теперь я вам кое-что скажу. – Холландер выпрямился в кресле. – Возможно, деньги портят характер, но их недостаток ни в коем случае не делает его лучше.

– Часть денег так же получили судья Бек и судебный психолог Ашенбах, верно?

Холландер засмеялся.

– Вероятно, чтобы Ашенбах написала соответствующее заключение, а Бек запретила вам здесь появляться? Вы так это себе представляете в своем мирке? Продолжайте фантазировать! Какое еще преступление я совершил?

– Скажите мне сами!

– Я понимаю, вы взволнованны. Я слышал, что вы наконец-то поймали этого подонка Пита ван Луна. Почему это заняло столько времени?

– Подонка? – У Снейдера дернулась бровь. – *De mortuis nil nisi bene.*

– О мертвых либо хорошо, либо ничего? Я вас умоляю! Даже если речь идет об убийце женщин?

– Вы должны знать, каково это – быть убийцей женщин.

Холландер вскочил.

– С меня хватит. – Он указал на дверь. – Немедленно покиньте мой кабинет! Оба!

У Сабины участился пульс.

– Снейдер! – шикнула она. – Уходим! – Похоже, до ареста дело не дойдет. Она обратилась к Холландеру: – Он много чего пережил за последнее время и еще не в себе.

– Я знаю, что вы распорядились пытать Пита и убили Ирену Эллинг, – заявил Снейдер.

– Звучит интересно, что вы там якобы раскрыли. Но вам никогда этого не доказать! Разрешите немного помочь вам с юридической казуистикой? Правда – не то, что произошло, а то, что можно доказать. Как жаль, что ваши единственные свидетели Ашенбах, Эллинг, Бек и Кесслер мертвы!

– Ваше счастье. – Снейдер не спускал с Холландера глаз. – Я хотел помириться со своим сыном, но вы все разрушили. Из алчности и потому, что Кесслер хотел помешать переводу Пита в другую тюрьму, смягчению режима и, возможно, освобождению через двадцать пять лет, в случае примерного поведения.

Холландер самодовольно рассмеялся.

– Вы обвиняете меня в том, что я не помог раскрыться его потенциалу?

– Именно! Вы снова сделали из него убийцу.

– Снова? – крикнул Холландер. – Преступник всегда остается преступником.

– Те же самые слова, что вы использовали, когда подменили мои сообщения Питу письмом, написанным точно таким же почерком. Это Кесслер заказал подделку, сукин сын?

– С таким отцом агрессивность сына вполне объяснима. Я надеюсь, это единственный ублюдок, которого вы породили.

– Да, единственный, – с горечью сказал Снейдер.

О боже! Сабина видела, как у Снейдера заходили желваки. Он и так не отличался терпимостью, а Холландер его провоцировал.

Неожиданно Снейдер выхватил пистолет из-под пиджака.

Сабина тут же потянулась к своей кобуре, но Снейдер остановил ее движением руки.

– Не доставать! – Он дозарядил оружие.

Сабина уставилась на Снейдера.

– Черт возьми, что это значит?

Шок Холландера длился чуть дольше. Он прищурился.

– Вы ведь не думаете, что этот пистолет меня впечатляет.

Проклятье! Нужно найти какой-то выход, чтобы...

Выстрел перебил ее мысли.

– Снейдер! – выкрикнула она и лишь потом увидела, что Снейдер выстрелил в сторону.

Пуля попала в стену в полуметре от головы Холландера.

– Снейдер, хватит! – Сабина выхватила свой пистолет и направила на Снейдера.

– Вы с ума сошли! – возмутился Холландер. – Это что, жалкое представление типа «хороший полицейский – плохой полицейский»?

– Снейдер, я приказываю вам опустить оружие! – повысила голос Сабина, держа палец на спусковом крючке.

– Не вмешивайтесь! – шикнул Снейдер. У него были тот же опасный тон и выражение лица, как в ту ночь, когда ему пришлось выстрелить в своего сына.

– Вам лучше послушать коллегу! – закричал красный как рак Холландер. На его рубашке под мышками проступили пятна пота.

Сабина сделала глубокий вдох и выдох. Она должна сохранять спокойствие, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– Снейдер, – произнесла она как можно непринужденнее. – Вы стали жертвой манипуляций Пита. Он хотел, чтобы вы сделали именно это и завершили его план мести.

– Вы понятия не имеете, каково это – убить собственного ребенка, подготовить его похороны и стоять с его матерью у могилы, – выдавил Снейдер, глядя на Холландера, который пятился с мокрыми от пота висками.

– Пит проник в вашу голову, – сказала Сабина. – Вы должны освободиться от него.

– Он уже много лет в моей голове. – Снейдер целился Холландеру в лоб.

– Снейдер! В последний раз прошу! Опустите оружие!

– Сделайте же что-нибудь! – закричал Холландер. Его высокомерие вдруг улетучилось. – Он сумасшедший. Стреляйте в него!

– Заткнитесь! – прикрикнула Сабина на директора. Она взглянула на дверь. Обеспокоенные выстрелом, сотрудники службы безопасности скоро будут штурмовать дверь кабинета. А до того момента она должна помешать преднамеренному убийству, потому что все шло к тому. Но Сабина не знала, сможет ли вообще выстрелить в Снейдера. Все-таки он пожертвовал своим сыном, чтобы спасти ей жизнь.

Холландер в отчаянии обратился к Снейдеру:

– Послушайте вашу коллегу. Вы будете сожалеть об этом до конца жизни.

– Я о стольких вещах сожалею, одной больше, одной меньше – уже не важно.

– Вы должны...

В этот момент Снейдер нажал на спусковой крючок.

Сабина вздрогнула, от громкого хлопка у нее заложило уши.

Выстрел Снейдера был точен. Холландера откинуло назад к стене, пуля попала ему в голову. Кровь и мозги брызнули на стену.

Трясущейся рукой Сабина продолжала наставлять пистолет на Снейдера. Она была не в состоянии думать. Снова и снова она видела, как Снейдер нажимает на крючок, словно ее мозг отказывался понимать произошедшее.

– Черт возьми, почему вы это сделали?! – закричала она на него. Ее пальцы были холодными, а руки онемели.

«Вот дерьмо, что мне теперь делать?»

Снейдер опустил плечи. На мгновение он закрыл глаза, потом облегченно выдохнул и посмотрел на нее.

– Я не просто хотел это сделать – я хотел сделать это правильно. – В его взгляде было столько облегчения и освобождения.

– Снейдер, проклятье!.. – воскликнула она и почувствовала, как по щекам потекли слезы.

– Все хорошо. – Он положил пистолет на письменный стол и подставил Сабине запястья. – Я ухожу со службы и сдаюсь.

Снейдер стоял на утесе и курил косячок. Его руки не тряслись. Он хладнокровно наблюдал, как труп Холландера в черном мешке вынесли на носилках из здания, спустили по лестнице и загрузили в машину.

Двери захлопнулись, и машина поехала к пристани. Там Снейдера уже ждал полицейский катер.

– Пойдемте, – сказала Сабина. – Я должна вас арестовать.

– Еще одну затяжку. – Снейдер закрыл глаза и сделал медленный выдох.

– В тюрьме вам не выжить и дня.

– Это уже моя забота.

## Благодарность

На этом первая трилогия о Мартене Снейдере... простите, Мартене С. Снейдере окончена. Но его история будет продолжаться, и последуют новые романы.

За то, что сюжет этого триллера получился таким закрученным, я хочу поблагодарить своих первых читателей, которые вновь уделили мне свое драгоценное время и поделились размышлениями и идеями: Хайдемари Грубер, Гюнтера Зуду, Веронику Грагер, Габи Вильхальм, Романа Шляйфера, Роберта Фройхофера, Барбару Круссиг, Себастиана Астера, Дагмар Керн, Лени Адам, Петера Хисса и Юргена Пихлера. Вы лучшие и знаете это. Спасибо.

Как и во всех предыдущих романах, хочу сказать особое спасибо Роману Хоке и Маркусу Михалеку из литературного агентства AVA-International и великолепной команде издательства «Голдман» за доверие и плодотворное сотрудничество. Моя команда становится все больше, и я чувствую поддержку и опеку, тем более что в такой благоприятной атмосфере отлично процветает «злая креативность», необходимая для написания триллеров. Это тоже нужно отметить – поэтому я благодарю золотых женщин Мануэлу Браун, Гюлай Эрдем, Кристину Фретчен, Барбару Хеннинг, Лисанну Каваш, Мелани Михельбринк и особенно Веру Тиленхаус за ее интересные идеи.

Также хочу поблагодарить Гюнтера Вильднера за отличную работу с прессой в Австрии и за организацию литературных чтений.

Но вернемся к книге: за помощь в сборе информации и ответы на бесконечные вопросы я в очередной раз благодарю комиссара уголовной полиции Ханса Буша из БКА в Висбадене. Бригадира Альфреда Штайнахера и майора Херберта Пустерхофера из тюрьмы в Хиртенберге – за время, консультации и экскурсию по всей территории тюрьмы, что не само собой разумеется и невероятно мне помогло.

За медицинские консультации я благодарю доктора медицины Хельмута Нидерекера из Бернхофа, профессора медицины Кристиана Яковски из Института судебной медицины при медицинском факультете университета Берна и особенно доктора медицины Лотара Лёзера, врача-анестезиолога и врача скорой помощи, за ценное время и невероятные идеи. Также огромное спасибо Симоне Бремер, Сандре

Животич и профессору, доктору медицины Х. Бёгеру из Института клинической фармакологии и токсикологии при университетской клинике Гамбург-Эппендорф.

За помощь в юридических вопросах я благодарю адвоката доктора Герду Малер-Хуттер, за консультации по физиологическим вопросам – психотерапевта Еву Грубер и магистра Уту Вебер-Грюнер за ее время и идеи.

Также большое спасибо Михаеле Бруггер, написавшей курсовую работу по Мартену С. Снейдеру, которую было очень интересно прочитать. Вот Снейдер уже стал темой для обсуждения в университете.

И вам, дорогие читатели, – спасибо за то, что я снова мог убивать для вас...

---

**notes**

# Примечания



**1**

Кто выпустил собак, гав, гав... (англ.)

**2**

Проклятье! (нидерл.)

# 3

Добрый день, это Эмма. С кем я говорю? (нидерл.)

4

Замок Хоэнлимбург (нем.).

5

Шлюха (нем.).

**6**

Высшая школа Бремена (нем.).

7

Холодный (нем.).

**8**

Старый (нем.).



**9**

Dietrich Hess.

**10**

Конец? (нем.)

Из баллады «Ивиковы журавли» в переводе Н. Заболоцкого.

**12**

Н – восьмая буква латинского алфавита.

**13**

Имя Ханна в немецком варианте пишется Hannah.

Немецкое написание Norland: Nord (север) и Land (земля).

**15**

Богиня возмездия (греч. миф.).

**16**

Черт побери! (ит.)



# Table of Contents

Андреас Грубер Сказка о смерти

Пролог

Часть первая Берн... Сегодня

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Часть вторая Регенсбург

17

18

19

20

21

22

Часть третья Мюнхен

23

24

25

26

Часть четвертая Остхеверзаңд

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

Часть пятая Роттердам

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

Часть шестая Франкфурт

51

52

53

54

55

Часть седьмая Висбаден

56

57

58

59

60

Часть восьмая Гайсберг

61

62

63

Эпилог

Благодарность

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

